

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**О.А. КРЫЛОВА, Е.Н. РЕМЧУКОВА
Г.Н. ТРОФИМОВА, О.С. ИССЕРС**

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

**Москва
2008**

Раздел 1. Понятие коммуникативной деятельности. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения

Структура раздела

§ 1. Теория коммуникации как интегративная область знаний.

§ 2. Интеракционная модель коммуникации

§ 3. Понятие коммуникативной стратегии и тактики.

§ 4. Речевые маркеры коммуникативных стратегий

§ 5. Факторы успешности речевых стратегий.

§ 6. Типология коммуникативных стратегий.

Цель изучения темы

Успешное изучение темы позволит приобрести следующие знания:

Знания	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о современной теории коммуникации и ее методах описания	1. Уровень репродуктивный (показать, что исследования коммуникация носят междисциплинарный характер)
2. Получить знания о модели коммуникации и стратегиях речевого общения, представить их типологию в зависимости от разных оснований классификации.	2. Уровень понимания (уметь объяснить, что такое коммуникативная стратегия и тактика, по каким маркерам они определяются, продемонстрировать на примерах факторы успешности стратегий и причины коммуникативных неудач)

§ 1. Теория коммуникации как интегративная область знаний

1.1. Наука о коммуникации представляет собой сферу пересечения интересов многих научных направлений и школ: психологии, социологии, культурной антропологии, лингвистики и др. В американской и европейской традиции теорию коммуникации относят к эмпирическим социальным наукам, что находит отражение в выделении коммуникативных аспектов в изучении массовой информации, политической коммуникации, сферы рекламы, связей с общественностью (public relations) и т.д.

Междисциплинарный характер данной дисциплины подтверждается отсутствием однозначной номинации этой области знания. К числу терминов, которые употребляются в отечественной традиции, можно отнести "коммуникативистика", "коммуникалогия", "коммуникативная наука", "теория коммуникации" и т.д.

В общенаучной парадигме термин "коммуникация" также неоднозначен. Им обозначают целый спектр явлений социального мира, среди которых для лингвистики представляют интерес следующие: общение как специфическая форма взаимодействия людей, которая осуществляется главным образом при помощи языка; процесс сообщения информации с помощью технических средств - СМ^И*

Хотя взаимозаменяемость понятий "коммуникация" и "общение" обсуждается в научной литературе, применительно к нашему описанию их можно рассматривать как синонимичные.

1.2. В исследованиях коммуникативной проблематики объединяющим является исходное положение о **социальной природе** коммуникации. В лингвистических работах это нашло отражение в **социально-деятельностном подходе** к анализу речевой коммуникации, который заключается в анализе речевого поведения с точки зрения взаимодействия людей как членов общества. Это определяет спектр проблем, разрабатываемых с позиций коммуникативной лингвистики.

В рамках данного подхода в отечественных исследованиях конца XX - начала XXI века наметилось несколько направлений, связанных с процессами массовой, межличностной, межкультурной

коммуникации. Обозначим некоторые из наиболее актуальных. Это изучение коммуникативного поведения*, дискурс-анализ*, национально-культурная специфика коммуникации*, политический и медиа-дискурс*, когнитивные аспекты дискурса*, коммуникативные стратегии и тактики*, коммуникативный стиль*.

Таким образом, [коммуникация](#) и ее предмет изучаются под разными углами зрения в зависимости от исследовательского интереса и научного направления. (См. раздел 2, § 2, § 3.)

§ 2. Интеракционная модель коммуникации

2.1. Современное понимание [коммуникации](#) во многом отличается от того, которое сложилось в середине XX века. Тогда коммуникацию рассматривали как однонаправленный процесс, в котором происходит передача информации от отправителя (адресанта, передатчика) к получателю (адресату, приемнику). В этой интерпретации нивелировался такой важный компонент, как адресат, а понимание сообщения рассматривалось просто как декодирование*.

В современных исследованиях представлена [интеракционная модель коммуникации](#), в основе которой лежит представление не об одностороннем воздействии говорящего на слушающего, а о взаимодействии двух субъектов в процессе общения*. При этом важно, что в коммуникативном акте происходит не просто передача сообщения, а "идентификация символов" (Ч. Ларсон), то есть адресат интерпретирует полученное сообщение на основе учета ситуации, своего языкового и неязыкового опыта, фоновых знаний. По сути, он создает новый смысл высказывания, в большей или меньшей степени совпадающий со смыслом, определенным отправителем сообщения. Из этого следует, что процесс коммуникации можно представить как взаимное приспособление, совместную деятельность участников по идентификации намерений и смыслов.

Реальное общение динамично и диалогично, оно всегда в чем-то отклоняется от замысла партнеров и требует активности обоих коммуникантов, даже если она проявляется невербально. В интеракционной модели значительную роль играют паралингвистические средства коммуникации (жесты, мимика), ситуация (коммуникативный контекст), фоновые знания коммуникантов и другие экстралингвистические факторы, определяющие интерпретацию высказывания.

Этот подход обусловил внимание лингвистов к **регулятивному аспекту** речевого общения, который рассматривает коммуникативные акты как проявление воздействия на партнера.

Р. Блакар утверждал: "Выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект"*. При этом социальное воздействие определяется по его результатам или последствиям, независимо от того, является ли результат преднамеренным, осознанным или нет. Можно ли считать любой акт речевого общения воздействующим? Может ли убеждение быть непреднамеренным?

Как отмечено выше, у коммуникантов происходит взаимная "пристройка", взаимовлияние, поскольку в процессе общения осуществляется коррекция модели мира обоих*. По сути, это добровольное согласие принять предлагаемую партнером картину мира. Если вы обнаружили что-то свое в том мире, который "рисует" ваш партнер, убеждение состоялось, считает Ч. Ларсон*. Таким образом, отправитель и получатель сообщения в равной степени участвуют в процессе убеждения. **"Убеждение - это всегда и самоубеждение"***.

2.2. В настоящее время существуют многочисленные описания [коммуникации](#), в которых определены важнейшие компоненты коммуникативного акта и их функции (Р. Якобсон, У. Эко, М. Бахтин и др.) Простейшая **модель коммуникативного акта** включает следующие компоненты:

1. говорящий (адресант, отправитель, источник, продуцент),
2. слушающий (адресат, получатель, цель, реципиент),
3. сообщение (мессидж),

4. код, посредством которого осуществляется сообщение,
5. канал связи.

Кроме того, необходимо учитывать **коммуникативный контекст** (ситуацию общения) и возможные **помехи**. Также в коммуникации работает **механизм обратной связи**, которая может осуществляться как вербально, так и невербально. Различные аспекты коммуникативных актов изучаются в **прагматике**. (См. [раздел 2.](#))

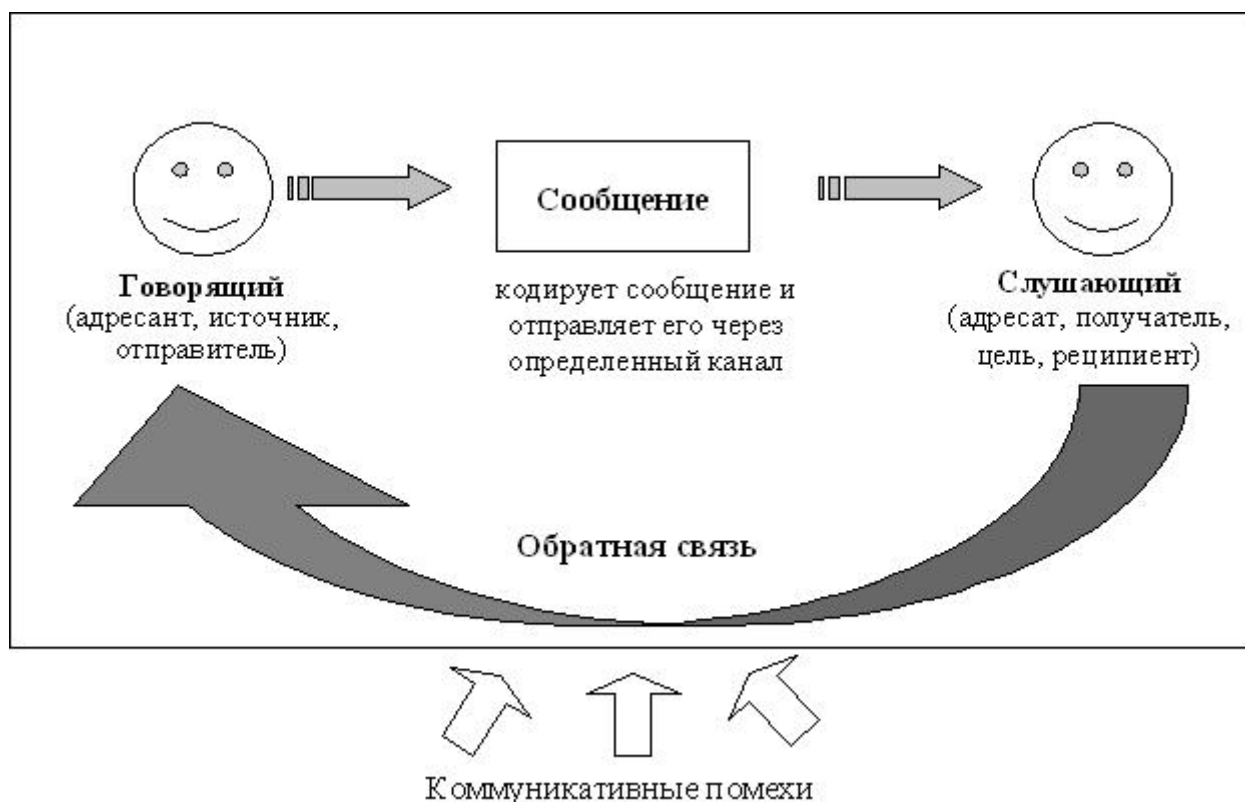

Рис. 1 Модель коммуникативного акта

В процессе общения говорящий кодирует информацию, то есть "упаковывает" то, что находится в его сознании в виде когнитивных структур (фреймов, сценариев), в "словесную одежду" и в соответствии со своей интенцией (намерением) передает. Слушающий должен декодировать сообщение, согласуя его значение со своей моделью мира и интерпретацией намерения говорящего. При этом всегда существует определенный "зазор" между кодировкой и декодировкой: в процессе передачи сообщения происходит утрата части информации и привнесение в нее новых смыслов, актуальных для адресата.

В аспекте регулятивного подхода к коммуникации важно отметить, что воздействующим потенциалом обладают все компоненты модели коммуникативного акта. **В зависимости от того, какой из них "эксплуатируется", можно выделить различные типы коммуникативных стратегий.** (См. [об этом подробнее в § 6.](#))

§ 3. Понятие коммуникативной стратегии и тактики

3.1. В коммуникативной лингвистике стало общепризнанным представление о том, что общение определяется и управляется неречевыми целями коммуникантов*. Это позволяет считать, что любая **коммуникация** "стратегична", поскольку мотивируется желанием говорящего достичь посредством своих речевых действий определенных социальных результатов. **коммуникация** стратегична также в силу того, что находится под давлением двух постоянно действующих факторов - эффективности и социальной

приемлемости. Кроме того, стратегический характер коммуникации обусловлен тем, что в процессе общения происходит постоянный мониторинг эффективности принятого плана и его корректировка.

Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов. **В самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана.** Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели.

Понятие стратегии не является принадлежностью только лингвистической науки. В военном деле стратегия определяется как искусство ведения крупных операций и войны в целом, как наука о ведении войны. В переносном значении стратегия - это "искусство руководства общественной, политической борьбой" (МАС). Как видим, в основе лексического значения слова *стратегия* лежит идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией, противоборством. В психологической интерпретации этого понятия также сохраняется идея прогноза поведения коммуникантов. Поведенческие стратегии оказываются наиболее близкими к речевым стратегиям.

Речевые стратегии и тактики получили статус предмета лингвистического анализа сравнительно недавно - в середине 80-х годов прошлого века. Это было связано с усилением когнитивно-прагматического подхода к анализу языка. Одной из наиболее ярких работ, определивших дальнейшее изучение когнитивных и речевых стратегий, является работа Т. ван Дейка, посвященная выражению этнических предубеждений*, из отечественных исследователей конца XX века этот лингвистический инструментарий был представлен в работах*.

3.2. Все виды стратегий объединяются тем, что они представляют своего рода **гипотезы** относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности. При этом следует иметь в виду, что стратегические процессы, в какой бы сфере жизни они ни осуществлялись, во многом противоположны процессам алгоритмическим, или управляемым правилами. Последние гарантируют успешное достижение цели, если правила верны и применяются корректно. В стратегиях такого гарантированного успеха нет, как нет и единого для всех носителей языка представления о том или ином взаимодействии.

Если выявлены условия, определяющие тот или иной стратегический результат, то можно прогнозировать, что определенные речевые действия должны с достаточной долей вероятности гарантировать успех. Однако непосредственные ситуации взаимодействия могут не подтвердить прогноз. В связи с этим проверить результаты стратегического подхода можно либо через реальные, имевшие место ситуации общения (прецеденты), либо путем экспериментов, соответствие которых реальному положению дел можно принимать с известной долей приближенности.

Чтобы планировать речевые действия, говорящие должны иметь представления об обычных ситуациях общения, а также обладать хотя бы элементарным опытом их анализа. До момента взаимодействия у говорящего, как правило, имеется **3 вида данных, актуальных для планирования диалога:**

- что предстоит - какое речевое событие, речевой акт;
- установки коммуникантов (на кооперацию либо конфронтацию);
- информация о ситуации (формальное/неформальное общение и т.д.).

Итак, прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится на основе (1) представлений о речевом акте (или серии речевых актов), (2) коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий) и (3) всей ситуации в целом.

Эти представления обуславливают стратегический выбор значимых единиц разных уровней и способов их организации, то есть создание текста, оптимального для решения коммуникативной задачи говорящего. При этом следует учитывать, что планирование речевого поведения есть не просто конструирование языковых высказываний, а часть интерактивного процесса, в котором слушающий не пассивно воспринимает текст-сообщение говорящего, а активно интерпретирует его речевые действия, реализуя собственную стратегическую линию. **Поэтому диалог есть, по сути, коммуникативный поединок за право осуществить свою стратегию.**

§ 4. Речевые маркеры коммуникативных стратегий

4.1. Очевидно, что речевые стратегии имеют когнитивные измерения (например, планирование и контроль), но механизмы, посредством которых осуществляются эти ментальные процедуры, большей частью не имеют индикаторов "на поверхности речи" и, следовательно, недоступны для лингвистического анализа. В этом смысле наблюдаемыми являются лингвистические и интеракционные характеристики, по которым можно определить, как и какими средствами такие цели могут быть достигнуты. Таким образом, источником для выводов о когнитивных планах являются речевые стратегии - специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем "глобального намерения", по терминологии Т. ван Дейка*. Речевая стратегия определяет семантический, прагматический и стилистический выбор говорящего.

Когнитивные планы, которые лежат в основе коммуникативных стратегий, представляют собой ментальные образования, недоступные непосредственному наблюдению. Лишь эпизодически они проявляются "на поверхности" речи: *"не сочитите за комплимент", "не воспринимайте это как отказ", "я ни в коей мере не хочу вас обидеть", "это всего лишь информация к размышлению", "хочу предупредить"* и т.п. В большинстве случаев такие высказывания используются говорящим для того, чтобы адресат однозначно определил его коммуникативные намерения - в ситуациях, когда возможна неоднозначная интерпретация. Такого рода метакоммуникация (то есть разговор о коммуникации) свидетельствует, во-первых, об осознанности говорящим своей коммуникативной задачи, во-вторых, учитывает, что определенные речевые тактики в некоторых контекстах не обнаруживают своих существенных (дифференциальных) признаков. Происходит своего рода прагматическая нейтрализация: искренний комплимент может быть принят за лесть, сообщение воспринято в качестве косвенной просьбы и т.п. Приведенные выше речевые формулы свидетельствуют о попытках говорящего идентифицировать свои речевые действия в плане коммуникативных намерений.

4.2. **Для некоторых речевых тактик неоднозначное прочтение коммуникативных намерений является типичным.** Так, например, похвала, по замыслу говорящего, реализует стратегию положительной оценки. Однако психологи отмечают, что похвала часто воспринимается слушателями негативно, рождает ощущение дискомфорта, неловкости и смущения, пробуждая оборонительные реакции. Это происходит оттого, что люди понимают: если кто-то дает положительную оценку, то в другой раз он может дать и отрицательную - сам факт оценивания подразумевает превосходство. Поэтому возможна реакция на похвалу с раздражением, особенно если похвала не совпадает с восприятием данного человека: *А. - Ты прекрасно пироги печешь. В. - Стряпуха из меня никудышная!*

Журналист и писатель Ярослав Голованов рассказывал о ситуации, когда его после выхода книги о конструкторе Сергее Королеве дружно хвалили знакомые и малознакомые люди: *"А задумывались ли все они, как я должен на все это реагировать? Странные чувства испытываешь - хочется закричать: "Говорите! говорите еще!" - и одновременно убежать хочется. Невыносимо, когда, глядя тебе в глаза, говорят: "Ну, ты просто молодец!" Что отвечать? Как себя вести? Я не знаю! Говорю обычно с глупой улыбкой: "Это ты верно подмети". Или говорят: "Я вас по телевизору видела". При этом даже не уточняют, был ли я хорош или плох, видела, и все тут! Тут я говорю: "Ну и повезло же вам!" Но при этом я точно знаю, что нам обоим не весело". (КП, 1999, 14 янв.)* Как видим, выход из неловкой коммуникативной ситуации журналист нашел в самоиронии.

Каким образом в реальном общении учитываются возможности неразличения речевых тактик? Поскольку нейтрализации могут подвергаться не все речевые тактики, а лишь некоторые из них, именно последние должны включать дополнительные ходы, в случае необходимости блокирующие неверную (нежелательную) интерпретацию. Следовательно, в процессе обучения стратегиям речевого поведения необходимо указание на возможность иной, не планируемой говорящим интерпретации и знание корректирующих коммуникативных ходов.

Наличие разных видов информации (см. выше) позволяет построить эффективный план речевого взаимодействия, а отсутствие информации того или иного рода влияет на "качество" речевого планирования, затрудняет осуществление речевой стратегии в полном объеме и может привести к [коммуникативной неудаче](#).

§ 5. Факторы успешности речевых стратегий

Изложенные выше рассуждения позволяют выделить основные параметры, определяющие успех речевой стратегии, тактик и коммуникативных ходов. К ним следует отнести:

1. общие знания о коммуникативной ситуации (уместность/ неуместность определенного речевого акта);
2. знание о соответствующем речевом акте (ритуальный, стереотипный, нестереотипный, вообще не имеющий прецедента в индивидуальном опыте);
3. знания о собеседнике (как личности, как партнере);
4. знание национально-культурной специфики конкретной речевой среды;
5. достижение максимального количества целей разного порядка.

Так, знание предстоящей ситуации общения (1) значительно упрощает выбор речевой стратегии и тактики. Выбор "где и когда" может быть более или менее удачным. Есть речевые тактики, "привязанные" к определенной ситуации. К примеру, после ответственного выступления, выхода книги, в связи с важной покупкой принято похвалить, сделать комплимент, поздравить. Отсутствие положительной реакции в случаях, когда она ожидается партнером, может быть воспринято негативно.

Зависимость различных тактик от знания коммуникативной ситуации неодинакова: ритуализованные речевые тактики (соболезнование, благодарность, приглашение) менее зависимы, чем другие, неритуализованные (к примеру, просьба, отказ, признание)*.

Высокая коммуникативная компетенция выражается в **освоенности речевых тактик (2)**, необходимых для полноценного общения в различных сферах. Отсутствие знаний о способах речевой коммуникации в определенной ситуации ставит говорящего в ситуацию [коммуникативного тупика](#). Пожилая деревенская женщина рассказывает горожанам-дачникам:

- *Я говорю своей невестке, чтобы она вам молока отнесла, заодно и познакомилась бы, пообщалась. А она мне отвечает: "Я не знаю, о чем с ними говорить, они же городские".*

В данном случае, как видим, отсутствие знаний о тематическом репертуаре, уместном в разговоре с малознакомыми жителями города, является причиной коммуникативных затруднений.

Для успеха речевого общения актуально **знание о личности адресата (3)**, в частности о его когнитивных пресуппозициях (презумпциях). Мы не осознаем презумпций, пока не обнаруживаем несоответствие. Существует множество смешных и нелепых историй, связанных с тем, что собеседники исходили из разных презумпций. Одна из них приводится американским лингвистом Деборой Таннен.

Сцена действия - таможня международного аэропорта. К сотруднику таможни подходит пассажир без багажа. Его портфель наполнен бумагами, исписанными непонятными символами. Таможенник начинает его расспрашивать:

- *Где вы остановитесь?*
- *Не знаю.*
- *Что у вас в портфеле?*
- *Мои материалы.*

После длительного выяснения было установлено, что подозрительный пассажир - профессор-лингвист, прибывший всего на один день в местный университет для чтения лекции. Сообщая таможенникам "только правду и ничего, кроме правды", он не учел разницы в презумпциях: то, что было очевидно для него, оказалось странным для сотрудников таможни*.

Стратегии и тактики речевого поведения обладают **национально-культурной спецификой (4)***. Поэтому человек, попавший в чужую социокультурную среду, может испытывать затруднения в интерпретации некоторых речевых действий.

Известно, что **речевая стратегия** определяется коммуникативной целью говорящего. Однако в реальном общении он имеет, как правило, не одну цель, а несколько. Так, например, прося о чем-либо, говорящий хочет: 1) добиться выполнения просьбы, т.е. избежать отказа; 2) сохранить лицо, не унизить себя просьбой; 3) установить либо поддержать добрые отношения с адресатом. Естественно, что **успешность общения оценивается по достижению максимального количества целей (5)**.

Таким образом, стратегия представляет реализацию когнитивного плана общения, успех которого определяется оптимальным решением коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера.

§ 6. Типология коммуникативных стратегий

Понятие стратегии может быть рассмотрено как с когнитивной, так и коммуникативной точки зрения. Обозначение стратегии как **речевой** подчеркивает вербальный характер ее реализации, поскольку когнитивные планы и коммуникативные намерения могут выражаться невербально.

6.1. Обычно стратегии обозначают как **КОГНИТИВНЫЕ**, когда стремятся сделать акцент на ментальных процессах, связанных с пониманием ситуации, ее интерпретацией, воздействием на сознание, операциями над знаниями адресата*.

В зависимости от направленности на сознание и деятельность адресата различаются 3 типа когнитивных стратегий: воздействующие на поведение, образ мыслей (представление ситуации, проблемы) **и шкалу ценностей**. Разумеется, что в реальной коммуникации они могут быть представлены комплексно. К числу **воздействующих на поведение** можно отнести речевые тактики подчинения (просьба, приказ, уговоры), тактики совета, предостережения, угрозы и др. Область реализации "поведенческих" стратегий весьма широка - от бытового до профессионального общения, включая обучение, медицинский дискурс и т.д.

Воздействие на шкалу ценностей говорящего осуществляется посредством речевых тактик обвинения и оправдания, упрека, издевки, дискредитации и др. Широкое поле для реализации подобных тактик -реклама, сфера юриспруденции, воспитания и образования.

Воздействие на представление ситуации (шире - картину мира) может быть обнаружено путем анализа концептов, фреймов, метафорических моделей. Как отмечал Т. ван Дейк, люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о моделях явлений и ситуаций действительности. Например, интерпретация события, обозначение рамок ситуации и ее компонентов

(**фреймирование** и **рефреймирование**) может идти по нескольким направлениям: было или не было событие, что было, с кем было, где и как происходило событие, каковы перспективы (последствия) и т.д. **Каждый из этих вопросов может быть маркером отдельной когнитивной стратегии.**

К числу когнитивных операций, направленных на интерпретацию ситуации, проблемы, можно отнести стратегии **редукционизма** (упрощения) и **компликации** (усложнения, привнесения в ситуацию дополнительных компонентов). О подобных приемах искажения истины в 70-х годах писал Ю.И. Левин, называя их аннулирующим и фингирующим преобразованиями)*.

6.2. Классификация и описание **коммуникативных** стратегий также зависит от избранного основания. Так, с точки зрения установки партнеров по коммуникации выделяют **кооперативные** и **конфронтационные** стратегии (традиция идет от П. Грайса)*. Таксономия, основанная на коммуникативных намерениях говорящего, представлена в работе*. В зависимости от интенции говорящего автор выделяет 3 типа стратегий: **регулятивную** (цель - вызвать изменения в широком экстракоммуникативном контексте ситуации), **диктальную**, имеющую цель информировать собеседника о фактах, событиях объективной реальности, и **модальную** (цель - выразить чувства, оценки, предпочтения). Как видим, эта классификация близка к когнитивной.

Эти стратегии являются универсальными для всех типов дискурса и могут быть реализованы на уровне различных коммуникативных стратегий частного характера.

В той или иной форме большинство исследователей говорит о том, что речевые стратегии могут характеризовать отдельный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т.п.) и могут быть направленными на достижение более общих социальных целей индивида (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т.д.). В связи с этим в таксономии речевых стратегий на основе их функций можно выделить **основные** (**когнитивные**) и **вспомогательные стратегии***.

Основной считается стратегия, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата - его модель мира, систему ценностей, поведение. По сути своей они являются **когнитивными**.

Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации взаимодействия в процессе диалога, оптимизации речевого воздействия. К вспомогательным отнесены **прагматические**, **диалоговые** и **риторические** типы стратегий.

6.3. **Прагматические стратегии** и **стратегии диалога** связаны с **актуализацией тех или иных компонентов модели коммуникативного акта (см. § 3).**

Так, например, **образ адресанта** (отправителя сообщения) корректируется при помощи **имиджевых стратегий**: "Новости - наша профессия", слоган НТВ; "Nokia. Connected people. Доверьтесь профессионалам". Нередко в рекламе моделируется образ производителя, который озабочен лишь потребностями покупателя, а не своей выгодой: "Тефаль думает о вас". Приемы и средства создания имиджа изучаются в одном из "ответвлений" теории коммуникации - **имиджелогии**.

Образ адресата моделируется при помощи **статусно-ролевых стратегий**, направленных на повышение или понижение его самооценки, идентификацию с референтной группой. Наиболее ярко это представлено в рекламе:

"Хорошие хозяйки любят "Лоск" (реклама стирального порошка);

"Мир вращается вокруг вас!" (реклама банка).

В рекламном обращении от имени фирмы-производителя пластиковых окон "Заставь его заменить окно" моделируется и образ адресата, и типичная коммуникативная ситуация.

К приемам моделирования образа адресата можно отнести выбор обращения: Ты/Вы, номинацию партнера (*коллега, друг, зёма, брат*).

Выбор кода также обладает ресурсом воздействия. На каком языке вести общение в двуязычном коллективе? Какую подсистему родного языка выбрать в зависимости от ситуации и индивидуальных психологических особенностей адресата (литературный язык, разговорную речь, жаргон, просторечие, диалект)? Как отнесется адресат к присутствию в речи нецензурных слов и выражений? Можно ли употреблять жаргонные словечки? Стоит ли разъяснять значение терминов, которые, вероятно, непонятны адресату? Эти и другие вопросы, связанные с выбором оптимального языкового кода, решает (чаще всего неосознанно), каждый говорящий (см. подробнее в работе*). В рекламном сообщении выбор языкового кода также имеет немаловажное значение. Например, в рекламе пива "Клинское", ориентированного на молодежную целевую группу, используются слова из молодежного жаргона: *"Солнце. Жара. Гламурный бутик. Кончай тусоваться. Иди на пикник"*.

Речевое воздействие может быть усилено или ослаблено за счет специфики **канала связи**. Так, выражение *"Это не телефонный разговор"*, тематически ограничивает использование этого канала связи. Популярные у радиоведущих приемы симуляции непосредственного общения стратегически обусловлены некоторыми ограничениями этого вида СМИ.

Неотъемлемым компонентом коммуникативного акта является **обратная связь**, которая обеспечивает нормальное течение диалога. В реальном речевом взаимодействии обратная связь может быть вербализована либо выражаться паралингвистически - жестами, мимикой, зрительным контактом. В пособиях по практической риторике, публичной речи описаны эффективные приемы обратной связи*. Теоретическое осмысление принципов организации обратной связи восходит к работе П. Грайса, посвященной правилам и принципам кооперативного общения*. В аспекте влияния на партнера в диалоге важно учитывать чередование активной и пассивной позиций собеседников, которые базируются на принципе паритета*.

Управление организацией диалога включает контроль за инициативой, пониманием, темой и манерой речи*. Указанные аспекты могут быть описаны как **стратегии контроля диалогического взаимодействия**.

Нельзя не учитывать значение **коммуникативного контекста**, который может способствовать оптимальному воздействию на адресата, и **помех**, которые могут препятствовать, а в некоторых случаях аннулировать его. **Существуют специальные тактики, направленные на создание необходимого контекста, - эмоционально-настраивающие** (например, фатическое общение в начале деловой беседы, комплименты и др.).

Риторические стратегии обеспечивают оптимизацию речевого воздействия и включают различные приемы привлечения внимания, диалогизации, способы стимуляции обратной связи и др., описанные в пособиях по публичной речи и практической риторике.

Итак, речевое общение - это совместная деятельность коммуникантов, в процессе которой они взаимно регулируют действия, управляют мыслительными процессами, корректируют модель мира партнера.

Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект, что обуславливает стратегический подход к анализу коммуникации. Планирование различных аспектов коммуникативной деятельности и контроль за реализацией этого плана позволяют построить типологию коммуникативных стратегий на различных основаниях - когнитивных, прагматических, риторических

Примерный перечень вопросов для оценки качества усвоения

темы 1 "Понятие коммуникативной деятельности"

1. Какие научные направления изучают речевую коммуникацию и в каких аспектах?
2. Какие методологические изменения произошли в современном подходе к анализу коммуникации по сравнению с предшествующим периодом (вторая половина XX века)?
3. Можно ли считать любой акт речевого общения воздействующим?
4. Назовите основные компоненты модели коммуникативного акта.
5. Назовите исследователей речевой коммуникации, в работах которых представлен когнитивно-прагматический подход к анализу языка.
6. На основе каких данных строится прогноз диалогического взаимодействия?
7. Приведите примеры ситуаций, допускающих возможность неоднозначной интерпретации намерений говорящего.
8. Какие факторы определяют успешность речевой стратегии?
9. Какие классификации речевых стратегий вам известны? На каких основаниях они строятся?
10. В чем заключается различие между основными и вспомогательными стратегиями?

Задания для самостоятельной работы

1. Выявите стратегию метафоризации в рекламе лекарственных препаратов.
2. Проанализируйте тексты политического дискурса в аспекте коммуникативных стратегий и тактик.

Раздел 1. Понятие коммуникативной деятельности

Темы рефератов и эссе

1. Исследования речевых стратегий в разных типах дискурса.
2. Речевые стратегии в рекламе.
3. Методы описания речевой коммуникации: когнитивно-прагматический подход.

Темы курсовых работ

1. Стратегии позиционирования туристических (образовательных, риэлтерских, страховых) услуг.
2. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе.
3. Общение преподавателя и студента в аспекте речевых стратегий.
4. Стратегии общения врача и пациента.
5. Стратегия создания речевого имиджа (на примере конкретной языковой личности).

Раздел 2. Множественность парадигм научного знания в современной филологии

Структура раздела

§ 1. Связь филологии с психологией (психолингвистика и когнитология/когнитивистика).

§ 2. Прагматический аспект лингвистических исследований.

§ 3. Социолингвистическая проблематика.

§ 4. Лингвистическая семантика.

Цель изучения темы

Успешное изучение темы позволит приобрести следующие знания:

Знания	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о специфике современного этапа развития языкознания	1. Уровень репродуктивный (показать, что современное языкознание носит междисциплинарный характер)
2. Получить знания о предмете смежных с языкознанием научных дисциплин, о множественности парадигм научного знания в современной филологии	2. Уровень понимания (уметь объяснить, что такое психолингвистика, социолингвистика, лингвистическая семантика и каковы их задачи)

§ 1. Связь филологии с психологией (психолингвистика и когнитивистика)

Говоря о множественности парадигм научного знания в современной филологии, определим сначала понятие **научная парадигма**: это совокупность научных идей, методов, общепринятых мнений и суждений в данной области науки, в частности в языкознании.

Языкознание имеет многовековую историю своего развития, поэтому не случайно, что на протяжении веков лингвистическая парадигма претерпевала существенные изменения. К настоящему времени сложилась такая ситуация, при которой исследовательский интерес сместился от вопроса "Как устроен язык?" к вопросу "Как он функционирует?" Решение же этого вопроса невозможно без обращения к речевой деятельности человека, к изучению особенностей как отдельной личности, так и целых языковых коллективов, которые определяют эту речевую деятельность. Сказанным обуславливаются такие черты современного языкознания, как его *антропоцентризм*, *экспланаторность* (объяснительность) и *экспансионизм*, т.е. стремление использовать знания, добытые другими науками. Последнее качество языкознания проявляется, в частности, в рождении научных дисциплин на стыке языкознания и других наук, что, в свою очередь, порождает множественность парадигм научного знания в современной филологии.

Рассмотрим такую научную парадигму, которая родилась на стыке языкознания и психологии; она включает два круга проблем, два круга исследований, носящих названия **психолингвистика** и **когнитивистика (когнитология)**.

Сразу же подчеркнем, что все намечаемые здесь парадигмы научного знания в современных исследованиях представлены часто во взаимодействии и не отгорожены друг от друга непроеходимой стеной, так что, например, исследование специфики коммуникативного поведения представителей какой-либо нации, носителей определенной языковой культуры вполне может относиться и к психолингвистике, и к социолингвистике, и к прагматике, и к этнолингвистике. (См. разделы [3 "Языковая личность"](#) и [8 "Теория речевых актов"](#).)

Психолингвистика имеет и другое название, которое очень точно определяет ее предмет: *теория речевой деятельности*. Хотя термин психолингвистика утвердился только с 1954 г., когда в США вышла книга под ред. Ч.Э. Осгуда и Т.А. Себеока под этим названием, однако идея изучать цепочку: "Смысл - Говорящий - Слушающий - Смысл" высказывалась уже В. Гумбольдтом, писавшим о роли языка в "мировидении" индивидуальной личности, а затем А.А. Потебней, развившем мысль Гумбольдта о внутренней форме слова, которая требует от говорящего осознания связи между звучанием слова и его смыслом. В отечественном языкознании психолингвистический подход к языковым фактам восходит к трудам И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы.

В психолингвистике ставятся задачи изучить процессы речеобразования, а также процессы восприятия речи в их соотнесенности с системой языка. Конкретные *языковедческие проблемы*, которые требуют для своего решения подхода в аспекте психолингвистики, это, например: изучение диалогической речи, условий успешности речевой коммуникации и, наоборот, причин коммуникативной неудачи; анализ особенностей живой разговорной речи в условиях неподготовленного общения; проблемы обучения родному и особенно неродному, иностранному языку; проблемы речевого воздействия, в особенности в СМИ, а теперь, с расширением стилистической парадигмы в русистике, и в сфере церковно-религиозной общественной деятельности; разработка концепции языковой личности и др. (См. разделы [9 "Новая стилистическая парадигма в русистике"](#) и [3 "Языковая личность"](#).)

Когнитивистика (от латинского *cogniti* - восприятие, познание; *cognoscere* - понимать, сознать), неразрывно связанная с психолингвистикой, направляет свои исследовательские усилия на анализ роли языка в процессе мышления, на выявление закономерностей отражения в языке познавательных процессов. Поэтому когнитивистика теснейшим образом связана с лингвистической семантикой (см. ниже, § 4.) Одним из наиболее активно разрабатываемых понятий в этой сфере филологических изысканий является понятие **концепта**. Это слово в философии означает *понятие*; однако в языковедческих работах когнитивной направленности оно приобрело несколько иное значение: концепты - это ментальные образования, "сгустки смысла", объективирующие действительность в сознании людей, несущие важную ценностно-значимую информацию; таким образом, концепты отражают языковую картину мира носителей языка. Примером исследования концепта может служить диссертация А.В. Гильмановой "Концепты правды и истины в языковом сознании Ф.М. Достоевского" (Научный руководитель - проф. Г.И. Берестнев): Калининград, 2007. Автор диссертации показывает, что по мере созревания таланта писателя содержание этих концептов углубляется. Так, в период до каторги концепт правды у писателя имеет три аспекта: (1) *правда* - то, что соответствует действительности и может связываться с искренностью и честностью; (2) *правда* - справедливость; (3) *правда* - *высший духовный закон*. В более поздних произведениях правда как то, что соответствует действительности, начинает разделяться на правду повседневной жизни, "правду факта" и высшую правду (поэтическую, художественную "... неужели пушкинский летописец, хоть бы и выдуманный, - перестает быть верным древнерусским лицом?.. А поэтическая правда?")

(Ф. Достоевский. Ряд статей о русской Достоевского в ряде случаев оказываются фактически членами семантической оппозиции: "Нет, художественная правда совсем не та, совсем другая, чем правда естественная" (Ф. Достоевский. Выставка Академии художеств за 1860-1861 год). Правда-справедливость начинает связываться со служением идеалу, с праведностью и святостью; углубляется и третий аспект: правда как высший духовный закон, идеал; теперь эта правда-идеал - это высшее служение Богу.

§ 2. Прагматический аспект лингвистических исследований

По известному определению Ч. Морриса (работа "Основания теории знаков". В кн. "Семиотика". - М., 1963), *прагматика* (от греческого *pragma* - действие, дело) - это наука об отношении знаков к их интерпретаторам, т.е. к тем, кто пользуется знаковыми системами; предшественницей прагматики он считал риторику. *прагматика* призвана ответить на вопрос, почему и зачем говорящий использует те или иные языковые средства, почему и зачем он так говорит. Центром прагматики является *теория речевых актов*. (См. раздел [8 "Теория речевых актов"](#).)

Описывая структуру речевых актов, т.е. целенаправленных речевых действий, [прагматика](#) устанавливает в них следующие компоненты: 1) говорящий, т.е. адресант; 2) адресат; 3) [пресуппозиция](#), 4) цель говорящего, 5) ситуация общения, 6) межличностные отношения участников коммуникации.

Остановимся несколько подробнее на понятии [пресуппозиция](#). Термин употребляется в двух значениях. Первое: это компонент смысла предложения, который должен быть истинным, чтобы предложение не воспринималось как лишенное смысла*. Например, предложение *Мой сын знает, что Солнце вращается вокруг Земли* не имеет смысла, т.к. в его состав входит ложная [пресуппозиция](#) "Солнце вращается вокруг Земли". Второе значение термина [пресуппозиция](#), тесно связанное с первым: это фонд общих знаний, на которые опираются участники речевого акта. Так, например, говоря *А знаешь, Петр поступил в университет*, - говорящий исходит из того, что и адресат знает о существовании Петра, и о том, кто он такой. Предложения с глаголами *удалось*, *сумел* имеют пресуппозиции попытки. Предложения, характеризующиеся таким актуальным членением, при котором тема передает информацию о действии, а рема - о том, кто его совершил (*Открыл периодический закон элементов // Д.И. Менделеев*) содержат пресуппозицию существования человека, открывшего периодический закон элементов. ([См. раздел 7 "Коммуникативный синтаксис"](#).)

В прагматике исследуются проблемы, связанные как с субъектом речи, адресантом, так и с адресатом. К числу первых относятся: 1) явные и скрытые цели высказывания; так, например, предложение, произнесенное за столом: *"Вы не можете передать мне соль?"* является вопросительным только по форме, а коммуникативная цель говорящего состоит в *просьбе* передать соль. Такие предложения называются *косвенными высказываниями*, или *косвенными речевыми актами*; 2) речевые тактики ([см. раздел 1 "Коммуникативная деятельность"](#) и [раздел 4 "Лингвистика текста"](#)); 3) принципы речевого общения ([см. раздел 8 "Теория речевых актов"](#)); 4) прагматические пресуппозиции; 5) комплекс субъективно-модальных оценок речи. К числу проблем, связанных с адресатом речи, относятся: 1) изучение интерпретации речи, предполагающее учет контекста, ситуации; 2) воздействие речи на адресата (так наз. [перлокутивный эффект](#)): изменение его взглядов, оценок, эмоционального состояния; 3) типы речевого реагирования на сообщение. В ведении прагматики находится также изучение отношений между участниками речевого общения (например, статусные роли обеих сторон, влияющие на осуществление таких речевых актов, как просьба, приказ, мольба, уговоры и под.; 2) социальная сторона речи (формулы речевого этикета).

§ 3. Социолингвистическая проблематика

Социолингвистика - это научная дисциплина, родившаяся на стыке языкознания и социологии, психологии, этнографии; она изучает роль языка в жизни общества; механизмы влияния социальных факторов на функционирование языка; языковую ситуацию в различных этнических, государственных и локальных общностях; языковую политику. Именно социолингвистика изучает различные разновидности национального языка, не входящие в понятие "литературный язык": это диалекты, просторечие, социальные и профессиональные жаргоны. Их общее свойство состоит в том, что члены таких групп в речевом отношении однородны.

Изучение социальных условий, определяющих выбор языковых средств различными группами носителей одного национального языка или же отдельными носителями языка - также сфера интересов социолингвистики. Различные ситуации, как известно, диктуют различный выбор языковых средств. Можно привести здесь известное воспоминание современников о том, что когда академика Бардина спросили, как он говорит: *добыча* или *добыча*, он отвечал: "Когда я говорю с шахтерами, я произношу *добыча*, а то шахтеры подумают: зазнался академик! А на заседании Академии наук говорю *добыча*, - иначе Виктор Владимирович Виноградов будет морщиться".

Особенности использования языковых средств носителями различных национальных языков в зависимости от особенностей национальной культуры также изучаются социолингвистикой; в этом случае социолингвистика смыкается с *этнолингвистикой*. Так, например, установлено, что японцы не любят прямых вопросов и избегают прямых ответов. Крайне редко от японца можно услышать прямой ответ (*Да* или *Нет*). Обычная реакция - это *Ма* или *Ма-ма*, что в переводе на русский язык означает: *Ну-у, как бы это сказать...*, или *Пожалуй, что да...*, или *Более или менее...* Японская культура считается невербальной: очень многое остается невыраженным, как бы выносится за скобки, подразумевается. Например, сказав *ёросику*, японец

выразил приблизительно следующее: "Вы поняли, что я хочу сделать. Я понял, что Вы поняли, что я хочу сделать. А потому я полностью полагаюсь на Вас и рассчитываю, что Вы сами доведете это дело до конца именно так, как я хотел бы это сделать. И я благодарю Вас за то, что Вы поняли меня и согласились взять на себя труд выполнить мое желание". (Примеры С.Н. Кузнецова). Коммуникативная деятельность французов характеризуется своими особенностями: во время беседы французы постоянно перебивают друг друга, причем не потому, что плохо воспитаны, а в доказательство того, что они очень внимательны к собеседнику, что его слова вызывают у них живейший интерес и требуют немедленной реакции; во время беседы французы активно жестикулируют, -причем жесты очень разнообразны и служат проявлением не только настроения, эмоций, но даже уровня интеллекта.

Еще одна важная и традиционная проблема социолингвистики- это изучение языковой ситуации: различают языковую ситуацию *монолингвизма* (наличие в языковом коллективе только одного языка), *билингвизма* (двух различных языков, которыми говорящие владеют в одинаковой степени и свободно переходят с одного языка на другой в зависимости от условий общения или личных намерений), *ситуация диглоссии* (наличие двух функциональных подсистем в пределах одного языка, используемых носителями в зависимости от социальных функций общения)*; *диглоссия* в некоторых отношениях близка к *билингвизму* : а) для обеих ситуаций характерно различие языковых кодов, б) ситуативно обусловленное переключение с одного кода на другой, в) интерференция кодовых элементов в процессе коммуникации, в) заимствование*. Отличие же диглоссии от *билингвизма* состоит в том, что а) *билингвизм* характеризует индивидуальное речевое поведение, а *диглоссия* характерна для определенных социальных отношений; например, кодифицированный литературный язык носитель русского языка использует при официальных отношениях с адресатом, а разговорную речь - в условиях неподготовленного непосредственного общения в неофициальной, непринужденной обстановке при наличии неофициальных отношений с адресатом; б) кроме того, *билингвизм* - это владение двумя различными языками*; например, билингвами были многие русские дворяне в дореволюционной России, свободно владевшие русским и французским языками; а *диглоссия* - это владение двумя подсистемами одного национального языка. Наконец, выделяется языковая ситуация *полилингвизма*. Большие социально-экономические и политические преобразования в России в последние десятилетия привели к тому, что в стране активизировались иммиграционные процессы; в большие города, такие как Москва, Петербург, Екатеринбург, Пермь, Саратов, приезжает множество людей из деревень, маленьких городов России и из бывших Союзных Республик. Следствием таких иммиграционных процессов являются значительные изменения в речи русских городов. Это также не ушло из поля зрения социолингвистов, и в Институте русского языка РАН в феврале 2008 года была организована конференция (Восьмые Шмелёвские чтения) на тему: "Язык современного города". Предмет обсуждения - языковая ситуация современного города. Выступавшие отмечали, что "специфической чертой городского населения является его полилингвизм", ибо в распоряжении каждого горожанина "имеется несколько языковых систем, владение которыми обусловлено принадлежностью горожанина к различным социальным группам" *.

Перед социолингвистами стоит еще одна важная задача: осуществлять определенную *языковую политику*, т.е. регулировать, насколько это возможно, языковые процессы. Разумеется, полностью управлять ими невозможно, однако создавать в обществе отношение к тем или иным распространяющимся явлениям в области речевого поведения, в области использования языка его носителями, вполне возможно. Так, например, во Франции Академия наук очень резко выступила против чрезмерного заимствования слов из американского английского, и результатом такой языковой политики явилось заметное снижение численности американизмов во французском языке. В современной России также чрезвычайно много заимствований, и разъяснения лингвистов по поводу того, какие заимствования и когда уместны, а когда нет, очень важны для общества, то же можно сказать и о распространении грубой, жаргонной лексики в СМИ, в публичных выступлениях по радио, по телевидению. Есть одна сфера, где регламентация вполне осуществима: это сфера кодификации орфографических норм. Создание нормативных словарей, справочников, Свода правил русской орфографии и пунктуации - это прерогатива высококвалифицированных специалистов-языковедов.

§ 4. Лингвистическая семантика

Лингвистическая семантика - один из разделов языкознания, изучающий значение, содержательную

сторону языковых единиц: морфем, лексем, грамматических форм, словосочетаний и предложений.

На заре своего становления, во второй половине XX., семантика развивается на основе психологических и эволюционных концепций языка, связанных с именами Х. Штейнталя, А.А. Потемби и В. Вундта. Единство семантики объясняется в этих концепциях единством психологических законов, действительных для всего человечества, а различия - различиями в "психологии народов". Во второй половине XX века семантика выделяется в особую науку - раздел *семасиологии*; теперь обращается внимание на конкретно-исторические закономерности в развитии значений, так что закономерности, действующие в психологической сфере, могут комбинироваться с закономерностями, связанными с производственной и социальной жизнью общества. Позже этот подход находит свое развитие в этимологических изысканиях (например, в работах О.Н. Трубачева). Дальнейшее развитие семантика находит в синтаксических исследованиях, где начинают применяться метод дистрибутивного анализа и трансформационный метод. Дистрибутивный анализ состоит в описании единиц языка с помощью анализа всех их возможных дистрибуций (окружения этой единицы); например, методом дистрибутивного анализа, т.е. учетом окружения (дистрибуции) было выявлено различие между качественными и относительными прилагательными. Трансформационный метод в синтаксисе позволил увидеть семантические различия между, казалось бы, однотипными по структуре предложениями; например, (1) *Я записал эти слова* - и (2) *Я запомнил эти слова*. Первое предложение допускает трансформацию: *Мною записаны эти слова*, а второе такого трансформационного преобразования не допускает (невозможно: **Мною запомнены эти слова*); но второе легко трансформируется в предложение *Мне запомнились эти слова*, а первое предложение так трансформировать невозможно (**Мне записались эти слова*).

Существенную роль в семантике играет *метод компонентного анализа*, с помощью которого выделяются элементарные значения, как бы "атомы смысла", которые дальше разбить, разложить на составляющие невозможно; их называют *семами*. Так, например, значение слова *отец* можно разложить на следующие семы: *<человек>*, *<мужской пол>*, *<родственник>*, *<кровное родство>*, *<родитель>*, *<прямое родство>*. Семы *<прямое родство>* и *<непрямое родство>* отличают семантику слов *отец* и *дядя*, а семы *<мужской пол>* и *<женский пол>* - семантику слов *отец* и *мать* и т.д.

Семантика, таким образом, сводит более сложные значения к объединению более простых, элементарных, первичных. Однако сложное значение не является механической суммой простых, последние не просто суммируются, но взаимодействуют друг с другом таким образом, что в более сложной единице возникает всегда некий фразеологический "довесок", который вместе с суммой элементарных смыслов и дает семантику более сложной единицы. Например, предложения, построенные по одинаковым моделям и из однотипных морфологических форм, отражают, тем не менее, различные пространственные (денотативные) ситуации, а значит, имеют нетождественную синтаксическую семантику: *Этот куст растет под водой* и *Этот куст растет под окном*.

Каждый язык обладает своим особым способом отражения реальной, денотативной ситуации. Так, например, ситуация владения, обладания чем-либо в большинстве западноевропейских языков передается с помощью глагола *иметь* (*to have, haben, avoir* и т. д.), а в русском - с помощью бытийной конструкции, включающей локализатор (обозначение места, области бытия), глагола со значением бытия, наличия, существования (*есть*) и обозначения имени бытующего предмета (это именно тот предмет, которым владеют, который имеют); ср.: *Ich habe ein Buch = У меня есть книга*; но не **Я имею книгу*.

Наконец, семантика изучает *семантические правила*, которые позволяют объяснить, каким образом внешне непохожие предложения являются синонимичными, а внешне совпадающие имеют различное значение, т.е. различать синтаксическую синонимию и синтаксическую омонимию, а также отличать правильные предложения от семантически неправильных. Например, одно из таких семантических правил - снятие двойного отрицания: *Я не должен не помогать ему* означает: *Я должен помогать ему*.

"Множественность парадигм научного знания в филологии"

1. Понятие научной парадигмы.
2. Множественность парадигм научного знания в современном языкознании.
3. Основные понятия лингвистической прагматики.
4. Предмет и задачи психолингвистики.
5. Предмет и задачи лингвистической семантики.
6. Понятие концепта.
7. Предмет и задачи социолингвистики.

Задания для самостоятельной работы

"Множественность парадигм научного знания в современной филологии":

Прочитайте перечисленные ниже работы и дайте краткие ответы на следующие вопросы:

1. Каковы задачи когнитивного и психолингвистического подхода к изучению языков?
2. В чем состоит специфика прагматического подхода к языковым явлениям?
3. Каковы принципы и методы лингвистической семантики?
4. Что такое концепт? Какие концепты можно выделить в языковой картине мира носителя русского языка?
5. Что изучает социолингвистика?

Литература:

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика.- М., 2002.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концепция мира на материале научной грамматики.- М., 1997.-

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика.- М., 2001.

Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С.Кубряковой. - М., 1996.- С.93-94.

Леонтьев А.А. Психолингвистика. - В сб.: Психолингвистика / Сост. А.М.Шахнарович. - М., 1984.

Раздел 2.

Темы курсовых работ

1. Множественность парадигм научного знания в современном языкознании.
2. Принципы анализа текста в аспекте прагматики.
3. Текстовое время и пространство.
4. Социолингвистика; ее предмет и задачи; анализ текста в социолингвистическом аспекте.

Темы рефератов и эссе

1. Концепт *береза* в языковом сознании русских.
2. Основные направления в современной синтаксической семантике.

Семантика и функции частицы *якобы* в современном русском языке

Словарь основных терминов к разделу 2.

Билингвизм - языковая ситуация, при которой члены одного языкового коллектива в одинаковой степени владеют двумя языками и переходят с одного на другой в соответствии со своими личными намерениями и условиями общения.

Диглоссия - языковая ситуация, при которой члены одного языкового коллектива владеют двумя подсистемами национального языка и переходят с одной на другую в зависимости от социально обусловленных особенностей коммуникации.

Дистрибутивный анализ - анализ значения и употребления языковых единиц на основе изучения их дистрибуции (окружения).

Локализатор - член предложения, обозначающий область бытия какого-либо предмета, явления, события.

Перлокутивный эффект - эффект, достигнутый в результате реализации какого-либо коммуникативного намерения, результат достижения поставленной коммуникантом цели.

Прагматика - (1) раздел семиотики, изучающий отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует; (2) раздел языкознания, изучающий условия использования языковых единиц говорящими.

Пресуппозиция - (1) компонент смысла предложения, который должен быть истинным, чтобы предложение не воспринималось как лишенное смысла; (2) фонд общих знаний, на которые опираются участники речевого акта.

Сема - минимальная, далее неделимая единица плана содержания.

Раздел 3. Понятие языковой личности

Структура раздела

§ 1. История включения проблемы изучения языковой личности в языковедческую проблематику.

§ 2. Понятие языковой личности.

§ 3.Трехуровневая модель представления языковой личности.

§ 4. Характер языковой личности в связи с национальной культурой и национальным характером.

§ 5. Значение концепции языковой личности для лингводидактики и методики.

Цель изучения темы

Успешное усвоение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о понятии языковой личности, познакомиться с историей включения этого понятия в языкознание	1. Уровень репродуктивный (изложить историю языкознания в аспекте развития и синтеза исторического, психологического, системно-структурного и социального подходов к языку).
2. Уметь объяснить, из каких трех уровней состоит модель языковой личности	2. Уровень понимания (уметь объяснить, что такое вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационный уровни представления языковой личности).
3. Приобрести навыки выделения и анализа единиц вербально-семантического уровня (слова), тезаурусного уровня (концепты) и мотивационного уровня (деятельностно-коммуникативные потребности)	3. Уровень аналитический (проявить навыки выявления единиц трех уровней и анализа их отношений: а) "вербальная сеть"; б) семантические поля, "картина мира"; в) "коммуникативная сеть")
4. Показать значение концепции языковой личности для лингводидактики и методики	4. Уровень творческий (описать систему заданий для изучающих русский язык в соответствии с особенностями модели языковой личности)

§ 1. История включения проблемы изучения языковой личности в языковедческую проблематику

История развития языкознания позволяет выделить в ней несколько этапов в зависимости от того, какое фундаментальное свойство языка оказывалось в центре внимания языковедов.*

Так, весь XIX век характеризуется как время господства *историзма*, представления о языке как "насквозь историческом явлении"; на первый план выдвигалось сравнительно-историческое изучение языков. Именно на идее историзма формировалась и держалась языковедческая парадигма этого времени, т.е. совокупность научных идей, методов, общепринятых мнений и суждений в данной области науки.

В начале XX в. исследовательский интерес переместился в сторону живого языка, благодаря чему подчеркивались такие его черты, как творческий характер, эстетическая функция, психологические основы овладения языком; в результате историческая парадигма в языкознании сменилась *психологической*.

Отдав дань психологизму, Ф. Соссюр подчеркнул другие стороны языка, а именно: что он "насквозь системный" и "насквозь социальный", - в результате чего с 20-х годов XX века главным объектом языкознания становится система языка (язык должен изучаться, по Соссюру, "в самом себе и для себя"). Здесь уместно напомнить господство так называемого структурализма в 50-е годы XX в. Что же касается

идеи о социальности языка, то она также развивалась параллельно с идеей системности и, пройдя "сквозь чистилище вульгарного социологизма" ("новое учение о языке" Марра), "превратилась в рабочий инструмент лингвиста" [Караулов 1987: 14]. Разумеется, историю развития языкознания нельзя представлять себе упрощенно, как четкую смену одной научной парадигмы другой: во-первых, новые идеи часто вызревали в недрах старых подходов, так что переход от одного направления к другому не имел четких границ; во-вторых, нередко в работах одного ученого могли совмещаться различные подходы к изучению языка (как, например, у того же Ф. Соссюра или у В.А. Богородицкого). Наконец, каждый из четырех названных подходов (исторический, психологический, системно-структурный и социологический) также на протяжении десятилетий развивался, углублялся, претерпевал изменения. Так, например, 60-е -70-е годы прошлого века характеризовались как время "штурма семантики", по выражению Н.Д. Арутюновой; семантикой обогащалась и системно-структурная парадигма, а затем к этому аспекту изучения языка добавился и новый - коммуникативно-прагматический: языковеды заговорили о "человеческом факторе" в языке, стали обращать внимание на необходимость изучать язык в связи с его носителем.

Давая этот обзор смены научных парадигм в языкознании,

Ю.Н. Караулов в книге "Русский язык и языковая личность" (основные положения которой излагаются в данном разделе) подчеркивает, что современный уровень языкознания характеризуется совокупностью всех этих парадигмальных подходов, однако до сих пор не выработано такого метода анализа языка, который бы действительно их синтезировал. "Выход видится в обращении к человеческому фактору, во введении в рассмотрение лингвистики, в ее парадигму [языковой личности](#) как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка"*

Почему именно языковая личность как объект лингвистического изучения может выполнить эту интегрирующую роль: позволит изучить все четыре фундаментальные свойства языка в их взаимодействии? Причиной этого является то обстоятельство, что личность "есть средоточие и результат с о ц и а л ь н ы х законов; ... она есть продукт и с т о р и ч е с к о г о развития этноса;...по причине принадлежности ее мотивационных предрасположений ... к п с и х и ч е с к о й сфере; наконец, ... - в силу того, что личность есть создатель и пользователь знаковых, т.е. с и с т е м н о - с т р у к т у р н ы х по своей природе образований."*

Современное языкознание, независимо от того, какие вопросы оно решает, стремится к тому, чтобы описать языковые явления в динамическом аспекте, вставляя их в контекст изучения речемыслительной деятельности, в контекст взаимодействия между языком и тем, кто его использует и к кому адресуется говорящий. Все это объясняет, почему языковая личность включается в сферу интересов современной лингвистики.

И хотя отдельные заявления о необходимости изучать язык во взаимодействии с языковой личностью можно найти уже в XVIII в. (в частности, у М.В. Ломоносова), однако целостную концепцию языковой личности, раскрытие этого понятия и его конкретное применение в филологических разысканиях мы находим только в исследованиях конца XX века и прежде всего в названной работе Ю.Н. Караулова, который отмечает: "...нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю - к человеку, к конкретной языковой личности.

§ 2. Понятие языковой личности

Определяя понятие языковой личности, следует рассмотреть, как трактуется понятие личности вообще. Это понятие психологи определяют следующим образом: "личность - это относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением, условиями"*.

При таком подходе личность в житейском смысле, в повседневном понимании трактуется как особенности стиля жизни, характерный для индивида способ реагирования на различные проблемы. И

психология в этом случае сосредоточивает внимание на эмоциональных характеристиках, особенностях воли индивида. Когда же речь идет о языковой личности, то на первый план выдвигаются когнитивные аспекты личности, т.е. ее способности и интеллект, поскольку интеллект проявляется в первую очередь в языке и исследуется через язык. Следовательно, **"языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств"**^{*}.

§ 3. Трехуровневая модель представления языковой личности

В силу того, что интеллектуальные свойства личности проявляются не на всяком уровне владения языком, выстраивается трехуровневая модель представления языковой личности. Нулевой уровень - это уровень ординарной семантики, который еще ничего не говорит об интеллектуальных особенностях личности, он проявляется лишь в ординарных сочетаниях лексико-семантических единиц языка, в тривиальных конструкциях типа "Как пройти?"; "Который час?" и т.п. Такое речевое поведение не дает простора для проявления индивидуальности, поэтому к характеристике собственно языковой личности этот уровень не имеет непосредственного отношения, хотя и составляет необходимую предпосылку для ее становления и функционирования. Этот ординарно-семантический уровень составляет главный объект *теории речевых актов*, теории разговорной речи, а также (см. раздел [8 "Теория речевых актов"](#)) попадает в поле зрения исследователя в том случае, когда изучается язык как иностранный. "Следовательно, языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы..."^{*} Итак, **первый уровень владения языком - по существу нулевой, - это уровень структурно-семантический, отражающий степень владения обыденным языком**. Он получает различные номинации: ординарно-семантический, вербально-семантический, структурно-семантический и структурно-смысловой.

Второй уровень владения языком, но первый уровень, если говорить об уровне представления собственно языковой личности, - это **уровень лингво-когнитивный: на этом уровне проявляется (а исследователем - выявляется) иерархия смыслов и ценностей в языковой картине мира**, т.е., короче говоря, это **уровень языковой картины мира данной языковой личности**. Он тоже именуется по-разному: когнитивный, лингво-когнитивный и тезаурусный.

Наконец, **высший уровень - мотивационный, предполагающий наличие специфических мотивов и целей, движущих развитием личности, ее речевым поведением, управляющих ее текстопроизводством**.

Итак, языковая личность может быть описана в аспекте ее уровневого строения; в каждом из выделенных уровней есть некая стабильная, вневременная составляющая, и есть часть временная, переменчивая. Так, для нулевого, структурно-семантического уровня стабильная, вневременная часть - это стандартная, устойчивая часть вербально-семантических ассоциаций (например, на слово-стимул "здоровье" подавляющее большинство опрашиваемых дали такую словесную реакцию: "крепкое"; "хорошее"; "болезнь"; "отличное"; "плохое"; "беречь"); "это структурные черты общерусского языкового типа, сохраненные на протяжении достаточно длительного исторического времени, присущие всем носителям русского языка, единые на всей территории его бытования"^{*}. На лингво-когнитивном уровне вневременную, постоянную часть составит базовая, инвариантная часть картины мира, а на мотивационном уровне - представления о смысле бытия, цели жизни человечества, тогда как переменную часть составят индивидуальные мотивы и цели. Благодаря наличию постоянных, инвариантных составляющих всех уровней языковой личности, осуществляется взаимопонимание носителей различных диалектов единого национального языка, а также существует возможность понимания русской языковой личностью текстов, написанных значительно ранее того времени, когда живет данный индивид.

Таким образом, полное описание языковой личности предполагает:

а) характеристику семантико-строевого уровня ее организации...;

б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов"*.

§ 4. Характер языковой личности в связи с национальной культурой и национальным характером

Обсуждая содержание понятия этноса и этнического самосознания, этнологи опираются на ряд признаков: общность происхождения; общность исторических судеб; общность культурных ценностей и традиций; общность языка, эмоциональных и символических связей; общность территории. "Как видим, - заключает этот перечень Ю.Н.Караулов, - вся эта совокупность взаимодополнительных характеристик насквозь диахронна. Типичные для каждого этноса черты обеспечиваются присущей людям системой передачи опыта от поколения к поколению, причем основным средством этой передачи выступает язык*]. Этим и определяется диахронический характер формирования и бытования национального характера: "национальное всегда диахронно", - заключает Ю.Н. Караулов, ставя знак равенства между понятиями "историческое", "инвариантное" и "национальное" применительно к структуре языковой личности*.

Правда, ученый делает оговорку, что "для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует. Она состоит в том, что носителем национального начала и в том и в другом случае выступает относительно устойчивая во времени, т.е. инвариантная в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта. Таким образом, наличие общерусского языкового типа (нулевой уровень структуры), базовой части общей для русских картины мира, или мировидения (1-й уровень), и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения (2-й уровень), и позволяют говорить о **русской языковой личности**.

§ 5. Значение концепции языковой личности для лингводидактики и методики

Анализ существующих методов и моделей обучения языку свидетельствует о том, что они в своем большинстве ограничиваются рамками системного представления самого языка и не вторгаются в структуру личности, не опираются на структуру языковой личности, а без учета структуры языковой личности невозможно создать эффективную модель обучения языку. И это касается обучения как родному языку, так и иностранным. Эта идея высказывалась уже давно Ф.И. Буслаевым,

А.М. Пешковским и другими отечественными лингвистами и методистами. Однако господствующей оставалась идея "уровневой" модели обучения, повторяющая образ структуры языка. Так, например, Н.М. Шанский в статье "Методика преподавания русского языка: достижения и проблемы" прямо утверждает: "Монолингвальное лингвистическое описание русского языка в учебных целях представляется системным **поуровневым** описанием синхронно-диахронического характера, которое позволит увидеть языковые факты не только в статике, но и в динамике..." (подчеркнуто мною - О.К.)*.

Разработанная Ю.Н. Карауловым трехуровневая модель структуры языковой личности, по мнению ее автора, позволит внести в лингводидактические и методические рекомендации существенные дополнения и уточнения. Так, трехуровневая модель языковой личности коррелирует с широко распространенными в психолингвистике идеями о том, что процессы восприятия и понимания также включают три уровня. Так, в сфере смыслового восприятия выделяют побуждающий, формирующий и реализующий уровни. "Побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную

(стимульную) информацию и мотивационную сферу. Формирующий уровень... содержит четыре ... фазы: 1) фазу смыслового прогнозирования, 2) вербального сличения, 3) установления смысловых связей, 4) смыслового формулирования... Реализующий уровень ... формирует замысел ответного речевого действия"*.

В сфере понимания выделяют такие три уровня: 1) понимание смысла слов и их соединений (вспомним низший, или нулевой - структурно-смысловой, вербально-семантический - уровень языковой личности), 2) понимание концепции текста (лингво-когнитивный, или тезаурусный, уровень языковой личности), 3) понимание замысла автора текста (высший, мотивационный уровень языковой личности).

Развивая речевые умения и навыки, очевидно, следует учитывать, какие **единицы** имеются на каждом уровне, каковы между ними **отношения** и каковы **стереотипы** этого уровня. Так, на низшем уровне единицами являются слова, связи между ними подчиняются законам грамматики, а отношения носят семантико-ассоциативный характер; стереотипами являются наиболее распространенные, стандартные словосочетания и предложения. Например, слова; *хлеб, купить*; стереотипы: словосочетания *идти в школу, купить хлеба*, предложения: *Как пройти на почту?*; *Скажите, пожалуйста, тут где-нибудь поблизости нет сбербанка?* и т.п. На втором уровне единицами являются **концепты**, а отношения формируются в виде **семантических полей**, "*картины мира*", стереотипами являются общепризнанные истины, сентенции, генерализованные высказывания (*Кому много дано, с того много и спросится*); на высшем, мотивационном уровне единицами являются деятельностно-коммуникативные потребности; отношения представлены коммуникативными ситуациями, связанными со сферами общения, а стереотипами - образы, или символы **прецедентных текстов** (например: *И какой же русский не любит быстрой езды?!; Плюшкин; Обломов*) и т.д.

Из этой модели явствует, что лингводидактика и методика приходят к принципу "активной коммуникативности", когда учитывается необходимость использования и стимулирования коммуникативных потребностей, изучающих язык, обучение языку связывается с развитием этих потребностей, их мотивацией.

"Понятие языковой личности"

1. Какие четыре основных подхода к изучению языка можно выделить в истории языкознания?
2. Каким образом введение понятия *языковой личности* синтезирует все эти подходы?
3. Какова дефиниция понятия *языковая личность*?
4. Какие три уровня различаются в модели языковой личности?
5. Каким образом трехуровневая модель языковой личности может быть использована в лингводидактике?

Задания для самостоятельной работы

"Понятие языковой личности"

Прочитайте следующие статьи и сравните изложенные в них концепции методики обучения русскому языку:

Шанский Н.М. Методика преподавания русского языка: достижения и проблемы // Русский язык в национальной школе. 1982.- № 6.

Зимняя И.А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого общения.- М., 1976.

Раздел 3.

Темы курсовых работ

1. Индивидуальный лексикон носителя русского языка и способы его реконструкции.
2. Художественный образ как источник реконструкции языковой личности.
3. Грамматика в ассоциативно-вербальной сети носителя русского языка.
4. Формирование вторичной языковой личности: основные лингводидактические модели.

Темы рефератов и эссе

1. Коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности.
2. Творческая языковая личность: особенности и способы реконструкции (на материале словаря Ф.М.Достоевского).

Раздел 4. Лингвистика текста

Структура раздела

- § 1. Задачи лингвистики текста.
- § 2. Понятие текста.
- § 3. Единицы текста и элементы текста.
- § 4. Связность и цельность как конституирующие свойства текста.
- § 5. Аспекты анализа текста.
- § 6. Функционально-смысловые типы текстов.

Цель изучения темы

Успешное усвоение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о предмете, задачах, методах лингвистики текста и о том, что такое текст	1. Уровень репродуктивный (повторить, что такое лингвистика текста, каковы ее предмет и задачи; перечислить методы, используемые в лингвистике текста; дать определение текста)
2. Уяснить, какие признаки являются конституирующими текст, из каких минимальных единиц и элементов строится текст, уметь их вычленять и характеризовать	2. Уровень понимания (объяснить, из каких единиц и элементов строится текст, какие свойства являются определяющими для текста, что такое связность и цельность текста)
3. Приобрести навыки анализа текста различных стилей и жанров с точки зрения реализации в них принципов связности и цельности	3. Уровень аналитический (умение анализировать тексты путем выявления в них способов осуществления связности и цельности)
4. Овладеть навыками анализа, оценки и построения текстов, принадлежащих к коммуникативно-смысловым типам описания, повествования, рассуждения и инструктирования.	4. Уровень творческий (способность оценить текст с точки зрения его принадлежности к тому или иному коммуникативно-смысловому типу и построить текст заданного коммуникативно-смыслового типа; способность определить, какую коммуникативную стратегию и какие коммуникативные тактики использованы автором текста, и применить аналогичные стратегии и тактики в сходных речевых ситуациях)
5. Получить понятие о коммуникативной	

§ 1. Задачи лингвистики текста

В языкознании принято представление устройства языка как системы систем, где каждая система является одним из уровней, или ярусов, которые находятся между собой в иерархических отношениях. Так, в качестве "низшего" яруса, или уровня, выделяется уровень фонем (минимальных неделимых смыслоразличительных единиц языка), далее следует уровень морфем, уровень слов (точнее, лексем), уровень словосочетаний и уровень предложений. Иерархические отношения между уровнями состоят в том, что из нескольких единиц более низкого уровня можно построить одну единицу более высокого уровня, но не наоборот. Скажем, из нескольких фонем: <д> + <о> + <м > строится одна морфема (*дом*), но из нескольких морфем нельзя создать одну фонему. Кроме того, единица более высокого уровня всегда обладает неким новым качеством, которого лишены составляющие ее единицы более низкого уровня; например, для морфемы этим новым качеством является наличие у нее лексического значения, которого лишены составляющие ее фонемы; предложение выполняет коммуникативное назначение, - качество, которого нет у составляющих его слов и словосочетаний, и т.д. Наконец, иерархический характер отношений между перечисленными единицами проявляется еще и в том, что единица более высокого уровня есть не механическая сумма составляющих ее компонентов, а результат их сложного взаимодействия, следствием чего является наличие у таких единиц, как слово и предложение, некоего фразеологического смыслового "довеска", который накладывается на значение суммы составляющих эти единицы компонентов. Так, например, предложения *Беседка под обрывом* и *Беседка под наблюдением* построены из одинаковых форм слов N1+ под N5 (где символ N означает имя существительное, а цифра - падежную форму), но, вопреки одинаковой формальной устроенности этих предложений, их смысл неодинаков, причем это различие имеет место не только на лексическом уровне, но и в плане их синтаксической семантики, а именно: в первом случае сообщается о местоположении предмета (*беседки*), а во втором - о том, что предмет является объектом некоторого действия; аналогично: *Он обедал с другом* и *Он обедал с удовольствием* и т.д.

С указанных позиций текст тоже может быть осмыслен как определенная единица самого "верхнего" уровня языка: он строится из единиц более низких уровней, он обладает новым качеством, которого лишены составляющие его единицы (*связностью и цельностью*, о чем ниже), и, наконец, он не есть механическая сумма составляющих его единиц. Однако очень существенно, что текст - это динамическая коммуникативная единица высшего порядка, которая создается, производится в расчете на восприятие его адресатом и поэтому для его анализа недостаточно сведений из языковедческих дисциплин (лексикологии, фразеологии, словообразования, морфологии, синтаксиса); для осмысления его особенностей, устройства, видов и функций необходимы также сведения из психолингвистики, социолингвистики, прагматики, стилистики, информатики, теории перевода и др. Вот почему изучение текста выделилось в самостоятельное направление филологии - **лингвистику текста**.

Таким образом, задачей лингвистики текста является многоаспектное изучение текста как сложной вербальной единицы высшего уровня со специфическими структурными, функционально-смысловыми, коммуникативными и прагматическими свойствами.

Методы, используемые в лингвистике текста, определяются исследовательскими задачами и теми аспектами, в которых анализируется текст. Так, например, ставя задачу выявить типы текстов с точки зрения их коммуникативно-смысловой (функционально-смысловой) направленности, ученый прибегает к классификационному методу; сравнивая различные типы текстов, он использует метод сравнения; выявляя существенные характеристики какого-либо текста, он прибегает к методу непосредственного наблюдения над языковыми особенностями текста и над способами их организации; при необходимости (например, для выявления количественного преобладания каких-либо определенных языковых единиц в тех или иных

текстах) могут быть использованы статистические методы; описывая коммуникативные стратегии и тактики, исследователь оказывается в сфере когнитивной лингвистики и социолингвистики и использует методы этих наук.

§ 2. Понятие текста

Язык "живет" в речи, т.е. реализуется в речевых произведениях. Эти речевые произведения могут быть различны по объему, по материальной форме (устными или письменными), по коммуникативной направленности, по принадлежности входящих в их состав языковых средств к определенным функциональным стилям, - независимо от этого, *каждое законченное речевое произведение представляет собой текст.*

Иногда считают, что текст - это только письменное произведение, однако для такого ограничения оснований нет. Например, за столом во время обеда Вам передали соль, и Вы благодарите за услугу: *"Спасибо"*. Это устное речевое произведение представляет собой текст. По объему он равен **релятиву**. **Релятивом** называется такое высказывание, которое не будучи грамматической единицей - предложением (поскольку не имеет предикативного грамматического значения), служит, тем не менее, законченной коммуникативной единицей, т.е. коммуникатом; коммуникат-релятив представляет собой вербальную реакцию на слова собеседника или на ситуацию (как в приведенном примере); примеры коммуникатов-релятивов: *Здравствуй!; Пока!; Да; Нет; Вот ещё!; Как бы не так!; Ну и ну!; Да что там...; Ладно* и т.д.

В устной форме текст может представлять собой такой, например, диалог двух студентов, т.е. характеризующийся законченностью, цельностью обмен репликами:

- *Привет!*
- *Привет! Ты куда?*
- *На лекцию! А ты?*
- *Домой.*
- *Ну пока!*
- *До скорого!*

Передача услышанной по радио информации средствами разговорной речи также будет примером текста в устной форме: А завтра погоду передавали дождя не будет. Это высказывание принадлежит спонтанной разговорной речи, показателем чего являются связи свободного присоединения, отсутствующие в кодифицированном литературном языке. Обмен приветствиями, выступление оратора на митинге или в Думе, стихотворение поэта, лекция преподавателя в вузе, ответ студента на семинаре, деловое письмо, школьное сочинение, приказ по учреждению, заявление, доклад ученого на научной конференции, реклама, автореферат диссертационного исследования и т.д. и т.п. - все это различные типы текстов. (При этом текстом можно считать и менее крупные образования в составе таких макротекстов: сверхфразовые единства, т.е. сложные синтаксические целые, и даже отдельные высказывания, о чем - ниже.)

Поскольку изучение текстов выделилось в самостоятельное направление филологической науки лишь в 50-е годы XX столетия, многие вопросы в этой сфере остаются неразработанными или спорными, не все понятия определены однозначно, не устоялся и терминологический аппарат.

Так, мы уже упоминали наличие спорного мнения, что текст может быть только письменным.

Кроме того, не все исследователи разделяют нашу точку зрения, что текст может состоять лишь из одного высказывания (см. пример, приведенный выше: Спасибо).

С распространением идей семиотики появилась и более широкая трактовка термина текст: здесь любой феномен культуры, в том числе и язык, интерпретируется как своеобразная знаковая система,

т.е. как своего рода текст. В частности, об этом пишет Н.И. Толстой в работе "Язык и культура": "...под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая деятельность. Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода или три стороны языка - вербальную (словесную - слова), реальную (предметную - предметы, вещи) и акциональную (действенную - действия)" [Толстой 1991: 12].

В отличие от этого, семиотического, подхода, в лингвистике текста текст рассматривается только как вербальное произведение, хотя при этом не отвергается и деятельностный подход к тексту, при котором текст понимается и как речевая деятельность, и как ее результат одновременно. "В тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие. Так рождается взаимосвязанная триада: а в т о р (производитель текста) - т е к с т (материальное воплощение речемыслительной деятельности) - ч и т а т е л ь (с л у ш а т е л ь - О.К.) - (интерпретатор). Таким образом, текст оказывается одновременно и результатом деятельности автора, и материалом для деятельности интерпретатора" [Валгина 2003: 8].

Если ни объем, ни жанр, ни стилистическое оформление, ни форма речи (устная/письменная), ни вид речи (диалог/монолог) не служат основаниями для выделения текста (все эти признаки, как мы видели, могут быть различными), что же является необходимым признаком текста? Таким признаком является наличие авторской интенции (намерения, цели, замысла), т.е. текст создается тогда, когда какое-то речевое произведение реализует определенную авторскую установку, авторское намерение, что находит свое выражение в цельности и связности этого речевого произведения. Если авторская интенция реализовалась, - возник текст; если осуществился переход от реализации одной авторской интенции к реализации другой, - значит, окончился один текст и начался другой. Поэтому если текст велик по объему (например, роман-эпопея), то он, обладая цельностью и связностью, реализует одну общую авторскую интенцию (литературоведы называют ее художественным замыслом), но внутри этого единого текста (макротекста) имеются микротексты (например, диалоги героев, повествование о событии, отдельные описания: портреты персонажей, пейзажные зарисовки и т.д.), каждый из которых также обладает этими качествами связности и цельности и реализует некую частную авторскую интенцию, подчиненную общей, в данном случае - подчиненную общему художественному замыслу.

Может возникнуть вопрос: а насколько правомерно тогда видеть единый текст в диалоге, коль скоро диалог имеет двух авторов, а значит, при обмене репликами реализуются интенции не одного автора, а двух? (Тот же вопрос может возникнуть и при рассмотрении текста-полилога). Полагаем, что коммуникативно успешный диалог, т.е. такой, при котором не происходит коммуникативного сбоя, реализует общую для обменивающихся репликами участников диалога интенцию; например: обозначить дружественное участие, расположение, заинтересованность в делах собеседника (см. вышеприведенный диалог двух студентов); но это не исключает и наличия более частных авторских интенций, реализуемых репликами каждого из собеседников; так, этими частными намерениями в приведенном случае будут намерения:

- поприветствовать друга,
- поинтересоваться его планами,
- сообщить о своих действиях,
- попрощаться.

Именно поэтому мы отметили выше, что и каждая из реплик такого диалога, если она отличается цельностью, завершенностью, тоже может быть интерпретирована как текст; например: Привет! Или Я на лекцию. (В этом случае можно говорить о микротекстах в составе единого макротекста.) Как раз отсутствие общей интенции приводит к коммуникативному сбою, т.е. к коммуникативной неудаче, и, следовательно, в этом случае диалог не состоится, единый текст не возникнет; например:

- *Привет!*
- *Да пошел ты!*

Слово текст является по происхождению латинским и означает буквально "ткань, сплетение". В лингвистике текста этот термин определяется по-разному. Приведем несколько дефиниций для сравнения:

Т.М. Николаева: "Связный текст понимается обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора" [Николаева 1978: 5-43].

В.Кох: "...любая последовательность предложений, организованная во времени или пространстве таким образом, что предполагается целое" [Кох 1978: 49-71].

Н.С. Валгина: "В любом случае текст представляет собой объединенную по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связанность и цельность" [Валгина 2003: 12].

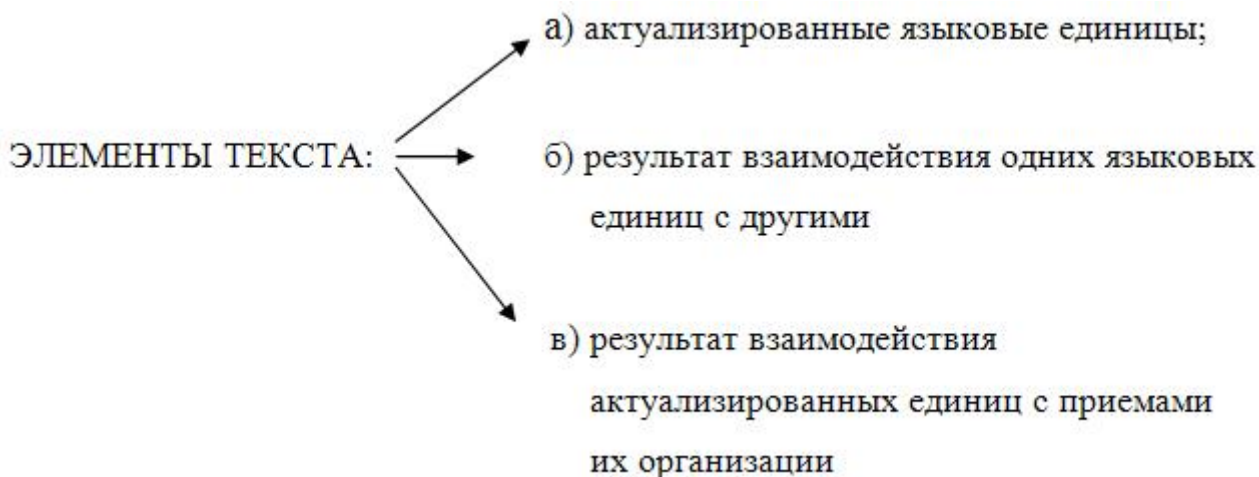
Как видно из этих определений, цельность и связность (связанность) признаются обязательными признаками текста всеми лингвистами. Об общем замысле (в нашей формулировке - авторской интенции) также говорится, в частности, в определении Т.М.Николаевой. Но наличие "последовательности предложений", по нашему мнению, не обязательно: ведь, как было показано выше, текстом может быть и релятив, и предложение, и высказывание в "живой", спонтанной разговорной речи, не отвечающее синтаксическим нормам кодифицированного литературного языка.

Итак, **текстом будем называть речевое произведение, реализующее авторскую интенцию и характеризующееся связностью (связанностью) и цельностью (целостностью).**

Текст есть целое, как уже говорилось, являющееся не механической суммой составляющих его компонентов (единиц, элементов, частей), а результатом их сложной организации, где составляющие взаимодействуют друг с другом, определяют друг друга. Выявление и самих этих составляющих, и характера их взаимодействия и взаимовлияния представляет собой предмет лингвистики текста.

§ 3. Единицы текста и элементы текста

Текст, будучи коммуникативной единицей высшего порядка, строится из различных единиц и элементов. Обычно эти понятия не различаются (мы также ранее не различали их: см., например, раздел "Хрестоматийные материалы к данной теме), однако теперь мы полагаем, что их следует разграничить. Так, **единицы текста - это актуализированные языковые единицы:** слова, формы слова (словоформы), предложения, словосочетания, фразеологические единицы. Однако, как уже было сказано, текст не есть их механическая сумма. В тексте эти языковые единицы, во-первых, **качественно преобразуются**, т.е. **актуализируются**, а во-вторых, **взаимодействуют** с другими единицами. Так возникают **элементы текста - это такие его составляющие, которые суть результат актуализации языковых единиц и результат взаимодействия одних языковых единиц с другими и языковых единиц с приемами их организации.**

Так, результатом актуализации предложения как грамматической языковой единицы является **высказывание**, т.е. предложение с учетом его лексического наполнения, особенностей интонирования и конкретного коммуникативного задания, которое это предложение выполняет в тексте, в речи. Коммуникативное задание, выполняемое предложением-высказыванием, отражается его **актуальным членением на тему и рему**. (См. раздел [7 "Коммуникативный синтаксис."](#)) **Тема** (иногда нулевая), - это та часть предложения-высказывания, которая передает исходную для говорящего информацию, а **рема** - это та его часть, которая содержит само сообщение о теме или в связи с темой; новая информация передается именно соотношением ремы с темой. Поэтому два предложения с одинаковым лексико-морфологическим составом будут различными высказываниями, если их актуальное членение различно; например: *Заседание кафедры состоится* (тема) // *во вторник* (рема) и *Во вторник* (тема) *состоится заседание кафедры* (рема).

Элементами текста являются также, как уже было сказано, **релятивы**, т.е. коммуникаты, выступающие как реакция на слова собеседника или ситуацию.

Кроме названных коммуникативных единиц - релятивов и предложений-высказываний, - в тексте выделяются структурно и семантически более сложные коммуникативно-синтаксические единицы: **сверхфразовые (межфразовые) единства, или сложные синтаксические целые**. Сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) представляет собой единство синтаксических конструкций, объединенных одной темой, оно обычно на письме оформляется отдельным абзацем. Так, например, таким сверхфразовым единством является следующий микротекст в составе поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души":

"- Нет, - сказал сам в себе Чичиков, - женщины, это такой предмет... Одни глаза их - такое бесконечное государство, в которое заехал человек, - и поминай как звали!"

В этом сверхфразовом единстве, посвященном одной теме (каковы женщины), объединены синтагматической связью: коммуникат-релятив "Нет", слова автора при прямой речи, представляющие собой предложение-высказывание: "сказал сам в себе Чичиков", незаконченное предложение-высказывание, в котором рема не завершена: "женщины, это такой предмет...", и последнее высказывание (с темой *одни глаза их*), структурно представляющее собой сложноподчиненное предложение, включающее фразеологизм "поминай как звали!"

Рассматривая элементы текста с точки зрения их функций в тексте, В.В. Одинцов выделяет среди них элементы трех типов: 1) Элементы, обусловленные темой текста и создающие логическую основу текста [Кожин, Крылова, Одинцов 1982: 144]. Например, если текст посвящен современному состоянию экономики России, то в нем обязательно будут присутствовать такие слова и словосочетания, как экономика, финансовая политика, инфляция, валовый национальный продукт и т.п.; без них текст на данную тему построить невозможно. С нашей точки зрения, их можно назвать единицами текста, создающими его тематическую целостность. 2) Второй тип элементов, по В.В. Одинцову, это стилиобразующие элементы: их устранение или замена также деформируют текст, но содержание текста может быть передано и без них: они создают стилистическую форму речи. Это средства речевой

выразительности, тропы и фигуры речи, лексические, словообразовательные или грамматические средства языка с той или иной стилистической окраской; например, высказывание: Ржавеют трубы от доброго десятка причин! будет таким стилистически окрашенным элементом научно-популярного текста о коррозии металла и его причинах. То же содержание можно передать аналогичным по смыслу высказыванием: Причины коррозии труб многочисленны, но стилистическая окраска текста от такой замены явно изменится. 3) Наконец, третья группа элементов, существенных для структуры текста, - это конструктивные приемы. Это различные способы организации единиц текста. Например, прием антитезы (хрестоматийным примером которого является известный фрагмент из "Евгения Онегина" А.С.Пушкина: Они сошлись... Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой).

К числу конструктивных приемов можно отнести семантико-смысловый сдвиг, иронию, монтажные формы построения текста, переход от повествовательной формы к вопросно-ответной и множество других. Их выявление и описание является задачей анализа текста в стилистическом аспекте. (Об аспектах анализа текста см. ниже, § 5.)

§ 4. Связность и цельность (целостность) как конституирующие признаки текста

Данные признаки являются определяющими, наиболее существенными, формирующими текст, т.е. конституирующими.

Действительно, если последовательность знаков организована так, что они связаны между собой и представляют собой единое целое, реализующее авторскую интенцию, то это и означает, что такая последовательность образовала текст; например, последовательность связанных между собой звуков: [т'] + [и] + [ш] + [ы] + [н] + [а], произнесенная с интонацией завершенности, сигнализирующей, что говорящий реализовал свое намерение констатировать некоторый факт (наличие тишины), будет представлять собой текст, равный по объему предложению-высказыванию: *Тишина*. Более сложная последовательность связанных между собой знаков будет представлять собой текст, состоящий из нескольких предложений-высказываний; например: *Поздняя осень. Грачи улетели. Лес обнажился. Поля опустели.* (Некр.) Следовательно, связность обеспечивает **структурное** единство текста, независимо от его объема. И из приведенных примеров явствует, что связность (связность) имеется между различными единицами текста: и между звуковыми единицами, и между лексическими, и между синтаксическими – предложениями, и между синтаксическими структурами, большими, чем предложения, т.е. сверхфразовыми единствами, – иными словами, это **линейная связность, т.е. связность на синтагматическом уровне.**

Линейная (синтагматическая) связность достигается чисто языковыми средствами: близостью лексической семантики использованных лексем, наличием анафорических элементов, порядком слов, соотношением видо-временных форм, модальными словами, вводными словами и конструкциями, союзами, повторами, связью темо-рематических цепочек и т.д.

Но если текст не равен одному высказыванию, в особенности если он достаточно распространен, то, кроме линейной связности, ему присуща и **нелинейная связность**, которая возникает на парадигматическом уровне; Н.С. Валгина называет ее **глобальной**. [Валгина 2003: 45]. Это **смысловая, концептуальная, тематическая связность**, которая обеспечивает цельность (целостность) текста. Следовательно, **связность – это структурная особенность текста, а цельность (целостность) – его содержательная особенность.**

Цельность текста обусловлена тем, что он реализует одну определенную авторскую интенцию, поэтому ему свойственно **тематическое единство**; глобальная связность, обеспечивающая цельность текста, проявляется также в наличии **ключевых слов**. «Ключевые слова, становясь доминантными обозначениями, создают вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая в него другие слова, ситуативно связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого. Как, например, в следующем межфразовом единстве найденный писателем образ путешествия повлек за собой соответствующий словесный набор: *дали и дороги; на каждом шагу; переплетение дорог.*

«Работа над этой книгой напоминает путешествие по мало знакомой стране, когда на каждом шагу открываются новые дали и дороги. Они ведут неведомо куда, но сулят много неожиданного, дающего пищу для размышлений. Поэтому заманчиво и просто необходимо хотя бы и неполно, как говорится, начерно, но все же разобраться в переплетении этих дорог (К. Паустовский. Золотая роза)» [там же].

§ 5. Различные аспекты изучения и описания текста

Поскольку текст представляет собой сложную единицу высшего порядка, он может быть проанализирован с различных сторон, в различных аспектах.

Выделим три основных аспекта изучения и описания текста:

стилистический; функциональный; прагматический.

При этом важно помнить, что такое выделение условно, поскольку задачи изучения и описания текста могут решаться и в комплексе.

1. Стилистический анализ текста решает две задачи: 1) с позиций функциональной стилистики выявляются те *языковые средства*, которые использованы автором текста, и их стилистическое значение в тексте, т.е. *единицы* текста; 2) с позиций стилистики речи (стилистики текста) анализируются те *приемы*, которые организуют эти языковые средства в связный и целостный текст. Иными словами, при первом подходе анализ призван ответить на вопрос: «Из чего создан текст?» А при втором – ответить на вопрос: «Каким образом построен текст? Как языковые средства организованы?»*.

В монографии В.В. Одинцова «Стилистика текста» приводятся примеры обоих видов стилистического анализа текста.

Примером стилистического анализа текста в плане функциональной стилистики является анализ М.Н. Кожина фрагмента из «Войны и мира», рисующего незабываемую лунную ночь в Отрадном и то чувство, которое охватило князя Андрея, случайно услышавшего разговор Наташи с Соней*. Напомним этот фрагмент:

«Князь Андрей встал и подошел к окну, чтобы отворить его. Как только он открыл ставни, лунный свет, как будто он настороже у окна и давно ждал этого, ворвался в комнату. Он отворил окно. Ночь была свежая и неподвижно-светлая. Перед самым окном был ряд подстриженных деревьев, черных с одной стороны и серебристо-освещенных с другой стороны. Под деревьями была какая-то сочная, кудрявая растительность с серебристыми кое-где листьями и стеблями. Далее за черными деревьями была какая-то блестящая росой крыша, правее большое кудрявое дерево с ярко-белыми стволами и сучьями, и выше его почти полная луна на светлом, почти беззвездном весеннем небе. Князь Андрей облокотился на окно, и глаза его остановились на этом небе».

М.Н. Кожина отмечает живописность картины и те средства, которые создают ее: глаголы «изображают» последовательность действий князя Андрея и тем самым помогают читателю как бы следить за ним и увидеть вместе с героем «картину» лунной ночи. Очень важны также неопределенные местоимения, создающие некоторую неопределенность, неясность пейзажа («что можно ассоциировать с неясностью и неосознанностью зарождающегося чувства героев»). М.Н. Кожина обращает внимание на употребление «общих», отвлеченных существительных (*деревя, растительность*), что вообще не является характерным для художественного текста, но в данном случае «становится чрезвычайно сильным, образно-конкретизирующим средством, ибо таков характер изображаемого этими словами поэтического образа...»*.

Разбирая этот анализ, В.В. Одинцов в монографии «Стилистика текста»*, справедливо замечает, что он явно **недостаточен**, т.к. никак не позволяет вывести из рассматриваемого отрывка заключения о том, что «неясность пейзажа» ассоциируется с «неосознанностью зарождающегося чувства героев», поскольку М.Н. Кожина здесь невольно выходит за пределы данного текста; кроме того, В.В. Одинцов отмечает противоречия в суждениях об одновременной конкретизации и обобщении. Вывод М.Н.

Кожиной о том, что для Л. Толстого важно не описание природы само по себе, а передача тех чувств, ощущений, которые волнуют героя, – правилен, но не вытекает из проведенного анализа.

В.В. Одинцов предлагает дополнить и конкретизировать этот анализ выявлением того, как «сделан» текст, что, по его мнению, поможет действительно обосновать приведенный выше вывод. Этот анализ может служить примером стилистического анализа второго типа, т.е. анализа с позиций стилистики речи, стилистики текста. Так, ученый отмечает, что в приведенном отрывке из романа описываются предметы в том виде и в той последовательности, как их видит герой: «*Перед самым окном... ряд дерев... Под деревьями... Далее...правее... выше...*» «Весь отрывок, – пишет В.В. Одинцов, – построен на своеобразном контрасте глаголов, объективно изображающих действия героя, определений и других средств, рисующих пейзаж лунной ночи, причем эта лирическая «картина» как бы вставлена в изображение действий героя, данных тоже последовательно: *встал, подошел, отворил, облокотился*, глагольное повествование обрамляет (функция рамки) «картину». Без этого соотнесения двух частей отрывка нельзя объяснить, почему и как посредством описания пейзажа переданы чувства князя Андрея. Конечно же, это прием, и прием, который встречается в литературе нередко и не у одного писателя»*.

В.В. Одинцов называет этот прием **использованием монтажных форм**.

Следовательно, анализ текста в стилистическом аспекте не должен сводиться к характеристике языковых средств, но должен быть направлен также на выявление **приемов** их организации, т.е. на анализ **композиции текста**.

2. Функциональный анализ текста призван дать характеристику текста с точки зрения того, каковы его функционально-смысловые особенности.

Так, коммуникативно-смысловой (функционально-смысловой) тип текста, отвечающий основной цели общения – коммуникативной, называется **сообщением**; оно подразделяется на **описание** и **повествование**. И описание, и повествование – это тексты констатирующего типа. Кроме них, выделяют тексты **аргументирующего** типа. Это **рассуждение** и его разновидности. Наконец, еще один коммуникативно-смысловой тип текста – это **инструктирование**: текст, содержащий рекомендацию к действию.

Все названные функционально-смысловые типы текстов будут подробнее описаны ниже, в [§ 6](#).

3. Прагматический аспект анализа текста предполагает учет позиции автора, его отношения с адресатом и взаимодействия в той триаде, о которой шла речь выше: автор – текст – интерпретатор.

Если вскрывается цель автора (сообщение, информирование, инструктирование, объяснение и т.д.), то очевидно, что здесь прагматический аспект оказывается неразрывно связанным с функциональным; однако прагматика включает и характеристику типа речевого поведения, отношение к сообщаемому, его оценку, взаимодействие с адресатом. В связи с этим при прагматическом анализе текста могут быть поставлены и решены такие вопросы: успешным ли оказался текст в акте коммуникации? Если произошел коммуникативный сбой, то каковы его причины? Каковы условия успешности акта коммуникации и, следовательно, условия реализации текстом авторского замысла? Как формируются те или иные жанры текстов и речевые акты? (Изучение **речевых актов** также составляет особую задачу современной лингвистики; изложение теории речевых актов [См. раздел 8 «Теория речевых актов»](#).)

Прагматический подход к анализу текста привел к выработке нового понятия – понятия **дискурса**. В западной лингвистической литературе термин *дискурс* выступает как полный синоним слова *речь*; но в отечественной науке принято разграничивать эти два понятия: дискурс не любая речь, а речь и, в частности, текст, рассматриваемый как речевое действие, т.е. текст в совокупности с теми особенностями ситуации, в которых он порождается, т.е. с учетом обстановки, в которой происходит общение, отношений (официальных или неофициальных) между автором и адресатом, социологическими и культурно-этническими факторами и т.д. Совершенно очевидно, что изучение дискурса, т.е., как говорят метафорически, «текста, погруженного в жизнь», требует выхода за пределы лингвистики: в психологию, историю, социологию и т.д.

Для изучения текста в прагматическом аспекте чрезвычайно существенно понятие **коммуникативной стратегии и коммуникативных тактик** речевого поведения автора текста. Коммуникативная стратегия – это **главная линия речевого поведения, основной способ достижения избранной коммуникативной цели**. Например, коммуникативная стратегия речи адвоката состоит в том, чтобы **убедить** суд принять решение в пользу обвиняемого. Но осуществление этой общей стратегии убеждения реализуется путем целого **ряда частных приемов реализации избранной стратегии**, которые могут быть названы **коммуникативными тактиками**. В приведенном случае адвокат может использовать такие, например, тактики: войти в доверие к суду (в частности, к присяжным заседателям) путем завуалированной лести; подменить тезис; акцентировать внимание на малозначительных деталях дела, чтобы скрыть те его особенности, которые будут не в пользу подзащитного и т.д. От стратегии убеждения отличается стратегия уговоров*. Первая направлена на то, чтобы адресант принял выгодное для говорящего решение *сознательно*, будучи убежден говорящим в правильности соответствующего решения. Стратегия уговоров направлена на *эмоциональную сферу* адресанта: многократно повторяя просьбу, говорящий меняет тактики, чтобы адресант «сдался», наконец, и принял выгодное для уговаривающего решение. Например, уговаривая мужа купить собаку, жена прибегает то к жалобам на одиночество, стремясь вызвать жалость, сочувствие; то расхваливает собачку, стараясь возбудить у мужа симпатию к ней; то, наконец, подчеркивает материальный достаток семьи и тем самым в скрытом виде хвалит мужа, получающего высокую зарплату:

Жена: А не завести ли нам собаку?

Муж: Никаких собак! От них одни проблемы! Кто с ней будет гулять? Ее еще нужно воспитывать...

Ж.: Я буду с ней заниматься, буду вставать пораньше, гулять с ней, а потом готовить тебе завтрак...

М.: Я знаю, как ты «встаешь пораньше», так что гулять придется мне.

Ж.: Если бы ты видел, какие они милые! У них такие ушки, такие глазки... Это не собака, а картинка...

М.: А тебе интересно, сколько эта «картинка» ест?

Ж.: Ну ты ведь зарабатываешь достаточно, чтобы прокормить одну маленькую собачку... Ты целый день на работе, да и вечерами задерживаешься, мне так одиноко и скучно одной, а если бы была собака, я бы не так скучала...

*М.: Ты уже придумала, как мы назовем собаку? (=Я согласен.)**

§6. Функционально-смысловые (коммуникативно-смысловые) типы текстов

При всем разнообразии текстов, при функциональном подходе к их анализу можно выделить, как было сказано выше, их основные функционально-смысловые (коммуникативно-смысловые) типы. Они отличаются друг от друга коммуникативной целью автора, особенностями композиции, особенностями отбора и организации языковых средств. Эти функционально-смысловые типы текстов первоначально были выделены в основном на материале художественных произведений. По мере углубления анализа и привлечения к нему материалов других функциональных и жанровых разновидностей речи эти типы усложняются, так что их можно представить в виде следующей таблицы [Одинцов 1980: 93]:

определение	умозаключение	характеристика	сообщение
объяснение	рассуждение	описание	повествование

"Усложнение структур идет (начиная от "определения") как по горизонтали, так и по вертикали. Верхний ряд представляют виды с логической доминантой, с большей определенностью и строгостью структуры. Нижний - соответствующие трансформации (усложнение их), что вызвано дополнительными, психологическими задачами." (Там же).

Основными можно считать **сообщение** (включающее **описание** и **повествование**) и **рассуждение**. Описание может быть **статическим** (его разновидностью является **характеристика**) и **динамическим**; рассуждение включает в себя **определение, объяснение и умозаключение**.

Но есть один коммуникативно-смысловой тип, не отмеченный

В.В. Одинцовым: это **инструктивные** тексты [Валгина 2003: 78].

Если принять эти уточнения, то таблица, отражающая функционально-смысловые типы текстов, примет следующий вид:

сообщение		рассуждение		инструктирование
описание	повествование	определение объяснение	умозаключение	
статическое (включая характеристику) и динамическое				

Сообщение, как было отмечено выше, - это основной коммуникативно-смысловой тип текста, отвечающий основной цели общения - коммуникативной. Он наиболее разнообразен по структуре и по реализации авторских интенций, поэтому в нем можно выделить описание и повествование.

При **описании** автор стремится языковыми средствами воспроизвести определенный фрагмент действительности так, как он воспринимается говорящим, т.е. дать характеристику его признаков, свойств. Это может быть описание природы, описание состояния человека, его внешности (портрет), описание его способностей, темперамента, характера и особенностей поведения (**характеристика**), описание устройства какого-либо механизма, окружающей человека обстановки. Если перечисляемые в описании признаки **сосуществуют во времени и не изменяются**, их описание является **статическим**. Если эти признаки изменяются или сменяют друг друга, то описание таких переходов, изменений признаков и свойств является **динамическим**. Таким образом, различают описание статическое и динамическое.

Пример статического описания:

[Помню я и старуху его...] Большая была старуха, вся какая-то темная. Понева - чуть не прошлого столетия, чуни покойницкие, шея желтая и высохшая, рубаха с канифасовыми косяками белая-белая... (И. Бунин).

Пример динамического описания:

Уходило лето. Осыпались цветы. Жесткие травы блекли. Падал звонкий лист осин, оголялись березы, ивы, тополя. Пахло в тайге горькой грибной гнилью, стихли птицы (Г. Кунгуров).

Таким образом, в статическом описании речь идет о **неакциональных** признаках предмета, лица или ситуации. Коммуникативное задание, реализуемое таким текстом, направлено на описание предмета, лица или ситуации через указание на наличие, качество, количество, местоположение и свойства детализирующих предметов, т.е. составляющих описываемый фрагмент. Предмет-лицо может быть охарактеризован также своим физическим, психическим или эмоциональным состоянием. Для динамического описания характерно одно коммуникативное задание текста, связанное с указанием на ряд действий, происходящих одновременно. Это различие проявляется в типе **рематических доминант** (это тип, характер ремы, наиболее часто встречающийся в данном тексте). Так, для статического описания

характерны более 10 типов рематических доминант (номинативно-предметная, локальная, адвербиально-статуальная и т.п.), а для динамического описания - лишь одна: вербальная [Матвеева 1984]. Важно, однако, заметить, что рема, содержащая глаголы, в описании передает не активные целенаправленные действия лица, а процессуальные признаки большей частью неодушевленных предметов, которые отражают состояние, изменение этих состояний, становление или исчезновение признаков или же их восприятие:

*Солнце **жгло** по-вчерашнему, воздух был неподвижен и уныл. На берегу стояло несколько верб, но тень от них **падала** не на землю, а на воду, где **пропадала** даром, в тени же под возами было душно и скучно. Вода, голубая оттого, что в ней **отражалось** небо, страстно **манила** к себе (А. Чехов).*

Для текстов описательного типа характерно наличие в нем предложений-высказываний с нулевой темой. ([См. раздел 7 "Коммуникативный синтаксис".](#))

Повествование - это текст, в котором передаются сменяющие друг друга события, т.е. события развертываются последовательно во времени. В таких текстах рематическая доминанта - **вербально-акциональная**, и глаголы называют активные действия субъектов. Например:

*Через бульвар **перебегают** две большие кошки с длинными мордами, высунутыми языками и с задранными вверх хвостами. Гриша думает, что и ему тоже нужно бежать, и **бежит** за кошками.*

*- Стой! - **кричит** ему нянька, грубо **хватая** его за плечи. - Куда ты? Нешто тебе велено шалить?*

*Вот какая-то няня сидит и держит маленькое корыто с апельсинами. Гриша **проходит** мимо и молча **берет** себе один апельсин.*

*- Это ты зачем же? - кричит его спутница, **хлопая** его по руке и **вырывая** апельсин (А. Чехов).*

И описание, и повествование могут быть отнесены к текстам **констатирующего типа**. Кроме них, выделяют тексты **аргументирующего типа**.

Рассуждение - это текст аргументирующего типа, направленный на определение понятий, объяснение каких-либо явлений, фактов, событий, на аргументацию, доказательство определенных положений, выведение нового знания из данных посылок.

Самым простым по структуре является **определение** понятия. Это такой тип текста, в котором определяемое понятие подводится под ближайшее родовое, по отношению к которому данное понятие является видовым, и указываются отличительные признаки этого вида; например:

Окружность - это множество точек плоскости, находящихся на положительном расстоянии от данной точки, лежащей на данной плоскости.

Объяснение того же понятия окружности выглядит так (пример В.В. Одинцова):

*Если дать циркулю произвольный раствор и, поставив одну ножку острием в какую-нибудь точку *O* на плоскости, вращать его вокруг этой точки, то описываемая на плоскости непрерывная линия, все точки которой одинаково удалены от точки *O*, будет окружностью.*

Определения характерны для научных текстов, а объяснения - для научно-популярных.

Рассуждение в его классической форме строится в виде логического силлогизма, где есть посылки и вывод; например:

В индоевропейских языках выделяется такая синтаксическая единица, как предложение. Русский язык относится к числу индоевропейских, значит, в его синтаксической структуре имеется синтаксическая единица - предложение.

Однако в таком полном виде рассуждение встречается только в научных стилях речи; в разговорной речи, в художественных, публицистических текстах рассуждение чаще имеет сокращенный вид, т.е. вывод делается на основании или одной посылки, или даже на основании имплицитных посылок.

Инструктивное - это рекомендация к действию. Поэтому такой коммуникативно-смысловой тип текста характерен для инструкций, указаний, распоряжений, учебно-методической литературы (например, рекомендации по проведению опыта).

Типичными рематическими доминантами для текстов инструктивного типа будут акционально-глагольные в форме или императива, или инфинитива, или 3 лица множественного числа в неопределенно-личном значении; например:

*Промытую зелень, пассерованный лук и мелко нарезанное мясо положить в сотейник.
Промытую зелень... положите в сотейник. Промытую зелень... кладут в сотейник.*

Важно подчеркнуть, что выделенные функционально-смысловые типы текстов очень часто совмещаются, накладываются друг на друга, т.е. в "чистом виде" они встречаются реже, чем в "смешанном", контаминированном [Валгина 2003: 78].

"Лингвистика текста"

1. Понятие текста.
2. Спорные вопросы в лингвистике текста.
3. Аспекты анализа текста.
4. Единицы текста и элементы текста.
5. Понятие рематической доминанты текста. Характер рематических доминант в различных жанрах и стилях речи.
6. Связность как конституирующий структурный признак текста; языковые средства, обеспечивающие связность текста.
7. Цельность как конституирующий содержательный признак текста; средства и способы обеспечения цельности текста.
8. Понятие функционально-смыслового типа текста.
9. Описание и его виды.
10. Повествование как коммуникативно-смысловой тип текста; его языковые черты.
11. Рассуждение и его виды. Специфика рассуждения в научной и художественной речи.
12. Коммуникативно-смысловой тип текста инструкция.
13. Понятие дискурса.
14. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения и построения текста.

Задания для самостоятельной работы

"Лингвистика текста"

Прочитайте обязательную литературу к теме и ответьте на вопросы:

1. Что такое рематическая доминанта текста?
2. Чем отличаются друг от друга рематические доминанты текстов, принадлежащих к функционально-смысловым типам а) описания и повествования? б) статического и динамического описания?
3. Какие аспекты изучения и описания текста Вы знаете?

Раздел 4.

Темы курсовых работ

1. Принципы анализа текста в аспекте стилистики речи.

2. Принципы анализа текста в аспекте прагматики.
3. Текстовое время и пространство.
4. Связность и цельность как основные признаки текста.

Темы рефератов и эссе

1. Сопоставление понятий *текст* и *дискурс*.
2. Пример анализа текста и анализа *дискурса*.
3. Коммуникативная стратегия и коммуникативные тактики.
4. Анализ текста описательного функционально-смыслового (коммуникативно-смыслового) типа.
5. Анализ текста повествовательного функционально-смыслового типа.
6. Сравнение научного и художественного текстов функционально-смыслового типа "рассуждение".

Раздел 5. Креативная лингвистика, или лингвистика креатива

Структура раздела

§ 1. К определению понятия "креативная лингвистика"

§ 2. Креативная функция языка

§ 3. Творческие типы речи

§ 4. Понятие языковой аномалии. Языковая игра: типы и функции

§ 5. Языковая игра в текстах СМИ. Категория рода в аспекте языковой игры.

§ 6. Окказиональное и потенциальное. Окказиональность и окказионализмы.

Цель изучения темы

Успешное изучение темы позволит приобрести следующие знания:

Знания	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о специфике лингвокреативного мышления и речетворчестве, об особенностях употребления термина "креативный"	1. Уровень репродуктивный (показать соотношение стереотипа и творчества в языке)
2. Получить знания о предмете и объеме креативной лингвистики, сформировать представления о способах проявления речетворчества	2. Уровень понимания (уметь объяснить, что такое творческие типы речи, окказионализмы, языковая игра)
3. Приобрести навыки анализа текста различных стилей и жанров с точки зрения выявления в них явлений креативности	3. Уровень аналитический (умение анализировать тексты путем выявления в них способов создания окказионализмов и языковой игры разных типов)
4. Овладеть навыками оценки и построения текстов, включающих креативные языковые явления	4. Уровень творческий (способность оценить текст с точки зрения степени его креативности, выявить его эстетический и экспрессивный потенциал и степень успешности с точки зрения коммуникативной стратегии)

§ 1. К определению понятия "креативная лингвистика"

Термины "креативная лингвистика" и "лингвистика креатива" не являются вполне устоявшимися, но, тем не менее, широкоупотребительными: круг явлений, которые рассматривается в рамках определяемого ими актуального направления в современной русистике, уже очерчен, а интерес к ним русистов является неизменным. См., например: монографии "**Креативный** потенциал русской грамматики" [Ремчукова 2005] и "Прецедентные тексты как инструмент **креативности** в современной публицистике"²; материалы Международной научной конференции "Язык. Система. Личность: **Лингвистика креатива**" (Екатеринбург, 24-26 апреля 2008 года), посвященной изучению лингвокреативной деятельности в современной научной парадигме.

Слово "**креатив**" появилось в русском языке в 90-х годах XX века в рекламном бизнесе как калька с английского "*creative*" - творчество; прошлые, сопутствующие или последующие характеристики процесса, в результате которого человек или группа людей создает что-либо, не существовавшее прежде"³. Это заимствованное слово, несмотря на его активность в современной речи, пока отсутствует в современных толковых словарях (см., например, Большой толковый словарь русского языка 2002), хотя о *креативности* современного сознания, о *креативном* типе личности уже написаны сотни социологических и психологических исследований⁴. Автор книги "Креативность в паблик рилейшенз" Энди Грин так определяет *креативность*: "Креативность - это то, что делают люди, признанные креативными личностями; это творческий процесс и результат; часто обозначение чего-то излишне экстравагантного"⁵. Наиболее точными исконно русскими синонимами являются слова *созидающий*, *создающий*: *креативный* директор, *креативный* продюсер - это, прежде всего, авторы идей. См. интервью с композитором С. Губайдуллиной: "Мы жили в ненормальной ситуации, умертвляющей нас! Я отлично сознавала, что в нас вытравливают **креативность**, убивают все, что в нас есть от творцов".

Слово **креативный** нашло свое место в толковых словарях, фиксирующих языковые изменения последнего времени, в которых ему приписывается два взаимосвязанных и взаимообусловленных значения - *созидательный* и *художественный, творческий*.⁶ Использование этого термина в лингвистике позволяет адекватно представить как единое целое творческий потенциал языковой личности и творческий, созидающий характер самого языка, допускающего, по словам В. фон Гумбольдта, свободное использование "только в рамках своего характера".

Для современной лингвистики характерен устойчивый интерес к сфере **речетворчества**, в которой реализуется и потенциал системы языка, и потенциал самого говорящего (обусловленный, в том числе, его лингвистической интуицией), благодаря чему сегодня наука "вторгается" в живые языковые процессы, для которых характерны разного рода инновации (оказионального и потенциального характера), метафоризация, языковая рефлексия, языковая игра. Именно такой подход ("язык in potentia, а речь - in praesentia", по И.А. Бодуэну де Куртенэ), предполагающий последовательное исследование двух диалектически связанных объектов - языковой системы и речевой деятельности, позволяет наглядно продемонстрировать, что только "благодаря системе, на ее фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей"⁷. **Креативная функция языка** связана с **лингвокреативным мышлением** (ЛКМ). К факторам **креативности** языкового мышления относятся 1) оригинальность (способность продуцировать ассоциации); 2) семантическая гибкость - способность предложить новое использование функции объекта и 3) "семантическая спонтанная гибкость" - способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации⁸.

ЛКМ представляет собой тип словесного мышления, при котором, "используя различные ассоциативные связи, человек довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связи между формой и содержанием"⁹. Такой тип мышления побуждает индивида к использованию потенциала языковых единиц. Выделяют следующие

признаки **ЛКМ**: 1) оперирование единицами языка на основе ассоциативных сближений; 2) реализацию потенциала языка в области конструирования и варьирования форм и значений (но с учетом правил аналогии); 3) проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в речевой деятельности (как коллективной, так и индивидуальной).

Проиллюстрируем последний признак примерами. В области русской морфологии, обладающей развитой системой словоформ, это проявляется в "настойчивой" коррекции формообразования тех или иных слов, в парадигме которых какие-либо формы отсутствуют, так как они не приняты в узусе. В узусе нет "мечт" (род. п. мн. ч. слова *мечта*), одной "джинсы" (ед. ч. существительного *pluralia tantum* "джинсы"), *спрогнозировать* (совершенный вид глагола "прогнозировать"), *одиначе* (формы компаратива прилагательного "одинокий"), но возможности языковой системы позволяют говорящему, когда это необходимо с точки зрения смысла или экспрессии высказывания, достаточно свободно образовать эти формы на основе [аналогии](#) (см. признак 2).

§ 2. Креативная функция языка

[Креативная функция языка](#) (КФЯ) формируется в тесном взаимодействии с экспрессивной функцией (ориентированной на отправителя и связанной с его чувствами), с функцией воздействия (модальной), и с эстетической (ЭФЯ)*. Уточним, как соотносятся ЭФЯ и КФЯ. ЭФЯ выделяют, прежде всего, по отношению к поэтическому языку: "Поэтическая, или эстетическая, функция характеризуется направленностью на само сообщение... Эстетическая функция языка, его поэтичность, характеризующиеся развитой системой метафоричности, семантической многоплановости, исторически восходят к мифологии"*.
Поэтический язык как эстетический феномен характеризуется звуковой организацией (ритм, рифма), образностью (тропы, семантическая многоплановость), композиционной конструктивностью - все это важнейшие составляющие лингвокреативности.

Как представляется, КФЯ проявляется в более широкой зоне [творчески ориентированных типов речи](#) (это могут быть разговорные, рекламные, публицистические тексты), т.е. выходит за пределы собственно художественного текста, на который прежде всего направлена ЭФЯ. Например, следует отметить, что существенное различие между поэтическим и не поэтическим текстом состоит в том, что в поэзии неузуальные языковые средства могут иметь выраженный системный и концентрированный характер как в идиостиле того или иного поэта, так и в конкретном поэтическом произведении, а в текстах других стилей и жанров они, как правило, не являются доминирующими и текстообразующими единицами, часто имеют "штучный" характер. См., например, регулярное употребление форм множественного числа абстрактных существительных (*ревности, верности, мраки* и т.п.) в поэзии Серебряного века и возможность употребления в заголовке такой формы, связанной с конкретизацией лексического значения абстрактного существительного *шарм*: **Шармы** *нового политического курса*.

Возможно и несколько иное понимание креативной функции языка. Так, Б.Ю. Норман определяет ее как ситуацию, в которой "языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым, т.е. к явлениям объективной действительности"*.
Согласно Б.Ю. Норману, креативная функция языка наиболее ярко проявляется: при материализации грамматического рода - воплощении его в пол в искусстве ("зрительная персонификация"), в языке художественной литературы (семантический перенос в лексике, грамматике); в сфере "вербальной мифологии" (верования, обычаи и т.п.); при выборе имени (истинная / ложная этимологизация, степень благозвучия...); в развитии общественно-политической терминологии действительности*.

§ 3. Творческие типы речи

Ресурсы языка оказываются реализованными в той совокупности типов русской речи, для которой характерно творческое использование языковых средств. В этой совокупности, объединяющей в своем составе такие речевые произведения, как разговорные, поэтические, публицистические, художественно-публицистические, эпистолярные, научно-популярные и рекламные тексты с их жанровыми разновидностями (интервью, заголовки, слоганы и др.), обнаруживается общий набор не только узуальных (лексических, грамматических, стилистических), но и неузуальных языковых средств. Обращение к многожанровому языковому материалу помогает понять общие закономерности функционирования системы языка, с одной стороны, и ее потенциальные возможности, обусловленные потребностями живой речи, - с другой. Проиллюстрируем это положение примерами.

А) Языковым средствам **рекламного текста** присущи выразительность, экспрессивность, эмоциональная окрашенность, оценочность. Формы сравнительной степени имени прилагательного (формы компаратива), а также слова и словосочетания для обозначения различных степеней проявления признака необходимы рекламе. Именно поэтому коррекция грамматических свойств относительных прилагательных в связи с развитием у них качественных и, как следствие этого, - оценочных значений, находит отражение в языке рекламы, для которого использование нестандартных форм компаратива является важнейшим средством квалификации предмета: **Ягоднее** ягод (реклама морса); *Куда они спешат? - На новый аромат "Fairy"!* **Яблочнее** яблок! **Лимоннее** лимонов! Так как рекламный текст нуждается и в возможности выражения высокой степени проявления признака предмета, в нем встречаются и потенциальные формы превосходной степени: **Самый игрушечный** магазин Катюша! (реклама детского магазина); **Самый провансальный** "Провансаль" (реклама майонеза); **Самый сумчатый** магазин (реклама магазина сумок).

Б) Подобные неузуальные формы компаратива и суперлатива распространены и в **разговорной речи**: говорящий, нуждаясь в разнообразных и ярких средствах выражения оценки, легко преодолевает ограничения, связанные с возможностью образования необходимой синтетической формы - более компактной и выразительной в своей "неправильности", чем аналитическая: **Вечней** вражды арабов и евреев борьба народа с властью; *Актер хороший, но не крупно играет, нет объема. Герой должен быть шире, **общее**, чем просто актер* (Огонек, март, 2003) (ср. *более вечные* и *более общие*). Степень "креативности" такой формы усиливается, если она образуется от существительного: *Алсу **звездее** Агилеры; Наш цирк **циркее** всех цирков!* (из телепередач).

В) Среди инноваций, присущих языку современной **газеты**, встречаются творческие "неправильности" (парадигматические или синтагматические) как в самих текстах, так и в заголовках: "**В каждой мужчине скрывается женщина**" - интригующий заголовок статьи, в которой речь идет о возможностях театрального грима; "**Конвейер человеков**" - заголовок статьи о клонировании. В каждом случае предпочтение нестандартной формы представляется мотивированным: так как клонов нельзя назвать людьми, употребляется несупплетивная форма мн. ч. *человеки*.

Г) Общая прагматическая установка такого жанра, как **интервью**, - дать интересную информацию о ком- или о чем-либо - определяет и оправдывает широкий набор языковых средств, разностильных элементов, смешение и совмещение в одном тексте разных стилистических приемов, вольное обращение со словом, языковую игру и т.д.¹ Возрастание личностного начала и диалогичности общения определяют проявления лингвокреативного мышления в жанре интервью с людьми творческих профессий - актеров, режиссеров, писателей, а также в жанре воспоминаний известных людей, рассчитанных на определенный круг образованных читателей. Фактор реального или предполагаемого собеседника оказывается важнейшим для проявления языковой компетенции автора. Приведем некоторые примеры употребления неузуальных грамматических форм в жанре интервью с известными людьми: *Любить человека надо таким, какой он есть, потому что других **человеков** у нас не будет* (режиссер А. Кончаловский); *Но я никогда не смотрела на мужчин как на возможных последующих мужей или любовников. Я почему-то смотрела на них... как на **человеков*** (актриса Ольга Остроумова); *- Вас носили на руках? - Я не очень любила **"носиться"*** (балерина Е. Максимова); *Кажется, что сам становишься*

участником **описуемых** событий (режиссер А. Сокуров); *Сейчас нет никаких **дружб**, одни приятельства* (режиссер и актер И. Дыховичный); *Любить-то легко - **разлюбивается** трудно. Мало войти в любовь - надо уметь из нее выйти* (писательница М. Арбатова); *Верите вы в чудеса? **Чуды** - это охломоны, которые растут у меня* (актер Михаил Трухин); *Вы говорите, что ничего таинственного нет, но ведь в нашей жизни масса таких настоящих **чуд**!* (режиссер Роман Виктюк рассуждает о таинственном и необъяснимом в нашей жизни); *Если человек беден - он легко **прогнозируем** и потому управляем* (писательница Т. Толстая); *Я не выбирал ему профессию - она **выбралась** сама* (журналист Генрих Боровик о сыне Артеме).

§ 4. Понятие языковой аномалии. Языковая игра: типы и функции

4.1. Аномальными называют явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности. В филологии существует давняя традиция изучения **языковых аномалий**, которые еще в античной риторике рассматривались как выразительное средство языка. В лингвистике аномалией называется нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы. Типы и функции аномалий представлены в статье Ю.Т. Апресяна "Языковые аномалии: типы и функции"* и в книге Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева "Языковая концептуализация мира на материале русской грамматики"*¹. Аномалии могут быть представлены на любом уровне языка.

С точки зрения лингвистики креатива представляет интерес деление морфологических, синтаксических, семантических, прагматических и других аномалий на **ненамеренные** (погрешность, ляпсус, речевая небрежность) и **намеренные** (авторские): последние являются важнейшей составляющей лингвистики креатива. Их особенностью является то, "что они выполняют какие-то полезные функции в соответствии с замыслом их автора... и говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта. **Авторские аномалии** используются как выразительное средство, в частном случае - как средство **языковой игры**. К ним относятся многие стилистические фигуры и приемы, включая метафору, оксюморон, некоторые виды каламбуров"*.

Креативная функция авторской аномалии наиболее отчетливо обнаруживается в художественном тексте: обусловленная художественной задачей (в следующем примере - созданием речевого портрета персонажа), она допускает даже крайние случаи "рассогласования" в роде между прилагательным и существительным: *"Кассиан Дамианович видел ее и, морщась, поглядывая на Саула, старался внести разрядку. Он берег своего хорошего собаку* (В. Дудинцев. Белые одежды).

Языковая аномалия выполняет **креативную функцию** и за пределами художественного текста. Так, замена привычной сочетаемости на факультативную актуализирует определенную зону семантики падежа, что может быть связано с "уподоблением" несоотносимых на первый взгляд лексем: (заголовок) **О чем стреляли в Ташкенте?** (ср. *из-за чего стреляли?* и *о чем спорили?*); - *Они там танцевали раздетыми. - И во что же они были **раздеты**?* (лексемы *одеть* и *раздеть* антонимичны).

4.2. Языковая игра (типы, функции, жанровые реализации).

Интерес к игровому фактору актуален для многих наук - для лингвистики, семиотики, литературоведения, культурологии, социологии, психологии. В своей работе "Homo Ludens" Й. Хёйзинга пришел к выводу о всеобщности игрового (**людического**) принципа в культуре, распространяющегося на философию, политику, искусство, право и все другие сферы человеческой деятельности*.

Автор термина "**языковая игра**" - австрийский философ Людвиг Витгенштейн (Ludwig Wittgenstein), основоположник двух этапов становления аналитической философии XX века - логического и лингвистического. В современной науке понятие языковой игры получило двоякое толкование: широкое, философское (вслед за Л. Витгенштейном) и узкое, собственно лингвистическое². ЯИ является реализацией **людической** (игровой) функции языка, которую можно рассматривать как частный случай креативной.

Языковая игра (ЯИ)- как форма **лингвокреативного мышления** - связана с экспериментом над языковым знаком на основе различных приемов его трансформации и интерпретации: "В основе понимания

языковой игры лежит представление о ней как о процессе направленного (программирующего) ассоциативного воздействия на адресата, достигаемого при помощи различных лингвистических механизмов²*. Многоплановость ЯИ делает затруднительным ее непротиворечивое и исчерпывающее определение.

В русистике понятие ЯИ активно используется после выхода в свет монографии "Русская разговорная речь" (1983). Собственно лингвистическое понимание природы и функций ЯИ нашло отражение в двух монографиях конца XX века - В.З. Санникова³* и Т.А. Гридиной⁴*, а также в различных словарях и справочниках⁵*. Основную функцию ЯИ видят в создании **комического эффекта**, следовательно, в самой игре - прежде всего языковую шутку³. Такой подход представляется достаточно узким, так как комический эффект, или балагурство, - лишь одна из функций ЯИ, однако достижением этой цели она не исчерпывается, выступая не только как реализация экспрессивной функции языка, но и эстетической, связанной со стремлением добиться образности и выразительности речи: она может служить для более точной передачи мыслей, для образной и выразительной передачи сообщения⁶.*

Принято различать балагурство и **острословие**, при котором "необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего"⁷*. Например, балагурство связано с тем, что называют "веселой грамматикой", - с различными трансформациями (иногда деформациями) парадигматического характера, к которым относятся игры со словоформой, не затрагивающие смысловой план высказывания. Цель подобных парадигматических шуток - усиление экспрессивности речи: *Ой, как вафель - вафлей хочется!* Наибольший интерес представляет именно острословие. Например, в речи достаточно регулярно употребляется неузуальная форма сравнительной степени наречия "странно"-*страннее* - нестандартная форма экспрессивна и, кроме того, усиливает качественное значение и однокоренного предикативного наречия в положительной степени: (об актере Марлоне Брандо)... *Да и его самого, заплутавшего в лабиринтах времени и попавшего совсем в другую эпоху - размеренную и суетную, мещански благополучную и сытую... Странно, что эта эпоха его не заметила, еще страннее, что ему удалось сыграть эту эпоху как бы от противного, сражаясь с ней по большим и мелким поводам* (Итоги, 2004, июль). Таким образом, при острословии важен не столько нестандартный языковой элемент сам по себе, сколько его экспрессивно-прагматический интерпретационный потенциал.

Одни и те же **неузуальные** образования могут быть предметом и балагурства, и острословия. В современной речи активно употребляется несупплетивная форма мн. ч. *человеки* (ср. в узусе: *человек - люди*) - то в качестве языковой шутки (*Сколько **человеков** - столько и чебуреков!*), то в целях острословия (*Это совсем разные вещи: есть люди - а есть **человеки***).

Таким образом, ЯИ в широком смысле слова выступает как вид лингвистического "остроумия", изобретательства, связанного с отклонением от нормы (различные имитации, создание потенциальных и окказиональных слов и т.п.), с которым связано подлинно творческое проникновение в языковой канон. ЯИ вездесущна и потому, что освоила все языковые уровни - фонетику, словообразование, лексику, синтаксис. Менее известные формы языковой игры связаны с принципами организации целого текста⁸*. И балагурство, и острословие реализуются в большом количестве стилистических приемов: балагурство - рифмовка, фонетические деформации слов, "веселая грамматика", прием речевой маски (например, диалектной или просторечной); острословие - стилистический контраст, нарушение закона сочетаемости слов, словообразовательная игра, паронимическая аттракция и др. Широкое понимание ЯИ предполагает ее реализацию не только на всех уровнях языковой системы, но и в аспекте логических категорий (паралогика): *Пиво с утра не только вредно, но и полезно*⁹.*

Таким образом, ЯИ - это творческое (нестандартное, неканоническое) использование языковых единиц для создания остроумных и эстетически значимых высказываний. Языковая игра предстает как явление, соединяющее в себе три аспекта: языковая **схема** - осознание говорящим внеконтекстуальных отношений между языковыми единицами; языковая **норма** - знание о стандартных реализациях этих отношений, закрепленных как каноны "образцового" употребления и порождения языковых единиц; языковой **узус** - знание о реальном для различных сфер речевого общения функционировании единиц. Эта

триада "схема-норма-узус", при которой в реальности норма и узус далеко не всегда совпадают, имеет важное значение для понимания сущности ЯИ.

§ 5. Языковая игра в текстах СМИ. Категория рода в аспекте ЯИ

5.1. Разные типы языковой игры в полной мере востребованы в текстах современных СМИ, что определяется их особенностями - стилевой направленностью, стилистическим динамизмом, эмоциональностью и оценочностью. "Журналисты играют со словами и в слова в поисках свежих, необычных номинаций для лиц и фактов, ломая традиционные модели словообразования, грамматики, синтаксиса, снимая табу на сочетаемость слов. Игровая, карнавальная стихия реализуется и в языковой раскрепощенности и вседозволенности. "Попраение границ" происходит на территории "нормы языка". Примечательно, что здесь показателем мастерства становится не сам факт отступления от канона... Новая организация языковых элементов, нетрадиционные способы номинации связаны с поисками содержательной глубины изложения и с преодолением автоматизма при восприятии фактов языка"*.

В текстах СМИ самым распространенным является такой тип ЯИ, как **словотворчество**. Тексты заголовков часто служат средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма: *Чудесная страна **Вообразия!*** (вообразить + Бразилия); *В России уже была **семибоярщина*** (при Лжедмитрии) и ***семибанкирщина*** (при Ельцине); *Загадочное **миро-приятие***. Борьба за читателя начинается с заголовков, что объясняется их "рекламно - вербующей функцией" (В.Г. Костомаров). Любая лингвистическая находка в заголовке сразу обнаруживает свои достоинства. Так, статья к юбилею актера и режиссера М. Козакова называется *"**Инародный артист**"* (Итоги, 2004, октябрь) - такое название обязательно оценит "просвещенный" читатель.

В то же время в современной прозе ведущими принципами реализации языковой игры становится выдвигание на первый план звуковой организации контекста (аллитерации, ассонансы, повторы-отзвучия, паронимическая аттракция и др.) и высокая степень интертекстуальности произведения.

5.2. Категория рода в аспекте ЯИ. Словообразовательные средства играют важную роль в выражении грамматического значения рода, поэтому словотворчество в рамках этой категории является одним из востребованных типов языковой игры. Так, в современной поэзии, а также в разговорной и публицистической речи активно используется системно обусловленная способность русских существительных мужского рода к образованию родовых "пар" и за пределами узуса в тех случаях, когда нормативное образование со значением "женскости" отсутствует. Данное явление можно назвать **родовой гиперкорреляцией**, под которой понимают стремление языковой системы представить категорию рода более коррелятивной, чем предлагает узус: "...в системе языка есть вполне четкие деривационные модели, но родовая соотносительность выражена нерегулярно, и открыт широкий простор для заполнения пустых клеток системы"*: *остроумцы и **остроумицы*** (Михаил Мишин. Огонек, 2006, №13); *казнокрады и **казнокрадки*** (Дмитрий Быков. Огонек, 2006, №10). См. также: *инвалида безногая* (В. Дудинцев. Белые одежды); *людоедица* (М. Цветаева); *редактриса* (Д. Рубина), *критикесса* (В.Аксенов), *авторесса* (В. Вишневский).

Лакуна в родовой корреляции слова *человек* побуждает к поиску словообразовательных модификаций, диктуемых значением самого существительного: *Кругом тишина непролазная, природа угрюмая спит, а тут **человека** образная улыбкой во тьме шелестит; ...Ты избрана стать **человекою**, праматерью всяких людей, и всем, что летает и бегаёт, отныне и присно владей* (А. Левин). Полученное слово закрепляется включением в парадигму субстантивов женского рода (*человекою, праматерью*). См. аналогично: *псих со своей **психой***

(Ф. Кривин).

Такие корреляты частотны в современном поэтическом тексте:

"Любовное послание главбух(**хше**)"(название стихотворения В. Вишневского); **Что снится торгашке** спрессованной...; Сидят три девы - **стеклодувши** / С шестью, полым внутри (А. Вознесенский);

Спите крепко, палач с **палачихой!** / Улыбайтесь друг другу любовней! (Ин. Анненский). И с пожеланьями благими / субботу каждую меня / будили две **геологини** / и водружали на коня (Е. Евтушенко). Уменьшая **учица**, над столом склоненная, щурится, **очкарица**, **вредница-ехидница** (А. Левин).

В поэзии встречаются и словообразовательные **окказионализмы** женского рода, образованные от таких существительных мужского рода, которые в норме вообще не выражают половых различий - **посланец**, **пришелец**: **Пока в груди болот скрывает ряска ранку, / Иван сквозит зрачком стоячих вод посланку** (М. Крепс); **О Муза бойкая пришлица / меняющая живо лица** (А. Ровнер).

В приведенных примерах субстантив **посланка**, очевидно, является парным соответствием существительного мужского рода **посланец**, образованного при помощи суффикса **-к-** (ср.: **комсомолец - комсомолка**). Аналогично **окказионализмы** **пришлица** и **очкарица** предстают как отсутствующие в норме женские корреляты существительных **пришелец** и **очкарик** (**пришелец - пришлица, очкарик - очкарица**), образованные при помощи суффикса **-иц** по модели типа **ученик - ученица***.

Однако в современной речи (не только поэтической) нарушается запрет и на образование коррелятов мужского рода-пола, например: **кариатид** (А. Вознесенский), **кухарь** (Ф. Кривин); **свах** (телесериал "Улицы разбитых фонарей", Россия, 1999); **мегер** (телесериал "Моя прекрасная няня", Россия, 2005); **снегур** (телепрограмма "Пока все дома", декабрь 2004), **коклет** (**Явлинский - политический коклет** (радио)), **Художница и ее муз** (заголовок статьи в журнале "Огонек", №9, 2002). **Николай Цескаридзе - прим Большого театра** (Новости, "Первый канал", 14 ноября 2006).

Во всех этих случаях рождение **окказиональных** и потенциальных слов обусловлено ситуацией языковой игры: говорящий играет с формой речи и результатом этой игры является создание не только комического, но и эстетического эффекта, пусть даже самого скромного. Таким образом, при определении феномена ЯИ необходимо учитывать ее связь с активностью языковой личности - носителя языка.

§ 6. Окказиональное и потенциальное. Окказиональность и окказионализмы

Окказиональность является важнейшим резервом креативности: "**Окказиональное** (звукосочетание, слово, значение слова, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическое образование) - не узуальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления"*.

Проблема **инноваций** - традиционно одна из самых обсуждаемых в отечественной лингвистике, но, прежде всего, - по отношению к лексическому и словообразовательному уровням языка, так как именно здесь слово, обнаруживая языковые потенциалы, проявляет наибольшую динамичность и гибкость. Усилия лингвистов, изучающих лексические и грамматические инновации (см. работы Н.И. Фельдман, Э.И. Ханпиры, М.А. Бакиной, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, Н.Г. Бабенко и др.), были в основном направлены на материал художественных текстов, однако сегодня в этом аспекте активно изучаются и разговорная речь, и язык СМИ.

Окказионализмы являются фактом речи, но их образование обусловлено системой языка, так как в них проявляются и развиваются семантические и грамматические возможности этой системы, выявляются тенденции ее развития. Окказионализмы могут быть созданы по продуктивным словообразовательным моделям (так называемые "потенциальные слова" или потенциализмы: ср. **учительствовать** и потенциальное образование **джентельменствовать**; **слониха** и потенциальное **китиха**) или с нарушением (в той или иной степени) словообразовательной нормы - собственно окказионализмы.

Собственно окказионализмы образуются под влиянием контекста по аналогии или по образцу конкретного слова: знаменитый окказионализм А. Пушкина *кюхельбекерно* образован от фамилии поэта и декабриста В. Кюхельбекера + модель наречия на *-о* типа *тошно* (см. контекст: "... и было мне друзья мои и кюхельбекерно, и тошно"). Это наречие создано "вопреки" законам словообразования: оно образовано от имени собственного, между тем как в норме наречия образуются от основ прилагательных.

В основе создания грамматического окказионализма лежат типичные языковые механизмы, но лексическое значение слова и его грамматическая форма находятся в состоянии внутреннего конфликта. Острота конфликта усиливается в поэтическом тексте и может привести к такой дисгармонии, которая ощущается как "напряжение" формы под гнетом чужого значения. См., например, у Ф. Сологуба образование краткого страдательного причастия, которое в норме образуется только от переходных глаголов, от глагола движения *идти* - глагола с ярко выраженной непереходностью: *Ход к пещере никем не **иден***. Другим типам творческой речи (например, разговорной) такое предельное "напряжение" не свойственно.

Метафорически определяя суть окказионализма, О.Г. Ревзина отмечает, что для него характерна "семантика свободы"*. Креативный потенциал окказиональности наиболее полно раскрывается там, где ей присущ ярко выраженный индивидуально-авторский характер, что позволяет добиться выразительности, необходимой говорящему.

Функция окказионализмов - функция **эмоционально-образного** выделения, в основе которой лежит актуализация и формы, и содержания языковых единиц, связанная с их индивидуально-авторской интерпретацией. В одних случаях может быть актуализирована форма, что позволяет говорить "об особой акцентной функции - то, что можно было бы назвать экспрессией формы (имея в виду, что в других случаях налицо экспрессия смысла)"*; в других - ее смысл, в третьих - экспрессия формы в сочетании с экспрессией смысла.

Так, грамматическая окказиональность обусловлена парадигматической несовместимостью лексических и грамматических значений, что и становится источником формирования новых смыслов на уровне синтагматики. В результате образуются такие нестандартные формы, как, например, степени сравнения не только от относительных прилагательных и местоимений в "окачествленном" значении (*Эта ваза **хрустальнее**; Эта вещь **моее***), но и от существительных (что усиливает степень окказиональности): *Судя по тому, что происходит в студии, в ней собрались одни ангелы: мужчины-ангелы, женщины - еще **ангелее**; Этот певец чем старше, тем **трансвеститее*** (из телепередач).

Продуктивность "несанкционированных" компаративов в речи чрезвычайно высока и обусловлена прагматически (говорящий нуждается в разнообразных и ярких средствах выражения оценки), однако сама степень "преодоления семантического барьера" различна: первый тип образований (*хрустальнее*) не узуального, но системного характера можно отнести к потенциальным грамматическим формам, а второй (*ангелее*), с точки зрения синхронии, - к окказиональным. Последние встречаются значительно реже и в более "творческой" речи: *Наш цирк **циркее** всех цирков!* (радиостанция "Эхо Москвы"). Но в аспекте диахронии и они закономерны, так как системно обусловлены древним синкретизмом существительных и прилагательных (А.А. Потебня указывал на формы типа *снежее*). Ср. у В. Хлебникова: ***Небее** неба славянская девушка*. Таким образом, окказионализмы создаются на базе имеющегося в языке материала, но вопреки сложившейся литературной норме (в данном случае в ней отсутствуют формы компаратива от существительных).

Выявить разницу между потенциальным и собственно окказиональным позволяет анализ неузуальных образований в рамках категории числа. Употребление формы ед.ч. слова *pluralia tantum* *брюки* в воспоминаниях актрисы Ольги Аросевой также сигнализирует о забавной (в глазах автора) ситуации: *Вечер. Ужин во фраках, Каминский в простом сине-грязном пиджаке. Одна **брюка** поднялась*. Подобные формы специфичны и редки. Если образование формы мн. ч. от существительных *singularia tantum* типично и продуктивно, так как это слова "с потенциально полной парадигмой" (Э. Ханпира), и многообразно по семантическим и стилистическим оттенкам (см. в современной речи *риски, разборки* и т.п.), то образование формы типа *брюка* с трудом преодолевает семантическую преграду "нечленимой

множественности" (в данном случае семантику "парного предмета" - брюки). См. также: *штаны* - *штан*, *джинсы* - *дж?нса* и некоторые другие. Подобные "штучные" формы встречаются в разговорной речи, обладая ярко выраженным экспрессивно-игровым эффектом: *Мионов хочет плавленого сырку, но не может, потому что не хватает на колготку Ларке* (актер А. Ширвиндт об А. Миронове). В поэтическом тексте этот достаточно редкий случай окказионального формообразования выходит за пределы "веселой грамматики", так как сопровождается семантическим "наслоением", например метонимией: *Полотеры-полодеры... Бахромчатый штан* (М. Цветаева). См. также у В. Маяковского: "...хватать кто за шиворот, а кто за **брюку**".

Выделяют такие признаки окказионализмов, как одноразовость, индивидуальная принадлежность, творимость, экспрессивность. Так, **функциональная одноразовость** - важнейший признак индивидуально-авторского образования даже при условии фактов его употребления разными авторами. Например, слово *лунь* встречается в поэтических текстах В. Каменского, И. Сельвинского, И. Уткина (*Тихо тянет сытый конь, дремлет богатырь. Бледной лунью плещет бронь в шелковую ширь*), что не влияет на его окказиональный статус*. Окказионализмы характеризуются **индивидуальной принадлежностью**, вот почему их исследование важная область в изучении идиостиля писателей и поэтов. **Творимость** (создание слова в процессе речевого акта) противопоставлена воспроизводимости узуального слова. Окказионализмы характеризуются **экспрессивностью**, тогда как экспрессивность узуальных слов факультативна.

В полной мере **окказиональность** проявляет себя в художественной, прежде всего, - в поэтической речи. Типы и техника любых, в том числе и грамматических, окказионализмов наиболее богато и разнообразно представлены в поэтическом дискурсе: "ОК как выразительное поэтическое средство входит в русский поэтический язык начиная с Баратынского. И на протяжении XIX-XX вв. мы наблюдаем впечатляющую картину расцвета техники ОК в поэтическом дискурсе"*. Например, в поэзии постмодернизма нестандартные грамматические формы имеют лавинообразный характер, что обусловлено той ситуацией языкового конфликта, которая культивируется постмодернистским сознанием: ...*медузу между персей не ложи* (К. Кузьминский); *Зима желта в фонарных выменах* (О. Юрьев) (форма мн.ч. существительного *вымя*); *Духотворить судьбу твою и мысль!* (О. Охупкин) - в узусе есть только глагол совершенного вида *одухотворить*.

В первом случае несупплетивная форма повелительного наклонения глагола несовершенного вида, традиционно рассматриваемая как грубое нарушение нормы (и даже символизирующая собой в русской языковой культуре ее "попрание"), претендует на статус морфологического **солецизма** - узаконенного (еще в античной риторике) традицией, но неверного с точки зрения нормы употребления словоформы в поэтическом тексте. Некоторые "классические" солецизмы широко известны (например, неправильная форма разносклоняемого существительного *пламя* в строке М. Лермонтова "*из пламя и света рожденное слово*"); некоторые превратились в поэтические штампы: например, широко распространенная в современной поэзии форма мн. ч. **любви** вместо более адаптированной в узусе, но тоже нестандартной формы *любви*.

Грамматическая окказиональность в разговорной речи - всегда явление прагматически ярко окрашенное: в "неправильности" формы часто эксплицируется оценка. В диалоге о посещении вещевого рынка: - *Что там было?* - *Ну, там было много всяких армянов-грузинов* - употреблена неправильная, с точки зрения узуса, флексия (-ов вместо нулевой), которая потенциально обусловлена вариативностью род. п. мн. ч., так как нулевое окончание у слов, имеющих нулевую же флексию в им. п. ед. ч., является исключением (ср.: *окно* - *окон*, но *грузин* - *грузин*). С прагматической точки зрения, такая форма демонстрирует пренебрежительное (в ситуации вещевого рынка) отношение говорящего к "лицам кавказской национальности". Сегодня окказионализмы широко распространены в текстах СМИ, встречаются и в рекламном тексте: (заголовок статьи о лондонской премьере спектакля "Вишневый сад") *Так насколько же он вишнев, этот сад?* (Огонек, 2002, апрель). Квалифицирующие свойства кратких форм, их экспрессивность, а также динамизм "укороченной" нестандартной формы оказываются привлекательны для

рекламы: *Кнорр - вкусен и скор!* (в данном случае экспрессивность усилена и звукоподражательным игровым эффектом).

К креативным явлениям относится и создание **прецедентного текста**, в основе которого лежит широко известный прием аллюзии. Высокая продуктивность **аллюзии** в современной разговорной, поэтической, газетно-публицистической речи и в рекламных текстах неоднократно отмечалась исследователями: это стилистическое средство сегодня является одним из самых эффективных, поэтому окказиональная форма в контексте аллюзии приобретает особенно яркие семантические и экспрессивные оттенки. "*Звоните - и вам **ответится!***" (прецедентный текст из Евангелия: "Толцые и отверзется вам"); *Не хамите и не **хамимы** будете!* ("Не судите да не судимы будете") - страстно взывает к нам радиореклама. Актуализация семантики страдательного залога - "подвергаться воздействию со стороны другого субъекта" - дополняется "семантическим приращением" - "в ответ на собственные аналогичные действия". В современной поэзии постмодернизма прецедентные тексты могут быть трансформированы достаточно "резко": с помощью изменения родовой принадлежности слова (***День** тиха лежит и внемлет Гогу...* (А. Левин), переосмысления частеречной принадлежности слов (*Я вас любил. Любовь еще **быть может**, но ей не быть...*)).

Необходимо отметить, что образование **окказионализма** в текстах СМИ может нарушать коммуникативные нормы, и такой креатив оценивается отрицательно не только с эстетической, но и с этической точки зрения, например, просторечное окказиональное образование с суффиксом *-юк* в материале об авторе новых слов к гимну России: "...*дважды **гимнюк** СССР Сергей Михалков, в третий раз "перелицевавший" гимн...*". Известно, что существительные с окрашенным суффиксом *-юк(-а)*, активным в разговорной речи и в просторечии, относятся к группе слов стилистической модификации. "Из-за звукового сходства с бранным грубым просторечием новое слово выглядит вульгаризмом. Вульгаризмы в газетной речи по отношению к реальному человеку - это не только публичное оскорбление и нарушение нравственно-этических норм, это и вызов адресату сообщения, "во всяком случае, той части читателей, для которых выход за пределы культурной рамки общения неприемлем"* . Аналогичным образом, т.е. негативно, можно оценить и изменение родовой принадлежности слова *Овен* (знак Зодиака) - *Овно*: (из интервью с известным артистом) - *Вы кто по знаку Зодиака? - Ну, я такое, знаете, Овно...* (хотя в данном случае вульгаризм относится к самому говорящему).

Создание окказионализмов в художественном тексте всегда подчинено определенной задаче. Так, В. Сорокин в романе "Пир" производит каскад окказионализмов, реализуя творческую задачу создания "кулинарного" стиля: "*Заправляйте*", - *шампиньонно* командует Николай. *Поручики заправляют сладкую ленту в пулемет. Царь **омарово** натягивает перчатки, **сковородно** берется за ручки пулемета, **бруснично** поправляет прицел. "Господи, благослови государя!" - **рулетно** произносит Столыпин, и все **марципаново** крестятся. Николай **сладкоперечно** прищуривается на толпу и **инжинирно** нажимает гашетку. Длинная пулеметная очередь рафинадным веером карамелит толпу. Толпа **овсяно-кисельно** вздрагивает".*

Именно в художественном тексте наиболее последовательно реализуется эстетическая продуктивность средств языка, однако **креативные** явления активны и за его пределами, в разных типах "творческой речи", что позволяет продуктивно сопоставлять их в рамках **лингвистики креатива**.

"Креативная лингвистика, или лингвистика креатива"

1. Какой круг вопросов изучает *креативная лингвистика*?
2. Какой термин (*креативная лингвистика* или *лингвистика креатива*) представляется более удачным для описания этого круга вопросов? Аргументируйте свою точку зрения.
3. В чем состоит специфика лингвокреативного мышления?
4. На основании каких общих признаков можно выделить совокупность - *творческие типы речи*?
5. Какова дефиниция понятия *языковая игра*?

6. Как соотносятся языковая аномалия и языковая игра? Охарактеризуйте типы и функции языковой игры.
7. Какую роль играет языковая игра в текстах современных СМИ?
8. Какую роль играют окказиональные явления в творческих типах речи?
9. Назовите важнейшие признаки окказионализмов.
10. Существуют ли основания для выделения креативной функции языка?

Задания для самостоятельной работы

1. Определите степень и качество креативности заголовков в одном из номеров популярной газеты (издание - по выбору студента).
2. Выявите креативный потенциал одной из грамматических категорий глагола или имени (категория - по выбору студента).
3. Найдите окказиональные слова и формы в рекламных слоганах (объект рекламы по выбору студента, например, в рекламе продуктов).

Раздел 5. Креативная лингвистика, или лингвистика креатива

Темы рефератов и эссе

1. Объем и задачи лингвистики креатива.
2. Языковая игра в рекламе.
3. Реализация эстетической функции языка в творческих типах современной речи.
4. Окказиональность и ее типы.
5. Окказиональность как важнейшая составляющая современной речи.
6. Типы и функции языковых аномалий.
7. Креативный потенциал знаменательных частей речи в русском языке.

Темы курсовых работ

1. Лексико-грамматические механизмы языковой игры в текстах СМИ.
2. Намеренные языковые аномалии в современной разговорной речи.
3. Функции окказионализмов в заголовках СМИ.
4. Потенциальное и окказиональное в современном художественном тексте.
5. Окказиональные плюрали в газетно-публицистическом дискурсе.
6. Структурно-семантический анализ окказионализмов поэтов Серебряного века (по выбору).
7. Грамматические категории имени существительного (или глагола - по выбору учащегося), формирующие его креативный потенциал.

Раздел 6. Функциональное направление в лингвистике. Функциональная грамматика

Структура раздела

§ 1. Функционализм

§ 2. Современные исследования в области функциональной лингвистики

§ 3. Функциональное направление в грамматике

§ 4. Функционально-семантические категории (функционально- семантические поля)

§ 5. Функционально-семантическая категория аспектуальности: центр и периферия

Цель изучения темы

Успешное изучение темы позволит приобрести следующие знания:

Знания	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о специфике функционального направления в лингвистике	1. Уровень репродуктивный (показать, что функциональное направление играет важную роль в современном языкознании)
2. Получить знания о сущности функционального подхода, о принципах функциональной грамматики	2. Уровень понимания (уметь объяснить, что такое функционализм в лингвистике, функция, функциональная грамматика)
3. Приобрести навыки анализа текста с точки зрения выявления функций грамматических форм	3. Уровень аналитический (уметь выявлять первичные и вторичные функции языковых единиц, универсальные и идиоэтнические компоненты функционально-семантических полей)
4. Овладеть навыками анализа функций языковых единиц в зоне функционально-семантического поля и анализа самих полей с точки зрения центра и периферии.	4. Уровень творческий (способность сопоставлять функционально-семантические категории в языках разного типа)

§ 1. Функционализм

Функциональная лингвистика. Функциональная лингвистика (совокупность школ и направлений), характеризующаяся вниманием к функционированию языка как средства общения, возникла как одно из ответвлений структурной лингвистики. Основным принципом ФЛ является понимание языка как целенаправленной системы средств выражения, при котором та или иная цель понимается как функция.

Развитию функционального подхода к изучению языка способствовали изменения в общей теории систем и развитие кибернетики, в которых внимание обращалось на "поведение" систем и их элементов в окружающей среде. Важно отметить, что при функциональном описании меняется точка

отсчета в исследовании языка, поскольку его элементы выделяются, прежде всего, по их функциональному качеству.

Функциональный принцип выдвинут и развит в работах представителей *Пражской лингвистической школы*¹. История ФЛ связана с историей Пражского лингвистического кружка (ПЛК, или Школа функциональной лингвистики), который возник по инициативе чешского германиста

В. Матезиуса и слависта Р. Якобсона². Противопоставления Ф. Соссюра (язык - речь, диахрония - синхрония, внутренняя лингвистика - внешняя история языка, означающее - означаемое) в деятельности ПЛК подверглись переоценке и получили дальнейшее развитие.

Понятие языковой **функции** является важнейшим в концепции ПЛК, так как функционирование системы знаков - основная отличительная черта языка. В понимании пражских лингвистов функции равнозначны целевой установке. Понятие функции употребляется не в математическом смысле (как выражение строгой зависимости), а как то, что обусловлено системой языка. Достижения ПЛК связаны с фонологией (учение

Н.С. Трубецкого о фонеме), с изучением сущности литературного языка (В. Матезиус и Б. Гавранек) - распределением языковых средств самого литературного языка в соответствии с многообразием его функций и стилистических пластов (проблема функциональных стилей, культуры речи, кодификации языка), с развитием функционального направления в грамматике (учение о грамматических оппозициях, функциональный синтаксис, актуальное членение предложения). *Пражской лингвистической школе* принадлежит формулирование многих принципов функционального описания языка. Пражцы различали речевую деятельность внутреннюю и реализованную, интеллектуализованную и аффективную; разграничивали две функции речевой деятельности - средства общения и поэтическую; формы лингвистических проявлений - устную и письменную и др.^{*}

§ 2. Современные исследования в области Функциональной лингвистики

Все функциональные школы и направления ориентированы на общую функциональную модель языка. Лингвистический функционализм выступает как структурно-функциональное направление, акцентирующее коммуникативные аспекты языка. В широком смысле **функциональная лингвистика** (ФЛ) выходит за рамки Пражской школы, охватывая функционализм *Женевской школы*, **функциональный структурализм** (*Лондонская школа*), **функциональные исследования во Франции**

(Э. Бенвенист, А. Мартине); в отечественном языкознании - **функциональный подход** (И.И. Ревзин); концепции Л.В. Щербы, В.Г. Адмони и др.

Для современной лингвистики характерно широкое понимание функционального подхода к языку в целом или к отдельным его единицам, при котором он понимается как подход со стороны означаемого, содержания данной языковой единицы, или ее "назначения". В этом смысле функциональный подход противопоставляется формальному¹.

ФЛ стала одним из ведущих направлений современного языкознания: по ее проблемам существует обширная научная и учебная литература, отражающая различные подходы к функциональному описанию языка. Исследования в функциональном направлении захватывают очень широкий круг проблем:

- лингвистической семантики (в частности, описание семантической структуры предложения)
- коммуникативных теорий языка (в частности, теорию речевых актов, развивающуюся в современной лингвистике в двух направлениях - семантически ориентированном и прагматически ориентированном; функционально-лингвистическое течение в анализе дискурса и др.);
- психолингвистики (разрабатывает модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации индивида и осуществляет их экспериментальную проверку) и

нейролингвистики (наличие корреляций между строением языковой системы и нейрофизиологическими нарушениями языкового поведения;)

- когнитивной лингвистики (выявление возможности категоризации определенных ситуаций и др.)².

В современной русистике в рамках этого широкого направления активно развивались и развиваются [функциональное направление в грамматике](#), представленное концепциями В.Г. Гака, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина.

Г.А. Золотовой ("коммуникативная грамматика"), Н.Ю. Шведовой; функциональное моделирование речевой деятельности (Г.М. Ильин,

Б.М. Лейкина) и функциональный подход к типологии лексических значений (Н. Д. Арутюнова); учение о функциональных разновидностях языка (Д.Н. Шмелев); концепция функциональной стилистики (О.А. Крылова, М.Н. Кожина) и функциональная типология языков.

Функция языковых средств понимается как свойственная им в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем, функция - и результат функционирования, т.е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель*.

§ 3. Функциональное направление в грамматике

Традиционно термин "грамматика" обозначает, прежде всего, структурную организацию всех единиц языка и правила их сочетаний. Кроме традиционного (системно-категориального) направления в грамматике, в центре которого находится описание частей речи и морфологических категорий, существует направление, называемое **функциональным**, специальным предметом изучения которого стало изучение функций языковых единиц. Такая грамматика понимает функцию как результат использования грамматической системы языка в речи во взаимодействии с другими уровнями языка.

Функциональная грамматика как особая разновидность грамматики находится в стадии развития и поисков в разработке соответствующей теории и научно-понятийного аппарата, поэтому в современной лингвистике существуют разные определения задач функциональной грамматики*, связанные как с неоднозначным истолкованием понятия функции, так и с неоднозначным пониманием общей стратегии функционального изучения грамматики*. Все разновидности [функциональной грамматики](#) (ФГ) объединяются общим пониманием языка как системы языковых средств, служащих для достижения определенных целей речевого общения, однако между ними существуют и определенные различия.

Взаимодействие грамматики и лексики играет важную роль в функциональной грамматике: его плодотворному описанию способствует использование теории поля (М.М. Гухман, Е.В. Гулыга). Основы грамматики этого типа разработаны в трудах А. В. Бондарко: при описании языкового материала используется **ономасиологическое** направление (от функций к средствам) как основное, определяющее, в сочетании с направлением от средств к функции. На основе этого синтеза ("от средства к функции" и "от функции к средствам") предлагается выделять **функционально-семантические поля** (ФСП) - системы разноуровневых средств данного языка, объединенных на основе семантической общности*.

В концепции ФГ М.А. Шелякина* акцентируется внимание на подходе к функциональному описанию грамматики русского языка "от формы выражения (средства) к функции", который, несмотря на длительную традицию, далеко не исчерпал себя и является необходимым этапом для осуществления принципа "от функции к форме выражения". Во-первых, такой подход (**семасиологический**) позволяет представить русскую грамматику в функциональном потенциале ее системы, а во-вторых, он является первичным и основным в теоретическом и практическом изучении любого языка*. Понимаемая таким образом ФГ ставит перед собой задачу описания функционального диапазона грамматических единиц, условий их реализации, устанавливает связь во взаимодействии их разных функций, а также их связи с

единицами других уровней. Рассматривая функции грамматических единиц, М.А. Шелякин разделяет их на системно-языковые и речевые: в речевых функциях проявляются системные*.

Важнейшей задачей при таком подходе является выявление **функционального диапазона** грамматической единицы - совокупности ее отдельных функций. Например, диапазон форм единственного числа включает единичное значение (*стол*), значение уникальности (*луна*), индивидуализирующее (*Петров*), значение видовое в научной систематике и номенклатуре (*деревья - пихта*), недифференцированную собирательность, совокупность (*студенчество*), недифференцированное вещество (*вода*), недифференцированное действие, состояние, качество (*красота леса*)*.

Указанные подходы не противоречат друг другу: ономаσιологическому описанию грамматической системы должно предшествовать полное семасиологическое описание этой системы, позволяющее систематизировать однородные смыслы.

ФГ с ее различными направлениями была подготовлена всем предшествующим развитием науки о языке. В отечественном языкознании функциональный аспект изучения языка в той или иной степени получил отражение в работах Н.П. Некрасова, А.А. Потемни, А.А. Шахматова. Большое внимание уделял описанию **функций грамматических форм**

В.В. Виноградов. Для разработки теоретических основ функциональной грамматики важное значение имели труды Л.В. Щербы (концепция "активной грамматики"), И.И. Мещанинова, С.Д. Кацнельсона.*

§ 4. Функционально-семантические категории (функционально-семантические поля)

В рамках концепции функциональной грамматики А.В. Бондарко выделяются функционально-семантические категории (**ФСК**), или **функционально-семантические поля (ФСП)***.

Известно, что под **морфологической категорией** понимается система противопоставленных друг другу грамматических форм с однородным грамматическим значением. В рамках функциональной грамматики ставится вопрос о соотношении морфологических и **понятийных** категорий (число и **количественность**, склонение и **модальность**, категория степени и **качественность** и т.п.) и о том, какие языковые средства, кроме собственно морфологических, "отражают" данную понятийную категорию.

ФСК, или **ФСП**, - это совокупность разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических), объединенных на основе семантической общности, т.е. для выражения определенного значения. В основе ФСК лежит некое универсальное для всех естественных языков значение - время, модальность, множественность или единичность и т.д.

Так, категория вида сформировалась в славянских языках как морфологическая категория, обозначающая характер протекания действия. Но отсутствие в языке категории вида не означает, что характер протекания действия в нем не выражен: отсутствие такой морфологической категории компенсируется языковыми единицами других уровней или другими морфологическими категориями (например, категорией времени).

Это соотношение собственно морфологических и неморфологических языковых средств (центра и периферии) может быть продемонстрировано в рамках сопоставления категории вида и грамматической категорией **определенности-неопределенности** в западноевропейских языках, в которой формальным средством выражения является противопоставление определенного и неопределенного артиклей. В русском языке нет аналогичной грамматической категории, но это не означает невозможность выразить значения, аналогичные значениям определенного и неопределенного артиклей. Таким средством являются особые лексемы - указательные и неопределенные местоимения (*Когда я выходил из читального зала, ко мне подошел **какой-то** молодой человек*). Однако их

употребление, в отличие от употребления артиклей, не является обязательным (*Когда я выходил из читального зала, ко мне подошел молодой человек*).

Между ФСП существуют определенные системные связи, которые обуславливают формирование группировок взаимосвязанных полей:

- поля с предикативным ядром (аспектуальность, темпоральность, модальность, залоговость и др.);
- поля с предметным ядром (субъектности, объектности, одушевленности / неодушевленности, определенности / неопределенности и др.);
- поля с преимущественно атрибутивным ядром (качественности, компаративности, поссесивности и др.);
- поля с обстоятельственным ядром (причины, цели, условия, уступки, локативности).

ФСП имеют два основных структурных типа: моноцентрические (опирающиеся на одну грамматическую категорию) и полицентрические (опирающиеся на некоторую совокупность средств, например, определенность/ неопределенность).

§ 5. Функционально-семантическая категория аспектуальности: центр и периферия

Для структуры ФСП характерно соотношение центра и периферии. Ядром (центром) является единица языка, наиболее специализированная для выражения данной семантической категории. Понятие центра и периферии ФСП связаны с более общей идеей центра и периферии в системе языка.

Морфологическая категория вида - грамматическое ядро **ФСК аспектуальности**, которая охватывает самые различные средства выражения характера протекания действия. Слово "аспектуальность" является производным от слова "аспект". Остановимся на принятом в современной лингвистике соотношении терминов "вид" и "аспект", важном для понимания сущности аспектуальности. Термин "aspect" (буквально: "взгляд", "точка зрения", "способ видеть") появляется в западноевропейской лингвистике в 30-е гг. XIX в. первоначально именно как простой эквивалент русского слова "вид". В настоящее время термин *вид* используется применительно к оппозиции НСВ/СВ в славянских языках, а термин *аспект* для описания любых грамматических противопоставлений в зоне выражения характера протекания действия (длительности, мгновенности, повторяемости и т.п.) в любом языке. Например, в английском языке к зоне аспекта относится *прогрессив*, имеющий грамматическое значение динамической длительности (*he knows he / he is knowing*).

Таким образом, славянский вид оказывается частным случаем аспекта, имеющего универсальный характер, а ФСК аспектуальности представляет собой уровень обобщения. В нее входят: семантические разряды предельных и непредельных глаголов, грамматическая категория вида, аспект (собственно видовые и несобственно видовые, например темпоральные оппозиции), синтаксические конструкции (определенные типы словосочетаний и предложений), аспектуально характеризованная лексика (наречия со значением длительности, мгновенности, кратности), лексико-грамматические разряды способов глагольного действия*.

Важнейшим компонентом ФСК аспектуальности являются лексико-грамматические разряды **способов глагольного действия** (СГД), в которых при помощи определенных словообразовательных средств (приставки, суффикса или их комбинаций) выражены различные оттенки, нюансы характера протекания действия - его начало (*запеть*), конец (*отбежался*), прерывистость (*покачивать*), интенсивность (*измучиться*) и некоторые др. В русском языке (и в других славянских языках) СГД отличаются именно развитой системой словообразовательных средств - активным участием аффиксов в выражении аспектуальных значений. Например, значение начала действия может быть выражено в русском языке не

только аналитическим способом - сочетанием инфитива с глаголом *начать* в спрягаемой форме (*начал петь*), но и синтетически - приставками **за-** (*запеть, заговорить*), **воз-**(вос-) (*возненавидеть*), **по-** (*побежать*).

В других языках (романских, германских) преобладают иные средства выражения аналогичных значений, в основном аналитические: сочетание с фазовым глаголом (*начать*), сочетание глагола с какой-либо лексической единицей, фразеологическое словосочетание или простой глагол. Ср. *закричать, возненавидеть, запеть, запевать* и в испанском языке: *dar gritto (comenzar a gritar), tomar odio, ponerse a cantar, entonar*. Значение "начала действия" глагол может приобретать, употребляясь в форме перфекта (например, во французском языке в форме *pass simple*): *Il chanta (Он запел)*. Ср. *Il chanta une chanson (Он спел/пропел песню)**.

Сопоставление языков на базе ФСК помогает в полной мере осознать специфику устройства каждого из них: различие между ними определяется тем, какие из значений грамматикализуются, а какие приходится на долю контекста. Контекстуальные средства выражения аспектуальности играют важную роль в любом языке независимо от того, есть в нем категория вида или нет. Так, например, повторяемость действия при употреблении глагола НСВ выражается и средствами контекста - обстоятельствами *редко, время от времени, по вечерам* и т.п.: *По вечерам мы читаем, смотрим телевизор. Время от времени ссоримся*.

Контекстные и словообразовательные средства могут "дублировать" друг друга: *А почему Вы стали редко бывать у нас? Он сидел спокойно, но иногда как-то нервно покачивал ногой*. Таким образом, в последнем предложении само видовое значение глагола *покачивать* (НСВ), его отнесенность к определенному СГД (прерывисто-смягчителю, выраженному комбинацией аффиксов *по-* + *-ива-*) и обстоятельств (*иногда*) создают определенный **аспектуальный комплекс**, каждый из компонентов которого "работает" на выражение определенной семантики, в данном случае - семантики повторяемости.

Аспектуальность в русском языке оказывается тесно связанной с темпоральностью - ФСК, охватывающей различные языковые средства выражения временных отношений, грамматическим ядром которой является категория времени. Но если аспектуальный анализ отвечает на вопрос "как" (каким образом оно протекает), то темпоральный анализ отвечает на вопрос "когда". Для понимания закономерностей функционирования видо- временных форм в русском языке важно охарактеризовать категорию **временной локализованности действия**, связанную с прикрепленностью действия к определенному отрезку времени (*Когда я открывал дверь, я заметил...*) и противопоставленную значению абстрактности, неопределенности положения действия во времени (*Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал...*). Категория временной локализованности действия, с одной стороны, самостоятельна, с другой, - тесно связана с аспектуальностью и темпоральностью, перекрещивается с ними - это необходимо учитывать, изучая функционирование видов в высказывании.

В контексте аспектуальные значения связаны с определенными временными планами. Так, например, при изучении употребления форм НСВ необходимо учитывать две разновидности настоящего времени: настоящее актуальное и настоящее неактуальное. В плане настоящего актуального НСВ выражает конкретное действие, протекающее в момент речи: *Что ты сейчас делаешь?* В плане настоящего неактуального отсутствует указание на отнесенность действия к моменту речи - действие не локализовано во времени; НСВ при этом выступает в неограниченно-кратном (*Все, о чем мечтается, приходит не тогда, когда надо, или не в том виде, как хочется*) или в обобщенно-узусальном значении (*Он преподает в университете*).

ФСК (ФСР) аспектуальности представлено в русском языке следующими компонентами: а) грамматический (морфологический) уровень - категория вида; б) словообразовательный - лексико-грамматические разряды способов глагольного действия; в) лексико-семантический - группы предельных и непредельных глаголов; г) синтаксический - определенные типы простых и сложных предложений, например, кратко-соотносительные конструкции: *Было у него странное обыкновение - ходить по нашим квартирам. Придет к учителю, сядет и молчит, и как будто что-то высматривает*; сочетания слов с

аспектуальной семантикой (*один раз, с перерывами*). Все элементы поля аспектуальности тесным образом связаны между собой, взаимодействуют на уровне предложения и целого текста.

Задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте одно из функционально-семантических полей (по выбору) в русском языке с точки зрения его универсальных и идиоэтнических составляющих.
2. Проанализируйте функции видо-временных форм в художественном (поэтическом тексте или прозаическом) тексте.
3. Проанализируйте функции форм числа существительного в текстах современных СМИ.

"Функциональное направление в лингвистике. Функциональная грамматика"

1. Какую роль функциональное направление играет в современном языкознании?
2. Какую роль сыграла Пражская лингвистическая школа (ПЛШ) в развитии функционализма в лингвистике?
3. В чем состоит сущность функционального подхода?
4. Первичные и вторичные функции языковых единиц (приведите примеры).
5. В чем состоит принцип организации функционально-семантического поля?
6. Приведите примеры универсальных и идиоэтнических компонентов одного из функционально-семантических полей (по выбору).
7. В чем состоит сложность определения *функции* в лингвистике?
8. Какой круг проблем современного языкознания захватывают исследования в функциональном направлении?
9. В чем состоит специфика **ономасиологического** направления в функциональной грамматике?
10. Труды каких отечественных лингвистов имели важное значение для разработки теоретических основ функциональной грамматики?
11. Определите центр и периферию ФСП аспектуальности.

Раздел 6. Функциональная лингвистика. Функциональная грамматика.

Темы рефератов и эссе

1. Функциональный диапазон грамматической единицы как совокупность ее отдельных функций.
2. Теория функционально-семантического поля в трудах А.В. Бондарко.
3. Теория функциональной грамматики в трудах М.А. Шелякина.
4. История Пражского лингвистического кружка и развитие функционализма в лингвистике.

Темы курсовых работ

1. Функционально-семантическое поле взаимности (персональности, количественности - по выбору) в русском языке (по выбору студента - в сопоставлении с иностранным языком).

2. Первичные и вторичные функции грамматических форм числа в русском языке (по выбору студента - в сопоставлении с изучаемым иностранным языком).

Раздел 7. Коммуникативный синтаксис

Структура раздела

- § 1. Предмет и задачи коммуникативного синтаксиса.
- § 2. Понятие об актуальном членении предложения.
- § 3. Способы выражения *темы* и *ремы* в простом предложении.
- § 4. Средства оформления актуального членения предложения.
- § 5. Характер и нормы порядка слов в русском языке.
- § 6. Понятие инверсии, виды инверсии.
- § 7. Соотношение понятий: *тема - данное- известное / рема - новое- неизвестное.*
- § 8. Актуальное членение предложения и категория предикативности.
- § 9. Значение теории коммуникативного синтаксиса

Цель и задачи изучения темы

Изучение данной темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о предмете и задачах коммуникативного синтаксиса; узнать, что такое актуальное членение предложения	1. Уровень репродуктивный (повторить, что такое коммуникативный синтаксис; дать определение актуального членения предложения)
2. Понять сущность устройства предложения в коммуникативно-синтаксическом аспекте	2. Уровень понимания (объяснить, из каких элементов строится предложение на уровне его актуального членения, что такое тема и рема).
3. Приобрести умение анализировать предложения в аспекте их актуального членения	3. Уровень аналитический (умение анализировать актуальное членение предложения, выявлять его линейно-динамическую структуру)
4. Овладеть навыками анализа порядка слов, объяснения ошибок в расположении слов и использования инверсии в стилистических целях	4. Уровень творческий (способность находить ошибки в словорасположении, объяснять и исправлять их; способность показать стилистические функции порядка слов и построить предложения с объективным и инверсивным порядком слов)

§ 1. Предмет и задачи коммуникативного синтаксиса

Как известно, синтаксис - это высший раздел грамматики, изучающий нормы связи, соединения слов и их форм для построения связной речи, а также те единицы (словосочетания и предложения), которые в ней функционируют. Определение *коммуникативный* при термине *синтаксис* сужает объект и предмет изучения. Во-первых, в его задачи не входит изучение словосочетаний самих по себе, как синтаксических единиц номинативного значения. А во-вторых, главная синтаксическая единица - предложение - изучается в коммуникативном синтаксисе в определенном аспекте, под определенным углом зрения. Дело в том, что предложение является единицей сложной, можно сказать, многосторонней. Выделяют три стороны его организации: **конструктивно-синтаксическую, коммуникативно-синтаксическую и семантико-синтаксическую***.

Конструктивно-синтаксическая сторона предложения - это организация его предикативной основы; поэтому единицами, формирующими конструктивно-синтаксическое устройство предложения, являются такие словоформы и сочетания словоформ, которые выступают носителями предикативности: в двусоставных предложениях это подлежащее и сказуемое, а в односоставных - один главный член предложения; например: *День чудесный; Лес обнажился, поля опустели; Душно!; Нет времени; Пора вставать.*

Коммуникативно-синтаксическая сторона организации предложения отражает его устройство с точки зрения того, какое коммуникативное задание говорящего (пишущего) это предложение выполняет, т.е. эта организация предложения выявляет, *о чем* хотел сказать говорящий и *что именно* он по этому поводу хотел сказать; единицами этой стороны организации предложения являются *тема* и *рема* (см. ниже); например: *Проснулся Кирилл (тема) // от странного звука (рема)*. Предложение выполняет коммуникативное задание говорящего сообщить причину некоторого события.

Семантико-синтаксическая организация предложения - это такое его устройство, которое отражает, каким способом описано в данном предложении то или иное "положение дел", т.е. та или иная денотативная ситуация; например, ситуация болезненного состояния человека может быть отражена предложением *Больной температурит* и предложением

У больного температура. Здесь одно и то же "положение дел" описано по-разному, значит, семантико-синтаксическая организация этих предложений различна. Единицами этой стороны организации предложения являются компоненты со значением, абстрагированным от конкретных лексических значений словоформ, занимающих определенные синтаксические позиции: *субъект, объект, локализатор, признак (статический, динамический, состояние)* и т.д. Семантический компонент "представляет собой имплицитный или эксплицитный элемент семантической структуры предложения, возникающий в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики и отражающий определенное явление внеязыковой действительности, представленное как обобщенный тип множества единичных явлений"*.

В каждом предложении эти три стороны существуют неразрывно, однако каждая из этих сторон организации предложения специфична, обладает, как было показано, своими единицами, так что иногда наблюдается соответствие между всеми тремя сторонами, т.е. они как бы симметричны, а иногда такого соответствия нет, и они оказываются асимметричными. Например, анализируя предложение *Мечик остановился возле замшелого пня и прислушался* в конструктивно-синтаксическом аспекте, устанавливаем, что его предикативная основа включает подлежащее - существительное *Мечик* в именительном падеже и предикативно соединенные с ним спрягаемые формы глаголов *остановился* и *прислушался*, выступающие в роли простых глагольных сказуемых; отмечаем также, что между спрягаемыми формами глаголов и подлежащим имеется связь координации; это устройство предложения можно отразить структурной схемой $N1 + Vf$ (где первый символ означает имя существительное в именительном падеже, а второй - спрягаемый глагол). Если рассмотреть коммуникативно-синтаксическую организацию этого же предложения, то можно отметить, что предметом сообщения является название лица, т.е. подлежащее *Мечик* выступает в роли темы, а целью говорящего является сообщить, что именно он сделал, т.е. глаголы-сказуемые выполняют роль ремы. Такое устройство предложения можно отразить в виде иной схемы (не структурной, а линейно-динамической):

P (тема) // C (рема), где P - подлежащее, C - сказуемое вместе с его присловными распространителями. Наконец, взятое в семантико-синтаксическом аспекте, это предложение будет определено как такое, в котором присутствуют тоже два компонента: семантический субъект и его характеристика по действию. Таким образом, все три стороны организации этого предложения оказываются симметричными: подлежащее $N1$ выступает в роли темы и обозначает семантический субъект, предмет характеристики, а сказуемые Vf выступают в роли ремы и в роли предиката характеристики.

Напротив, симметрией всех сторон своей организации не обладает такое, например, предложение: *Этого режиссера отличала высокая требовательность к себе и к актерам*. Предикативная основа организована соединенными связью координации словоформами *требовательность отличала*, т.е. сочетанием подлежащего и сказуемого; тема же представлена словосочетанием *этого режиссера*

(детерминант с объектным значением), а рема - сказуемостно-подлежащим комплексом *отличала высокая требовательность к себе и к актерам*; что отражается такой линейно-динамической структурой: Д (тема) // С + П (рема); субъект характеристики также выражен здесь не подлежащим, а детерминантом с объектным значением.

Поэтому хотя все три стороны организации предложения неразрывно слиты в каждом предложении, но для того, чтобы проанализировать предложение всесторонне, необходимо каждую сторону его организации рассмотреть отдельно.

Чтобы представить себе описанное устройство предложения, изобразим трехгранную пирамиду, где каждая из граней - это определенная сторона организации предложения; в пирамиде все три грани объединены, но, поворачивая ее, мы каждый раз будем видеть лишь одну грань, т.е. одну сторону организации предложения.

Итак, **коммуникативный синтаксис решает задачу описания предложения в коммуникативно-синтаксическом аспекте**; такое описание предполагает:

1) выявление коммуникативной установки автора, т.е. той коммуникативной задачи, которую автор решает с помощью данного предложения;

2) изучение тех компонентов предложения, тех единиц, которые формируют предложение в соответствии с коммуникативной задачей, поставленной говорящим;

3) правила расположения и сочетания этих компонентов, их взаимодействие в процессе создания предложения как коммуникативной синтаксической единицы.

Центральным понятием коммуникативного синтаксиса является понятие актуального членения предложения.

§ 2. Понятие об актуальном членении предложения

В психологическом направлении языкознания существовала такая концепция сущности предложения, в соответствии с которой предложение понималось как выражение в речи психологического суждения; психологическое же суждение определялось как результат соединения в мысли двух представлений, первое из которых называлось психологическим подлежащим, а второе, соединившееся психическим усилием говорящего с первым представлением, - это психологическое сказуемое. Например, если психологическое подлежащее (первое представление) - это представление о *птице*, а второе (психологическое сказуемое) - представление о действии *летит*, то соединение этих представлений организует психологическое суждение, которое в речи будет выражено предложением *Птица летит*. Если же, наоборот, первым возникнет представление о действии, т.е. психологическим подлежащим будет *летит*, а вторым возникнет представление о *птице* т.е. психологическим сказуемым будет *птица*, то соединение таких двух представлений организует другое психологическое суждение, языковым выражением которого явится предложение *Летит птица* [*а не самолет / не бумажный змей* и т.п.]. В такой концепции, как мы видим, предложение получало психологическую трактовку, и поэтому грамматисты (например, Ф.Ф. Фортунатов) не считали возможным включать членение предложения на две части, обозначающие психологическое подлежащее и психологическое сказуемое, в грамматику. Однако идея бинарного устройства предложения была здоровой, только его объяснение с психологических позиций уводило исследователя за пределы языка, в область психологии. Первым, кто поставил эту идею на лингвистическую почву, был чешский ученый Вилем Матезиус. Он показал, что не психологическое суждение, а именно предложение членится на две части: ту часть, которая передает исходную (для говорящего) информацию, и ту часть, которая содержит информацию, составляющую главное сообщение, сообщение по поводу первой части. Первую часть предложения он назвал *исходным пунктом*, или *основой высказывания*, а вторую - *ядром высказывания*. Само же членение предложения на основу и ядро он назвал

актуальным членением. Матезиус указал и языковое средство оформления актуального членения в чешском языке: порядок слов. Именно с трудов

В. Матезиуса теория актуального членения предложения была включена в лингвистику. Однако термины для компонентов актуального членения предложения закрепились иные, греческого происхождения: исходный пункт, основа высказывания была названа **темой** (греческое слово, обозначающее "положенное в основу"), а ядро - **ремой** (т.е. "сообщаемое, утверждаемое").

Итак, **тема - это компонент актуального членения предложения, содержащий информацию, из которой говорящий исходит как из некоей данности, от которой он отправляется как от исходного пункта своего сообщения, в частном случае это предмет сообщения.**

Рема - это тот компонент актуального членения предложения, который содержит само сообщение о теме (или по поводу темы /в связи с темой).

Очень важно подчеркнуть два момента.

Первое. **Актуальное членение предложения отражает коммуникативную установку именно автора** (говорящего или пишущего), т.к. именно **он** строит предложение, и он сам решает, о чем будет говорить и что по этому поводу скажет.

Второе. Слово *членение* в этом термине не следует понимать буквально, как расчленение, разбиение готового предложения: это именно **устройство, организация, структура** предложения из темы и ремы, отражающая коммуникативную установку автора.

Так, если темой говорящий избирает имя писателя (скажем, *Достоевский*), а содержанием сообщения о Достоевском будет информация о его творчестве, то будет построено такое, например, предложение: *Достоевский - автор всемирно известных романов "Братья Карамазовы", "Идиот" и других*, - где темой будет подлежащее (*Достоевский*), а ремой - группа сказуемого (*автор всемирно известных романов "Братья Карамазовы", "Идиот" и других*). Коммуникативное назначение этого предложения можно определить с помощью **латентного (скрытого) вопроса**: "Что известно о Достоевском?" / "Что вы знаете о Достоевском?". Если же говорящий избирает исходным пунктом своего сообщения (темой) информацию о произведениях, а сообщить он хочет, кто является их автором, то такой коммуникативной цели будет отвечать другое предложение, с другим актуальным членением: *Автор всемирно известных романов "Идиот" и "Братья Карамазовы" (тема) // - Достоевский (рема)*. Коммуникативное назначение этого второго предложения можно определить с помощью другого латентного вопроса, ответом на который и будет служить второе предложение: "Кто автор всемирно известных романов "Идиот" и "Братья Карамазовы"?"

Именно соединение ремы с темой служит для передачи новой информации, формирует у слушателя новое знание.

Болеетого, **именно соединение ремы с темой формирует предложение как коммуникативную единицу**. Без соотнесения ремы с темой коммуникация не состоится даже тогда, когда говорящий построит грамматически, лексически и интонационно правильно оформленное "предложение", как, например, в нижеприведенном случае:

А. - *Что ты читаешь?*

Б. - *Я читаю.*

Успешная коммуникация не состоялась, т.к. А. не получил той информации, которую он запрашивал: в реплике Б. налицо только тема, а рема отсутствует; поэтому реплика Б. не может служить ответом на вопрос А.

Итак, актуальное членение всегда бинарно.

Этому не противоречит тот факт, что в русском языке нередко встречаются предложения, которые состоят только из ремы, а тема в них отсутствует; например: *Тишина; Поздняя осень; Наступила весна; Звенит звонок; Холодно!; Существует Общество охраны Версаля; Приедет прокурор. Будет следствие* (Амосов). (Если анализируемое предложение приводится в контексте, то он заключается в квадратные скобки). Коммуникативное назначение таких предложений состоит в том, чтобы **констатировать некоторый факт как целое**, без вычленения какой-либо из его сторон в качестве исходного пункта, в качестве темы; такое - констатирующее - коммуникативное задание можно выявить с помощью следующих латентных вопросов, ответом на которые могут служить данные предложения: "Что случилось?"; "Что происходит / произошло / произойдет?"; "Что имеет / имело / будет иметь место?"

Такие предложения В. Матезиус назвал **нерасчлененными***; А.А. Леонтьев назвал их **моноремными***. Мы предлагаем называть их **предложениями с нулевой темой**: ведь отсутствие знака - тоже знак, и отсутствие лексически выраженной темы значимо. Именно такое актуальное членение и обеспечивает реализацию коммуникативного намерения говорящего констатировать некоторый факт; но тогда как при наличии темы содержание ремы соотносено, как говорил И.П. Распопов, "с некоторым кусочком действительности" (именно он обозначается темой)*, то в предложениях с нулевой темой содержание ремы "приписано" непосредственно действительности, соотносено непосредственно с действительностью. Ее обозначение с помощью соответствующей лексически выраженной темы возможно, но избыточно, поэтому такие предложения, как: **В действительности // тишина; *В действительности // поздняя осень; *В действительности // наступила весна; *В действительности // звенит звонок* - воспринимаются как неудачные, нарушающие норму, хотя их коммуникативный смысл тождествен коммуникативному смыслу соответствующих предложений с нулевой темой (*Тишина; Поздняя осень; Звенит звонок* и проч.). "Если ... искать в экзистенциальных предложениях аналог суждения, то его субъектом следует признать мир или некоторый его фрагмент... а предикат видеть в указании на наличие в мире объектов определенного класса"* . Важно помнить, что и в этом случае актуальное членение предложений бинарно, только тема в таких предложениях нулевая. Рема же, естественно, нулевой быть не может, т.к. она содержит то сообщение о теме (или в связи с темой), ради которого и строилось предложение как коммуникативная единица.

В литературе можно встретить утверждение, что нерасчлененные предложения с нулевой темой содержат целиком **новую** информацию, и на этом основании некоторые исследователи относят к нерасчлененным такие, например, предложения: *Утром на реке Медведице тронулся лед* (С. Антонов); *После грозных дождей последних дней наступила холодная ясная погода* (Л. Толстой); *С авиацией для людей появились новые темпы передвижения, новые скорости и сроки* (Ю. Пименов); *У студентов шли экзамены* (В. Солоухин)*. Такое мнение ошибочно по двум причинам. Во-первых, нерасчлененные предложения с нулевой темой могут содержать вовсе не новую информацию, а уже сообщенную в предтексте и, следовательно, данную, известную адресату; например: [*Боря трубил в горн. Леня бил в барабан. За ними шли Вава и Дима, а впереди выступала Таня Закатова... Дело было серьезное: Таня несла пакет с очень важным посланием...*] **Трещал барабан, ревел горн**(Ю.Сотник). А во-вторых, - и это главное - никак нельзя отождествлять понятие *ремы* с понятиями *нового* и *неизвестного* (так же и понятие *темы* - с понятиями *данного* и *известного*; этот вопрос подробнее будет рассмотрен ниже, в § 8). А значит, определение нерасчлененных предложений с нулевой темой как полностью рематических не должно означать неперменной новизны содержащейся в них информации. Справедливо и обратное: если в предложении содержится полностью новая для адресата информация, то это не означает, что данное предложение состоит полностью из ремы: такое предложение может содержать и нулевую тему (*Гремела буря*), и тему, выраженную лексически, как, например, первое предложение в тексте (предтекста нет, и, следовательно, вся информация является новой для адресата): *Буря* (тема) // *утихла* (рема). Все вышеприведенные предложения из пособия

Н. Лобановой и А. Горбачик являются как раз такими предложениями, которые содержат новую для адресата информацию, но, тем не менее, членятся на тему и рему.

От предложений с **нулевой** темой следует отличать **неполные предложения с опущенной темой**, которая однозначно восстанавливается из контекста; например: [*Мы доплыли пока до моста, носящего негромкое имя русского царя Александра. Александра Третьего. Из всех русских царей самого непримечательного. Первый победил Наполеона, Второй отменил крепостное право, а что сделал Третий?*] **Устраивал охоту на инородцев и пил горькую...** (Ф. Кривин); ср.: *Александр Третий* (тема) // *устраивал охоту на инородцев и пил горькую* (рема)...

§ 3. Способы выражения темы и ремы в простом предложении

В простом повествовательном предложении основным способом выражения темы является выражение ее в форме **подлежащего** (как одиночного, так и распространенного с помощью зависимых от подлежащего словоформ), например: *Наталья* (тема) // *опустила письмо Рудина к себе на колени* (Тургенев); *Медленное падение хлопьев снега* (тема) // *пеленой затягивало бесконечную хуторскую улицу* (Атаров).

Когда при попытках дать определение подлежащего говорится, что подлежащее - это "предмет сообщения", "то, о чем говорится в предложении" или "то, о чем говорится в сказуемом" и т.п., то под эти определения подходит именно **тема**, поскольку, как было сказано, не любое подлежащее называет предмет сообщения; вспомним приводившийся выше пример: *Этого режиссера* (тема) // *отличала высокая требовательность к себе и к актерам*; аналогично: *Исполнительской манере Нейгауза* (тема) // *свойственна психологическая глубина и подлинный артистизм* (рема); *Женщине* (тема) // *плохо* (рема). Во всех этих предложениях предмет сообщения выражен не подлежащим, поскольку признается, что подлежащее всегда стоит в форме именительного падежа (или независимого инфинитива). Следовательно, подлежащее можно определить как **морфологизованную тему** (т.е. тему, выраженную специфической формой, присущей подлежащему).

Второй распространенный способ выражения темы - это **детерминант**, который, как и подлежащее, может быть как одиночным (ниже пример 1), так и развернутым с помощью присловных распространителей в целостное подчинительное словосочетание (пример 2). Например; (1) *В окнах* (тема) // *было сине* (рема), *а на дворе* (тема) // *уже беловато* (рема) [*и вставал и расходился туман*] (Булгаков). (2) *На балконе своего дома* (тема) // *сидела Александра Павловна*, [*но уже не Липина, а Лежнева...*](Тургенев).

В тех случаях, когда говорящий в качестве исходного пункта своего сообщения избирает лицо (предмет) и обстоятельства, в которых это лицо или предмет выступает как предмет характеристики (в широком смысле этого слова), то тема оказывается **комплексной**, она представлена свободным соединением детерминанта с обстоятельственным значением и детерминанта субъектным значением (ниже пример 1) или же соединением детерминанта с обстоятельственным значением и подлежащего (пример 2); например: (1) [*Письмо это... доказало ей, как она была права...*] *Но от этого / ей* (комплексная тема) // *не было легче* (рема) (Тургенев); (2) *В пустынном безотрадном переулке/ поэт* (комплексная тема) // *оглянулся, ища беглеца...*(рема) (Булгаков).

Нередко в комплексную тему входят несколько детерминантов с самыми различными значениями (субъектным, объектным, обстоятельственным и синкретическим), причем комбинируются эти компоненты различным образом и в различном количестве; например: *Сына своего* (объектный детерминант) / *она* (подлежащее) (комплексная тема) // *любила и боялась несказанно* (рема - сказуемые) (Тургенев); *В это время* (темпоральный детерминант) / *недалеко от дома № 302-бис* (локальный детерминант), / *на той же Садовой* (второй локальный детерминант) // *в кабинете финансового директора Варьете Римского* (третий локальный детерминант) (комплексная тема) // *находились двое: сам Римский и администратор Варьете Варенуха* (рема) (Булгаков).

Важно заметить, что те несколько детерминантов (или детерминант и подлежащее), которые входят в состав темы, не образуют друг с другом единого словосочетания, а соединяются на основе **свободного присоединения***: *от этого ей; в переулке поэт; сына он*

Во всех перечисленных случаях темой являлись такие члены предложения, которые имели предметное (в широком смысле слова) значение; но спецификой русского языка является то, что темой, исходным пунктом, отправной точкой для сообщения может быть и действие (вспомним психологическую трактовку предложения как выражения в речи психологического суждения, где психологическим подлежащим могло быть представление о действии). А значит, тема может быть выражена и **сказуемым**; например: [*Коровьев... начертил в двух экземплярах контракт. После этого он слетал с ним в спальню и вернулся, причем оба экземпляра оказались уже размашисто подписанными иностранцем.*] *Подписал контракт* (тема) // и *председатель* (рема) (Булгаков). Как видим, тема представлена словосочетанием, где главный компонент - глагол-сказуемое - связан связью управления со своим присловным распространителем, - иными словами, тема представлена развернутым сказуемым (группой сказуемого). Темой может быть не только глагольное сказуемое (как в приведенном примере), но и именное; например: [*Государство возникло в III тысячелетии до н.э.*] *Первым типом государства было* (тема) // *рабовладельческое государство* (рема). Интересно отметить, что употребление сказуемого в роли темы обуславливает **именное** прочтение сказуемого: "Кто подписал контракт?" - *Подписал контракт (=подписавшим контракт был) // и председатель.*

Таким образом, предложение из **характеризующего** (*Председатель* (тема) // *подписал контракт* (рема)) переводится в **идентифицирующее**: изменяется не только актуальное членение и, следовательно, коммуникативно-синтаксическое строение предложения, но и его синтаксическая семантика.

В случае, когда какой-либо факт, какое-либо событие служит для говорящего отправной точкой, а целью сообщения является уточнение этого факта со стороны места, причины, цели и (или) других обстоятельств, - в этих случаях **темой** является весь состав предложения, исключая детерминант (детерминанты), который и выступает в качестве ремы. Например, в качестве темы выступают подлежащее и сказуемое: *Рудин говорил* (тема) // *горячо, умно, дельно* (рема) (Тургенев); *Умер Власов* (тема) // *от грыжи* (рема) (Горький).

Если предложение является не двусоставным, как во всех рассмотренных выше случаях, а односоставным, то тема выражается или детерминантом (группой детерминантов), (ниже примеры 1 и 2), или же главным членом односоставного предложения (пример 3), или, наконец, свободным соединением детерминанта и главного члена (пример 4).

Примечание. Обратим внимание на то, что главный член односоставного предложения неправомерно называть ни подлежащим, ни сказуемым, поскольку подлежащее и сказуемое - это два предполагающих наличие друг друга взаимно связанных предикативными отношениями члена двусоставного предложения. В односоставных же предложениях носителем предикативности является лишь один главный член.

Примеры: (1) *Дедушке* (субъектный детерминант) (тема) // *не спалось* (главный член) (рема); (2) *В марте* (темпоральный детерминант) // *в средней полосе России* (локальный детерминант) (комплексная тема) // *уже тепло* (главный член) (рема); (3) *Свежо* (главный член)(тема) // *не в поле, а у реки* (рема); (4) *Зимой* (темпоральный детерминант) *темнеет* (главный член безличного предложения) (комплексная тема) // *очень рано* (детерминант) (рема).

Приведенные примеры показывают, что **темой может быть любой член предложения (как одиночный, так и развернутый в целостное подчинительное словосочетание), а также любая группа членов предложения.**

Из тех же примеров можно видеть, что и **ремой может быть любой член предложения или любая группа членов предложения.**

Значит, строевыми единицами, участвующими в оформлении актуального членения предложения, являются:

- подлежащее (одиночное или развернутое);
- сказуемое (одиночное или развернутое);
- детерминант (одиночный или развернутый);
- главный член односоставного предложения (одиночный или развернутый).

ОБРАТИМ ВНИМАНИЕ на то, что **детерминантом является любой второстепенный член предложения (кроме определения), который из присловного распространителя, связанного с главным компонентом словосочетания подчинительной связью, превращается под воздействием коммуникативной установки говорящего в самостоятельный компонент актуального членения**; сравним: (1) *Дети* (тема) // **горячо спорили** о просмотренном фильме (рема) и (2) *Рудин говорил* (тема) // **горячо** (рема). В первом примере наречие *горячо* выступает в составе развернутого сказуемого в роли присловного распространителя глагола, а во втором случае это же наречие выступает в роли самостоятельной ремы и является детерминантом, который соотносится теперь со всей предикативной основой предложения, т.е. поясняет остальной состав предложения. Первое предложение выполняет коммуникативное задание, которое можно определить с помощью латентного вопроса "Что делали дети?" А второе предложение служит ответом **не** на латентный вопрос "Что делал Рудин?", а на вопрос "Как говорил Рудин?"

Определение же, играя роль самостоятельной ремы, из присловного распространителя становится не детерминантом, а сказуемым. Сравним:

(1) *Стоял ясный морозный день* (рема): предложение с нулевой темой, где рема представлена сказуемостно-подлежащим комплексом, а прилагательные являются определениями при подлежащем, т.е. его присловными распространителями. (2) *День*(тема) // **был ясный, морозный** (рема). Во втором случае, приобретая самостоятельную роль в актуальном членении предложения, эти прилагательные стали именной частью сказуемого.

§ 4. Средства оформления актуального членения предложения

В русском языке основным средством оформления актуального членения предложения является *порядок слов во взаимодействии с интонацией*. В качестве вспомогательных средств выступают *частицы и лексические особенности предложения*.

Для того чтобы показать роль порядка слов в оформлении актуального членения предложения, рассмотрим такой пример. На вокзале прозвучало следующее объявление по радио:

Внимание! Внимание! Скорый поезд № 3 Николаев - Москва прибывает к первой платформе на второй путь. Граждане встречающие! Будьте внимательны! К первой платформе на второй путь прибывает скорый поезд № 3 Николаев - Москва.

Диктор дважды сообщил информацию о прибытии определенного поезда, но целевая установка его была в обоих случаях различна, и это отразилось в различном актуальном членении выделенных предложений и в различном порядке слов. В первом из них темой является группа подлежащего (развернутое подлежащее) *скорый поезд № 3 Николаев-Москва*, а ремой - группа сказуемого (развернутое сказуемое) *прибывает к первой платформе на второй путь*. Такое актуальное членение реализует коммуникативную цель диктора информировать ожидающих этот поезд, о том, что он прибывает, и сообщить, куда именно. (Ответ на латентный вопрос: "Что известно о скором поезде № 3 Николаев - Москва?") А во втором случае диктор предупреждает стоящих на данной платформе граждан об опасности, которую представляет собой прибывающий к этому месту поезд: во втором предложении темой служит развернутый локальный детерминант (*к первой платформе на второй путь*), а ремой - сказуемостно-подлежащий комплекс (*прибывает скорый поезд № 3 Николаев - Москва*). (Ответ на латентный вопрос "Что произойдет у первой платформы на втором пути?")

Два предложения с одинаковым лексическим составом, построенные по одинаковой структурной схеме, отличаются актуальным членением, т.к. выполняют различную коммуникативную задачу автора, и *это их различное актуальное членение оформляется различным порядком слов*. Порядок слов в соответствии с актуальным членением предложения можно отразить линейно-динамической схемой, она окажется в обоих случаях различной: 1) П (тема) // С (рема); 2) Д (тема) // С + П (рема). Символы обозначают: П - подлежащее; С- сказуемое ; Д - детерминант,

ГЧ - главный член односоставного предложения. При этом каждый из этих членов предложения может быть, как мы видели, и одиночным, и развернутым в подчинительное словосочетание: и одиночный член предложения, и развернутый, распространенный представляют собой одно целое в плане актуального членения предложения, т.е. одним его строевым элементом; значит, с точки зрения коммуникативно-синтаксического устройства такие, например, предложения: *Солнце // заходит* и *Красное морозное солнце // медленно заходит за горизонт* - однотипны; аналогично: однотипными в коммуникативно-синтаксическом аспекте являются и предложения *Поезд // опоздал* и *Наш поезд // намного опоздал*.

Порядок слов, оформляя определенное актуальное членение, сопровождается в устной речи **нейтрально-повествовательной интонацией**. Ее характеристики следующие:

- если тема достаточно распространена, она отделяется от ремы небольшой паузой и незначительным повышением тона на последнем ударном слоге темы; однословная же тема от ремы паузой не отделяется и вместе с ремой произносится как одна синтагма; например: *Мой двоюродный брат Петя*
- небольшая пауза и незначительное повышение тона на слоге *Пе*) // *внезапно тяжело заболел*; ср.: *Я // болею* (паузы нет);
- фразовое ударение совпадает с логическим ударением и приходится на последний ударный слог ремы: *Мой двоюродный брат Петя // внезапно тяжело заболел*;
- последний ударный слог ремы (конец предложения) характеризуется понижением частоты основного тона: *заболел*.

Дополнительными средствами оформления актуального членения предложения в русском языке являются частицы. Ремовыделительными являются частицы **лишь, только, именно**; например: *Это сделал (тема) // именно он (рема)*. Тема отчленяется от ремы с помощью постпозитивной частицы **же** (некоторые лингвисты считают ее не частицей, а союзом); например: [*Дрова в сарае кончились,*] *газа же (тема) // вообще не было (рема)*.

Актуальное членение предложения может быть связано и с определенным лексическим составом предложения. В частности, личные местоимения чаще всего выступают в роли темы: *Я (тема) // помню чудное мгновенье...*(рема) (Пушкин). Если есть лексически связанные сочетания, как, например, *нахмурить брови, оказать сопротивление, осуществить поддержку* и проч., то все такое словосочетание в полном своем составе входит в один компонент актуального членения (или в тему, или в рему); например: *Ее собеседник (тема) // сурово нахмурил брови (рема)*; [*Противник был наголову разбит*]. *Оказал сопротивление (тема) // один небольшой отряд (рема)*. Если же сочетание свободное, то оно может составлять один строевой компонент актуального членения (ниже пример 1), а может разбиваться, разделяться актуальным членением на два компонента, один из которых входит в состав темы, а другой - в состав ремы (ниже пример 2); например: (1) Латентный вопрос: "Что сделал пассажир?" - *Пассажир // поднял билет*; ср.: (2) "Что поднял пассажир?" - *Пассажир поднял (тема) // не билет, а паспорт (рема)*. В последнем случае говорим об актуализации словосочетания.

В артиклевых языках средством оформления актуального членения выступают артикли. Так, английское предложение *A man came into the room* отвечает **не** на латентный вопрос "Что сделал человек?", а на латентный вопрос: "Что произошло в (этой, данной, определенной) комнате?", что подсказывается определенным артиклем при слове "room", и поэтому на русский язык оно должно быть переведено таким образом, чтобы в его актуальном членении отразилась *тематическая* роль

обстоятельственного компонента *в комнату*: иными словами, адекватный перевод будет начинаться не с подлежащего, как в английском предложении, а именно с обстоятельственного детерминанта: *В комнату (тема) // вошел человек* (рема). (*В комнату // вошел какой-то человек*).

§ 5. Характер и нормы порядка слов в русском языке

<Прежде всего, следует разрушить сложившийся у большинства читателей еще со школьных времен ошибочный стереотип, будто порядок слов в русском языке свободный. Ведь свобода в данном случае означает произвол: располагай слова в предложении как угодно, безразлично как, - все равно ты получишь правильное предложение. Докажем, что это отнюдь не так и что **порядок слов в русском языке несвободный**. Можно привести, по крайней мере, три доказательства несвободного характера порядка слов в русском языке.

Доказательство первое (назовем его логическим). Если порядок слов действительно свободный и никаким правилам не подчиняется, тогда любое расположение слов должно быть признано правильным; однако каждому ученику известно, что нередко в его письменной работе учитель подчеркивал предложение, указывая, что в нем неверно расположены слова, т.е. отмечал ошибки в расположении слов. Но ошибки не что иное, как нарушение нормы, а если есть нарушение нормы, значит, есть сама норма. Примеры ошибочного расположения слов:

- из школьных сочинений:

(1) [*Я люблю книги о войне.*] *Я узнаю о героях из них.* Правильный вариант: *Из них я узнаю о героях.* (2) *Героиня этого фильма борется против несправедливостей всяких социальных.* Правильный вариант порядка слов (без исправления лексических ошибок): *Героиня этого фильма борется против всяких социальных несправедливостей.* Полностью правильный вариант: *Героиня этого фильма борется против различного рода социальной несправедливости;*

- из современных газет:

1) *По его словам, также не была ему известна дата террористического акта.* Правильный вариант: *... дата террористического акта также не была ему известна;* 2) *Однажды епископ попросил вышить меня панагию.* Правильный вариант: *... попросил меня вышить панагию.* 3) *Составленная смета бухгалтером лежала в сейфе.* Правильный вариант: *Составленная бухгалтером смета лежала в сейфе.*

Доказательство второе (назовем его экспериментальным). Отправляясь от тезиса о свободном характере порядка слов в русском языке, прочитаем любой текст (фрагмент текста) с конца: если наше предположение о свободе верно, то мы должны получить такой же правильный текст, как и исходный. Так ли это? Приводим фрагмент текста, прочитанный (и записанный с конца): *Прочее и шумом уличным, бумагой щелей заклеиванием, простудами и сквозняками со зиму надвигающуюся пережить - выхода два есть, летом этим окна поменять успел не кто, тех для.* Текст полностью разрушился. Эксперимент наглядно показал: как попало, абсолютно произвольно слова располагать нельзя.

Доказательство третье (назовем его математическим). Напомним правило о перестановках: если есть две единицы (А и В), то число перестановок равно 2: АВ и ВА; если количество единиц равно трем (А, В, С), то число перестановок равно не трем, а уже шести: АВС, АСВ, ВАС, ВСА, САВ и СВА. Формула, по которой можно подсчитать число возможных перестановок, называется "эн факториал" (n!): он равен произведению всех чисел от 1 до n; например, число единиц равно 4, - значит, n! равен 1 x 2 x 3 x 4 = 24.

Тогда получается, что чем больше дано единиц, тем больше их возможных перестановок. Обратимся теперь к порядку слов. Если тезис о том, что русский порядок слов свободный, верен, то из данного количества словоформ можно построить столько правильных вариантов предложений, сколько их

определяет формула "эн факториал". Например, из 6 словоформ мы должны получить 720 правильных грамматически и безупречных стилистически предложений ($1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 \times 6 = 720$) Так ли это?

Проверим. Даны словоформы: *влиянием, атмосферное, под, антициклона, падает, давление*. Вместо теоретически возможных 720 предложений получаем только 2: *Под влиянием антициклона атмосферное давление падает* и *Атмосферное давление падает под влиянием антициклона*. (Они как раз и отличаются актуальным членением).

Итак, мы доказали, что **порядок слов в русском языке НЕСВОБОДНЫЙ: он регулируется определенными нормами**.

"Но как же так? - скажут наши оппоненты. - Ведь вот в английском или французском языках мы строго следуем правилу: на первом месте в предложении должно стоять подлежащее, на втором - сказуемое, а затем уже дополнение и обстоятельства. В русском же языке этого нет!" Верно: в русском языке **за каждым членом предложения не закреплено, не зафиксировано одно определенное место в предложении**, как в названных языках с **фиксированным**, или **связанным** порядком слов. Подлежащее можно найти и на первом месте в предложении: *Дождь был летний, теплый*, и на втором: *К вечеру дождь перестал*, и на третьем, последнем: *Завтра будет дождь*. То же можно сказать о каждом члене предложения. Но что из этого следует? Отсюда следует, что порядок слов в русском языке **нефиксированный (несвязанный)**: такое определение характера порядка слов и означает, что в русском языке *за каждым членом предложения не закрепляется одно определенное место*.

Но в то же время он, как мы показали, **несвободный**, т.к. существуют определенные нормы расположения слов, которые нарушать нельзя, - только эти нормы имеют другую природу, чем нормы расположения членов предложения в языках с фиксированным порядком слов (о чем ниже). Значит, характер порядка слов в русском языке следует определять не одним словом, а двумя: он **нефиксированный (=несвязанный), но несвободный**. Покажем это на схеме "Характер порядка слов в различных языках":

Основание характеристики:	Характер порядка слов :
1. Закреплено ли за каждым членом предложения определенное место?	а) ДА: порядок слов фиксированный (= связанный)
	б) НЕТ: порядок слов в языке нефиксированный (=несвязанный)
2. Существуют ли определенные нормы расположения слов	а) ДА: порядок слов несвободный
	б) НЕТ: порядок слов свободный

Итак, какие же **нормы характеризуют несвязанный, но несвободный порядок слов в русском языке?**

Они могут быть сформулированы в виде ТРЕХ ПРАВИЛ, действующих в стилистически нейтральной речи, лишенной экспрессивно-эмоциональной окраски.

Правило первое: ТЕМА *предшествует* РЕМА.

А так как и тема, и рема могут быть выражены, как мы видели, самыми различными членами предложения, то порядок слов и оказывается несвязанным; например: тема-подлежащее перед ремой-сказуемым: *Члены экспедиции // благополучно вернулись на базу*.

Тема-сказуемое перед ремой-подлежащим: [*Послышались голоса. Матвей прислушался: свои или чужие?*] говорили // немцы. (Федин).

Тема-детерминант перед ремой, представленной сочетанием сказуемого с подлежащим: *В Кремле // состоялась встреча президента с представителями руководства Сербии.*

Тема из сочетания подлежащего со сказуемым перед ремой-детерминантом:
Кенгуру водятся // только в Австралии.

Правило второе: В НЕРАСЧЛЕНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С НУЛЕВОЙ ТЕМОЙ **сказуемое предшествует подлежащему**

Примечание: перед сказуемым может располагаться только присловный распространитель глагола - наречие, образующее вместе с глаголом целостное, неактуализированное словосочетание.

Например:

Идет дождь. Звенит звонок. Начинается весна. Неслышно пролетела какая-то ночная птица.

Правило третье: **в словосочетаниях**, в полном своем составе входящих в тему или в рему, т.е. не разъединенных границей актуального членения, соблюдаются **нормы расположения компонентов в зависимости от типа подчинительной связи и частеречной принадлежности компонентов (такие словосочетания называем неактуализированными)**

Согласуемый компонент **перед** главным (*зимний день; последний урок*).

Главный компонент **перед** управляемым (*позаботился о снаряжении, корзина с яблоками, направо от дома, похожий на мать*).

Примыкающее наречие **перед** глаголом, прилагательным или другим наречием (*горячо спорили, крайне опасный, довольно смешно*).

Примыкающее наречие с качественно-характеризующим значением **после** существительного (*яйцо всмятку, прогулка верхом*).

Примыкающее наречие с количественным значением **перед** существительным (*почти мастер, немного формалист*).

Примыкающий инфинитив **после** главного компонента (спрягаемой формы глагола, краткого прилагательного или существительного): *хочет помочь; рад познакомиться, желание победить*.

Порядок слов, при котором соблюдаются перечисленные нормы, называется **ОБЪЕКТИВНЫМ** (термин В. Матезиуса). Объективный порядок слов вместе с нейтрально-повествовательной интонацией оформляет актуальное членение предложения в стилистически нейтральной, неэкспрессивной речи.

Какие же функции выполняет объективный порядок слов в русском языке? Из сказанного следует, что он выполняет две функции:

1) грамматическую: служит средством оформления словосочетания как целостной синтаксической единицы, основанной на подчинительной связи и имеющей номинативное значение;

2) коммуникативно-синтаксическую: служит средством оформления актуального членения предложения.

§ 6. Понятие инверсии, виды инверсии

Когда нарушаются нормы объективного порядка слов, возникает инверсивный порядок слов, или инверсия. Так как нормы объективного порядка слов определяются тремя правилами, то и инверсивный порядок слов возникает при нарушении каждого из этих трех правил. Рассмотрим все виды инверсии.

1. **Нарушается правило первое** (о том, что тема располагается перед ремой): при инверсии рема оказывается перед темой (ниже пример 1), или же компоненты темы и ремы располагаются дистантно, "чересполосно" (ниже пример 2):

- (1) *Опоздал* (рема) // *он!* (тема); ср. с объективным порядком слов: *Он* (тема) // *опоздал* (рема);
(2) *Подходит* (часть ремы) // *Иван* (тема) // *к избушке* (окончание ремы); ср. с объективным порядком слов: *Иван* // *подходит к избушке*.

Как видно из примеров, *инверсивный порядок слов сопровождается изменением нейтрально-повествовательной интонации*: теперь на рему падает усиленное, **эмфатическое ударение**. Следствие же нарушения объективного порядка слов и появления эмфазы (греч. "усиление, выделение") - появление у предложения эмоционально-экспрессивной окраски.

Значит, инверсивный порядок слов вместе с эмфатическим ударением выступает как стилистическое средство.

2. **Нарушается правило второе** (о препозиции сказуемого по отношению к подлежащему в моноремных предложениях): при инверсивном порядке слов в предложениях с нулевой темой подлежащее оказывается перед сказуемым, и на подлежащее падает эмфатическое ударение: *Дождь идет!* (рема); *Весна наступает!*

3. **Нарушается правило третье** (о порядке компонентов в неактуализированных словосочетаниях): а) в словосочетаниях с *согласованием* при инверсии зависимый компонент оказывается после главного, а эмфатическим ударением выделяется главный компонент: *сервиз чайный* (*Мы купили//сервиз чайный!*); б) при *управлении* зависимый компонент оказывается перед главным: *через костер прыгать; Снегурочку зовут* (*Стали //девушки// через костер прыгать и Снегурочку зовут.*); в) при связи *примыкания* изменяется место зависимого наречия и зависимого инфинитива: *быстро очень; спорили горячо; познакомиться хочет*.

Примечание: инверсию в неактуализированных словосочетаниях, сопровождающуюся эмфатическим ударением и играющую стилистическую роль, нельзя путать с **актуализацией** словосочетания, т.е. с таким изменением порядка его компонентов, которое задано изменившимся актуальным членением и которое приводит к тому, что один компонент словосочетания оказывается в составе темы, а другой - в составе ремы; такое изменение порядка слов выполняет коммуникативно-синтаксическую функцию, т.е. оформляет актуальное членение, тогда как инверсия, как было сказано, выполняет стилистическую функцию и актуального членения предложения не изменяет. Примеры актуализации словосочетания с наречием приводились выше: (1) словосочетание с примыканием при объективном порядке слов строится с препозицией наречия по отношению к глаголу, т.к. при этом организуется неактуализированное глагольное словосочетание, именуемое действие ("развернутый глагол"): *Дети // горячо спорили о просмотренном фильме* ("Что делали дети?") (2) Актуализация словосочетания при изменении актуального членения: *Дети спорили // горячо, убежденно* ("Как спорили дети?"). Инверсия же в словосочетании с наречием не разрушает единства словосочетания, но приводит к появлению эмфазы и стилистическому сдвигу: *Дети // спорили горячо, истину искали, слышать ничего не хотели...*

Очень важно понять, что часто используемые в литературе термины **прямой** и **обратный порядок слов** обозначают только последовательность подлежащего и сказуемого по отношению друг к другу, но ничего не говорят ни о роли порядка слов, ни о том, объективный ли при этом порядок слов (т.е. соблюдаются ли нормы), или же он инверсивный. Иными словами, термины *прямой* и *обратный* в русском

языке лишены какой бы то ни было содержательной характеристики и объяснительной силы. Так, прямой порядок слов (препозиция подлежащего по отношению к сказуемому) может быть нормальным, объективным (*Концерт // не состоялся*), а может быть инверсией (*Дождь пошел!*). Точно так же и обратный порядок слов может быть нормальным, объективным ("Кто пришел?") - *Пришел* (тема) // *отец* (рема), а может быть инверсивным, стилистически значимым: *Опоздал* (рема) / *он!*(тема); *Упорный* (сказуемое-рема) // *наш Псков!* (развернутое подлежащее - тема) [*Никому не сдается!*] (Песков).

Итак, **инверсия - это нарушение норм объективного порядка слов в стилистических целях.**

§ 7. Соотношение понятий: тема - данное - известное // рема - новое - неизвестное

В литературе нередко понятие *темы* отождествляется с понятиями *данного* и *известного*, а понятие *ремы* - с понятиями *нового* и *неизвестного*. Так трактуется и сущность актуального членения предложения, которое определяется как "членение предложения на тему, т.е. данное, известное, и рему, то есть новое, неизвестное".* Такое **отождествление абсолютно неправомерно**, т.к. при этом не обращается внимание на различную природу обозначаемых этими терминами понятий.

Понятия *темы* и *ремы*, как было показано, связаны с бинарным устройством предложения в соответствии с коммуникативной установкой автора. Понятия **данного** и **нового** характеризуют и *тему*, и *рему*, а также отдельные элементы *темы* и *ремы* с точки зрения их соотношения с предтекстом, а именно: они указывают на то, первый раз или, наоборот, повторно данный элемент появляется в тексте, т.е. **данное - это та часть предложения, которая повторяет уже сообщенную информацию, а новое - это та часть предложения, которая передает информацию в первый раз.**

Приведем примеры, иллюстрирующие тезис о том, что понятие *темы* и *данного* не тождественны:

1. Весь состав темы - это *данное*: [...на большом четырехугольном столе... дымился огромный **самовар** из красной меди.] **На самоваре** // стоял большой серебряный чайник старинной работы (А.Погорельский).
2. Тема включает и *данное*, и *новое*: [**На самоваре** стоял большой серебряный чайник старинной работы.] **Подле самовара** (данное в составе темы), на большом овальном жестяном подносе (новое в составе темы)...// установлено было несколько чашек белого фарфора...
3. (А. Погорельский).
4. Тема - полностью новое: [В Англии поставил палатку или развел костер - плати.] **Лыжные трассы** // тоже платные (из газет).

Итак, из того обстоятельства, что понятия *данного* и *нового* характеризуют лексические элементы *темы* и *ремы* по их связи с левым контекстом, следует вывод о необходимости употреблять термины "тема" и "данное", так же, как термины "рема" и "новое", дифференцированно: *тема* и *рема* - для обозначения строевых единиц коммуникативно-синтаксической организации предложения, а *данное* и *новое* - для контекстных, речевых характеристик не только *темы* и *ремы*, но и их составляющих.

Но нередко даже те лингвисты, которые не отождествляют *тему* с *данным* и *рему* с *новым*, все же не разграничивают понятия *данного* и *известного*, а также *нового* и *неизвестного*. Так, М.Ю. Федосюк пишет: "...*данным* являются компоненты содержания высказывания, которые обозначают предметы, признаки или ситуации, о существовании которых в описываемом фрагменте действительности адресату уже и з в е с т н о из предыдущего т е к с т а, предшествующего жизненного о п ы т а, с и т у - а ц и и общения или из комбинации этих источников (разрядка наша - О.К.)".*

Мы считаем*, что понятия *известное/ неизвестное* следует отграничить не только от понятий *тема/ рема*, но и от понятий *данное/новое*. Как мы установили, данность обозначаемой информации связана с тем, что дано адресату при непосредственном восприятии определенного текста, а известность - с приобретенным, прошлым опытом. Иными словами, *известное* предполагает докоммуникативное обладание фоновыми знаниями, необходимое для успешной коммуникации. Например, в нижеприведенном тексте выделенные компоненты являются *новым*, выполняют роль *ремы* и при этом представляют собой *известное*: [Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более - прозаик о поэте и поэт - о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельного для культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо;] *самые известные* (тема, в которой представлено *новое* и опущено *данное* - "примеры") // - П у ш к и н и Г л и н к а , П у ш к и н и Ч а й к о в с к и й , Л е р м о н т о в и Р у б и н ш т е й н , Г о г о л ь и И в а н о в , Т о л с т о й и Ф е т (А. Блок).

Разумеется, известность той или иной информации для различных участников речевого акта является различной, поскольку все зависит от их прошлого опыта и фонда знаний. Тем более нельзя отождествлять понятия, относящиеся к совсем различным сферам: *данное/новое* связано с вербальным контекстом, а *известное/неизвестное* - с контекстом культуры; *данность/новизна* - характеристики речевого, контекстного плана, а *известность/неизвестность* - плана информативного, относящегося к сфере сознания*.

§ 8. Актуальное членение предложения и категория предикативности

Прилагательное "актуальное" в термине "актуальное членение" дает основание предположить, что данное явление затрагивает только сферу речи, но к языку отношения не имеет. Однако это не так. Теория актуального членения предложения - так, как она была изложена выше, непосредственно связана с категорией предикативности, а предикативность, или предикативное значение, по мнению большинства ученых, формирует предложение как единицу не только речи, но и языка. Покажем эту связь.

В соответствии с концепцией В.В. Виноградова, "значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности" (Грамматика русского языка 1954, т. 2, ч. 1: 80). Очень важно подчеркнуть, что речь идет не об "отношении к действительности вообще": такое отношение свойственно и слову, и речи в целом, а отнюдь не только предложению (Стеблин-Каменский 1974: 34-35), - речь идет именно об а к т и в н о м с о о т н е с е н и и содержания предложения с действительностью в момент речи. Это различие легко обнаружить, если сравнить слово (в ряду других слов, взятых из словаря) и предложения, равного по объему этому же слову, например: (1) *забор, завод, заводской, зарево, заря, зеленый, зелень, зима, зимний...*; сравним: (2) **Зима!** [Что делать нам в деревне?](Пушкин).] В первом примере только *именуется* определенное время года (*зима*), а во втором *сообщается, что в момент речи в действительности есть, наличествует, имеет место это время года (зима)*. Предложение преобразует лексическое значение слова *зима* в содержание сообщения через соотнесение этого содержания с действительностью, а именно: это содержание приписано действительности как ее реальный признак, имеющий место в момент речи.

Что же происходит при построении предложения-высказывания в соответствии с коммуникативной установкой автора? Содержанию *темы* в момент речи активно приписывается говорящим содержание *ремы*, т.е., иными словами, говорящий активно соотносит свое сообщение (а именно оно передается с помощью *ремы*) с действительностью (в случае нулевой *темы*, как в предложении *Зима!*) или с некоторым ее фрагментом, обозначенным в *теме* (например, *На севере // зима*). Описанный здесь процесс, как видим, в точности совпадает с тем "соотнесением" содержания предложения с действительностью, который и составляет суть предикативного значения, суть предикативности. Следовательно, **соотнесение ремы с темой по своей сути и есть предикативное соединение, именно оно и формирует предложение как коммуникативную единицу.**

Теперь легко понять, почему не был успешным "диалог", приводившийся выше (...):

- Что ты читаешь?

- Я читаю.

"Ответная" реплика не представляет собой коммуникативной единицы, требуемой контекстом и ситуацией, потому что не произошло соединения *ремы* с *темой*, не состоялся акт предикации.

В то же время очевидно, что "ответная" реплика приведенного квазидialogа, если ее рассматривать изолированно, представляет собой грамматически правильное и законченное предложение, где предикативно сочетаются подлежащее и сказуемое. Таким образом, можно установить, что на конструктивно-синтаксическом уровне предикативным всегда является соединение подлежащего и сказуемого (или же носителем предикативности выступает один главный член, если предложение односоставное), и предикативность выражается комплексом категорий синтаксического времени и синтаксического наклонения (принадлежность категории лица к числу категорий, выражающих предикативность, некоторыми лингвистами оспаривается [Шведова 1971]; ср.: [Золотова 1971, 1973]). **А на коммуникативно-синтаксическом уровне предикативность выражается категорией утвердительной / отрицательной модальности:** на *рему* распространяется латентное отрицание; ср.: "Что ты делаешь?" - Я // читаю - Я // **не** читаю (а смотрю телевизор / решаю задачу / рисую и т.д.); "Что ты читаешь?" - Я читаю // Гоголя - Я читаю // **не** Гоголя (а Чехова / Толстого / Улицкую и т.д.). Если *тема* выражена подлежащим, а *рема* - сказуемым, то граница между предикативно сочетающимися главными членами предложения совпадает с предикативно сочетающимися *темой* и *ремой*. Если же *тема* и *рема* неморфологизованные, такого совпадения нет; например: *Каждый мускул / залегал* (тема) // *отдельно* (рема) (В. Липатов). Возможность такого несовпадения - еще одно доказательство того, что различные стороны организации предложения (конструктивно-синтаксическая, коммуникативно-синтаксическая и семантико-синтаксическая) могут быть асимметричны, о чем шла речь в начале этого раздела ([см. § 1](#)).

Итак, актуальное членение предложения, будучи связано с предикативностью, т.е. категорией, формирующей предложение как коммуникативную единицу, должно рассматриваться как явление не только речи, но и языка. Оно относится к числу языковых универсалий, но средства его выражения в различных языках различны.

§ 9. Значение теории коммуникативного синтаксиса

Рассмотрев сущность коммуникативно-синтаксического подхода к анализу предложения, зададимся вопросом: а какое значение имеет эта теория? Почему бы нам не ограничиться традиционным анализом предложения "по членам предложения", знакомым всем со школьной скамьи?

Во-первых, "традиционный" анализ не решает многих вопросов синтаксиса. Например, попробуйте в рамках "традиционного, школьного" синтаксиса дать определение подлежащего, причем такое определение, которое содержало бы указание и на его содержательные, и на формальные признаки одновременно (а ведь определение любого понятия предполагает выявление и содержательных, и формальных сторон, поскольку содержание всегда оформлено, а форма содержательна). Коммуникативно-синтаксический анализ позволяет понять, что "то, о чем говорится в предложении, т.е. предмет речи", - это *тема*, которая во многих случаях бывает выражена именительным падежом или независимым инфинитивом (и тогда представлена подлежащим: морфологизованная тема), а часто имеет и другое выражение и тогда подлежащим не является; но в последнем случае подлежащее, сохраняя свойственную ему морфологическую форму, теряет значение предмета речи, т.е. "того, о чем говорится в предложении", как, например, в предложении: *Эту теорию* (тема, но не подлежащее) // *отличает непротиворечивость* (подлежащее, но не предмет речи = рема).

В рамках "традиционного", "школьного" синтаксиса нередко невозможно непротиворечиво разграничить второстепенные члены предложения (например, *Мотыльки и мошки вьются над лампой*. Обстоятельством места или дополнением является член предложения *над лампой*?)

О том, что такое разграничение часто в принципе невозможно, свидетельствует тот факт, что между компонентами словосочетаний имеются синкретические синтаксические отношения: атрибутивно-объектные, обстоятельственно-объектные и проч. Но что особенно важно и на что в рамках "традиционного" подхода не обращалось внимания, - так это то, что все второстепенные члены предложения "встраиваются" в предложение двумя принципиально различными способами: а) или на правах присловного распространителя какого-либо члена предложения, и тогда они образуют с ним единое подчинительное словосочетание, б) или же на правах самостоятельного распространителя всего остального состава предложения, т.е. в качестве детерминанта. Природа же детерминанта никак не может быть понята без обращения к теории актуального членения предложения.

Во-вторых, только учет коммуникативно-синтаксической стороны организации предложения позволяет увидеть конкретно, каким образом осуществляется связность текста ([см. раздел 4 "Лингвистика текста"](#)); здесь можно вспомнить сведения о тема-рематических цепочках, реализующих связь, сцепление предложений в тексте, а также сведения о характере рематической доминанты, который является различным в различных функционально-смысловых типах текстов.

В-третьих, только признание лингвистической природы актуального членения дало возможность разобраться, наконец, в характере порядка слов в русском языке и выявить нормы порядка слов, а также понять природу инверсии и описать ее виды.

В-четвертых, обращение к коммуникативно-синтаксической стороне организации предложения помогает глубже понять сущность грамматического значения предложения - его предикативного значения, - что чрезвычайно важно не только для теории синтаксиса, но и для общей теории языка.

В-пятых, без учета актуального членения предложения невозможен адекватный перевод с русского языка на иностранные и наоборот. Так, например, перевод английского предложения *A man came into the room* на русский язык предложением *Человек вошел в комнату* является ошибочным, т.к. артикли в английском языке оформляют иное актуальное членение: *В комнату* (тема) // *вошел какой-то человек* (рема).

Задания для самостоятельной работы

1. Напишите эссе на тему: "Почему русский порядок слов является несвязанным, но в то же время несвободным"?
2. Напишите реферат на тему: "Стилистические функции инверсии в современном русском языке"

" Коммуникативный синтаксис "

1. *Какие три стороны можно выделить в организации предложения и как они соотносятся друг с другом?*
2. *Определите, что такое актуальное членение предложения.*
3. *Дайте определение темы и объясните соотношение понятий: тема - данное- известное.*
4. *Дайте определение ремы и объясните соотношение понятий: рема - новое- неизвестное.*
5. *Не противоречит ли тезису о бинарности актуального членения наличие моноремных предложений? Аргументируйте свой ответ.*
6. *Какими определениями следует охарактеризовать порядок слов в русском языке? Что стоит за каждым из этих определений?*
7. *Каковы функции порядка слов в русском языке?*
8. *Каковы нормы порядка слов в простом повествовательном предложении?*
9. *Что такое инверсия и каковы ее типы?*

10. Как доказать, что актуальное членение предложения относится не только к речи, но и к языку?
11. Каким образом теория коммуникативного синтаксиса помогает углубить наше понимание устройства предложения?

Раздел 7.

Темы курсовых работ

1. Актуальное членение в языке и в речи.
2. Спорные вопросы в теории актуального членения предложения.
3. Соотношение конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического устройства предложения: симметричное и асимметричное.
4. Порядок слов как средство усиления экспрессии (на материале рекламных текстов).
5. Понятийное и терминологическое поле теории коммуникативного синтаксиса: история разработки.
6. Сопоставление синтаксической системы различных функциональных стилей в аспекте актуального членения предложения.

Темы рефератов и эссе

1. Сопоставление порядка слов в русском и английском (испанском/ французском / немецком) языках.
2. Стилистические функции порядка слов в газетной речи.
3. Стилистические функции порядка слов в художественной речи.
4. Стилистический прием "иллюзия данности".
5. Роль актуального членения в создании связности научного текста.

Раздел 8. Теория речевых актов

Структура раздела

[§ 1. Основные понятия прагматики и теории речевых актов.](#)

[§ 2. Классификации речевых актов.](#)

[§ 3. Постулаты речевого общения.](#)

[§ 4. Значение теории речевых актов для лингвистики.](#)

Цель и задачи изучения темы

Изучение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о прагматическом аспекте анализа предложения-высказывания	1. Уровень репродуктивный (повторить, что такое прагматика; каков ее терминологический аппарат)
2. Усвоить сущность понятия речевой акт и охарактеризовать условия успешности речевого акта	2. Уровень понимания (объяснить, из каких составляющих строится речевой акт)
3. Приобрести умение анализировать предложения-	3. Уровень аналитический

высказывания в аспекте теории речевых актов	(умение анализировать речевые акты: обещание, угроза, приветствие, благодарность, отказ и проч.)
4. Овладеть навыками анализа текстов в аспекте постулатов речевого общения	4. Уровень творческий (способность находить ошибки, состоящие в нарушении постулатов речевого общения, объяснять и исправлять их)

§ 1. Основные понятия прагматики и теории речевых актов

Языкознание первой половины XX века задавалось вопросом: как устроен язык? Во второй половине века интерес языковедов сместился в сторону другой проблемы, а именно: как язык функционирует? Поэтому было обращено внимание на то, что язык функционирует **как средство достижения цели, т.е. на прагматический аспект языка**. Включение прагматического подхода к языку в круг лингвистических проблем вернуло лингвистике функционализм, который, в отличие от функционализма Пражского лингвистического кружка, называют **неофункционализмом**, и тем самым ускорило движение лингвистики в сторону антропоцентризма: язык функционирует не только под влиянием внешних обстоятельств, но и в зависимости от воли говорящего и для него.

Если для первой половины XX века была характерна эмансипация языкознания от других наук, выработка собственного метаязыка, своего аппарата исследований, то в конце столетия наблюдается усиление связи языкознания с другими науками - черта, которую Е.С. Кубрякова назвала **экспансионизмом**. Наконец, внимание к тому, каким образом говорящий использует язык для достижения своих целей с неизбежностью ставит еще один вопрос, которым также задается современное языкознание: почему он использует именно эти средства и как он это делает? Этим самым лингвистика приобретает **экспланаторность** (объяснительность). Таким образом, черты современной лингвистики, становлению которых способствовала прагматика, - это:

- неофункционализм;
- антропоцентризм;
- экспансионизм;
- экспланаторность.

Центр прагматики составляет **теория речевых актов**. Объектом исследования в теории речевых актов является акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим. Основные положения теории речевых актов состоят в следующем. Предложение - это не просто выражение мысли, но речевое **действие, речевой акт**. **Речевой акт рассматривается как способ достижения человеком определенной цели**. В этом действии есть три составляющих, три стороны: во-первых, выражение мысли языковыми средствами, т.е. речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам, - это **локутивный акт**, во-вторых, речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления - это **иллокутивный акт**, в-третьих, речевой акт в его отношении к результатам, - **перлокутивный акт**. Следовательно, в предложении-высказывании различаются локутивное значение (локуция), иллокутивное намерение, иллокутивная сила (иллокуция) и достигаемый результат (перлокуция, или перлокутивный эффект).

Достижением желаемого результата является принятие решения, или **прескрипция**, так что каждое рассуждение, каждое высказывание направлено на прескрипцию. Для успешной коммуникации и достижения прескрипции необходимо знание **деонтических норм**, т.е. знание того, что дозволено или, наоборот, запрещено. Уже до начала речевого акта говорящие, как правило, осведомлены о деонтических нормах и руководствуются ими в своих речевых действиях.

Поэтому для теории речевых актов важно следующее положение: существуют **условия успешности** речевого акта, т.е. условия достижения им перлокутивного эффекта. Американский логик Дж Сёрль в монографии "Речевые акты" называет следующие четыре условия успешности речевого акта: 1)

условия нормального выхода и входа; 2) условие пропозиционального содержания; 3) условие мотива; 4) условие искренности. О содержании третьего и четвертого условия говорят их названия, а первое и второе разъясним.

(1) Условие "нормального выхода" - это требование вразумительного говорения, т.е. говорящий должен говорить на понятном адресату языке, говорить четко, ясно и правильно, говорить сознательно, не под угрозой и т.п.; понятие "вход" покрывает условия для понимания, т.е. адресат должен знать язык, на котором говорит собеседник, воспринимать его речь без помех, хорошо его слышать и т.п.

(2) Условие пропозиционального содержания означает, что говорящий выражает некоторую мысль; поэтому, например, междометное восклицание *Ой!*, которое издаст некто, испугавшись / споткнувшись / ошпарив руку и т.п., не будет речевым актом: в нем нет пропозиционального содержания.

Действие этих условий Дж. Сёрль разъясняет на примере речевого акта **обещание**.

Условия нормального выхода и входа универсальны. Условие пропозиционального содержания: обещание относится к говорящему и проецируется в будущее, т.е. говорящий не может обещать, что он уже нечто сделал или делает, а также нельзя обещать, что кто-то что-то сделает; но можно обещать позаботиться о том, чтобы кто-то что-то сделал. Следовательно, корректны такие сообщения: (1) *Я обещаю принести тебе завтра свои лекции*; (2) *Я обещаю позаботиться о том, чтобы Лена принесла тебе свои лекции*. А предложение (3) *Я обещаю, что Лена принесет тебе завтра свои лекции* может интерпретироваться только как второе, т.е. это обещание позаботиться о названном действии (= *Я сделаю все от меня зависящее, чтобы Лена принесла тебе завтра свои лекции*). Условие мотива: адресат предпочел бы, чтобы говорящий совершил определенное действие, а сам говорящий при этом убежден в заинтересованности адресата. Иными словами, обещание есть обязательство что-то сделать для адресата, а не в ущерб ему. Этим обещание отличается от *угрозы*. Кроме того, выполнение обещанного действия *неочевидно*: так, в нормальных условиях, когда звонят в дверь, нельзя сказать *Я обещаю открыть дверь*, но только *Я открою дверь*. Условие искренности означает, что говорящий намерен с помощью своего высказывания связать себя обязательством совершить обещанное.

§ 2. Классификации речевых актов

Широко известны две классификации речевых актов, а точнее, - иллокутивных актов: Дж.Остина и Дж.Сёрля.

Дж. Остин* полагал, что для уяснения сущности иллокуции необходимо расклассифицировать все глаголы, обозначающие действия, производимые при говорении, и выделил пять таких групп:

- 1) вердиктивы;
- 2) экзерситивы;
- 3) комиссивы;
- 4) бехабитивы;
- 5) экспозитивы.

Вердиктивы выделяются по признаку вынесения приговора: *оправдывать, признавать невиновным, считать, решать, толковать как, оценивать, расценивать, ставить диагноз, характеризовать* и т.д.

Экзерситивы являются осуществлением власти, прав или влияния; например: назначение на должность, голосование, приказ, принуждение, совет, предупреждение и т.п. Экзерситивом является принятие решения или пропаганда в пользу или против какого-либо действия. "Это приговор суда в отличие от вердикта присяжных... Другим лицам в результате их произнесения "предписывается", "разрешается" или "не разрешается" осуществлять определенные действия"*: *назначать, увольнять, приказывать, выносить приговор, взимать, завещать, предостерегать, разжаловать, штрафовать, голосовать за, прощать, называть,*

выдвигать, подавать в отставку и т.д. Для экзерситивов характерны следующие ситуации и контексты: (1) назначение на должности и посты, выдвижение кандидатур, выборы, выход в отставку, увольнения и заявления; (2) советы, проповеди, обращения с петициями; (3) приказы, приговоры, их отмены; (4) ведение заседаний, дел; (5) права, притязания, обвинения.

Комиссивы имеют следующее ключевое свойство: обязывать говорящего к определенной линии поведения; они выражаются глаголами: *обещать, брать на себя функции, заключать договор, принимать на себя обязательства, иметь намерение, связывать себя, иметь целью, давать обещание, держать пари, присоединяться, становиться, посвящать себя, клясться, соглашаться, защищать*.

Бехабитивы включают в себя понятие реакции на поведение других людей. Это ситуации и контексты извинения, поздравления, похвалы, выражения соболезнования, порицания, ругани, вызова (на борьбу, состязание и т.д.). Они выражаются глаголами: *извинять(ся), благодарить, сожалеть, сочувствовать, поздравлять желать счастья, критиковать, одобрять, благословлять, проклинать, провозглашать тост, бросать вызов*.

Экспозитивы используются в ситуациях объяснения, включающего изложение точки зрения, ведения дискуссии, употребления слов. В принципе экспозитивы нередко одновременно относятся и к вердиктивам, и к экзерситивам, и к бехабитивам; например: *анализировать, квалифицировать, утверждать, подтверждать, отрицать, описывать, извещать, отвечать, спрашивать, замечать, упоминать, заключать, иметь в виду, понимать, счтать за, доказывать* и т.д.

Суммируя, можно сказать, что вердиктив - это реализация оценочного суждения, экзерситив - проявление влияния или осуществление власти, комиссив- принятие обязательств или заявление о намерении, бехабитив - выражение отношения, экспозитив- разъяснение оснований, аргументов.

Позднее Дж.Сёрль* критиковал эту классификацию Остина, во-первых, за то, что это списки английских иллокутивных глаголов, а не речевых актов, но это не одно и то же. Некоторые глаголы указывают на способ осуществления иллокутивного акта (например, *"объявлять"*: можно *объявлять приказы, обещания, сообщения*; но акт объявления не обязательно совпадает с актом приказа, обещания и сообщения). Во-вторых, классы глаголов перекрещиваются: многие экспозитивы подпадают и под определение вердиктивов (например, *подтверждать, отрицать, характеризовать* и др.). Наконец, вообще отсутствует какой-либо до конца выдержанный принцип классификации.

Поэтому Дж.Сёрль предложил свой список базисных категорий иллокутивных актов. В него попадают:

- 1) репрезентативы;
- 2) директивы;
- 3) комиссивы;
- 4) экспрессивы;
- 5) декларации.

Репрезентативы имеют целью зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Репрезентативы образуют отдельный класс, основанный на понятии иллокутивной цели. Все высказывания с репрезентативами оцениваются по шкале: истинно / ложно. Сюда попадает большая часть остиновских экспозитивов и многие из его вердиктивов.

Директивы имеют своей иллокутивной направленностью попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил: *приказывать, командовать, спрашивать, просить, молить, приглашать, позволять* и т.д. (Сюда попадут многие из остиновских бехабитивов и экзерситивов.)

Комиссивы совпадают с соответствующей группой у Остина.

Экспрессивы имеют своей иллокутивной целью выразить психологическое состояние относительно положения дел, определенного в рамках пропозиционального содержания: *благодарить, поздравлять, приветствовать, сочувствовать, сожалеть* и др.

Директивы устанавливают соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью. Так, если говорящий произносит: *Я назначаю Вас своим заместителем*, то успешное осуществление акта назначения соответствует пропозициональному содержанию этого высказывания: собеседник и назначается заместителем, становится им. Сюда относятся речевые акты с глаголами: *объявлять (войну), уходить в отставку, увольнять, назначать* и т.д. Таким образом, декларации вносят изменения в статус или условия указываемых объектов.

Сравнивая приведенные классификации, видим, что Сёрль, в отличие от Остина, пытается разграничить речевые акты и иллокутивные акты; в своей классификации он пытается опираться на понятие иллокутивной цели (выразить психологическое состояние, возложить на говорящего обязательство и т.д.); кроме того, он вырабатывает условия успешности речевого акта (о чем говорилось выше).

§ 3. Постулаты речевого общения

В теорию речевых актов входят постулаты общения логика Г.П. Грайса, сформулированные им в работе "Логика и речевое общение" [Грайс 1985: 217-237]. Еще до этой работы П.Ноуэлл Смит сформулировал правила общения: требование веры в истинность утверждаемого; наличие достаточных оснований для мнения или оценки и нек. др. Но более развернуто эти правила (постулаты, максимы, принципы) сформулировал именно Г.П. Грайс.

Основной принцип речевого поведения он назвал **Принципом Кооперации**, который состоит в требовании делать вклад в речевое общение соответствующим принятой цели и направлению разговора. Этому принципу подчинены более конкретные постулаты, которые Грайс объединяет в 4 категории: вслед за Кантом, он называет их категориями:

- 1) количества;
- 2) качества;
- 3) отношения;
- 4) способа.

Категория Количества включает следующие постулаты: (1) "Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога; (2) "Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется".

Категория Качества заключается в реализации одного общего постулата: "Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным", а также двух постулатов, более конкретных: (1) "Не говори того, что ты считаешь ложным"; (2) "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований",

С **Категорией Отношения** связан один постулат (**постулат релевантности**): "Не отклоняйся от темы".

Категория Способа касается не того, что говорится (как остальные категории), а скорее того, как это говорится" [Грайс 1985: 223]. К этой категории относится один общий постулат: "Выражайся ясно" и 4 более частных постулата: (1) "Избегай непонятных выражений"; (2) "Избегай неоднозначности"; (3) "Будь краток"; (4) "Будь организован".

Кроме постулатов, связанных с Принципом Кооперации, важны также и постулаты иной природы (эстетические, социальные или моральные); например, постулат **вежливости**, уже всецело принадлежащий речевому этикету и требующий соблюдения следующих максим: (1) *такта* (соблюдай интересы другого, не нарушай границ его личной сферы); (2) *великодушия* (не затрудняй других); (3) *одобрения* (не хули других); (4) *скромности* (отстраняй от себя похвалы); (5) *согласия* (избегай возражений); (6) *симпатии* (высказывай благожелательность).

§ 4 .Значение теории речевых актов для лингвистики

Оценивая прагматический аспект изучения речи, можно отметить, что прагматика и, в частности, теория речевых актов, ввели в научный обиход множество фактов, которые до этого или не замечались

лингвистами, или же исключались из сферы лингвистики. Кроме того, теория речевых актов помогает решить ряд лингвистических вопросов, на которые невозможно ответить, не прибегая к понятиям прагматики. Для иллюстрации этого положения приведем один пример.

Это анализ семантики и условий употребления слов **ради** и **для**. Сравнивая слова *для* и *ради*, В.Ю. Апресян* указывает черты их сходства и различия. Так, если исключить значение предлога *для*, связанное с идеей предназначения (*кастрюля для супа, подарок для Пети*), то *для* и *ради* будут синонимами: *Я сделал это для Маши* и *Я сделал это ради Маши*. И все же их сочетаемостные возможности настолько различны, что, очевидно, существуют глубокие семантические различия между этими предлогами. Сравним два предложения: (1) *Петр поехал в Воронеж для того, чтобы ухаживать за своей матерью* и (2) *Петр поехал в Воронеж ради того, чтобы ухаживать за своей матерью*. Обе фразы правильны, но ситуации, обозначенные в них, различны: первое высказывание означает лишь то, что для достижения цели (ухаживать за матерью) было осуществлено определенное действие. При этом никакой оценки действия ни самим субъектом, ни говорящим не дается. Второе высказывание прагматически гораздо богаче: оно содержит следующие импликации:

(1) говорящий оценивает действие субъекта как *жертву* со стороны агенса (например, что поездка в Воронеж была затрудненной, несвоевременной и т.п.);

(2) агенс оценивает свое действие как имеющее очень важную цель;

(3) Смысловой компонент "жертва" означает, что а) действие требует физических или моральных усилий; б) ведет к каким-либо потерям агенса; в) не является нормативным, обычным средством для достижения подобных целей; г) совершается добровольно.

Поэтому нельзя употребить предлог *ради* вместо *для* тогда, когда нет перечисленных условий (импликатур); например, правильно: *Он сел поближе для того, чтобы лучше видеть*, но неверно: **Он сел поближе ради того, чтобы лучше видеть*. Напротив, правильно: *Оставь меня, вычеркни из жизни, отрекись ради детей, ради себя*. Но невозможно: ... **отрекись для детей, для себя; Для получения водительских прав надо сдать экзамен* (нормативно); **Ради получения водительских прав...* (ненормативно).

Таким образом, теория речевых актов обладает значительной объяснительной силой.*

"Теория речевых актов"

1. Какова сущность прагматического подхода к языковым фактам? Каковы задачи прагматики и ее терминологический аппарат?
2. Как трактуется предложение-высказывание в аспекте теории речевых актов?
3. Что такое речевой акт?
4. Приведите примеры речевых актов.
5. Чем речевой акт "обещание" отличается от речевого акта "угроза"?
6. Чем речевой акт "просьба" отличается от речевого акта "уговоры"?
7. Как вы понимаете соотношение следующих понятий: речевой акт - речевой жанр - речевой стиль?
8. Перечислите постулаты речевого общения Г.П.Грайса и прокомментируйте каждый из них.
9. Что такое коммуникативный сбой? В каких случаях он происходит?

Задания для самостоятельной работы

"Теория речевых актов"

Опишите один из речевых актов:

- a. Несогласие.
- b. Уговоры.
- c. Поздравление.
- d. Обещание.

е. Угроза.

Раздел 9. Новая стилистическая парадигма в русистике

Структура раздела

§ 1. Функциональная стилистика, ее задачи и современное состояние.

§ 2. Включение в стилистическую парадигму проблемы изучения церковно-религиозного функционального стиля.

§ 3. Новое в современной газетной речи.

§ 4. Прецедентные тексты в газетно-публицистической речи.

Цель изучения темы

Успешное усвоение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о том, что такое функциональная стилистика, каковы ее задачи, с какими науками она связана	1. Уровень репродуктивный (повторить, что такое функциональная стилистика, перечислить ее задачи)
2. Уяснить, как соотносятся задачи стилистики языка и стилистики речи, каким образом соотносятся понятия стили языка и стили речи	2. Уровень понимания (объяснить соотношение понятий стили языка и стили речи; объяснить, как решаются спорные вопросы стилистики на основе этого разграничения)
3. Уточнить понимание функционального стиля языка и получить знания о системе функциональных стилей современного русского литературного языка	3. Уровень аналитический (умение анализировать функциональные стили и в том числе церковно-религиозный стиль)
4. Овладеть навыками анализа, оценки и построения текстов, принадлежащих к различным жанрам и стилям речи	4. Уровень творческий (способность оценить текст с точки зрения его стилистической организации, выделить в нем единицы трех типов: а) связанные с темой текста, б) стилеобразующие единицы и в) конструктивные приемы; способность проанализировать характерные черты двух церковно-религиозных жанров речи: жанра послания и проповеди)
5. Уметь характеризовать новые явления в газетной речи	
6. Уметь характеризовать жанры церковного послания и православной проповеди	

§ 1. Функциональная стилистика; ее задачи и современное состояние

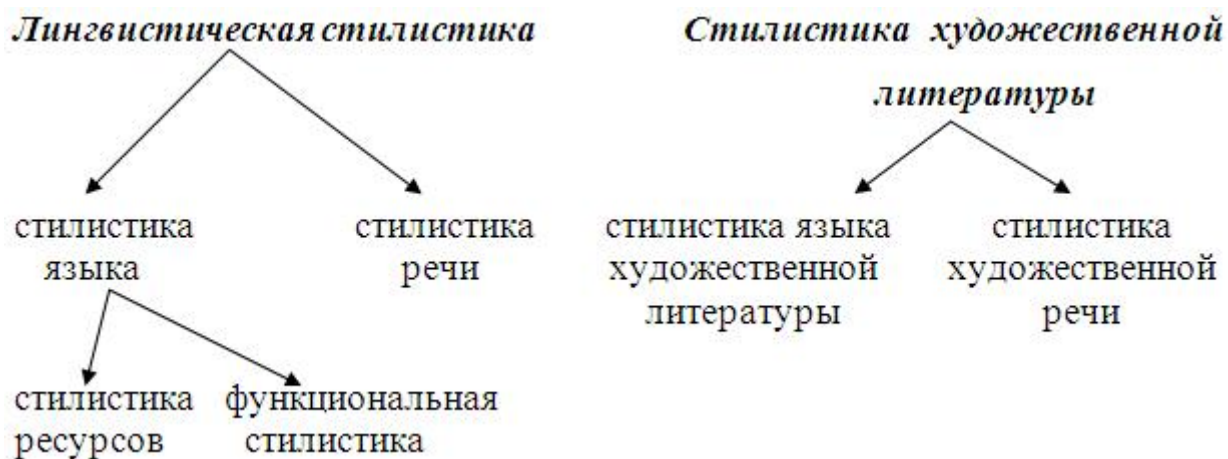
Стилистика - это наука о языке и речи, изучающая языковые средства всех уровней языковой системы с точки зрения их выразительных, т.е. экспрессивных, возможностей, с точки зрения их соответствия целям и условиям общения, а также те подсистемы литературного языка, которые сформировались в результате функционирования языка в различных сферах общественной деятельности и призваны обслуживать эти сферы, и, наконец, особенности оформления и строения определенных типов текстов, т.е. различных жанров речи.

Из такого перечня задач стилистики вытекает, что от других наук о языке и речи (таких, как фонетика и фонология, лексикология, грамматика и т.д.) стилистику отличает: а) то, что она "изучает язык по всему разрезу его структуры сразу" (Г.О. Винокур), т.е. ее объектом являются единицы всех уровней языковой системы; б) *оценочное отношение* к фактам языка; в) то, что она решает *проблему выбора* языковых средств.

Многообразие задач стилистики позволяет выделить в ней несколько аспектов, или "несколько стилистик". В свое время швейцарский ученый Шарль Балли предлагал различать стилистику общую, частную и индивидуальную (в зависимости от того, изучается ли стилистика всех языков, одного национального языка или конкретного индивида)*. В.В.Виноградов также указывал на то, что под термином *стилистика* кроются по существу "различные стилистики", но выделял их уже на другом основании: это стилистика языка, стилистика речи и стилистика художественной литературы*. Это разграничение чрезвычайно важно и сохраняет свою актуальность и до настоящего времени, т.к. помогает увидеть специфику подхода к фактам языка в аспекте "различных стилистик" и тем самым избежать терминологической путаницы и эклектики.

Полагаем, что различные аспекты стилистических исследований (= "различные стилистики"), их задачи и соотношение можно представить в виде следующей схемы-таблицы:

Аспекты стилистических исследований

Из приведенной таблицы-схемы явствует, что:

- 1) функциональной стилистикой мы считаем тот раздел лингвистической стилистики, которая изучает **функциональные стили "практического" (= нехудожественного) языка**;
- 2) система функциональных стилей литературного языка реализуется в многочисленных **стилях речи**, во множестве текстов различных жанров, организация которых изучается стилистикой речи;
- 3) стилистика художественной литературы стоит особняком, поскольку изучение художественной литературы смыкается с задачами литературоведения, поэтики.

Когда в середине прошлого века на страницах журнала "Вопросы языкознания" развернулась дискуссия по вопросам стилистики, то выяснилось, что она больше поставила вопросов, чем предложила каких-то решений. Подводя итоги этой дискуссии, академик В.В. Виноградов отмечал, что многие понятия стилистики остались недостаточно проясненными, отсутствует единство мнений ученых по многим проблемам, в частности, обнаружилось, что многие не дифференцируют понятия *стиль языка* и *стиль речи* и т.д.*.

С тех пор прошло уже более полувека и стилистика значительно продвинулась вперед. Детально изучены такие функциональные стили, как *научный**, *официально-деловой**, *газетно-публицистический**, *разговорно-обиходный**; разработано понятие *стилистической окраски* как синтеза двух типов коннотаций (функционально-стилевых и эмоционально-экспрессивных), наслаивающихся на основное лексическое или грамматическое значение языковой единицы*, а также разведены понятия *стилистическая окраска* и *стилистическое значение**; множество работ посвящено описанию экспрессивных возможностей языковых средств (исследования по фоностилистике, лексической стилистике и грамматической стилистике, отнесенные нами к разделу "стилистика ресурсов" - см. выше таблицу); начиная с 50-х гг. прошлого века, интенсивно стало развиваться направление стилистики, связанное с изучением "живой", т.е. непринужденной, неподготовленной разговорной речи, и возник ряд новых теоретических проблем: о статусе *разговорной речи*, о ее соотношении с разговорно-обиходным стилем литературного языка и др.*.

Тем не менее, нельзя не заметить, что до сих пор некоторые вопросы стилистики остаются спорными и некоторые понятия трактуются различными исследователями по-разному. Это касается прежде всего одного из кардинальных понятий стилистики - понятия *функциональный стиль*, вследствие чего в литературе отсутствует единая и общепринятая классификация функциональных стилей; неоднозначно трактуется вопрос о месте языка художественной литературы в системе стилей; до настоящего времени многими учеными не разграничиваются понятия *стили речи* и *стили языка*, на что в свое время сетовал В.В. Виноградов; неодинаково понимание *разговорной речи*.

То обстоятельство, что языковедение последнего времени все больше становится междисциплинарной наукой и приобретает антропоцентрический характер, не могло не сказаться и на стилистике. В центр стилистических исследований перемещаются те задачи, которые выше были определены как задачи стилистики речи. Нередко именно она именуется функциональной стилистикой, а стили речи, возникающие в процессе употребления языка, именуется функциональными стилями, вследствие чего стили языка и стили речи принципиально не различаются и не разграничиваются и говорится лишь о "речевой системности" всех стилей. Такая точка зрения проводится во многих статьях "Стилистического энциклопедического словаря русского языка" под ред. М.Н. Кожинной (М.: Изд-во "Флинта" - "Наука", 2003). Можно согласиться с тем, что стилистика речи с ее задачами будет включена в функциональную стилистику, однако смешение двух уровней абстракции: языкового и речевого - при изучении стилистических категорий и явлений все же недопустимо. Нельзя на одну доску ставить, скажем, официально-деловой функциональный стиль языка как подсистему в пределах литературного языка, как одну из функциональных разновидностей литературного языка, с одной стороны, и стиль заявления, стиль закона, стиль делового письма, стиль доверенности и т.п., - с другой.

Однако, при всех разногласиях между лингвистами, бесспорным оказывается ряд основополагающих для современной стилистической парадигмы положений. Кратко суммируем их.

1. Каждый развитый литературный язык предстает как система функциональных стилей, вызванных к жизни особенностями функционирования языка в различных сферах общественной деятельности: в сфере науки, в административно-правовой сфере общественной деятельности, в политико-идеологической, церковно-религиозной, а также в сфере частного, повседневно-бытового общения.

2. Функциональные стили исторически обусловлены и исторически изменчивы: сам характер стилей, их количественный состав и соотношение на протяжении веков не остаются неизменными.

3. Языковые средства в пределах каждого стиля системно организованы, что задано спецификой каждой сферы общественной деятельности: так, например, если коммуникация в научной сфере общественной деятельности требует точности и абстрактности изложения, то к системе языковых средств научного функционального стиля языка будут относиться такие языковые средства всех уровней (т.е. лексика, морфологические единицы, словообразовательные модели и синтаксические конструкции), которые будут обладать этими качествами и, в свою очередь, будут обеспечивать точность и абстрактность научного изложения. И наоборот, эмоционально-экспрессивно окрашенные, образные средства языка, не обеспечивающие точности и абстрактности изложения, в систему научного функционального стиля не входят.

Примечание: это не мешает говорящему (пишущему) в каждом конкретном случае включить отдельные из таких средств в свой научный текст в тех случаях, когда он хочет, например, пояснить свою мысль наглядно-образным примером, "оживить" изложение, придать ему научно-популярный характер и т.д.; это значит, что появление эмоционально-экспрессивных языковых средств задается требованиями **стиля речи**, а не научного функционального стиля языка.

4. Если количество функциональных стилей языка представляет собой закрытый список (научный, официально-деловой, газетно-публицистический, церковно-религиозный и разговорно-обиходный), то стили речи весьма многочисленны и такого закрытого перечня собой не представляют, т.к. их особенности обусловлены, с одной стороны, особенностями определенных жанров (а жанров речи бесчисленное количество и нередко они пересекаются, совмещаются; ср.: стиль автореферата диссертационного исследования, стиль отчета, стиль заявления, стиль приказа, стиль хроникальной газетной заметки, стиль репортажа, стиль патентного заявления, стиль православной проповеди, стиль дружеского письма и т.д. и т.п.), а с другой стороны, - индивидуальными языковыми пристрастиями авторов конкретных текстов.

5. Поэтому дихотомия: язык - речь и, соответственно, стили языка - стили речи - остается релевантной для стилистики (хотя, как было сказано, исследовательский интерес в настоящее время явно сместился в сторону стилистики речи).

6. Для стилистики, так же как для других разделов языкознания, весьма существенно понятие нормы; нормы литературного языка кодифицированы, т.е. зафиксированы в описательных грамматиках, словарях, справочниках, учебниках и учебных пособиях, и изучаются всеми нормативными языковедческими науками (нормативной фонетикой, нормативной лексикологией, словообразованием, фразеологией, морфологией и синтаксисом), а также прикладной дисциплиной "культура речи". Стилистические же нормы более вариативны, поскольку стилистически значимым может оказаться выбор, производимый из числа языковых средств, одинаково правильных, одинаково нормативных (с точки зрения литературной нормы). И наоборот, ненормативный языковой факт может оказаться удачным и оправданным со стилистической точки зрения (например, диалектное оканье вместо литературного аканья в сценической речи актера, исполнявшего роль волжского купца Егора Булычева; случаи умышленного нарушения языковой нормы в языковой игре и т.п.). ([См. раздел 5 " Креативная лингвистика, или лингвистика креатива".](#))

§ 2. Включение в стилистическую парадигму проблемы изучения церковно-религиозного функционального стиля

По идеологическим мотивам сфера церковно-религиозной общественной деятельности в эпоху тоталитаризма в СССР была закрыта для светских филологов-исследователей. Считалось, что эта сфера обслуживается не функциональным стилем русского языка, а церковнославянским языком, поэтому ни в одном из описаний стилевой дифференциации современного русского литературного языка не было даже беглого упоминания о языковой ситуации в этой сфере. В постперестроечные годы, с изменением социально-политической жизни в российском обществе, изменилось и отношение к Церкви, к церковно-

религиозной деятельности. Речь священнослужителей звучит теперь не только в храме, она зазвучала по радио, с телеэкранов, в Думе, ее можно услышать также во время обрядов освящения школ, больниц, различных учреждений и т.п.*. И эта речевая деятельность православных священников осуществляется не на церковнославянском языке, а на современном русском языке, который предстает здесь в одной из своих функциональных разновидностей. Эту функциональную разновидность современного русского литературного языка можно назвать **церковно-религиозным функциональным стилем**. Его изучение только начинается: первым обратился к его изучению, указав на необходимость его включения в современную стилистическую парадигму, Л.П. Крысин* ; пока изучены жанры послания и проповеди*.

Таким образом, сфера церковно-религиозной общественной деятельности оказывается сферой билингвизма (двуязычия): в богослужении используется церковнославянский язык, а в таких жанрах речи, как послание, проповедь, напутственное слово, надгробное слово и др., - церковно-религиозный функциональный стиль современного русского литературного языка.

Характеристика **содержательной стороны** текстов, выдержанных в этом стиле, позволяет установить ее сложный, двусторонний характер: с одной стороны, это *событийное (диктумное) содержание*: то событие, которому посвящена речь священнослужителя (важное для страны социально-политическое событие, религиозный праздник, юбилей, открытие школы, венчание, прощание с усопшим и т.п.), а с другой стороны, - *модусное содержание*: призывы, пожелания, элементы религиозного наставления, пропаганда христианской религии, восхваление деятельности и роли Церкви; например: *Обращаясь к вам с пасхальным приветствием, я призываю вас благоуспешно продолжать свое служение Церкви и Отечеству в беспредельной преданности Христу, в верности Его заповедям о любви к каждому человеку и всему человеческому роду* (Пасхальное послание Патриарха всея Руси Алексия II от апреля 1988 г.). Иначе эти две стороны содержания можно назвать *содержательно-фактуальной информацией* и *концептуальной информацией**. Подчеркнем, что модусная (содержательно-концептуальная) сторона содержания в этом стиле всегда отражает религиозную идеологию Русской Православной Церкви (далее РПЦ) и не допускает никаких интолкований. Таким образом, специфика данного функционального стиля обнаруживает себя уже на уровне содержательной стороны текстов, в которых этот стиль реализуется.

Специфична также **коммуникативная направленность** церковно-религиозного стиля: она также является сложной, многоплановой. Автор связывает то событие, о котором он говорит, с событием из библейской истории, из жизни апостолов, святых, деятелей РПЦ, тем самым осуществляя *религиозное просвещение* аудитории; призывая к соблюдению христианских заповедей, к сохранению религиозных традиций, он пропагандирует позитивную роль религии и РПЦ, *воспитывая аудиторию в религиозном духе*.

Следовательно, многостороннюю коммуникативную направленность церковно-религиозного стиля реализует *соединение эмоционально-воздействующей, религиозно-просветительской, религиозно-пропагандистской и воспитательно-дидактической целей*.

Названная коммуникативная направленность диктует отбор и организацию соответствующих коммуникативной цели **языковых средств**, образующих систему церковно-религиозного функционального стиля.

В эту систему входят следующие лексические средства: а) лексика **нейтральная, межстилевая** (общая для всех функциональных стилей, составляющая ядро каждого стиля и объединяющая их в единый литературный язык): *жизнь, человек, говорит, помогает, делать, каждый, они, возвращаются, посмотрит, солнце, женщина, поздно, тогда* и т.д.; б) **обще книжная** лексика (межстилевая для всех книжных стилей, но чуждая разговорно-обиходному): *восприятие, возрождение, наследие, призвание, устройство, осознание необходимости, умозрение, игнорировать, бытие, исконная роль, придерживаться иных мировоззрений, традиции, правящий, интеллектуальное, нравственное, универсальна, построения философии, однако, весьма*; в) лексика с **церковно-религиозной функционально-стилевой окраской**: *Господь Бог, Иисус Христос, Мессия, Спаситель* (и другие номинации Бога); *епархия, Святая Земля, Вифлеем, Святая Гора Афон, всечестные иноки, Оптиные старцы, архиерей, митрополит, пастырь, миряне, мученики, покаяние, скверна, Великий пост, рождество Христово* и т.д. Как следует из примеров, церковно-религиозная лексика тематически очень многообразна: это и номинации

Бога, и географические названия, связанные с библейскими сюжетами, и названия церковных учреждений, религиозных праздников, лиц духовного звания и др.; г) наконец, принадлежностью стиля является и **газетно-публицистическая** лексика; например: *суверенные государства, сфера образования, преодолеть эти трудности, проблемы беженцев и регионов, политический гнет.*

В лексическую систему стиля не входит разговорная и разговорно-просторечная, а тем более - жаргонная и вульгарная лексика.

Лексика церковно-религиозного стиля характеризуется наличием большого количества архаизмов; например: *чада, недугующие, в сем, ныне, научаться, врачующи, вопрошают, нелестно, нареченный, добродетель; Благодарю Вас за это **вопросание**, которое дает возможность поговорить о современной эпохе* (митрополит Кирилл); семантические архаизмы: *Начальник* (о Боге как начале всего сущего); *благоверный* (верный благому делу), *список* (копия иконы), *полагает начало новому лету* (кладет начало новому году), *сугубые молитвы* (когда после песнопения трижды повторяется: "Господи, помилуй!"); *град был чудесно спасен* (спасен чудом); *честнейший праздник* (чтимый всеми); *духовная брань* (духовная борьба).

Преобладающая эмоционально-экспрессивная окраска лексики - архаически-торжественная, возвышенная; например: *беспримерная преданность, возвеличить воинов, неземное величие, черпать вдохновение, преславный праздник.*

Грамматические средства стиля включают такие формы и конструкции, которые обеспечивают книжный и архаически-торжественный характер речи, создают экспрессивный эффект; в частности это:

- родительный присубстантивный, причастия и причастные обороты (средства создания книжной стилистической окраски): *лето благости Господней; слова мира и любви; радующее сердце общение; сотни тысяч людей, стекавшихся в Москву из многих епархий; восстанавливаемый в Москве Храм Христа Спасителя;*
- архаические морфологические формы: *с любовью во Христе; изглаждена будет; ныне рождшемся; возлюбленные о Господе; миру горнему; на земли;*
- инверсия в словосочетаниях со связью согласования: *Церковь небесная; в конце года грядущего; хранить веру отеческую;*
- ряды однородных членов, усиливающие экспрессию текста: *Нам надлежит с усилием исторгнуть из своего сердца плевелы злопамятности и раздражительности, гнева и человеконебрежения.* (Алексий П, Слово в Прощеное воскресенье 17 февраля 1991г.);
- суперлативы (прилагательные, передающие значение самой высокой, превосходной степени признака) - также средство, усиливающее экспрессивный эффект: *наичестнейшие, благословеннейший, радостнейший, важнейший, преизобильная, преславное, многополезная.*

Спецификой словообразовательной системы стиля является большое количество сложных слов, многие из которых являются кальками с греческого (ниже примеры сложных слов даны под литерой а) и субстантиватов (примеры под литерой б); примеры: а) *благодатный, благовестие, великомученик, ветхозаветный, инославные, многотрудные;* б) *больные, немощные, монашествующие, убогие, голодные, сирые.*

Важно подчеркнуть, что отдельные языковые средства из числа названных могут входить в состав и других функциональных стилей; например, ряды однородных членов очень характерны для синтаксической системы официально-делового стиля, а родительный присубстантивный - для газетно-публицистического. Однако существенно то обстоятельство, что там эти языковые средства входят в другие системы, в системы с иными (в сравнении с церковно-религиозным стилем) языковыми средствами, а главное, им присущи там иные функции (например, ряды однородных членов в официально-деловом стиле призваны обеспечить максимальную точность, исчерпывающий характер перечисления определенных предметов, признаков, явлений и т.п.), а в церковно-религиозном стиле - это создание экспрессивности

текста. Именно поэтому характеристика языковых ресурсов каждого функционального стиля убеждает в том, что они имеют системную организацию.

Поскольку изучение церковно-религиозного стиля только начинается, существуют разногласия в оценке статуса этого стиля; в частности, есть мнение, что это не самостоятельный функциональный стиль, а "подстиль" газетно-публицистического стиля (мнение проф. О.Б. Сиротининой). Основанием для такого решения служат два обстоятельства: во-первых, это характер адресата (в обоих случаях адресат массовый) и, во-вторых, наличие не только информативной, но и воздействующей функции.

Полагаем, что различия между церковно-религиозным и газетно-публицистическим стилями настолько существенны, что говорить о первом как о "подстиле" газетно-публицистического стиля нет оснований.

Во-первых, хотя адресат церковно-религиозных текстов действительно массовый, однако это все же не любой носитель русского языка, а, как правило, лишь православный христианин или тот, кто хочет приобщиться к этой религии, т.е. адресат представляет собой более гомогенную, а также численно ограниченную массу в сравнении с адресатом газетно-публицистических текстов. Во-вторых, воздействие, осуществляемое текстами церковно-религиозного стиля, - это, как было отмечено выше, всегда воздействие в нравственно-религиозном духе, направленность этого воздействия только положительная, чего никак нельзя сказать о воздействии, осуществляемом текстами газетно-публицистического стиля. В-третьих, специфичен образ автора: это, с одной стороны, представитель РПЦ как посредницы между Богом и людьми, а с другой, - он один из верующих, близкий к народу человек, одно из "чад матери-церкви".

В-четвертых, языковые средства обоих стилей, как мы видели, различны; если в последнее время лексическая база газеты расширяется почти до всего национального языка, то ни просторечие, ни диалектизмы, ни жаргонизмы, ни вульгаризмы не входят в арсенал лексических ресурсов церковно-религиозного стиля; характер эмоционально-экспрессивной окраски лексики здесь также иной (архаически-торжественный, возвышенный) в сравнении с газетно-публицистическим (здесь это главным образом оценочные коннотации, преимущественно пейоративного характера). Все сказанное не позволяет считать церковно-религиозный функциональный стиль языка разновидностью (или "подстилем") газетно-публицистического.

§ 3. Новое в современной газетной речи

Изучение газетных текстов времен "застоя" позволяет обнаружить, что в них нарушался тот принцип общения, который, вслед за логиком

Г.П. Грайсом, можно назвать "Принципом Кооперации, или Сотрудничества"; он гласит: "Твой вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога"*.

Этот принцип, или постулат, конкретизируется в 4-х категориях: в категории Количества (передавать столько информации, сколько требуется для успеха коммуникации); Качества (стараться, чтобы высказывание было истинным); Отношения (не отклоняться от темы) и Способа (выражаться ясно). В те времена взаимодействие адресанта (публициста, журналиста, газетчика) и адресата (широких читательских масс) вообще не предполагалось, поэтому Принцип Кооперации вообще не выдвигался, вследствие этого многие газетные материалы оказывались *квазиинформативными*: некоторые темы были просто под запретом (например, отдельные стороны деятельности и жизни членов ЦК КПСС и Политбюро), а другие раскрывались таким образом, что создавалась лишь иллюзия передачи информации; так, например, в газетной заметке сообщалось, что идет "битва за урожай", и "на нивах трудятся около 100000 уборочно-транспортных комбайнов и отрядов. Всего их в стране создано более 130 тысяч". Здесь явно нарушен постулат Количества: информации недостаточно, чтобы ответить на целый ряд вопросов: "Если создано 130 тысяч "уборочно-транспортных комбайнов и отрядов", то почему работают только 100 тысяч? А сколько необходимо для успешной уборки урожая?" Такие сведения в заметке отсутствуют, а без них газетный

материал оказывается лишь приблизительно, неточно соотношенным с действительностью, и такая *квазиинформативность*, или *квазиреференцированность* была явным нарушением стилиевой нормы, требовавшей, чтобы газетно-публицистический стиль выполнял информационно-содержательную функцию*. Если газетный материал не отвечал *идеологеме* - политическому мифу, т.е. концептуальной информации о том, что "в СССР построен развитой социализм, и страна переходит к строительству реального социализма", - то такой газетный материал цензурой не пропусклся. Таким образом, эта идеологема служила своего рода "фильтром", сквозь который просеивались все газетные тексты.

С отменой цензуры, на язык вообще и на газетный язык в частности очень активно стали воздействовать внеязыковые, социальные факторы. Результатом такого воздействия явились следующие изменения.

Во-первых, тексты стили более информативными за счет большего равновесия между фактологической и концептуальной информацией.

Во-вторых, изменилась шкала ценностей, так что на пути информации стоит теперь не один закрытый "фильтр" (идеологема, о которой шла речь выше), а несколько открытых "фильтров", которыми являются самые разные системы оценок, отражающих различные социально-политические взгляды отдельных изданий.

В-третьих, воздействующая функция газеты осуществляется не через политический миф, а в большей степени через фактологическую информацию.

В-четвертых, изменяется и обогащается концепция адресата: это не аморфный "советский народ", а люди различных возрастных групп, различных материальных возможностей и, главное, - различных социально-политических взглядов и пристрастий. Осознание этого приводит к тому, что газетчики прибегают к более разнообразным *коммуникативным тактикам*. (См. раздел [3 "Понятие языковой личности"](#).)

В частности, стремясь не только представить свою точку зрения, но и сделать вид, что он вырабатывает эту точку зрения вместе со своим читателем, журналист нередко прибегает к воспроизведению других точек зрения на проблему, поэтому передает иные взгляды не только прямым цитированием, но и пересказом, включением чужих текстов, тем самым в полемику включаются целые тексты, а современный газетно-публицистический стиль приобретает такое качество, которое исследователи называют "диалогичностью", или "*интертекстуальностью*"*. Другим проявлением интертекстуальности является использование прецедентных текстов (см. ниже [§ 4](#)).

В-пятых, происходят изменения в системе газетных жанров: из-за присущей ей директивности, излишней категоричности и менторско-назидательного дидактизма, а также отсутствия информативности с газетной полосы практически исчезла передовая статья, почти исчезли очерк и фельетон - тоже в силу их агитационно-пропагандистского характера. Шире распространяются такие жанры, в основе которых лежит диалог: интервью, экспресс-опрос, беседа, эссе.

В-шестых, заметно изменился *арсенал языковых средств*, используемых в газетной речи. В зависимости от ориентации издания, в этот арсенал могут включаться не только разговорные, но и просторечные, и даже жаргонные, а порой и бранные, вульгарные языковые единицы: *подсиживать, понарошку, пахать* (= "работать"), *отмазаться, откосить, облапошить, пршпандоривать, обстебывать, облом, качок, наличка, наехать, башли, бабки* (=деньги), *баксы, грины, жрачка, клевый, крутой* и т.д.; например: "*Глубокий пофигизм, выдаваемый за нейтралитет*" ("Известия").

Расширение арсенала лексических средств осуществляется и за счет оживления *устаревшей* лексики, находившейся долгое время в пассивном словаре: *губерния, губернатор, мэрия, префект, Дума, храм, городничий, наместник, милосердие*. Причина их актуализации состоит и в отмене тематических запретов, и в новых ценностных ориентациях.

Фактически произошло расширение лексической базы газетной речи до всего национального языка, так что ограничения сведены до минимума, а в некоторых газетах (например, в "Московском комсомольце") их вообще нет. Результатом такого расширения являются многочисленные стилистические

смешения, часто неоправданные - явление, которое В.Г. Костомаров в работе "Языковой вкус эпохи" называет *лингвистической эклектикой*^{*}: *спикер в Думе, мэр поселка*.

Расширение лексической базы осуществляется также за счет активного вторжения на страницы газет **ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ**, причем нередко подаваемых без объяснения, без толкования; например: *Объявлен тендер на право освоения крупнейшего в мире месторождения меди*. Заимствуется лексика из самых различных предметно-тематических сфер: 1) общественно-политическая (*брифинг, саммит, спикер, лоббировать, инаугурация, импичмент, электорат, мониторинг, экстрадиция*);

2) компьютерная лексика (*Интернет, сайт, интерфейс, час, онлайн, провайдер*); 3) экономическая (*дивиденды, аудиторский, маркетинг, менеджер, клиринг, консалтинг*); 4) спортивная лексика (*айсинг, тренинг, серфинг, дриблинг, фол, кикбоксинг, фитнес, шейпинг, офсайд*); 5) лексика из сферы поп-искусства (*сингл, перформанс, шоу, поп, рок, клип, хит, поп-арт*); 6) лексика, связанная с обиходно-бытовой тематикой (*бутик, шопинг, бой-френд, секонд-хэнд, паркинг, топ*). Если одни из заимствований оправданны, т.к. обозначают реалии, отсутствовавшие в ранее в нашей жизни (в частности, многие экономические термины и компьютерная лексика), то другие избыточны и могли бы быть заменены русскими эквивалентами, а если и включены в газетные тексты, то с пояснениями. А без таких пояснений тексты перестают отвечать требованию "Говори ясно" (Категория Способа, по Грайсу). Убедительным доказательством того, что использование иноязычных заимствований - это лишь дань моде, состоит в том, что новыми американизмами заменяются и вытесняются даже заимствования, уже давно освоенные русским языком, например: *жаргон - словом сленг, инструктаж - брифинг, экран - дисплей, макияж - мейк-ап, шлягер - хит, манекенщица - топ-модель, бутерброд - сэндвич, гамбургер*.

Неумеренное использование иноязычной лексики журналистами - это, как было сказано, лишь следование моде, а не насущная необходимость; но слепое подражание моде означает отсутствие у автора хорошего языкового чутья и лингвистических знаний, что неизбежно ведет к ошибкам, они многочисленны; например, глагол *шокировать* означает "неприятно поражать своим неприличным поведением"; глагол *презентовать* означает "дарить", но в газетах сплошь и рядом встречаем неверное употребление этих слов: *Вчера презентовали фирму* (вместо правильного "представляли"); *Фестиваль подходит к концу, но до сих пор еще не было ни одного шокирующего фильма* (вместо правильного "выдающегося"); *Обстановка торжественная, событие значительное, поэтому звучат одиозные речи* (автор полагал, что прилагательное *одиозные* происходит от слова *ода* и имел в виду "хвалебные речи").

Наконец, надо отметить, что обновляется и арсенал **экспрессивных средств**. Источником их пополнения служат:

- расширение сочетаемости, т.е. начинают сочетаться лексемы из различных стиливых пластов (языковая эклектика, о которой шла речь выше); например: *обвальная приватизация, политическая дихотомия, колбасное сознание, парламентская трескотня, фанаты вождя, партийный храм, сановные чурки, ходоки к Горбачеву, серьезные деньги, шикарно вооружен*;
- использование в качестве источников метафорического переноса лексем не из сферы военной лексики, как было раньше (ср.: *борьба за урожай, фронт жатвы* и под.), а из сферы экономики и религии: *потребительская корзина, инфляция нравственности, колбасное сознание, неконвертируемая некомпетентность, политическое евангелие*;
- использование в качестве экспрессивных *прецедентных текстов*; например: *Через академию - к звездам* (об астрологической академии). *Ловись, рыбка, большая и маленькая* (о браконьерстве); *Свинья - лучший друг человека* (о возможности пересадки сердца свиньи человеку). (О прецедентных текстах в современной публицистике [см. ниже, § 4.](#))

Экстралингвистические изменения в сфере политико-идеологической общественной деятельности привели к тому, что на печатном российском рынке появилась так называемая "желтая пресса": газеты, которые в погоне за прибылью, стремятся привлечь читателя любой ценой, публикуя материалы из интимной жизни известных лиц, сенсации, скандалы и под., часто недостоверную

информацию. Такие бульварные газеты стали вырабатывать агрессивно-эпатирующий стиль, который на журналистском жаргоне получил название "стёб": это стиль, с помощью которого автор не просто иронизирует, а высмеивает всё и вся, когда авторское ёрничанье заменяет содержание; например: *Бен Гур покори московских дур* (Экспресс-газета); *Медвежья болезнь. Штрихи к портрету Сергея Шойгу*; *В очередь, сукины дети!* (МК).

Из сказанного следует, что в сфере газетной речи наблюдается **ситуация нестабильности**: старая норма расшатана, а новая только складывается. Преодолеваются одни недостатки газетной речи (в частности, нарушение Категории Качества), но появляются другие (нарушение Категории Способа; лингвистическая эклектика и др.). Очевидно, должно пройти определенное время, прежде чем реакция на отмену цензуры, приведшая к таким негативным последствиям, утихнет, а речевая культура газетчиков повысится. Но, конечно, для этого необходима кропотливая работа над повышением уровня речевой культуры всего общества.

§ 4. Прецедентные тексты в газетно-публицистической речи

Выше было отмечено, что в качестве экспрессива в газетной речи очень широко используются прецедентные тексты. Этот термин понимается в литературе неоднозначно. Иногда он трактуется узко: прецедентными считаются ранее созданные широко известные вербальные тексты (иногда только художественные), на которые намекают, к которым отсылают высказывания в составе современных текстов. Так, например, в составе современного газетного текста встречаем такое название статьи: *Москва зверям не верит* (МК). (Заметка посвящена доходному бизнесу: отлову бездомных животных в столице.) При такой трактовке прецедентным считается текст, на который намекает это заглавие настоящей статьи: *Москва слезам не верит* (название известного фильма). Второе понимание термина: это именно настоящий, данный текст, полностью или частично повторяющий ранее созданный, т.е. в вышеприведенном примере прецедентный текст - это *Москва зверям не верит*. Наконец, третья трактовка относит это понятие к семиотике, определяя прецедентный текст как *специфический культурный знак*, формирующий языковую картину мира автора и адресата.

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова рассматривают механизм образования прецедентных текстов как процесс "свертывания", редукции текста-источника до отдельного слова, словосочетания или предложения. В таком виде прецедентные тексты хранятся в памяти носителей языка. Ю.Н. Караулов называет их "готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками"*: они содержат некоторые знания о мире и тем самым участвуют в формировании когнитивного уровня языковой личности, а с другой стороны, в своем функционировании они представляют высший, мотивационный уровень языковой способности. (См. [раздел 3 "Понятие языковой личности"](#).) Прецедентные тексты "используются как критерий оценки и сравнения, как аргумент в дискуссии, к ним прибегают для демонстрации преимущества перед партнером в диалоге (например, когда упоминается "текст", который как бы все должны знать, а партнер по диалогу не знает) или для подтверждения принадлежности коммуникантов к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою. Нередко апелляция к прецедентному тексту служит для говорящего своеобразным способом самооценки"*. Очевидно, что в этом случае прецедентными текстами могут быть знания не только о вербальных текстах, но и об исторических деятелях (прецедентные имена), об исторических событиях, явлениях культуры, искусства, науки и т.д. Например: *Что ты сидишь, как роденовский "Мыслитель"?* В этих словах содержится прецедентный текст - аллюзия к известной скульптуре Родена.

Е.О. Наумова, изучавшая прецедентные тексты в современном публицистическом дискурсе, связывает их употребление со стилистикой постмодернизма и приемом так называемого "цитатного" письма при создании медиа-текстов. "Прецедентные тексты, являясь одновременно и "чужими" словами, и культурными знаками-кодами, органично вписываются в стилистику современного публицистического дискурса, сообщая ему не только информативную, но и эстетическую функцию. Что касается

воздействующей функции, которая для данного типа дискурса всегда была определяющей, то и ее реализация претерпевает в постмодернистском медиа-тексте значительные изменения. Одно из них касается важнейшего конструктивного принципа организации публицистического текста - чередования экспрессии и стандарта. (...) Подчеркивая важность концепции В.Г. Костомарова применительно к советской печати, некоторые авторы предлагают корректировку этой концепции в современных условиях, утверждая, что этот конструктивный принцип не характерен для современного газетно-публицистического стиля. Однако (...) эти утверждения кажутся нам слишком категоричными. В последние годы в публицистике возникли и закрепились новые клише (*горячие точки, масштабные боевые действия, зачистка, силовое решение проблемы* и др.) Они не участвуют в образовании дополнительного смысла и не придают тексту экспрессии. (...) Прецедентные тексты, по нашему мнению, совмещают в себе оба свойства: с одной стороны, они являются воспроизводимыми (и в этом смысле стандартными) единицами, с другой, - они всегда эмоционально нагружены, экспрессивно заряжены"*.

Рассматривая использование прецедентных текстов как признаков идиостиля журналиста, Е.О. Наумова приводит в пример статьи известного журналиста Максима Соколова. Так, одна из его статей в журнале "Огонек" посвящена партийной системе в сегодняшней России и включает целый ряд прецедентных текстов. Первый - это заголовок: *Время - начинаю про Зюганова рассказ* (аллюзия к началу поэмы В. Маяковского "В.И. Ленин": *Время - начинаю про Леина рассказ*; далее: *...как говорил Собакевич, "один там есть порядочный человек - прокурор, да, по правде сказать, и тот свинья". Одна у нас была настоящая политическая партия, да и та КПРФ**.

"Новая стилистическая парадигма в русистике"

1. Определите аспекты стилистических исследований и их задачи.
2. Дайте определение функционального стиля языка и стиля речи, объясните их соотношение.
3. Охарактеризуйте коммуникативную ситуацию в сфере церковно-религиозной общественной деятельности.
4. Каковы языковые ресурсы церковно-религиозного стиля?
5. Чем обусловлены инновации в газетно-публицистическом стиле?
6. Что нового появилось за последние десятилетия в газетной речи?

Задания для самостоятельной работы

"Новая стилистическая парадигма в русистике"

Напишите реферат на тему: "Сфера церковно-религиозной общественной деятельности в современной России - сфера двуязычия".

7. Что такое прецедентные тексты? Как они используются в газетно-публицистическом стиле?

Раздел 10. Функционирование русского языка в Интернете

Структура раздела

§ 1. Общая характеристика языковых процессов в Рунете.

§ 2. Речевой портрет компьютерно-сетевых пользователей и специфика возникновения компьютерного социолекта. Специфика веб-коммуникации.

§ 3. Системно-функциональные особенности русского языка в Интернете. Фонетико-графические новации в языке Рунета. Морфология и словообразовательные процессы в Рунете. Компьютерно-сетевая лексика и ее освоение. Синтаксические особенности русского языка в Сети.

Цель изучения темы

Успешное усвоение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о том, какие процессы в русском языке возникли или активизировались под воздействием освоения компьютерных и информационных технологий	1. Уровень репродуктивный (рассказать о общих тенденциях языковых процессов в Интернете)
2. Получить представление о том, какие новые явления в речи связаны с влиянием компьютерно-сетевых технологий на русский язык	2. Уровень понимания (уметь объяснить, как решается вопрос о речевых предпочтениях в сфере веб-коммуникации)

§ 1. Общие особенности языковых процессов в Рунете

Виртуальное сообщество создает свои специфические условия для жизни языка, создает условия для тех или иных изменений и стимулирует языковые процессы, приводящие к удовлетворению потребностей общества как в реальной, так и в виртуальной действительности. Свойственное языку стремление к совершенствованию и к удобным и целесообразным формам выражения особенно значимо для Интернета.

На функционирование языка в Интернете существенное влияние оказывают многие внешние факторы изменения языка: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники, международные контакты, активное воздействие СМИ, социально-психологическая перестройка личности в условиях новой государственности и адаптация ее к новым условиям*.

Внутренние законы развития языка не теряют своей актуальности и в компьютерно-сетевом измерении. Проявляющийся на разных языковых уровнях закон системности продолжает влиять на изменения семантики, что отражается на синтаксических связях и даже на форме слова. Закон языковой традиции, связанный с объективным стремлением языка к стабильности, обнаруживает сложное переплетение внешних и внутренних стимулов, задерживающих преобразования в языке. Для интернет-коммуникации это актуально в смысле стандартизации некоторых элементов киберобщения. Поэтому в виртуальной сети потенции языка столь же объективно действуют и в направлении расшатывания этой стабильности, вследствие чего закон традиции сталкивается с законом аналогии, проявляющимся во внутреннем преодолении языковых аномалий. Закон речевой экономии (экономии речевых усилий),

особенно активно действующий в современном русском языке, сохраняет свою активность в виртуальном измерении. Стремление к экономичности языкового выражения обнаруживается на разных уровнях языковой системы - в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе. Особенно большой резерв в этом отношении имеет синтаксис: словосочетания могут послужить базой для образования слов, а сложные предложения могут быть свернуты до простых, что проявляется в словах-темах, ключевых словах-запросах и т.п.

Определяя веб-текст как единство языковых единиц, мы структурируем их по определенным законам. Такими языковыми единицами в виртуальном тексте являются ключевые слова (мини-тексты), высказывания, фразы и сверхфразовые единства, передающие законченное содержание и отвечающие коммуникационным задачам. Основные опорные признаки - конечность, содержательное единство, коммуникативная направленность и соответствующая внутренняя структура (организация) - сохраняют свою значимость в текстах Интернета, причем признаки содержательного единства и коммуникативной направленности усиливаются, а признак внутреннего структурирования обретает новые, гипертекстовые, характеристики. Вполне применима к языку [гипертекста](#) и к понятию ключевого слова в поисковой программе [модель когнитивной матрицы](#) как некой ассоциативной сети, содержащей информацию как о языке, так и о мире, разработанная Кинчем и ван Дийком*.

Интернету свойственны новые коммуникативные эффекты. Эффект полифоничности проявляется в реакции на группу сообщений сразу, при которой "умный ответ" не опаздывает. Эффект "расщепления" сознания возникает, когда под разными именами участник веб-коммуникации занимает разные личностные позиции одновременно. Быстрое реагирование на веб-сообщения создает эффект "автоматического письма". При этом обрывочность мысли, тезисный стиль изложения, и даже неряшливость мышления относят интернет-тексты к нижнему, пограничному слою сознательного. Эффекту [гипертекста](#) соответствует совмещение полифоничности, гипертекстовости, квази-сознания, архаичного (мифологического) сознания и человеко-машинного интеллекта.

Актуализация внутренней речи как одного из трех компонентов речевого мышления (слово, мысль и внутренняя речь) происходит в Интернете в жанрах неспециальной коммуникации и сопровождается стремлением приблизить скорость высказывания к темпу мыслительного процесса. В Интернете высказывания осуществляются только в письменной форме, минуя артикуляционно-голосовое преобразование [речевых мыслеформ](#) в звучащую вербальную структуру. Так возникают многочисленные условные сокращения, позволяющие интенсифицировать процесс сообщения.

К формированию речевого высказывания виртуальной личности вполне применимы общие принципы моделирования порождающих механизмов речи. Планирование с опорой на [эвристичность](#) в поиске психолингвистической конкретизации высказывания осуществляется веб-коммуникантом с особенной интенсивностью вследствие того, что все действия, связанные с освоением интернет-пространства, и прежде всего, поиск речевых адекватных средств, носят эвристический характер.

Ситуации веб-общения изначально определяются по их прагматической направленности в зависимости от потребностей участников формирования интернет-[контента](#). Эти потребности и являются по сути мотивами речевых [интенций](#). От них в конечном итоге зависят и содержание информации и отношение к ней воспринимающего. Сознательный выбор нужных речевых компонентов из многих альтернатив происходит более интенсивно при непосредственном общении в Интернете.

§ 2. Речевой портрет компьютерно-сетевого пользователя и специфика возникновения компьютерного [социолекта](#). Специфика веб-коммуникации.

Реальная самопрезентация личности в Интернете имеет определенные ограничения, от которых зависит качество ее представления. Если рассматривать Интернет в целом как совокупность

технологий, [контента](#) и участников коммуникации, становится понятно, что и технологии, и [контент](#) обусловлены спецификой третьего компонента, а именно, людьми, чьи потребности определяют и развитие [контента](#), и развитие технологий.

Тексты в Интернете не определяют, но регламентируют существование личности в Интернете. Такие тексты размещает в веб-[контенте](#) либо сама личность, либо те, кто ее представляет. Сама личность формирует самопрезентационные тексты двоякого формата: заранее спланированные описания и спонтанные речевые реакции. В первом случае мы имеем дело с информационным представлением о личности, а во втором - с проявлениями ее характера.

В своей "письменно-устной" речи сетевой коммуникант стремится использовать неполные предложения, смысл которых понятен по ситуации, хотя отсроченность обратной связи влияет на темп восприятия информации и выражение реактивных мыслей. Таким образом сочетается эффект незамедлительной реакции собеседника (сохранившийся от устной речи) и лучшее, более детальное восприятие информации и выражение реактивных мыслей в более точной форме (качество речи письменной).

Если индивидуальный характер личности всегда проявляется в особенностях ее коммуникации, то индивидуальность веб-личности целиком и полностью раскрывается только через ее участие в киберкоммуникативных актах. [Коммуникативная компетентность](#) веб-личности строится, прежде всего, в процессе приобретения опыта межличностного общения, который формируется и актуализируется в условиях непосредственного человеческого взаимодействия в традиционной, реальной действительности*.

В Интернете у веб-личности формируется свой комплекс ролей, которые, несмотря на принцип анонимности и асоциальности, меняются в соответствии с перемещением этой личности по веб-пространству. Если в чате виртуальная личность может полностью менять свою социальную принадлежность по своему усмотрению, то в более официальной ситуации или на сайтах интернет-магазинов заинтересованность обеих сторон в их реальном представлении, наоборот, усугубляется, так как [экстралингвистические параметры](#) определения социального статуса личности отсутствуют. В Интернете им находится замена в набирающем популярность жанре анкетирования потенциальных веб-клиентов.

Русский язык в Интернете является единственным средством общения и единственным инструментом формирования российского сегмента, поэтому языковая грамотность и высокая культура речи особенно актуальны в виртуальном пространстве.

Участник веб-общения должен постоянно совершенствовать свои знания в русском языке, чтобы уметь быстро и адекватно реагировать на обращенное к нему послание, правильно отбирать слова и грамотно их использовать. Это требование также обусловлено платной природой Интернета.

Написанные реплика, высказывание или текст в Интернете требуют обязательной проверки, так как каждое слово в виртуальном пространстве может оказаться ключевым словом поискового запроса, который чаще всего формулируется в соответствии с правилами русского языка.

Засорение веб-пространства инвективной, бранной лексикой, неграмотной речью или злоупотребление средствами выделения слов в тексте должно быть осуждено участниками общения в связи с тем, что любое затруднение восприятия текста в Интернете связано с увеличением денежных затрат на присутствие в Интернете для партнеров по коммуникации.

Употребление в виртуальной речи фонетико-графических элементов языковой игры и [пиктографических](#) сокращений, ускоряющих темп высказывания, должны быть регламентированы, чтобы не препятствовать пониманию содержательной стороны виртуального текста.

При формировании своих высказываний веб-коммуниканты должны ориентироваться на такие же правила функционально-прикладного разделения речи, как и реальной действительности, которые должны быть сопровождаемы рекомендациями по использованию стилистических средств при оформлении различных по своим целям высказываний.

Участники веб-коммуникации должны помнить, что на функционирование русского языка в Интернете распространяются общие законы речевого поведения. С правовой точки зрения, русский язык в

Интернете имеет те же права, что и в реальной, офлайн-действительности, и его использование регламентируется реальными, действующими законами, как этического, так и юридического характера. (Насущная потребность юридического оформления правовых отношений в различных сферах функционирования Рунета также определяет необходимость нормализации компьютерно-сетевой терминологии и правил речевого поведения в Интернете.)

В Интернете формируется определенная культура названия и самоназвания. Имена, созданные в соответствии с "культурными нормами" номинации, должны наиболее эффективно выполнять в процессе сетевой коммуникации свои основные функции. К последним относятся - индивидуализация (имя должно быть уникальным, отличаться от других), привлечение внимания (имя должно быть броским, экспрессивным), гарантия "свободы слова в сети" и хотя бы косвенное указание на принадлежность или непринадлежность к референтной группе.

Безусловно, главной фигурой в Интернете является "говорящий человек", который, проявляя "коммуникативную заинтересованность", в "поиске согласия" рассматривает "солидарность участников общения" как "высшую инстанцию ответного понимания" с учетом "активной роли Другого". Особое значение в интернет-общении придается элементам "ритуального речевого поведения". В ситуации виртуального пространства они выполняют роль тематических указателей, с помощью которых осуществляется речевая навигация и реализуются коммуникативные акты. Концептуальная игровая направленность виртуального пространства проявляется и в коммуникативных актах, подавляющая часть которых происходит именно в "игровых ситуациях общения", где язык наглядно отражает традиции "народной смеховой культуры"*.

Потребность полноценного общения в Интернете вызывает к жизни новые знаковые системы. В любом цивилизованном обществе велика роль разного рода [прецедентных текстов](#), высказываний и имен, которые составляют определенный культурный фон данного социума*. Прецедентные феномены, как "готовые", не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства, присутствуют и в интернет-пространстве, обеспечивая определенный культурный фон Рунета. К таким прецедентным феноменам относится компьютерно-сетевая лексика, которая образовалась путем метафоризации и смехового переосмысления (писюк, аська, глюки и т.д.). В то же время глобальное Интернет-сообщество также выработало ряд [прецедентных](#) феноменов, обособляющих культурный фон виртуального пространства в целом. Прежде всего, к таким [прецедентным](#) феноменам можно отнести систему [эмотиконов](#), [аббревиатур](#) и других графических элементов веб-коммуникации. [Эмотиконы](#) же имитируют интонационные движения речи, связанные с содержательной либо эмоциональной стороной высказывания.

Оригинальными невербальными средствами коммуникации в Интернете также следует признать цветное и звуковое оформление текстов, а также их постоянное сочетание на веб-странице с анимационными картинками. Внешний вид оформления текстового высказывания, вплоть до использования определенных разновидностей шрифтов и шрифтовых выделений влияют на так называемый [интерфейс](#) веб-страницы, который может стать дружественным либо недружественным по отношению к посетителю.

§ 3. Системно-функциональные особенности русского языка в Интернете

3.1. Фонетико-графические новации в языке Рунета

Говоря о латинизации русского языка, мы, прежде всего, подразумеваем американизацию и американский вариант английского языка. Стремительное развитие новых компьютерных и информационных технологий, массовое освоение изначально англоязычного Интернета, естественно, привнесло в нашу жизнь новые понятия, а в язык - английские слова, их обозначающие. Латинский алфавит потребовался там, где необходимо вести диалог с машиной. Однако подавляющее большинство терминов имеет интернациональный характер и постепенно [калькируется](#) в русский язык. Англоязычное программное

обеспечение также хлынуло на российский рынок на английском языке. Общие статусные установки, а также критерии конкурентоспособности на рынке востребованности требовали от претендентов хороших знаний именно английского языка, обслуживающего деловое и техническое общение. Соответственно, прежде всего, латинизация затронула так называемый технический подъязык, сферу узкой технической терминологии и не коснулась широких слоев населения.

Массовое внедрение в повседневную жизнь персональных компьютеров и освоение интернет-пространства как еще одной, новой, сферы существования человечества в целом и российского общества в частности, сопровождаются широким вхождением англоязычных заимствований в русскую лексику (*Internet, Web, e-mail* и так далее). Но русский язык быстро их перерабатывает и не только русифицирует (например, *Веб, Интернет* - слова, которые могут употребляться и самостоятельно как синонимы, и в качестве части сложного слова через дефис), но и полностью - и морфологически, и синтаксически - усваивает их и [кодифицирует](#).

Наиболее существенное вторжение латиницы испытывает русскоязычная графика в части ее Интернет-реализации. Это транслитерированные электронные письма, в которых русский текст, предназначенный для наших коллег за рубежом, мы вынуждены писать латинским шрифтом из-за несовершенства компьютерных кодировок. Транслитерация в любом случае является лишь суррогатом подлинного звучания слова.

Взрывчатое сочетание смеховой стихии, демократизации языка (особенно в речевой интернет-коммуникации) и стремления показать свое прекрасное владение английским породило новую языковую моду - умение каламбурить, включая в слова латинские буквы и слоги (например, "*кRUтая игра*") или обыгрывая омографичность (www.deneg.net; www.arendatorov.net).

Случаи участившегося использования латиницы в русском языке можно упорядочить следующим образом: технический (так называемый компьютерный) язык и язык массового пользователя; латинское написание (обоснованное и необоснованное) заимствований, раньше или позже переходящих на кириллицу, и каламбуры, в которых части русских слов обозначаются латиницей; вынужденная транслитерация и лингвистические интернет-игры по составлению русских слов и предложений из латинских букв.

В Интернете существует несколько ступеней сосуществования латиницы и кириллицы: включение фрагмента на чужом языке в русский текст; полная латинская транслитерация русского текста; написание русских букв, по умолчанию указывающих на латинские, принадлежащие соответствующим клавишам (так, *З.Ы.* означает P.S.); создание слов из фрагментов кириллицы и латиницы (*выDOOMывать* вместо "выдумывать", *заLOOPаться* вместо просторечного "залупаться"); симуляция кириллицы с использованием букв латинского алфавита и создание текстов на этом симулянте; наконец, создание русских слов по принципу [калькирования](#), замены метафорического ключа или воспроизведения отдаленной фонетической ассоциации (*мелкомягие, мелкомякоть* = microsoft; *шаровары* = shareware; *девица* = device; *зашарить* ресурсы = to share). Так пользователи Интернета реализуют свою склонность к эффектам ассоциативно-фонетического подавления англо-американских [экзотизмов](#) (*пеньтюх*).

Нарочитая и функционально обусловленная неграмотность сетевых текстов спонтанного "живого" общения также имеет свое объяснение. В основном речь идет о специфической "неправильности" устной речи, имитируя которую, участники общения намеренно искажают "произношение" (а реально - написание) слов, их синтаксический порядок в высказывании, приближая их тем самым к устоявшейся традиции устной разговорной практики. В письменной форме при невозможности применить все особенности живой разговорной устной речи появляются новые варианты на разных уровнях языка: фразы строятся нарочито беспорядочно; знаки препинания пропускаются (в том числе, в сильной позиции конца фразы); прописные буквы заменяются на строчные (в том числе, в сильной позиции начала имени собственного); некоторые слова орфографически приближаются к транскрипции ("*птушта*", "*пчу*", "*канешна*", "*ваще*", "*лана*"). Скудость аудиовыразительности коммуникативных высказываний также провоцирует поиск компенсационных замен. Так, написание слов заглавными буквами традиционно приравнивается к крику.

В Интернете наблюдается возвращение элементов одного из видов предметного письма - [пиктографии](#). Пиктограмма передает не звуковую сторону сообщения, а его содержание и может отражать и слово, и предложение, и текст. Принципы пиктограмм или иконок, как их принято называть среди пользователей компьютеров Интернета, широко используются, прежде всего, в программном обеспечении для того, чтобы облегчить их освоение, упростить [интерфейс](#) и обеспечить наибольшую результативность в работе.

3.2. Морфология и словообразовательные процессы в Рунете

Среди продуктивных новообразований интернет-эпохи нельзя не отметить всевозможные комбинации самых разнообразных словообразовательных элементов - от приставок до цельнооформленных слов, которые объединяются в сложные и составные наименования (например, веб-коммуникация).

Словообразовательные процессы прежде всего активно обеспечиваются аффиксацией, которая характеризуется ограниченностью числа используемых новых аффиксов, занимающих промежуточное положение между собственно аффиксами и усеченными основами.

Освоение многих компьютерно-сетевых терминов реализуется в [практической транскрипции](#) (*гейт, хард, глюк, апгрейд, сисоп, линк, чат, юзер, апплет, геймер, лог, офлайн и т.п.*). Часто данный способ сопровождается процессом редуцирования (*компл, плз, путер, софт*). Нередко транскрибирование реализуется с ненамеренными или, что тоже случается, нарочитыми ошибками (*мессаг, рулез*) или усечениями (*проги, субж/сабж, конфа, борда*). В некоторых случаях транскрибированный и [калькированный](#) варианты терминов конкурируют за место в русском языке: пока что "ЧаВо" с его ироническим подтекстом можно встретить чаще, чем FAQs, а "наезд" - не реже, чем "флейм". В то же время слово "смайлики", безусловно, оказалось более соответствующим новому понятию, чем "рожицы". Не говоря уже о знаке @, который превратился в "собаку" или "собачку", что в общем и целом соответствует общемировой тенденции: в разных языках он получил либо гастрономические, либо зооморфные наименования, среди последних - улитка, червяк, мышонок, обезьяний или свиной хвост или хобот слона.

Процесс появления новых слов компьютерно-сетевой тематики постепенно стабилизировался. Свидетельством того, что слова прочно вошли в русский обиход, является их метафоризация и способность подчиняться русской грамматике. Такой путь прошла уже достаточно многочисленная группа слов и словосочетаний компьютерно-сетевых заимствований. В их освоении наступил этап словообразовательной адаптации: многие заимствования становятся уже производящими основами для русских слов.

Суффиксы, продуктивные в общелитературном языке при словообразовании наименований лиц, машин и устройств по виду выполняемой ими деятельности, используются для образования наименований программных продуктов. Активны, в частности, заимствования с суффиксом *-ер*: *браузер, мейлер, спеммер, хакер, геймер, ламер, юзер*. Аналогично используются суффиксы *-щик/-чик* с исконными словами. Получающиеся в результате слова *перекодировщик, интернетчик, отладчик, загрузчик* и т.п. также означают как лиц, так и программы для выполнения соответствующих действий.

При образовании существительных наиболее продуктивен суффиксальный способ (суф. *-ик* (*сетевик*), *-чик* (*интернетчик*), *-щик*: *виртуальщик, сетературщик*), *-изм* (*интернетизм*), *-ость* (*виртуальность*), *-изаций-* (*интернетизация, баннеризация*), *-к(а)* в сочетании с интерф. *-л-* и *-ев*, характерный для разговорной речи: *бродилка* (пренебр. "броузер"), *болталка* (шутл. "форум").

Для прилагательных характерны суффиксы *-н-* (*портальный, доменный*), *-ов-* (*онлайновый, софтовый*), *-ск-* в сочетании с интерфиксом *-ов-* (*хайтековский, рунетовский*), а также сочетание суф. *-н-* с интерфиксом *-ш-*, отражающим снижение стилистической окраски (*айпишный (IP), айтишный (IT)*).

У глаголов часто используется суффикс *-изирова-* (*интернетизировать*), либо одновременное присоединение префикса и суффикса (*покилобайтно, опорталить*).

Встречается и усечение. В отдельных случаях - когда усечение проходит по морфемному шву - может идти речь о [регрессивной деривации](#). Однако морфемный шов - не обязательное место усечения. Так, вместо "скопируй программу" советуют: "скачай прогу".

Наблюдается также комбинация различных способов словообразования, например, сложение заимствованного слова с созданным на базе исконной корневой морфемы универбатом: *чат-болталка*.

В современном словопроизводстве, обслуживающем компьютерно-сетевую сферу, обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей. Фонд экспрессивных средств языка активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы словоупотребления, в язык массовой сетевой печати с ярко выраженной эмоциональной оценочностью все более втягиваются прежде периферийные языковые явления, в том числе и специфические словообразовательные модели. В этом смысле характерно образование наименований лиц, явлений современной действительности, несущих в себе отрицательное оценочное значение (например, "*писюк*", в смысле РС, персональный компьютер).

3.3. Компьютерно-сетевая лексика и ее освоение

Компьютерная сфера вносит в язык новые термины, новые концепты, которые изменяют не только то, как мы говорим, но и то, как мы думаем. Освоение компьютерно-сетевой лексики нередко происходит через образование и использование [эвфемизмов](#), возникающих при переработке слова и его значения с целью сделать его более приемлемым для определенного социального слоя. Поэтому технические наименования компьютерных устройств постепенно вытесняются наименованиями, произведенными по аналогии (*мышь, интерфейс, меню* и т.д.). Так в современный русский язык входят заимствования из компьютерной сферы, расширяются значения специальных терминов и более широкие контексты, заимствуются и интерпретируются новые концепты и слова, которые с ними связаны, что нередко осуществляется в процессе языковой игры. Акронимы становятся своеобразным маркером элитарности (техносленг) либо поводом для иронии и игры с языком, что свидетельствует об определенном стилистическом снижении.

Лексемы, составляющие ядро компьютерно-сетевого сленга, - не просто более выразительные и экспрессивные аналоги терминологических оборотов. Подавляющее большинство жаргонных выражений представляют собой не новообразования, как было бы логично предположить для столь динамично развивающейся отрасли. Наряду с аффиксацией, словосложением и аббревиацией, именно метафорический перенос и языковая игра становятся одними из самых продуктивных способов образования лексических единиц компьютерно-сетевого сленга.

Говорить о специальном киберязыке или о некоей структурной подсистеме ([социолекте](#)), представляется нам неправомерным, так как по всем системным признакам русский язык в сети сохраняет свою автохтонность, обогащаясь с помощью Интернета новыми красками и особенностями, отвечающими требованию современного состояния общества.

В русском языке необходимо разделить язык, используемый в компьютерно-сетевой сфере, на общеупотребительную, жаргонную и сленговую части, а понятие киберязык если и употреблять применительно к русскому языку, то только по отношению к компьютерно-сетевому профессиональному жаргону, который и не стремится выйти за пределы своих границ. Киберязыком можно обозначить терминологию и другие лексические единицы, обслуживающие деятельность специалистов, которые обеспечивают работу компьютерной техники и Интернета. Та же лексика, которая осваивается массовым потребителем Интернета и пользователем персональной компьютерной техники и существует либо в молодежном сленге, либо уже в общеупотребительной речевой практике, безусловно, выходит за рамки киберязыка и к нему не относится. Так, слово "машина" в значении "компьютер" относится к сфере жаргона киберязыка, а слово "сеть" в значении "Интернет" уже вошло в общее употребление. Большая часть единиц киберязыка имеет узко прагматическую окраску. Наоборот, новые единицы компьютерно-сетевого сленга, безусловно, обладают яркой образностью, метафоричностью и экспрессивностью.

Еще один вопрос, требующий научного решения, - как классифицировать так называемый навигационный уровень языка компьютерной среды, вспомогательный, графический уровень. Позиции зарубежных исследователей в данном вопросе разнятся в диапазоне от "компьютерной фени" в венгерском языке до специального "киберязыка" в английском. Однако каждая графическая картинка служит более

удобной, с практической точки зрения, заменой определенной языковой команды для "общения" с компьютером или работы в Интернете, причем именно изображение отражает слово, а не наоборот. Поэтому, на наш взгляд, сложно говорить об отдельном "навигационном" уровне киберязыка. Графика в данном случае лишь обеспечивает большую наглядность.

Киберязык - это язык для создания средств программного обеспечения в работе с машиной (именно эта прагматическая модификация языка!), а не тот естественный язык, на котором электронные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, интернет-СМИ) общаются с массовой аудиторией. Отсутствие в интернет-текстах явного субъекта, практически полное слияние автора и читателя, прагматическая ориентированность, связность информации, изменяемость, отсутствие фиксированной последовательности восприятия - все это позволило говорить о постмодернистском периоде в развитии языка.

К особенностям функционирования русского языка в Интернете, сближающим его с киберязыком, следует отнести дополнительный, графический, уровень, тенденцию к минимизации и стандартизации (на страницах поисковых сайтов) и усиление роли прагматического фактора (малопонятный жаргон, используемый для привлечения внимания целевой аудитории), усиление роли письменной формы, использование гипертекстовых структур для организации диалога, неограниченного во времени и пространстве и не требующего социальной связи между его участниками.

3.4. Синтаксические особенности русского языка в Сети

В синтаксе веб-коммуникации наглядно прослеживается активизация разговорных синтаксических конструкций, а также [анализм](#) как ведущая тенденция в современной грамматике. Синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными, формальные синтаксические связи - ослабленными, свободными, что повышает роль контекста, порядка слов, акцентных выделений, словесной сжатости синтаксических единиц и их смысловой емкости. Резко сокращается длина предложений-высказываний, грамматические рамки предложения как основной синтаксической единицы нарушаются путем возможного отчленения компонентов этого предложения, свободные синтаксические связи типа примыкания активизируются, оттесняя формально выраженные подчинительные связи, все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем*.

Одна из устойчивых тенденций - расширение круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений - широко присутствует в речевом веб-пространстве. На смену единому развернутому высказыванию с непрерывностью и последовательностью синтаксической связи приходит тип высказывания расчлененный, без ярко (словесно) выраженной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки.

Особенно большую группу составляют изолированные [номинативы](#), свойственные разговорной речи. Наиболее четки и определены по своей функции номинативы в препозиции - это именительный представления или именительный темы. Их назначение - назвать тему последующего сообщения, то есть вызвать представление о предмете, являющемся темой сообщения. Такое название темы сосредотачивает внимание на ней, логически выделяет ее, что особенно важно для разговорной речи. Этот вынос темы в актуальную позицию особенно характерен для интернет-коммуникации.

Сегментность очень характерна для Интернета и обнаруживается в вопросно-ответных построениях. Имитация разговорности особенно ощущается в сегментных построениях с подхватывающим именительный местоимением. При рождении новых жанров речи в сфере массовой веб-коммуникации, когда усиливаются момент размышления на ходу и интимизация общения, такие формы речи оправдывают себя. [Анализм](#), лаконичность, [эмфатизм](#) качества, свойственные современному синтаксису - отражаются в [номинативных](#) структурах сетевых высказываний, будучи обусловлены и стимулированы речью разговорной.

Особенно богат синтаксис веб-коммуникации конструкциями [номинативного](#) типа, которые обладают такими качествами, как фрагментарность, сегментированность, что позволяет передать информацию наглядно, легко и быстро.

Компрессия и редукция, в которых проявляется стремление к экономии речевых средств, оформляющих структуру виртуальной мысли, приводят к выпадению из логически развернутых конструкций избыточных словесных компонентов и к синтаксическому объединению оставшихся исходных, глубинных структур при полном сохранении семантико-синтаксического значения. Сжатость подачи информации, особенно свойственная разговорной речи, типична для Интернета, несмотря на то, что ни обстановка, ни ситуация не помогают в передаче мысли. Тем не менее, принципиальной установкой речевой веб-коммуникации остается концентрация смысла в ограниченной языковой структуре.

"Русский язык в Интернете"

1. Почему языковые процессы, происходящие в Рунете, имеют свои особенности?
2. Какие черты формирует специфика веб-коммуникации в речевом портрете компьютерно-сетевых пользователей?
3. Что происходит с русским языком в Интернете на фонетико-графическом уровне?
4. Как проходят словообразовательные процессы в русском языке?
5. Что такое компьютерно-сетевая лексика и в чём состоят её особенности?
6. Какие актуальные процессы, происходящие в русском языке, усиливаются при его функционировании в Интернете?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте коллекцию примеров функционирования русского языка в Интернете по уровням языковой системы.
2. Напишите короткий рассказ, употребив как можно больше лексических единиц компьютерно-сетевого сленга.

Раздел 11. Теоретические проблемы и нерешенные вопросы современной орфографии

Структура раздела

[§ 1. Вопрос о возможности / невозможности вариативности в сфере орфографии.](#)

[§ 2. Проблема отражения в орфографии норм слитного/ дефисного написания сложных слов и существительных с приложением.](#)

[§ 3. Новые заимствования в лексике и проблема их орфографического оформления.](#)

[§ 4. Некоторые нерешенные вопросы употребления прописной буквы.](#)

Цель изучения темы

Успешное усвоение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о том, какие участки русской орфографической системы являются наиболее сложными и почему	1. Уровень репродуктивный (рассказать о трудных и нерешенных вопросах русской орфографии)
2. Получить представление о том, возможна ли вариативность в сфере орфографии подобно тому, как она имеет место в сфере орфоэпических, лексических и грамматических норм	2. Уровень понимания (уметь объяснить, как решается вопрос о вариативности в сфере орфографии)

§ 1. Вопрос о возможности / невозможности вариативности в сфере орфографических норм

Действующие "Правила русской орфографии и пунктуации" 1956 г. были первым общеобязательным, законодательно закрепленным сводом правил, устранившим значительный разноречивый в русском правописании, утвердившим единую норму письма (например, до принятия правил писали: *идти* и *итти*, *чорт* и *чёрт*, *танцевать* и *танцовать*, *цыфра* и *цифра*, *снегирь* и *снигирь*, *ветчина* и *вятчина*, *расчет* и *рассчет* и мн. др.). Принятые правила оказались чрезвычайно жесткими, не допускающими никаких орфографических вариантов. Однако мысль о "принципе свободы в правописании" (Бодуэн де Куртене), о необходимости сделать правила более гибкими, узаконить в определенных случаях правописные варианты неоднократно высказывалась кодификаторами (в частности, в работах М.В. Панова, С.М. Кузьминой, Н.А. Еськовой, В.В. Лопатина).

Главный довод в пользу допущения вариативности - наличие в языке переходных, промежуточных трудноразграничиваемых явлений, допускающих различную трактовку. Такая размытость границ наблюдается между единицами из различных уровней языка; например, между производным и непроизводным словом, между словом и предложно-падежной группой, между словом и словосочетанием, между собственными и нарицательными именами и т.д.

Естественно, что при выборе одного из написаний кодификаторам приходится принимать условное решение, которое в силу условности всегда может привести к ошибкам в написании. Конечно, вариативность допустима не во всех случаях. Так, она недопустима в правилах буквенной передачи звукового состава слова, т.к. единый облик слова способствует запоминанию его написания, "узнаванию", а следовательно, успешному пониманию написанного, с одной стороны, и обеспечивает устойчивость письма - одно из главных его свойств, - с другой.

Однако есть ряд случаев, когда идеального орфографического решения просто не существует и имеются серьезные основания для допущения вариативного написания.

1. В слитно-дефисном написании иноязычных сложных существительных без соединительного гласного правил фактически нет, рекомендации сводятся к спискам слов, написание которых - слитное или дефисное - следует запомнить; например: *кают-компания, компакт-диск, конференц-зал, юстиц-коллегия, арт-салон, мюзик-холл, поп-музыка, хеппи-энд, веб-страница, па-де-де, но: вахтпарад, бельэтаж, лейтмотив, фельдмаршал, женьшень, метрдотель, нотабене, прейскурант, падеспань*. Лингвистическая характеристика, отмечаемая правилами: образования, в которых первая часть встречается в отдельном употреблении (*бормашина - резус-фактор*) или не встречается (*вицмундир - далай-лама*), - не служит, как видно из примеров, основанием для написания. По-видимому, в подобной ситуации возможно говорить о вариативном написании, по крайней мере, для новых заимствований.

2. Сходная ситуация сложилась и с правилами слитно-раздельного написания наречий. Так, трудно объяснить, почему следует писать *вдоволь, впроголодь, наизусть, невдомек, понаслышке, спозаранку, но до упаду, в нетях, с ходу, на плаву, без умолку, во всеоружии* и т.п. И в этом случае, когда допускается двоякое толкование, возможно было бы узаконить вариативное написание, в пользу чего высказывались многие лингвисты. Оно было бы оправдано теоретически, т.к. неопределенность написания соответствует неопределенности самого языкового явления. "Орфография не загоняет в прокрустово ложе то, что в самом языке еще не прочно и находится в стадии становления"*^{*}. Неизбежный при таком решении разноречивый в написаниях мог бы быть несколько уменьшен, если бы один из вариантов рекомендовался как предпочтительный, а другой - как допустимый.

3. Вариативное написание вполне возможно и при употреблении прописной буквы, т.к. граница между собственными и нарицательными именами не является непроницаемой. Так, при употреблении прописной буквы для обозначения обобщенных названий людей по чертам характера или поведения, свойственным литературным персонажам, вполне можно было бы допустить двоякое написание: *Обломовы и обломовы, Чацкие и чацкие, Шариковы и шариковы*.

Конечно, введение вариантных написаний требует и разбиения всех орфографических правил на строгие, обязательные к исполнению, и не строгие, связанные с колебанием нормы.

Другая точка зрения: никаких вариантов в сфере орфографии допускать нельзя, следует в каждом случае узаконить только одно написание. Она связана с экстралингвистическими основаниями. Во-первых, допущение двоякого написания наводит всех рядовых носителей языка (не филологов) на мысль, что если можно писать по-разному в одних случаях, то почему бы не писать по-разному и в других; тем самым подрывается сама идея обязательности орфографических правил, "подрывается их авторитет". Во-вторых, наличие вариативных написаний означает разноречивый, отсутствие стабильности в сфере орфографии, а нестабильность в наши дни и так уже слишком велика и всеми воспринимается только отрицательно; именно поэтому, чтобы не усиливать эту нестабильность и в данной сфере, никакой вариативности допускать нельзя.

§ 2. Проблемы отражения в орфографии норм слитного, раздельного и дефисного написания

Основной принцип слитного и раздельного написания - это выделение на письме слов: части слов пишутся слитно, слова разделяются пробелами. Применение этого правила затрудняется тем, что не всегда в языке четко противопоставлены сочетания слов и целостные слова (например, слова с приставкой *не-* и сочетания с частицей *не*; сочетания существительных с предлогами и наречиями).

Существует третий тип написаний - дефисные, или полуслитные. Дефис может разделять слово на части (*по-зимнему, из-за, во-первых*), а может, наоборот, соединять части словосочетания (*дом-новостройка, большой-пребольшой, нежданно-негаданно*).

Слитные, дефисные и раздельные написания затрагивают различные части речи. Сложность заключается в том, что правила написания различных частей речи опираются на разные основания; внутри отдельных групп слов можно выделить такие противоречивые рекомендации, которые ставят под сомнение существование самих правил. В качестве примера рассмотрим слитное, дефисное или раздельное написание сложных прилагательных.

Правила слитного/дефисного написания сложных прилагательных строятся на различных основаниях. Во-первых, это соответствие написания прилагательного сложному существительному, от которого оно образовано (*земледельческий* от *земледелец*, *вице-президентский* от *вице-президент*, *северо-западный* от *северо-запад*). Однако другие прилагательные пишутся через дефис, хотя они образованы от пишущихся раздельно сочетаний (*ромен-ролландский* от *Ромен Роллан*, *краснополянский* от *Красная Поляна*, *вальтер-скоттовский* от *Вальтер Скотт*).

Во-вторых, правило опирается на противопоставление написаний с равноправными компонентами (дефисное написание: *выпукло-вогнутый*, *мясо-молочный*, *звуко-буквенный* и т.п.) и сочетаний с неравноправными компонентами, с подчинительной связью (слитное написание: *горнолыжный*, *железнодорожный*, *станкостроительный*, *водотранспортный* и т.п.).

В практике письма это правило никогда последовательно не соблюдалось. Так, пишутся слитно, несмотря на равноправие компонентов, прилагательные *глухонемой*, *буровзрывной*, *пароводяной*, *водовоздушный*, *нефтегазовый*, *тазобедренный* и др. С другой стороны, через дефис пишутся, вопреки правилу, прилагательные *буржуазно-демократический*, *военно-исторический*, *всемирно-исторический*, *жилищно-кооперативный*, *лечебно-физкультурный*, *парашютно-десантный* и др.

В такой ситуации, естественно, у орфографистов возникает желание сформулировать единое правило, диктующее написание всех сложных прилагательных. Б.З. Букчина и Л.П. Калакуцкая предложили такое правило; оно основано не на семантико-синтаксическом, а на чисто формальном основании: слитное или дефисное написание определяется наличием или отсутствием суффикса в первой части прилагательного: *естественно-научный*, *народно-хозяйственный*, *западно-европейский*, *электронно-лучевой*, но: *хлебобулочный*, *ликероводочный*, *масломолочный*, *товаропассажирский*, *носослезный* и др. Свои рекомендации авторы опубликовали в словаре "Слитно или раздельно?"*. Это правило соответствует действующей тенденции к предпочтению дефисного написания сложных прилагательных при наличии в первой части суффиксов относительных прилагательных *-н-*, *-енн-*, *-ов-*, *-ск-* и др., к распространению дефисного написания в терминологических новообразованиях. Однако введение такого правила в практику весьма затруднительно. Во-первых, использование формального принципа усложняет позиции пишущего: большинству пишущих выделение суффикса в первой части, т.е. проведение словообразовательного анализа, попросту недоступно. Во-вторых, наблюдения показывают, что, помимо прочих, в силу вступает психолингвистический фактор: писать слитно иногда мешает длина первой части прилагательного. В-третьих, и из этого правила сохраняются довольно многочисленные исключения (например, слитное написание всех сложных прилагательных с первой частью *ложно-*: *ложноклассический*). Наконец, существенно и наличие длительной традиции написания некоторых прилагательных (например, *церковнославянский*, *горнолыжный*, *звуко-буквенный*, *буржуазно-демократический* и др.).

Конечно, отдельные правила написания сложных прилагательных действуют последовательно и уменьшают существующий разнобой; например, правила о слитном написании прилагательных с начальными частями *авто-*, *авиа-*, *аудио-*, *радио-*) и прилагательных, в которых вторая часть не употребляется в качестве самостоятельного слова (*голубоглазый*, *многозначный*, *миролюбивый*), но в спорных и сомнительных случаях все же остается только обращаться к академическому словарю.

§ 3. Новые заимствования в лексике и проблемы их орфографического оформления

Правил написания иноязычных слов, как таковых, не существует. Сведения об этих проблемах можно найти в разделах, посвященных употреблению отдельных букв (например, в правилах об употреблении буквы *э*, букв *о*, *ё*, *е* после шипящих), о написании двойных согласных, о слитном / дефисном написании этимологически сложных слов и др.

В конце XX - начале XXI в. русский язык пополнился многочисленными заимствованиями, написание которых создает все новые и новые орфографические проблемы, связанные с отсутствием единого формального критерия для их орфографического отражения.

Специфика иноязычной лексики как особой системы в составе русского языка основывается на двух критериях кодификации: 1) максимально возможное соответствие русского эквивалента иноязычному источнику и 2) соответствие полученной графической записи слова системе русского письма. Однако добиться соответствия этим критериям чрезвычайно трудно, поэтому и в словарях, и в печати существует множество вариативных написаний. Так, английский звук [æ] передается в русском эквиваленте то буквой *э*, то буквой *а* (*сандвич* / *сэндвич*), английский губно-губной [w] - русскими буквами *у* и *в* (*вокмен* / *уокмен*), европейский полумягкий [l] - *л* и *л'* (*аблатив* / *аблятив*, *пиксел* / *пиксель*) и т.п. Т.к. точного соответствия в русской фонетической системе каждый из этих английских звуков не имеет, а приблизительных соответствий несколько, то это создает благоприятную почву для вариативности.

Чаще всего варьируются написания, содержащие 1) а/е после твердого согласного, 2) удвоенные согласные и 3) слитные / дефисные написания. Рассмотрим эти случаи.

1. Правило написания *э* / *е* после гласной основано на том, какая буква стоит перед данной (*диета*, *гигиена*, *иероглиф*, *феерия*, *веер*, **но** *дуэль*, *маэстро*, *коэффициент*). Однако в печати распространены оба написания в словах *риелтор* и *риэлтор*, *флаерс* и *флаэрс*. По правилам после твердых согласных фонема <э> передается с помощью буквы *е* (*декольте*) с некоторыми исключениями: *мэр*, *пэр*, *сэр*, *пленэр*, *Улан-Удэ*. В то же время узус обнаруживает настойчивое стремление при записи новых слов передавать твердость предшествующего согласного с помощью буквы *э*, вследствие чего возникают вариативные написания: *бренд* (по правилам) и *брэнд*, *карате* - *каратэ*, *каркаде* - *каркадэ*, *сейл* - *сэйл*, *спрей* - *спрэй*. В более освоенных словах чаще закрепляется правописание по правилу, т.е. с буквой *е*: *бренд*, *лейбл*, *спрей*, *тинейджер*. Удалось выработать четкое правило лишь для одной группы слов - с конечной фонемой <э> после твердого согласного, здесь всегда пишется *е*, т.к. твердое произношение согласного перед конечной *е* является закономерным: *варьете*, *декольте*, *фуэте*, *каркаде*, *турне*, *макраме* и др.

2. Написание удвоенных согласных опирается на произношение. Однако согласный, обозначенный удвоенным согласным, может и не иметь долгого произношения в языке-источнике, но на письме принимает удвоенные согласные, аналогичные этимону. В результате в практике письма здесь наблюдается вариативность: *шоппинг* - *шопинг*, *капучино* - *капуччино*, *фитнес* - *фитнесс*, *граффити* - *граффити* и мн. др.

При выборе написаний кодификатор должен учитывать множество факторов: позицию согласных, написание слова в языке-источнике, наличие или отсутствие ранее заимствованных однокоренных слов в русском языке и нек.др.

3. Слитное / дефисное написание заимствованных слов также чрезвычайно вариативно (например, *он-лайн* / *онлайн*, *штрих-код*, *штрихкод*). Не имея возможности опираться на какое-либо правило, рекомендации написания в значительной степени зависят от лексикографов, которые вправе устранить неправильные, ничем не обоснованные написания. Так, например, написание *мерчи-дайсинг* (англ. merchandising) не имеет оснований для постановки дефиса, как и *аквааэробика*, а слова *секс-фильм*, *шоу-турне* встают в один ряд со словами *секс-бизнес*, *секс-бомба*, *секс-меньшинства*, *шоу-представление*, *шоу-продюсер* и т.д.

Таким образом, императивных решений для кодификации написания иноязычных слов фактически нет. Вариативность на этом участке системы должна пониматься не как хаос, а как определенный этап на пути к упорядочению. Важно, однако, уже сейчас установить границы допустимой вариативности с позиции принципов русской орфографии и различать допустимые варианты и ошибочное написание.

§ 4. Некоторые нерешенные вопросы употребления прописной буквы

В основе правил употребления прописной (большой, заглавной) буквы лежит разграничение имен собственных и нарицательных: первые пишутся с прописной буквы, вторые - со строчной (маленькой).

Трудность применения этого правила состоит в том, что бесспорного определения имени собственного нет, границу между именами собственными и нарицательными провести довольно сложно. "Русская грамматика"-80 среди собственных имен выделяет: 1) имена собственные в узком смысле этого слова (имена, отчества, фамилии, прозвища людей, клички животных, географические и астрономические названия) и 2) наименования (названия учреждений, организаций, орденов, исторических событий и эпох, праздников, массовых мероприятий, архитектурных памятников, а также выделяемые кавычками названия газет, журналов, произведений искусства, обществ, предприятий и т.п.). Эти семантические различия, а также то обстоятельство, что собственные имена еще значительно различаются по составу, могут быть реальными или символическими, вступать в различные синтаксические связи, выполнять различные функции, - все это обуславливает невозможность создания единого общего правила написания собственных имен. Однако нередко выбор правильного написания затруднен не только в силу этих объективных причин, но еще и в силу противоречивости существующих правил, отсутствия теоретически разработанных оснований для принятия бесспорного решения.

Рассмотрим некоторые нерешенные или спорные вопросы употребления прописной буквы.

1. В собственных именах - географических названиях с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных и родовых имен; например: *Северный Ледовитый океан, течение Западных Ветров, площадь Восстания, улица Большая Грузинская, Теплый переулок* и т.п. Наричательные существительные в составе географических названий пишутся с прописной буквы, если они употребляются не в прямом своем значении (так называемая десемантизирующая функция прописной буквы); например: *Красная Поляна* (город), *Золотой Рог* (бухта), *Матросская Тишина* (улица). Д.Э Розенталь (в "Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию". - М., 1999) рекомендует в таких наименованиях писать строчную букву, т.к. они отражают историческое прошлое: *Кузнецкий мост* (улица в Москве, часть которой когда-то занимал мост через реку Неглинку), *Никитские ворота* (когда-то здесь действительно были ворота в стене, окружавшей Москву), *Коровий брод, Каретный ряд* и т.д. В словаре же "Строчная или прописная?" (М., 2007, авторы В.В. Лопатин, Л.К. Чельцова и др.) учитывается упомянутая десемантизирующая функция прописной буквы, а также практика, применяющаяся при подготовке географических карт и атласов, и рекомендуется писать *Кузнецкий Мост, Никитские Впрота, Коровий Вал, Рогожская Застава, Теплый Стан* и т.п.

2. В целом ряде случаев написание прописной буквы опирается не на языковые закономерности, а на иерархические характеристики, идеологические установки.

Так, в названиях высших учреждений и организаций Российской Федерации с прописной буквы следует писать каждое слово: *Совет Безопасности РФ, Конституционный Суд РФ, Государственная Дума, Совет Федерации, Народное Собрание Республики Дагестан* и мн. др., в отличие от написания других учреждений: *Российская академия наук, Всемирный совет мира, Международный валютный фонд, Институт международных отношений* и т.п. Такой подход к написанию названий неоднократно подвергался критике. Трудность иерархического разграничения учреждений и организаций приводит к необходимости включать в орфографические справочники перечень полных официальных названий учреждений, организаций, предприятий и т.п. центрального, областного, городского масштаба. Очевидно, что такой

политизированный подход к явлениям орфографии применяться не должен. По-видимому, самым разумным было бы во всех таких случаях писать с прописной буквы только первое слово: написание *Государственная дума* (*дума* со строчной буквы) никак не может умалить значения этого органа власти в РФ.

"Теоретические проблемы и нерешенные вопросы русской орфографии".

1. Какие существуют точки зрения на возможность вариативных написаний? Как аргументируется каждая из точек зрения?
2. Какие написания отражают колебания нормы в самом языке?
3. Почему слитные и дефисные написания не поддаются простому упорядочению в кодификации?
4. Почему написание иноязычных слов создает трудности для орфографии?
5. Чем объясняется разницей в написаниях собственных имен с прописной или строчной буквы?

Задания для самостоятельной работы

"Теоретические проблемы и нерешенные вопросы русской орфографии"

Напишите реферат на одну из нижеперечисленных тем:

1. Трудности в написании наречий; возможные способы их устранения.
2. Трудности в написании сложных прилагательных; возможные способы их устранения.
3. Возможна ли вариативность в кодификации орфографических норм?

Раздел 12. Актуальные языковые процессы <

Структура раздела

[§ 1. Дискуссия о состоянии современного русского языка.](#)

[§ 2. Общая характеристика языка современной эпохи.](#)

[§ 3. Роль современных СМИ в активизации языковых процессов.](#)

[§ 4. Внутренние законы языка и языковые антиномии.](#)

[§ 5. Антиномии на фоне современных языковых процессов.](#)

[§ 6. Вариативность на фоне современных языковых процессов.](#)

Цель изучения темы

Успешное усвоение темы позволит приобрести следующие знания, умения и навыки:

Знания, умения и навыки	Уровни усвоения знаний
1. Получить представление о том, какие языковые процессы характерны для языка современности	1. Уровень репродуктивный (представить наиболее сложные вопросы, касающиеся русского языка последних десятилетий)
2. Получить знания о языковых антиномиях и о вариативности языковых единиц на фоне внутренних законов языка	2. Уровень понимания (уметь объяснить, как оцениваются специалистами явления современной русской речи)
3. Приобрести навыки анализа разговорных текстов с точки зрения выявления актуальных языковых процессов	3. Уровень аналитический (уметь выявить и самостоятельно охарактеризовать наиболее важные для современного языка процессы)
4. Овладеть навыками анализа текстов СМИ в аспекте современных языковых процессов и уметь сопоставить их с текстами разговорной речи	4. Уровень творческий (способность анализировать разные типы дискурса с точки зрения активных языковых процессов)

§ 1. Дискуссия о состоянии современного русского языка

Для российского общества традиционен устойчивый интерес к состоянию родного языка. Изменения, происходящие в нем, привлекают внимание не только тех, кто связан с языком профессионально, - лингвистов, журналистов, литераторов, но и всех тех, кого волнует уровень речевой культуры говорящих на русском языке. Не только в научной литературе, но и в периодической печати регулярно появляются статьи, отражающие "дискуссионное" состояние, характерное для современного общества, - ему далеко не безразлично, что происходит с русским языком и как он изменяется¹. Широко распространенное выражение "*праздник вербальной свободы*" (критик И. Волгин) приобрело в этой ситуации противоречивый смысл, олицетворяя собой, с одной стороны, реальную свободу выражения различных мнений (важную для общества) и свободу формы выражения (важную для развития языка), а с другой, - те отступления от нормы, которые приводят к грубым ошибкам разного рода (' [см. например, типологию ошибок, типичных для языка СМИ](#) *).

Нынешнее состояние русского языка оживленно обсуждается в российских средствах массовой информации, и публикации, радио- и телепередачи на эту тему вызывают неизменный интерес читателей, слушателей и зрителей. В этой дискуссии принимают участие и лингвисты, осознающие, что "назрела необходимость открытого разговора лингвиста с обществом - не в качестве наставника, а в качестве собеседника, понимающего суть проблем и способного к их рациональному анализу, а не только к эмоциональным оценкам"². Однако "обеспокоенность общественности судьбой языка хотя и имеет серьезные основания, но не учитывает, что лежат они несколько в стороне от языковой сущности"³. Н.С.

Валгина справедливо замечает, что нельзя ставить знак равенства "между реальными динамическими процессами собственно в языке, в частности в шквальном нарастании вариантных форм и лавинном разрастании словообразовательных типов и моделей, и явлениями, объясняемыми недостаточной культурой устной и письменной публичной речи*.

В научной литературе регулярно появляются исследования, посвященные анализу современного русского языка, выходят словари, описывающие новейший период развития лексики³. В противоположность мнению, закрепившемуся в СМИ, лингвисты, изучающие актуальные языковые процессы, не видят признаков катастрофы. В научной литературе приводятся доказательства того, что характерные для русского языка процессы практически не изменили своей направленности: за последние годы не произошло никаких существенных изменений ни в фонетике, ни в морфологии, ни в синтаксисе. Безусловно, активизировались заимствования - как из других языков, так и из периферийных сфер языка, из его пассивного фонда, однако значения подавляющего большинства слов не претерпели никаких сдвигов*.

Специалисты отмечают стремительность лексических изменений (особенно в конце прошлого века), которые и создают впечатление разрушительного языкового кризиса. Однако изменения, которые происходят в языке под влиянием изменений социально-политических условий, закономерны и, следовательно, типичны. Этапы развития русского литературного языка не случайно совпадают со структурными изменениями, происходившими в обществе: например, постоянное расширение и демократизация социального слоя создателей литературных текстов приводит к демократизации литературного языка и расширению его лексического состава. Структурные изменения в обществе влекут за собой изменения в языке.

За свою историю, от первых русских письменных памятников до наших дней, русский язык испытал несколько глубоких потрясений. Так, в начале XVIII века так же, как и в конце 80-х годов XX века, обозначился перелом культурной традиции предшествующей эпохи. Государственные реформы и социальные преобразования Петра I привели к увеличению слоя людей, создающих письменные тексты, а переводческая деятельность в эту эпоху вела к активным заимствованиям из западноевропейских языков⁴. Заимствованные официально-деловые и профессионально-технические элементы языка изменили традиционные стили письменно-книжного языка. Европеизация общественного быта привнесла новые слова и новые представления, новые формы экспрессии в систему бытовой речи. Расширение границ русского литературного языка в сторону живой народной речи, смешение стилей и контекстов, бурный процесс освоения лексических заимствований из западноевропейских языков, политехнизация языка, осложнение функций и содержания деловой речи, распад системы церковнославянского языка - все эти явления первой трети XVIII вполне показательны и свидетельствуют о том, что структурные изменения в обществе влекут за собой изменения в языке. Особенно большую роль социально-исторические факторы играют в периоды так называемых "инверсионных" изменений, когда язык быстро и наглядно рефертируется, т.е. наполняется новыми элементами. Для русского языка это были, например, эпоха Петра, эпоха Октябрьской революции 1917 г., перестройка и постперестроечный период*.

События второй половины 80-х - начала 90-х годов по своему воздействию на общество и язык были подобны революции. Авторы исследования "Русский язык конца XX столетия" в конце 90-х годов отмечали, что современный русский язык живет интенсивно, все механизмы его действуют сверхактивно, а "понять и изучить его процессы - важная задача"*.

Эта задача остается актуальной и для языковой ситуации начала XXI века, и состоит в том, чтобы установить связи между внутренними закономерностями развития языка и теми импульсами, которые идут от реальной жизни. "Социальный взрыв не делает революции в языке как таковом, но активно влияет на речевую практику современника, вскрывая языковые возможности, выводя их на поверхность. Под воздействием внешних, социальных, факторов приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые не были востребованы по разным причинам"*.

Выявление причин и закономерностей языкового развития позволяет понять, что, постоянно изменяясь, язык остается самим собой. Изменения в условиях функционирования современного русского языка,

связанные со сложным периодом - перестройка, распад СССР, крушение тоталитарной государственной системы, сформировали **внешние факторы развития** современного языка: изменение круга его носителей, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники, новых технологий; расширение зарубежных контактов*.

§ 2. Общая характеристика русского языка современности

Многие явления, характерные для функционирования языка современной эпохи, выдающийся лингвист М.В. Панов отметил еще в конце 80-х годов: *диалогичность, усиление личностного начала, стилистический динамизм, явление переименования* (в широком смысле), сочетание резко *контрастных стилистических* элементов в пределах не только высказывания и текста, но и в пределах словосочетания, что "сдвигает, изменяет значение слова. Оно становится метафорическим, метонимическим, сужает или расширяет свое значение"*. Кроме того, отмечают и такие характерные явления, как *увеличение терминологического фонда за счет заимствований, нивелировка диалектных и социальных различий, десемантизация и метафоризация терминологической лексики**.

Возрастание *личностного начала и диалогичности* приводит к изменению устной публичной коммуникации: расширяется сфера спонтанного общения, усиливается обратная связь между говорящим и слушающим, размывается граница между официальным и неофициальным общением.

Определяя языковые приоритеты современности, В.Г. Костомаров замечает, что наиболее рельефно новый языковой вкус иллюстрируется стилистическими явлениями*. *Стилистический динамизм и стилистическая контрастность* отмечают многими исследователями*. *Появление в тексте определенного стиля "чужих" элементов другого стиля* - устойчивая тенденция в функционировании текстов разных коммуникативных сфер. [Сигналом присутствия в тексте иностилевых элементов выступает "столкновение" в рамках микротекста речевых единиц разных стилистических потенциалов, разной стилевой принадлежности и разных сфер распространения*](#). Отметим, что речь идет не только о проникновении в официальную и шире в книжную речь разговорных слов, просторечий и вульгаризмов (пример 1), но и о противоположной, менее заметной тенденции: "избегая излишних словесных описаний, свойственных книге, масс-медиа и даже телевидению отнюдь не страшатся самых тяжеловесных книжных ресурсов. Сегодня очевидна их склонность к высоким книжным средствам выражения, а также к терминам, что наблюдается и в разговорных текстах, где они употребляются в ином, упрощенно общепонятном значении или для создания какого-то экспрессивного ... эффекта"* (пример 2).

1. *В дни Первомая специальный корреспондент "Огонька" убедился: питерские рабочие были и остаются авангардом сознательного пролетариата. Только раньше это означало марксизм, а сегодня - пофигизм* (Огонек, 18, 2006);(заголовок) *"Глаз народа": сибиряки создали мультифокусный хрусталик. Он лечит катаракту в два счета* (Огонек, 18, 2006).

2. *Обсуждение, грозившее стать весьма скандальным, свелось к срыванию покровов с таинственного финансового инструмента под названием **АДР**... по нашему дырявому законодательству **банк-дипозитарий** владеет акциями предприятий от своего имени. Выяснилось, что телодвижения заокеанской **бизнес-вумен** таят в себе не самую большую опасность...* (Общая газета, 42, 2003).

Намеренное введение иностилевых элементов в тексты массовой культуры (прежде всего - в тексты современной литературы и масс-медиа) формирует прием *интерстилевого тонирования* изложения, который основан на том, что хаотичное использование лексических единиц ограниченной сферы употребления сменяется намеренным введением их в сферу культуры*.

§ 3. Роль современных СМИ в активизации языковых процессов¹.

Очевидно, что современные СМИ определяют сегодня не только социально-политическую и культурную ситуацию в обществе, но и языковую. С одной стороны, они "дают поистине впечатляющую картину пользования языком, с другой - вызывают противоречивые оценки... Стилистика современных СМИ вызывает тревогу и озабоченность"*.

Для современной русистики язык СМИ является едва ли не главным объектом изучения, что вряд ли нуждается в "оправдании", так как в нем "наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка" (Русский язык 2000: 10). Кроме того, в нем наиболее последовательно (после художественной и поэтической речи) реализуется творческий потенциал языка, обусловленный соотношением "система языка" - "языковая способность" (Ю.Н. Караулов)².

Язык СМИ традиционно является объектом беспощадной критики: его упрекают, с одной стороны, в стандартизации культуры - "в ослаблении индивидуального начала в человеческом сознании и поведении"*; с другой - в "порче" языка - неоправданном и грубом нарушении нормы, в небрежности. В то же время его специфика, обусловленная антиномией информативной и экспрессивной функций языка, требует признания права пишущего и говорящего на словотворчество, которое часто может быть оценено достаточно высоко. "Наряду с чрезвычайно недоброкачественными текстами во всех функциональных разновидностях, и в письменной, и в устной реализации, существуют и множатся, *особенно в публицистике* (выделено нами - *Е.Р.*), образцовые тексты. Именно в наше время много ярче и оригинальней проявляет себя индивидуальность языковой личности, что для языка - первостепенно"*.

Кроме того, исследователи отмечают возросшее влияние СМИ на речевую компетенцию современника, на становление [новой литературной нормы](#). "Несмотря на то, что язык средств массовой информации оставляет часто негативное впечатление, надо признать, что современный русский язык в силу сложившихся исторических обстоятельств сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь - в газетах, журналах, на телевидении и, конечно, в устной разговорной речи. Хотя долгое время в истории литературного языка таким источником была художественная литература, недаром нормированный язык называется литературным"*.

Таким образом, проблемы в изучении языка СМИ относятся и к культуре речи*, и к проблемам стилистики*, и к изучению активных языковых процессов*, так как в нем, как в наиболее оперативном средстве информации, воспроизводятся объективно существующие активные процессы в лексике, словообразовании, грамматике: активизируется сниженная лексика и [неузальное](#) словообразование, изменяется интонационное и синтаксическое построение речи - особенно в сфере управления и некоторых видов согласования*. Все эти процессы активны и определяют развитие языка, однако они не в состоянии изменить системные языковые связи, расшатать внутренние законы языка.

В определенные периоды языкового развития в рамках активно протекающих процессов обостряются противоречия - [языковые антиномии](#).

§ 4. Внутренние законы языка и языковые антиномии

Внутренние законы развития языка - это законы, присущие самому объекту, законы, стимулирующие процессы саморазвития, - системности, традиции, аналогии, речевой экономии.

[Закон системности](#) является основным законом и одновременно основным свойством языка, в основе которого лежит понимание языка как совокупности взаимообусловленных элементов, образующих целое: "В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя как часть целого" (В. Гумбольдт). Именно этот закон определяет способность языка к саморегуляции. Закон системности обнаруживается на каждом языковом уровне и в то же время связывает языковые уровни друг с другом, что позволяет выявить взаимодействие словаря и грамматики и взаимозависимость языковых уровней в процессе развития языка.

Так, ослабление падежных функций усиливает роль предлогов в выражении падежных значений; появление в русском языке новых двувидовых глаголов типа *оперировать* (*прогнозировать, форматировать, корректировать, тестировать* и т.п.) сопровождается процесс их лексической адаптации и приводит к грамматической адаптации - префиксации в соответствии с системным характером категории вида (*спрогнозировать, отформатировать, протестировать* и т.п.), грамматическим стержнем которой является видовая пара (ср. *делать - сделать* и *прогнозировать - спрогнозировать*).

Действие этого закона определяет жизнь языка (в самом широком смысле), в том числе и современную. Например, структурно-семантические трансформации, широко осуществляемые в разных типах современной речи, не выходят за рамки тех реальных возможностей, которые обусловлены особенностями системы русского языка, что позволяет продемонстрировать сложные и одновременно гармоничные взаимоотношения языка и современной речи, склонной к различным формам языкового творчества. Фиксируя на фоне [закона системности](#) зарождение новых форм и новых явлений в их употреблении, мы можем в определенной степени прогнозировать развитие языка.

Так, закон системности позволяет выявить сущность востребованного и за пределами художественного текста явления [окказиональности](#) (см. также выше [раздел 5, § 5](#)). Например, сферу неузуального словообразования составляют два класса слов - потенциальные и собственно окказиональные. "Слова потенциальные создаются по наиболее продуктивным типам, заполняя пустые клетки словообразовательных парадигм... Окказиональные слова противостоят обычным (узуальным) словам. Окказионализмы - нарушители законов (правил) общезыкового образования"*. Однако, будучи нарушителями законов словообразования, окказионализмы, индивидуально-авторские образования, не нарушают [закона системности](#): "они ориентированы не на правила, общие для всех носителей, но на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка"*. Примерами подобного словотворчества являются такие слова, как *громкодоверитель, ежесодно, доброупотребление, тебестоимость* и т.п., которые существуют "не сериями, а одиночками" (Е.А. Земская).

[Закон традиции](#). Действие этого закона "обнаруживает сложное переплетение внешних и внутренних стимулов, задерживающих преобразования в языке. Понятность закона объясняется объективным стремлением языка к стабильности, "сохранности" уже достигнутого, приобретенного, но потенции языка столь же объективно действуют в направлении расшатывания стабильности, и прорыв в слабом звене системы оказывается вполне естественным"*.

Закон традиции поддерживается [кодификацией](#) - фиксацией норм литературного языка в специально предназначенных для этого источниках (грамматиках, словарях, справочниках, пособиях). Закон традиции может вступать (и вступает) в противоречие с законом системности, в некоторых случаях искусственно сдерживая системно обусловленные процессы. Так, традиция сохраняет и "оберегает" форму повелительного наклонения *поезжай* от глагола *ехать*, т.е. глаголу приставочному предписывается выступать в качестве формы глагола НСВ без приставки (что само по себе нетипично и в современном языке воспринимается как проявление супплетивизма⁴). В речи парадигма "выравнивается": приставка "аннулируется" и активно употребляется форма *езжай*, неприемлемая с точки зрения кодификации; в просторечии же в императиве исчезает и чередование (*ехай*).

Правило сохраняет традицию в случае употребления глагола *звонить* с ударением в личных формах на флексии (*звонишь, позвонит*), в то время как такое акцентное соотношение (неподвижное) между основой и флексией с точки зрения системы может быть изменено в сторону подвижного (ударение переносится с флексии на основу): *звонить - звонишь* (ср. современное *варить - варишь* с постепенным вытеснением сохраняемого традицией *варишь*: *Печной горшок тебе дороже - ты пищу в нем себе варишь*. А. Пушкин). См. также закрепление ударения за корневым слогом у глагола *манить*: *манит* → *манит*.

Традиция "настаивает" на принадлежности слова *кофе* к мужскому роду, в то время как с точки зрения системы его логичнее отнести к среднему на основании фактора неодушевленности и фактора структурного (внешнего) сходства со словами среднего рода. Это противоречие между системой и традицией может быть ослаблено в том случае, если в кодификации допускаются варианты, как это

происходит в случае "узаконенного" варьирования по роду слова *кофе*: "кофе, *нескл., м. и с.*" (Учебный орфографический словарь русского языка. - М., 2005).

Подобное противоречие не является обязательным: так, традиция сохраняет в современной речи образованных людей системно обусловленную дифференциацию родовых форм числительного *оба/обе* в косвенных падежах (*с обоих столов - с обеих сторон*), однако конфликт неизбежно обостряется в случае столкновения закона традиции с законом аналогии.

Закон аналогии - наиболее яркое проявление закона системности, состоит в уподоблении одной формы языкового выражения другой. Сущность уподобления заключается в выравнивании форм, которое наблюдается, как уже было показано выше, и в произношении (прежде всего - в акцентуации), и в грамматике - как в формообразовании, так и в синтаксических связях слов (например, в глагольном управлении).

Важную роль играет закон аналогии в словообразовании, так как в процессе порождения новых слов актуализируются его системно обусловленные механизмы: многие новообразования, в частности в языке СМИ, возникают как члены, входящие в классы однородных в формальном и семантическом отношении структур.

Так, новообразования на *-изм* и

-ист свидетельствуют о высокой продуктивности этих типов (см. чрезвычайно распространенные в современной речи просторечные *пофигизм* и *пофигист*), в которые по закону аналогии вовлекаются новые члены: например, неологизмы **нашизм** и **нашист** (в связи с созданием молодежного движения "Наши" в рамках партии "Единая Россия"). См. употребление этих неологизмов в СМИ:

*Студент 2-го курса МГИМО Максим Новиков три месяца назад обзавелся еще одним общественным статусом - стал активистом движения "Наши". Среди вступивших в организацию "младших братьев" единороссов он, безусловно, один из самых молодых. "Вы, наверное, убеждены, что нас туда насильно загоняют", - почти с первых минут знакомства ринулся в бой новоиспеченный **нашист**, придя в редакцию "НГ" (НГ, 18 марта);*

Но, главное, митрополит Кирилл располагает огромным аппаратом... где ему удалось создать настоящий экспертно-аналитический центр... даже говорят, с уличными крикунами на манер "нашистов" (Огонек 12, 2008);

Нашизм как движение молодых и активных карьеристов, безусловно, перспективное, прежде всего, для них самих, движение (радио).

Обратим внимание на то, что "закон аналогии" позволяет не только четко выразить словообразовательное значение, но и ту оценочность, которая связывает неологизм с такими негативно окрашенными членами ряда, как *фашист*, *марксист* и т.п.

Одним из ярких проявлений этого закона в современном языке является закономерно обусловленный переход глаголов из непродуктивных классов в продуктивный. По аналогии с глаголами первого продуктивного класса с соотношением основ инфинитива и настоящего времени *а-ај* (*читать-читают*) образуются формы *махая* (вместо *машу*), *мяукает* (вместо *мяучит*), активность которых в современной речи вынуждает кодификаторов рассматривать их как вариативные, возможно, с пометами "разговорное" или "просторечное" (см. также *Ты меня мучаешь* вместо *мучишь*). Противоречие между аналогией и традицией здесь обостряется: если словарь допускает формы типа *махая* как вариативные (Учебный орфографический словарь русского языка), то в речи образованных людей традиция "побеждает" - последние рассматриваются в ней как абсолютно недопустимые.

Выравнивание форм под действием закона аналогии достаточно часто приводит к изменению глагольного управления: см., например, распространенное в современной речи *поражаться его успехам* (*чему* вместо *чем*), которое возникает под влиянием соответствующего синонимического ряда глаголов (*изумляться, удивляться чему*).

Закон речевой экономии, который состоит в тенденции к экономии речевых усилий, является одним из важнейших законов, определяющих речевую деятельность и через нее формирующий в языке стремление к экономичности средств выражения. Многочисленные факты современной речи свидетельствуют о силе этого закона, проявления которого далеко не всегда гармонично соотносится с законом традиции. Так, распространенная в современной речи элиминация существительного в ответной реплике принятого в речевом этике приветствия (- *Добрый вечер!* - *Добрый!*), обусловленная законом речевой экономии, однозначно негативно оценивается с точки зрения культуры русской речи.

Этот закон приводит к таким случаям вариативности в рамках родительного падежа множественного числа, когда у ряда слов нормативное окончание *-ов* сменяется нулевым (*килограмм - килограммов* → **килограмм**, *мандарин - мандаринов* → **мандарин**, *георгин - георгинов* → **георгин**), что не противоречит системе, допускающей в рамках родительного множественного вариативность средств выражения мн. числа (ср. *стол - столов, окно - окон, дочь - дочерей*). "Укороченная" форма постепенно вытесняет более длинную, и сегодня формы *киллограммов, апельсинов* рассматриваются как факты письменной речи.

Закон экономии проявляется и в востребованности в речи семантических конденсатов типа *маршрутка* (маршрутное такси), которые продуктивны и в современном разговорной речи, и в городском просторечии. См. не только широко распространенные *Публичка* (Публичная библиотека), *Ленинка* (Ленинская библиотека), но и такие неологизмы, как *Юшка* (станция метро "Юго-западная"), *художка* и *музыкалка* (художественная и музыкальная школы) и т.п. О проявлении этого закона свидетельствует и усечение (непосредственное слоговое отсечение) - продуктивный в современной речи способ словообразования: *опер, универ, бук, шиз* и т.п. Ярким проявлением [закона речевой экономии](#) является аббревиация: о "полной победе" этого закона на определенном участке языка свидетельствует адаптация аббревиатур к морфологической системе русского языка, которая проявляется в их способности к изменению по падежам, что свидетельствует о статусе полноценного слова (в *МИДе*, в *вузе* и т.п.²).

Развитие указанных законов обусловлено противоречиями (**антиномиями**), которые свойственны самому языку как феномену и являются внутренними стимулами его развития.

§ 5. Антиномии на фоне современных языковых процессов

Выделяют следующие разновидности антиномий (противоречий) в развитии языковой системы: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языка; антиномия кода и текста; антиномия означаемого и означающего (асимметричность языкового знака); антиномия информационной и экспрессивной функции языка, антиномия двух форм языка - устной и письменной, антиномия кода и текста*.

Антиномия узуса и возможностей (системы и нормы) обусловлена, как было показано выше, сложным взаимодействием законов системности, традиции и аналогии. Она заключается в том, что возможности языка (системы) значительно шире, чем принятое в литературном языке употребление языковых знаков.

Проявления этой антиномии характерны для всех языковых уровней, в том числе - и для грамматического, несмотря на его устойчивость. Грамматика - глубинный языковой ярус. Известно, что она представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по своим внутренним законам. Но эта сложнейшая система обнаруживает и подвижность, и гибкость, обусловленные асимметрией формы и содержания (проявление [закона асимметричности языкового знака](#)), которые являются благодатной почвой для эмоциональной и эстетической актуализации. Это определяет борьбу консервативной тенденции (стремление к устойчивости) с факторами языковой эволюции - стремлением к экономии, аналогии и регулярности. Противостояние ярко выраженной тенденции к устойчивости, обеспечивающей стабильность грамматики, тенденции к заполнению в речи **лакун**, обусловленной антиномией [узуса](#) и возможностей,

часто разрешается в пользу говорящего, который в той или иной степени осознанно стремится творчески использовать возможности системы, нарушая предписания нормы.

Узуальные лакуны широко представлены на грамматическом уровне, так как элемент структуры не всегда находит выражение в норме речи (Ю.С. Степанов называет это "недостаточностью нормы"). Потребности живой речи провоцируют "борьбу" с этими ограничениями, и в условиях современной вербальной свободы острота этой борьбы усиливается. В области морфологии это проявляется, например, в "настойчивой" коррекции формообразования тех или иных слов. В узусе нет "мечт" (род. п. мн. ч. слова "мечта"), одной "дж?нсы!" (ед. ч. существительного pluralia tantum "джинсы"), *спрогнозировать* (СВ глагола "прогнозировать"), *одиначе* (формы компаратива прилагательного "одинокий"), но возможности языковой системы позволяют, когда это необходимо, достаточно свободно образовывать эти формы. Именно поэтому **антиномия узуса и возможностей системы** лишена драматизма: **окаzionaliальные** и потенциальные грамматические формы не противостоят узуальным, а дополняют их, не расшатывая систему, сохраняющую при этом свою стабильность и устойчивость.

Р. Якобсон в работе "Вопросы поэтики" писал, что "эта устойчивость находит разительное подтверждение в том активном сопротивлении, которое оказывают грамматические структуры требованиям экспериментальной поэзии"* . Тем не менее, ареной борьбы указанных тенденций был и остается поэтический язык, в частности, современная поэзия с ее ориентацией на языковые деформации и трансформации, с направленностью "не на результат, а на процесс" (Л.В. Зубова), несмотря на то, что ее победы могут оцениваться по-разному: эстетическая ценность лингвистически авангардных трансформаций различна.

Трансформации, в рамках которых проявляется **антиномия узуса и возможностей**, могут быть органичной составляющей постмодернистской техники. См., например, "обмен" лексем грамматическими значениями: *Ты дрожишься, ты боишь* (О. Зондберг) - образование возвратного глагола от непереходного глагола *дрожать* (по **закону аналогии** - ср. *трясешься*) и употребление без *-ся* общевозвратного глагола *бояться*, который в норме не существует без постфикса. В основе такого экспериментирования лежит не стремление разрушить системные связи, а принцип **деконструкции** (ключевого понятия постмодернизма), который состоит в новой организации старых элементов. См. также в современной иронической поэзии: *Как дай вам бог звонимой быть другим! Я улыбнуть могу и трех и боле* (В. Вишневский). В последнем случае нарушена "логика" возвратности: возвратные глаголы образуются от переходных при помощи постфикса *-ся*, который "перекрывает" канал переходности; образование же от возвратного глагола переходного путем редеривации нарушает выработанную языком в процессе его развития грамматическую схему. Однако возможность подобной трансформации отмечена всеми русскими лингвистами - от К.С. Аксакова до С. Карцевского¹. Подобные примеры, обнаруживая указанную антиномию, тем не менее, свидетельствуют и о том, что такие трансформации в рамках категории залога актуализируют именно системные связи между пассивностью, возвратностью и переходностью.

Антиномия информационной и экспрессивной функции языка сводится к противопоставлению двух функций, которые действуют в разных направлениях: первая стремится к однотипности и стандарту, вторая - к новизне и оригинальности. Если стандарт закрепляется в официальном общении, то экспрессия свойственная всем творческим типам речи.

Эта антиномия наиболее своеобразно проявляется в языке современных СМИ, собственно лингвистические средства которых формируют и информационную, и воздействующую стороны высказывания, что обуславливает стремление к компромиссу. Под **стандартом** понимается "любое интеллектуальное средство выражения... в его противопоставленности... с экспрессией... Отличительными чертами стандарта выступают воспроизводимость, однозначная семантика и, прежде всего, нейтрально-нормативная окраска*". **Экспрессия** - это маркированные элементы высказывания, отмеченные авторским отношением к содержанию высказывания. Принцип чередования экспрессии и стандарта традиционно признается конструктивным принципом газетно-публицистического стиля: он был теоретически обоснован и доказан еще в ходе изучения практики советской печати.

Сегодня пристальное внимание журналистов к языку, деятельное использование его ресурсов приводят к тому, что экспрессивные средства приобретают интеллектуальную напряженность и становятся носителями информации. Это в какой-то степени нейтрализует различие между единицами языка в оппозиции "информация - воздействие". Журналисты сообщают медиа-тексту эстетическую функцию (переключая внимания с события на сам текст), что свидетельствует о "сложности однозначно идентифицировать речевое явление как стандарт или экспрессию, а тексты как информационные или воздействующие"*¹. Так, экспрессивный прием в заголовке (например, обыгрывание омонимии) помогает актуализировать важное содержание: "**Клещей возьмут в клещи**: американские военные создали робота для уничтожения опасных клещей" (Огонек, 10, 2006).

Рассмотрим еще один заголовок: "*Недаром помнит вся Россия про день **Бородина***" (материал о задержании Бородина и обвинении его в нечестном использовании денег), который представляет собой стандартное высказывание (цитату)². В статье акцентируется слово *недаром*, повторяясь дважды: второй раз - уже в самом тексте и в другом написании (*не даром*, т.е. не бесплатно). Актуализация омонимии (омонимии грамматических форм) имени собственного (*Бородин*) и топонима (*Бородино*) является экспрессивным приемом и помогает актуализировать важное содержание.

Аналогичный прием используется и в рекламном тексте, задача которого состоит не только в том, чтобы информировать покупателя, но и в том, чтобы воздействовать на него. Так, компания "Локи", занимающаяся торговлей каминов, призывает "**Живи с огоньком!**", и этот призыв предполагает как минимум два толкования. Фирма гарантирует, что ваш дом будет согрет теплом огня, горящего в камине, и тогда "*с огоньком*" - уменьшительно-ласкательное существительное с предлогом. Фирма уверена, что предлагаемый ею камин внесет в вашу жизнь нечто новое, необычное, и тогда с огоньком" - наречие со значением "*ярко, нескучно, отлично от других*". Актуализации омонимии существительного и наречия позволяет совместить две функции, "сняв" противоречия между ними.

Прием "семантической двуплановости" позволяет успешно совместить информацию и экспрессию в компактном пространстве рекламного слогана, как правило, представляющим собой небольшое по объему высказывание.

Игра слов, построенная на лексико-грамматической омонимии форм существительных и наречий, в печатных рекламных текстах может усиливаться посредством графического выделения сегмента ключевой леммы и нарушения орфографических норм русского языка, например: "ВСТРЕЧАЙТЕ ЗИМУ **СМЕХОМ!**" Графическое выделение сегмента "с", с одной стороны, заставляет воспринимать его отдельно от слова "мех", то есть в качестве предлога при существительном в творительном падеже, указывающего на предмет, участвующий в совместном действии. Такое прочтение раскрывает основной смысл лозунга, состоящий в призыве купить меховое изделие, которое предлагается надеть с приходом холодов. С другой стороны, нарушение орфографического правила, устанавливающего раздельное написание существительного с предлогом, приводит к образованию контекстуального наречия "*смехом*" со значением "*весело и беззаботно*". Оно, в свою очередь, привносит в данное предложение дополнительный смысл: приобретение мехового изделия избавит вас от беспокойства по поводу предстоящей зимы, и этим вы будете обязаны предлагающему свои услуги магазину.

Таким образом, не только стратегия современного газетно-публицистического, но и рекламного дискурса связана со стремлением преодолеть остроту антиномии информационной и экспрессивной функций языка.

§ 6. Вариативность на фоне современных языковых процессов

Вариантность (вариативность) - объективное следствие языковой эволюции, демонстрирующее языковую избыточность, которая необходима языку. Современный русский язык изобилует вариативными средствами выражения¹. Вариативность (вариантность) - присущая языку способность к образованию видоизменений, модификаций языковой единицы - относится к фундаментальным свойствам языковой

системы и функционирования единиц языка². Возникновение вариантов обусловлено как внутренними (законы аналогии, асимметричного дуализма языкового знака и речевой экономии), так и внешними (влияние территориальных и социальных диалектов, контакты с другими языками, условия билингвизма) причинами. Процесс варьирования является непрерывным, а конкурентоспособность вариантов обусловлена исторически и может "поддерживаться" в течение достаточно продолжительного времени (так, Н.С. Валгина указывает, что варианты *усугубить / усугубить* сохраняются уже в течение 200 лет).

Понимание вариантов в рамках тождества слова дает возможность отграничить вариативность от других явлений, в частности, от синонимии (*глаза - очи*) и паронимии (*гневный- гневливый*). Варианты могут быть **полными и неполными**: полные различаются только формально (*творог-творог*), а неполные различаются и функционально, например, общеупотребительные и специально- профессиональные. Так, флексия множ. числа *-а* является вариативной в словах *цеха, шторма*, которые (по сравнению с литературными - *цехи, штормы*) считаются профессионализмами. Активность флексии *-а* обуславливает появление новых вариантов - не только профессиональных, но и просторечных (*крем- кремы - крема*).

Классификация вариантов предполагает выделение акцентных (*диопрtria - диоптрия*), фонетических (*було[ш]ная - булочная*), морфологических (*стакан чаю - стакан чая, вылезти - вылезть*), синтаксических (*лететь самолетом - лететь на самолете, способный по математике - способный к математике, операция почки - операция на почке*) и орфографических (*кенар - кенарь, тоннель - туннель*) вариантов.

Характерной чертой современной речи является процесс замены падежного управления предложным - вытеснение беспредложных сочетаний с родительным, дательным и творительным сочетаниями с предлогами. Это приводит к сосуществованию падежных и предложно-падежных конструкций: *изменение распорядка дня - изменение в распорядке дня; школа дураков - школа для дураков; известный городу - известный в городе; анализировать это - анализировать об этом; превосходить знаниями - превосходить в знаниях.*

В качестве причин таких замен указываются следующие: во-первых, нужное значение с помощью предлогов выражается более дифференцированно, чем посредством только падежа*. Если сравнить два словосочетания *операция почки* и *операция на почке*, то становится очевидно, что в первом случае речь может идти как об удалении, так и о каких-то манипуляциях внутри почки или на ее поверхности, а другом случае - только о втором, т.е. более конкретном, значении словосочетания. Но наблюдается и противоположная тенденция. Развивая свои значения, предлог расширяет их, в результате он становится просто своеобразной "прокладкой" между существительными. См. широко распространенное в современном политическом дискурсе *обсуждение по кандидатуре* (вместо *обсуждение кандидатуры*).

При помощи варьирования последовательно реализуется потенциал языка. В аспекте речевой деятельности вариативность может рассматриваться с разных сторон: как неудобство и проблема выбора, затрудняющего коммуникацию, и как выбор, позволяющий наиболее точно и экспрессивно значимо выразить свою мысль. "Отношение носителей языка к вариантности двоякое: с одной стороны, варианты неудобны в языке, они создают беспорядок, провоцируют речевую небрежность. Есть острая потребность установить отношение вариантов к норме в категории *нужно* и *нельзя*. Возникает конкуренция между вариантами, в которой один из них должен победить, другой исчезнуть. С другой стороны, наличие вариантов представляет собой богатый языковой потенциал"*.

Особый интерес представляют случаи "реставрации" архаичных вариантов, в частности, аффиксов, которые относятся к зоне "*модернизации*" языковой архаики. Прагматически и семантически мотивированное предпочтение архаичного варианта возможно в разных типах речи. Говорящий сознательно может выбрать форму с ненормативным, и в силу этого стилистически окрашенным аффиксом: (с иронией) - *Ты почему себе года убавливаешь?* (ср.: *убавляешь*). Подобный обусловленный выбор можно назвать "*манипулированием вариативностью*", т.к. он отличается от поиска нужной формы в речи ("поиск варианта"): - *Ты все марафетишься? - Есть для кого, вот и марафечусь, марафетюсь...*

Игры с вариантами используются в рекламном тексте: *Творог, творог - Савушкин хуторок. Как правильно: творог или творог? Неважно, лишь бы вкусно было!*). И настоящий размах получают эти игры в современном прозаическом и особенно поэтическом тексте, в котором варианты часто обыгрываются именно на фоне языковой архаики.

Так, изменение родовой отнесенности слова может быть обусловлено языковой игрой в контексте диахронии, например:

*"Поезд прибывает на **вторую** путь"*

(Из громкоговорителя)

...Когда-нибудь, когда не будет хуже,

мы слово исцелим словесностью от стужи

*и **ту же** **путь** не пустим к букварю.*

(Д. Бобышев)

В ходе исторического процесса перегруппировки и унификации древних склонений формируется новая словоизменительная система, основанная на общности грамматического рода при совпадении именительного падежа субстантивов. Таким образом, в современном - 3-м - склонении остались только имена женского рода с нулевой флексией (*ночь, рожь, мощь* и т.п.) и единственное слово мужского рода - *путь*, воспринимаемое как существительное женского рода в некоторых областных диалектах и в просторечии, что и продемонстрировано в приведенном стихотворном отрывке.

Архаичная родовая форма *фильма* (вместо *фильм*) достаточно часто становится объектом языковой игры:

*Ах, в **старом** **фильме** (в **старой** **фильме**)*

в окопе бреется солдат,

вокруг другие простофили

свое беззвучное галдят.

(Л. Лосев)

Ср. контексты, встречающиеся в публицистике и разговорной речи: *Смотря-пересматривая любимого гайдаевского "Пса-Барбоса" - первый советский образец классического жанра "комической фильмы", кто отдает себе отчет в том, что весь ритм и драйв этого шедевра выстроен исключительно музыкой Богословского?* (Известия, 20 июля 2001); *Снят многосерийный сиквел "Покровских ворот". **Фильма пошла*** (Известия, 26 октября 2001).

Убывание вариантов - постоянный процесс, так же как и их появление. Более сильный вариант вытесняет более слабый, однако это не исключает их сосуществования даже в том случае, если один из них существует на периферии. Так, в современном русском языке сосуществуют два суффикса имперфективации, при помощи которых от глаголов СВ образуется глагол НСВ: *-ива- (-ыва-)* и *-а- (-я-)*, что обуславливает возможность их вариативности и выбор говорящим неканонического варианта:

- **научаться/научиваться:**

*Актер никогда не перестает **научиваться*** (актер В. Машков); *Провинциалы **научаются** выживать, легче преодолевают разного рода препятствия* (шоумен А. Цекало); *Увы, на громадных просторах нашей родины разыгрался злой гений повторения. Мы ничему не **научаемся*** (философ К. Мамардашвили).

Интересно отметить, что оба варианта имперфективов органичны и между ними нет конкуренции. В то же время маркированность формы с суффиксом *-ива-* придает ей стилистически ощутимый живой, разговорный характер, а форма с более архаичным *-а-* предстает как более книжная и "утонченная", хотя нельзя сказать, что в современной речи это четко дифференцировано (ср. у Л.Н.

Толстого в "Крейцеровой сонате" употребление имперфектива *научаться*: *Это ты **научаешь** наших детей лгать!*). Интуитивный выбор одного из вариантов в речи может быть обусловлен прагматически - отношением говорящего к теме, сюжету, собеседнику, третьему лицу и т. п. Интервью с актрисой Олесей Суздаловской: - *А как Вам Гончаров как Мастер?* - (с восхищением) *Он столько **научает** и в таких рамках, что можно сказать, что он научил меня всему.*

Таким образом, наличие **вариантов** определяет современную языковую картину, придает ей подвижность и динамизм и, обостряя проблему нормы, создают ту избыточность, которая необходима и для языковой памяти, и языкового творчества.

"Актуальные языковые процессы"

1. Определите проблематику дискуссии о состоянии современного русского языка.
2. Какое влияние на современный русский язык оказывает язык СМИ? Выявите факторы, имеющие, с Вашей точки зрения, положительное значение, и факторы, имеющие отрицательное значение.
3. Выявите те периоды русской истории, в которые заметную роль играли социально-исторические факторы, обуславливающие "инверсионные" изменения в языке.
4. Назовите внешние и внутренние факторы языкового развития.
5. Перечислите те черты, которые наиболее ярко характеризуют русский язык современности.
6. Какую роль в развитии языка играют языковые антиномии?
7. Какую роль в развитии языка играет вариативность языковых единиц? Приведите примеры полных и неполных грамматических, стилистических и орфографических вариантов; примеры "обыгрывания" архаичных вариантов в современных текстах.
8. Приведите примеры реализации антиномии информативной и экспрессивной функций языка в текстах СМИ и в рекламном тексте.
9. Приведите примеры реализации в современной речи законов аналогии и речевой экономии.
10. Как изменилась в последнее десятилетие сфера устной публичной коммуникации?

Задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте текст одного интервью (по выбору) с точки зрения выявления специфики этого жанра в современном языке.
2. Выявите случаи игры с вариантами в современных текстах СМИ. Определите тип вариативности.
3. Приведите примеры обострения конфликта между информативной и экспрессивной функцией в современной разговорной речи (на примере текста одного диалога).

Перечень вопросов итоговой аттестации по курсу

1. Объясните, как Вы поняли тезис о междисциплинарном характере современного языкознания; охарактеризуйте проблематику тех дисциплин, на стыке которых с языкознанием рождается новое знание на современном этапе развития филологии.
2. Опишите трехуровневую модель языковой личности и объясните, что такое творческая языковая личность.
3. Назовите конституирующие признаки (качества) текста и укажите языковые средства, которые обеспечивают эти качества.
4. Перечислите функционально-смысловые типы текстов и дайте их характеристику.
5. Объясните, что такое прагматика, каковы ее задачи и основные понятия.
6. Охарактеризуйте порядок слов в русском языке и его нормы.

7. Докажите, что теория актуального членения предложения имеет существенное значение не только для синтаксиса русского языка, но и для общего языкознания, интонологии, теории и практики перевода, стилистики.
8. Охарактеризуйте церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка.
9. Расскажите об инновациях в газетной речи.
10. Проанализируйте трудные и нерешенные вопросы русской орфографии.
11. 1. Выделите основные компоненты модели коммуникативного акта
12. 2. Назовите основные факторы, определяющие успех речевой стратегии.
13. Языковая игра: дефиниция, типы и функции.
14. Типы и функции окказионализмов.
15. Лингвокреативное мышление и креативная функция языка.
16. Какие достижения отечественной лингвистики связаны с развитием функционализма?
17. Единицы каких языковых уровней составляют структуру функционально-семантического поля?
18. В чём состоят особенности компьютерно-сетевой лексики?
19. Какие актуальные процессы, происходящие в русском языке, усиливаются при его функционировании в Интернете?
20. Выявите тенденции современного русского языка, отраженные в практике современных СМИ.
21. Как проявляется в современном русском языке антиномия системы и нормы?

Итоговый тест по курсу

1. Речевое воздействие осуществляется

1. только в рекламе, политике и пропаганде
2. только в ораторской речи
3. в ситуациях публичного и межличностного общения, когда необходимо кого-то убедить в чем-либо
4. в любом речевом акте

2. Интеракциональная модель коммуникации не включает следующий компонент:

1. адресант
2. адресат
3. концепт
4. код
5. сообщение
6. канал связи.

3. В процессе общения говорящие взаимно корректируют _____ партнера по коммуникации (вставьте на месте пропуска термин из аппарата когнитивной лингвистики):

1. коммуникативную компетенцию
2. речевые навыки
3. лексику
4. модели мира
5. высказывания.

4. К числу тактик, воздействующих в первую очередь на поведение адресата, следует отнести:

1. насмешку
2. комплимент
3. уговоры
4. обвинение.

5. К числу тактик, воздействующих в первую очередь на эмоциональное состояние адресата, следует отнести:

1. требование
2. похвалу
3. предостережение
4. совет.

6. Установите соответствие между тактикой и типом стратегии (ответ запишите сочетанием буквы и цифры)

- А. убеждение адресата в необходимости сделать что-либо;
- Б. лесть;
- В. контроль за очередностью в разговоре;
- Г. издевка;
- Д. усиленная самоподача;
- Е. драматизация изложения.

1. риторический
2. прагматический
3. диалогический
4. когнитивный.

7. Речетворчество осуществляется

1. только в рекламе
2. только в поэтическом тексте
3. в любом творческом типе речи

8. Языковая игра не включает следующий компонент:

1. каламбур
2. семантическую двуплановость
3. нормативное употребление

9. Лингвокреативное мышление не направлено на:

1. метафоризацию
2. создание термина
3. ассоциативный потенциал языкового знака

10. К числу составляющих креативного потенциала следует отнести:

1. правила орфографии
2. окказионализмы
3. ненамеренные аномалии

11. К числу приемов языковой игры следует отнести:

1. родовую гиперкорреляцию
2. заголовок
3. обращение

12. Объектом изучения в функциональной лингвистике являются

1. модели словоизменения
2. концепты
3. языковые универсалии

13. Членом Пражского лингвистического кружка не был

1. В. Матезиус
2. Р. Якобсон
3. В.В. Виноградов

14. Пражский лингвистический кружок заложил основы изучения

1. фонологии
2. сравнительно-исторического языкознания
3. экспериментальной фонетики

15. В структуру ФСП аспектуальности не входит

1. категория вида
2. категория залога
3. категория времени

17. Какой признак является нехарактерным для веб-коммуникации

- А. опосредованность;
- Б. интерактивность;
- В. невербальность;
- Г. диалогичность.

18. Какой способ словообразования наиболее активен в компьютерно-сетевой речевой действительности

- А. суффиксально-префиксальный;
- Б. усечение;
- В. субстантивация;
- Г. аббревиация.

19. Киберязык - это

- А. компьютерно-сетевой социолект;
- Б. профессиональный жаргон;
- В. диалект;
- Г. функциональный подстиль.

20. Факторами, определяющими развитие языка не являются

- 1. социальные
- 2. системные
- 3. экологические

21. Конфликтная ситуация, обусловленная столкновением закона аналогии и закона традиции в наибольшей степени проявляется

- 1. в орфографических правилах
- 2. в вариативности ударения
- 3. в переходе глаголов их одного класса в другой

22. Закон речевой экономии наиболее ярко проявляется

- 1. в морфологии
- 2. в акцентуации
- 3. в синтаксисе

23. К вариантам следует отнести:

- 1. чая - чаю
- 2. ловить - поймать
- 3. туристский - туристический

24. К числу приемов в текстах современных СМИ следует отнести:

1. интерстилевое тонирование
2. обращение
3. изменение акцентологической нормы

25. Что такое *научная парадигма*?

1. Дефиниции научных понятий и система терминов, называющих эти понятия.
2. История развития научных знаний.
3. Совокупность научных идей, методов и общепринятых мнений и суждений в данной области науки.
4. Перечень основных проблем, которые решаются в данной области науки.

26. Что такое *языковая личность*?

1. Особенности речи отдельного индивида.
2. Особенности психологии человека.
3. Личность, выраженная в языке (в текстах) и через язык.
4. Стабильная организация мотивационных предрасположений.

27. Что такое *авторская интенция*?

1. Слова автора при прямой речи.
2. Образ автора в тексте.
3. Намерения, цели, замысел автора текста.
4. Интонационное оформление высказывания

28. Каков характер порядка слов в русском языке?

1. Свободный, произвольный.
2. Фиксированный и несвободный.
3. Связанный, но нефиксированный.
4. Несвязанный, но несвободный.

29. Каковы *составляющие* речевого акта?

1. Говорящий, текст, слушающий.
2. Цель коммуникации и адресат коммуникации.
3. Локутивный акт, иллокутивный акт и перлокутивный акт.
4. Предложение-высказывание и дискурс

30. Чем обслуживается *церковно-религиозная* сфера общественной деятельности?

1. Разговорно-обиходным стилем современного русского литературного языка и церковнославянским языком.
2. Церковнославянским языком.
3. Церковно-религиозным функциональным стилем современного русского литературного языка.
4. Церковно-религиозным функциональным стилем современного русского литературного языка и церковнославянским языком.

31. По какому правилу пишутся в настоящее время *сложные прилагательные*?

1. Если первая основа имеет суффикс, то сложные прилагательные пишутся через дефис.
2. Если первая основа не имеет суффикса, то сложное прилагательное пишется слитно, в одно слово.
3. Если между частями прилагательного отношения равноправные (сочинительная связь), - написание дефисное, а если отношения неравноправные (подчинительная связь), - написание слитное, в одно слово.
4. Если первая часть прилагательного отдельно, как самостоятельное слово не употребляется, то написание сложного прилагательного слитное, а если употребляется, - то дефисное.

Темы рефератов и эссе

1. Концепт береза в языковом сознании русских.
2. Основные направления в современной синтаксической семантике.
3. Семантика и функции частицы *якобы* в современном русском языке.

Темы курсовых работ

1. Множественность парадигм научного знания в современном языкознании.
2. Принципы анализа текста в аспекте прагматики.
3. Текстовое время и пространство.
4. Социолингвистика; ее предмет и задачи; анализ текста в социолингвистическом аспекте.

Персоналии

Шелякин Михаил Алексеевич

- Доктор филологических наук, профессор-эмеритус Тартуского университета. Автор свыше 200 научных работ по функциональной грамматике, словообразованию, теоретическим проблемам общего и русского языкознания. Среди них - около 25 монографий и учебных пособий. Научные интересы: проблемы грамматики русского языка, семиотики. Его научные труды, прежде всего, как специалиста по функциональной грамматике, широко известны в разных странах.

Бондарко Александр Владимирович

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии. Автор около 300 научных работ, посвященных проблемам теории грамматики и общего языкознания, а также вопросам грамматики русского языка и некоторых других славянских языков. Заведует отделом теоретической грамматики Института лингвистических исследований РАН.

Крылова Ольга Алексеевна

- доктор филологических наук, академик Международной академии наук педагогического образования (МАНПО) и Академии естественных наук (РАЕН), профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, специалист в области синтаксиса современного русского языка, стилистики, культуры речи, риторики и методики преподавания РКИ, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; Крылова О.А.- автор более 150 опубликованных работ по проблемам синтаксиса, стилистики и методики преподавания РКИ.

В УМК "Современные проблемы филологии" идеи, концепции О.А.Крыловой и отдельные положения ее трудов использованы в разделах: "Множественность парадигм научного знания в современной филологии"; "Понятие языковой личности"; "Лингвистика текста"; "Коммуникативный синтаксис"; "Теория речевых актов"; "Новая стилистическая парадигма в русистике"; "Теоретические проблемы и нерешенные вопросы русской орфографии".

Ремчукова Елена Николаевна

- доктор филологических наук, доцент, специалист в области морфологии русского языка, стилистики и культуры речи, и.о. профессора кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; автор более 70 опубликованных работ по проблемам морфологии русского языка и стилистики, в том числе - креативной лингвистики; идеи, концепции и отдельные положения трудов Е.Н.Ремчуковой использованы в следующих разделах настоящего УМК: "Креативная лингвистика, язык и творчество"; "Функциональная лингвистика. Функциональная грамматика"; "Активные языковые процессы".

Трофимова Галина Николаевна

- доктор филологических наук, профессор, специалист в области компьютерной лингвистики, связи с общественностью, журналистики, профессор Российского университета дружбы народов; автор

более 60 опубликованных работ в области журналистики и языкознания; Г.Н.Трофимовой в настоящем УМК написан раздел "Русский язык в Интернете".

Иссерс Оксана Сергеевна

- доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, специалист в области общего языкознания, культуры речи, прагматики, автор более 100 опубликованных работ по проблемам общего языкознания, прикладной лингвистики, когнитологии; в настоящем УМК О.С.Иссерс написан раздел "Понятие коммуникативной деятельности. Речевые стратегии и тактики".

Валгина Нина Сергеевна

- кандидат филологических наук, профессор, много лет проработавшая заведующей кафедрой русского языка и стилистики Московского государственного полиграфического института (ныне Московского государственного университета печати), известный специалист в области стилистики, редактирования и пунктуации русского языка, автор множества учебников и учебных пособий по этим направлениям русистики. Идеи и отдельные положения трудов Н.С. Валгиной использованы при создании настоящего УМК в разделах "Лингвистика текста" и "Активные языковые процессы".

Словарь терминов

Аббревиатура (итал. abbreviatura от лат. brevis "краткий") - слово, образованное из названий начальных букв или из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (инициальная аббревиатура), из алфавитных названий начальных букв слов, образующих исходное словосочетание (аббревиатура буквенная), а также частично из названий начальных букв, частично из начальных звуков слов исходного словосочетания (буквенно-звуковая, или смешанная).

Актуализация - перевод языковых знаков в речевые.

Актуальное членение предложения - бинарная организация, бинарное устройство предложения из темы (см.) и ремы (см.), отражающее коммуникативную установку говорящего /пишущего.

Аналитизм - неспособность полнозначительных слов к изменению и использование служебных слов для передачи различных грамматических значений и связей между словами. Согласно существующим концепциям языка принято делить на те, которые характеризуются синтетизмом, и те, в которых доминирует аналитизм. Аналитизм обнаруживается: 1) в сокращении числа падежей; 2) в росте класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных); 3) в росте класса существительных общего рода, точнее, в применении форм мужского рода к обозначениям женского пола; 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность).

Антиномия информационной и экспрессивной функции языка -противопоставление двух функций, которые действуют в разных направлениях: первая стремится к однотипности и стандарту, вторая - к новизне и оригинальности.

Антиномия узуса и возможностей (системы и нормы) - обусловлена сложным взаимодействием законов системности, традиции и аналогии; обусловлена тем, что возможности языка (системы) значительно шире, чем принятое в литературном языке употребление языковых знаков.

Билингвизм - языковая ситуация, при которой члены одного языкового коллектива в одинаковой степени владеют двумя языками и переходят с одного на другой в соответствии со своими личными намерениями и условиями общения.

Варианты - формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве лексического значения различаются несовпадением звукового состава; вариантными, как правило, бывают две (иногда более) языковые формы.

Вербально-семантический уровень (=структурно-семантический)- уровень владения обыденным языком.

Внешние факторы развития языка - социально-исторические факторы, к которым относят круг его носителей, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники и новых технологий; международные контакты.

Вспомогательные стратегии - стратегии, способствующие эффективной организации взаимодействия в процессе диалога, оптимизации речевого воздействия (подразделяются на прагматические, диалоговые и риторические).

Гипертекст - принцип организации информационных массивов, при котором отдельные информационные элементы связаны между собой ассоциативными отношениями, обеспечивающими быстрый поиск необходимой информации и/или просмотр взаимосвязанных данных в гиперсреде. Гиперсреда - технология представления информации в виде относительно небольших блоков, ассоциативно связанных друг с другом в единый гипертекстовый документ. Гипертекстовый документ - вид текстового документа, части которого связаны между собой отношениями, при помощи которых можно быстро найти нужную информацию.

Данное - часть предложения, повторяющая информацию, уже сообщенную в предтексте.

Диалогические стратегии (стратегии диалога) - направленные на организацию диалога; включают контроль за инициативой, пониманием, темой и манерой речи.

Диглоссия - языковая ситуация, при которой члены одного языкового коллектива владеют двумя подсистемами национального языка и переходят с одной на другую в зависимости от социально обусловленных особенностей коммуникации.

Дискурс- текст в совокупности с такими факторами, его определяющими, как личность автора, характер адресата, условия порождения текста, его целевая направленность, коннотации и т.п.

Закон аналогии - наиболее яркое проявление закона системности - состоит в уподоблении одной формы языкового выражения другой. Сущность уподобления заключается в выравнивании форм, которое наблюдается, как уже было показано выше, и в произношении (прежде всего - в акцентуации), и в грамматике - как в формообразовании, так и в синтаксических связях слов (например, в глагольном управлении).

Закон речевой экономии - тенденция к экономии речевых усилий; один из важнейших законов, определяющих речевую деятельность и через нее формирующий в языке стремление к экономичности средств выражения.

Закон системности - глобальный закон, являющийся одновременно и свойством языка, обусловлен системностью языкового знака; обнаруживается на разных языковых уровнях и проявляется как внутри каждого из них, так и во взаимодействии их друг с другом.

Закон традиции - закон языковой традиции обусловлен объективным стремлением языка к стабильности: с одной стороны, он противодействует проникновению в язык случайного, с другой, - препятствует расширенному действию закона аналогии, обеспечивая преемственность языковых норм и их устойчивость. Языковая традиция отражена в сфере кодификации - в словарях, пособиях, справочниках, в которых и содержатся предписания по поводу употребления тех или иных языковых единиц. Особенно ярко закон традиции проявляется в сфере орфографии, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные исключения из правил, например, в орфографии наречий.

Интенция - коммуникативное намерение, замысел (говорящего / пишущего)

Интенция (лат. *intentio* "стремление") - направленность сознания, мышления на какой-либо предмет; в основе такой направленности лежит желание, замысел. В отличие от желания, которое

представляет собой влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь, замысел понимается как задуманный план действий, поэтому представляется целесообразным связывать интенцию прежде всего с замыслом. том Разновидностью интенции является речевая (коммуникативная) интенция - намерение осуществить речевой акт.

Интеракциональная модель коммуникации - модель коммуникативного акта, в основе которой лежит представление о взаимодействии двух субъектов в процессе общения, совместной деятельности участников по идентификации намерений и смыслов

Интерстилевое тонирование - прием, характерный для текстов современных СМИ, который связан с намеренным введением иностилевых элементов в тексты массовой культуры, при этом хаотичное использование лексических единиц ограниченной сферы употребления сменяется намеренным введением их в сферу культуры.

Интерфейс - определенная совокупность программных средств, при помощи которых пользователь общается с компьютером.

Калькировать (фр. calque "копия") - особый тип заимствования иноязычных слов, выражений, фраз. Словообразовательные кальки - это слова, полученные "поморфемным" переводом иностранного слова на русский язык. Семантические кальки - это русские слова, которые получили новые значения под влиянием соответствующих слов другого языка.

Когнитивная стратегия - стратегия, воздействующая на сознание адресата, - его поведение, образ мыслей (представление ситуации, проблемы) и шкалу ценностей.

Когнитивный уровень (=лингво-когнитивный= тезаурусный) - уровень проявления иерархии смыслов и ценностей в языковой картине мира.

Кодифицировать - проводить кодификацию. Кодификация - упорядочение и фиксация языковых норм, нормирование (в лингвистике).

Коммуникативная компетентность - совокупность знаний, умений и навыков, таких как функции общения и особенности коммуникативного процесса, виды общения и основные его характеристики, средства общения (вербальные и невербальные), виды слушания и техники его использования, обратная связь (вопрос-ответ), формы и методы делового взаимодействия, психологические и коммуникативные типы партнеров, технологии и приемы влияния на людей, самопрезентация.

Коммуникативная неудача - отрицательный результат речевой стратегии говорящего, связанный с недостижением целей разного порядка.

Коммуникация - общение как специфическая форма взаимодействия людей, которая осуществляется главным образом при помощи языка; процесс сообщения информации с помощью технических средств - в частности, СМИ.

Контент - содержание интернет-сайтов и веб-текстов, размещаемых в Интернете.

Креативная функция языка - важнейшая составляющая языковой коммуникации, характеризующаяся направленностью на речетворчество: тесно взаимодействует с эстетической, эмотивной и апеллятивной функциями.

Креативный - творческий, созидательный; в лингвистике - связанный с лингвокреативным мышлением и с креативной функцией языка.

Креативный потенциал языка - ресурсы языка, не реализованные в узусе, которые становятся объектом лингвокреативного мышления в аспекте соотношения языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности.

Лингвокреативное мышление - тип ментальной деятельности - словесного мышления, направленный на порождение новых сущностей путем трансформации уже существующих на основе реализации ассоциативного потенциала языкового знака в области связи между формой и содержанием.

Метакоммуникация - коммуникативные акты, обсуждающие процесс коммуникации (ср. метаязык - язык науки о языке).

Модель когнитивной матрицы - специфический вид структурной организации знания в памяти, когнитивный коррелят ситуации, включающий личное знание, которым люди располагают относительно какой-либо ситуации как результатом накопленного в столкновениях с ситуациями подобного рода опыта. Такие ситуационные модели - принадлежность воспринимающего сознания и его порождение. Их функция - понимание, интерпретация и хранение знаний о мире, их структуре производна от структуры отображаемой ситуации, следовательно не производна. Модели - это база для понимания дискурса, который так же подчиняется правилам моделирования, а принципы модельной деятельности пронизывают познание реального мира, его представление в структурах сознания и речи.

Мотивационный уровень - уровень языковой личности (см.), отражающий наличие специфических мотивов и целей, движущих развитием личности, ее речевым поведением, управляющих ее текстопроизводством.

Ненамеренные аномалии - результат сознательного нарушения языковых правил, обусловленный интенциями говорящего; выявление и интерпретация намеренных языковых аномалий - одна из задач креативной лингвистики.

Неузуальный - не соответствующий общепринятому употреблению. Узуальные слова (употребляемые, обычные) противопоставляются неузуальным (потенциальным и окказиональным) - возможным с точки зрения системы, но не востребованным (или востребованным лишь в единичных случаях) узусом.

Новое - часть предложения, содержащая информацию, вводимую в текст впервые.

Номинатив (син. Именительный представления), номинативный - конструкция разговорного синтаксиса. Именно в непосредственной речи, без специальной подготовки важную роль играют всевозможные эмфатические (выделительные) интонации и позиции. Одним из распространенных средств выделения важного слова (или части высказывания) является вынесение его в актуальную позицию, причем в данном случае речь идет не о простом выносе нужного слова в начало или в конец предложения. Речь идет о своеобразной форме подачи мысли, когда она преподносится как бы в два приема: "сперва выставляется напоказ изолированный предмет и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль". При назывании используется абсолютно независимая форма - именительный падеж. Получается следующее: говорящему еще недостаточно ясно, как он оформит свою мысль, но он знает твердо, о чем он будет говорить, и это "о чем" проще всего дать пока в независимой форме называния и уже потом соединить это представление с другим (См. Валгина, 2001).

Норма - принятые в общественно - языковой практике традиционно сложившиеся правила произношения и употребления грамматических, стилистических и других языковых средств; одно из важнейших условий стабильности и единства национального языка. Литературная норма складывается как совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы в результате социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого и воспроизводимых в процессе общественной коммуникации.

Окказионализмы - окказиональные единицы языка; инновации, авторские слова, которые создаются специально (этим они отличаются от спонтанно совершаемых ошибок), "привязаны" к определенному контексту и понятны на его фоне и на фоне той модели, которая послужила базой для их создания.

Окказиональное; окказиональность - (слово, значение, словосочетание, грамматическая форма и др.) - неузуальное, индивидуально-авторское образование, обусловленное специфическим контекстом употребления и обладающее особой выразительностью на фоне канонических, нормативных образований; речевые явления, возникающие под влиянием контекста или ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом, для выражения смысла, необходимого в данном случае.

Ономасиологическое направление в лингвистике - предполагает направление исследования от функций к языковым средствам как основное.

Основные стратегии - стратегии, которые на данном этапе коммуникативного взаимодействия являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей; в большинстве случаев связаны с воздействием на адресата - его модель мира, систему ценностей, поведение. (ср. когнитивные стратегии).

Пиктография (лат. *pictus* "рисованный" + греч. *γραφο* "пишу"), **пиктографический** - вид письма, в котором предметы, события, действия, понятия и их связи передаются с помощью зрительных образов, фигур, схем, упрощенных и обобщенных изображений (пиктограмм).

Прагматические стратегии - связанные с коммуникативной ситуацией, намеренной актуализацией тех или иных компонентов модели коммуникативного акта (образа адресата, адресанта и т.д.): имиджевые, статусно-ролевые, эмоционально настраивающие и др.

Практическая транскрипция (термин введен в 1935 г. А.М.Сухотиным) - запись иноязычных имен и названий с использованием исторически сложившейся орфографической системы языка-приемника, способ включения слов одного языка в текст другого с приблизительным сохранением звукового облика этих слов, но также с возможным учетом написания в оригинале и сложившихся традиций. Практическую транскрипцию следует отличать от фонетической транскрипции, основанной только на как можно более точной передаче звучания, либо транслитерации, определяемой только исходным написанием, либо перевода. В отличие от фонетической транскрипции и транслитерации, практическая транскрипция использует обычные знаки (буквы) языка-приемника, а возможность введения дополнительных знаков отсутствует.

Прескрипция - принятие решения в результате речевого акта.

Прецедентный текст - текст, содержащий прецедентные единицы - национально-культурная реалии, зафиксированные в сознании носителей языка, и являющие собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, стереотипы, метки для сравнения, которые помогают человеку ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве. Источниками прецедентного текста могут быть произведения художественной литературы, фольклор, кино- и театральные постановки, песни, тексты религиозного, философского, историко-политического характера.

Регрессивная деривация - образование слов путем отсечения словообразующего суффикса. См. деаффиксация - утрата суффикса при словообразовании или формообразовании.

Рема - компонент актуального членения предложения, содержащий информацию о теме или в связи с темой / по поводу темы.

Речевая мыслеформа - носитель смысла слова, вербальная структура, сформированная в процессе ментальной деятельности.

Речевая стратегия - планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализация этого плана; комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели; специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем "глобального намерения" (по Т. ван Дейку).

Речевая тактика (коммуникативный прием) - одно или несколько речевых действий, способствующих реализации стратегии.

Речевой акт - речевое действие из трех составляющих: говорящий, слушающий и само выражение мысли языковыми средствами.

Речетворчество - вид речевой деятельности, направленный на творческое отношение к языку, важнейшей формой выражения которого является языковая игра.

Риторические стратегии - обеспечивающие оптимизацию речевого воздействия и включают различные приемы привлечения внимания, диалогизации, способы стимуляции обратной связи и т.д.

Родовая гиперкорреляция - обусловленная системой русского языка способность существительных к образованию родовых "пар" и за пределами узуса в тех случаях, когда нормативное образование со значением "женскости" (или реже - со значением мужского рода) отсутствует, что позволяет представить категорию рода в речи более коррелятивной и последовательной, чем предлагает узус.

Социолект (англ. sociolect от лат. societas "общество" + "диалект") - социальный диалект, групповые речевые (в первую очередь лексические и стилистические) особенности, характерные для какой-либо социальной группы - профессиональной, возрастной, субкультуры. Этим он отличается от диалекта, на котором разговаривают представители определённой географической области, и идиолекта - языка, присущего конкретному индивиду.

Стратегия компликации - стратегия, направленная на интерпретацию ситуации, проблемы с учетом разных аспектов, факторов, привнесения в ситуацию дополнительных компонентов.

Стратегия редуционизма - стратегия, направленная на интерпретацию ситуации, проблемы в упрощенном виде.

Творческие типы речи - совокупность типов речи, для которых характерно творческое использование языковых средств; эта совокупность объединяет в своем составе такие речевые произведения, как художественные, разговорные, рекламные, газетно-публицистические, эпистолярные и научно-популярные тексты с их жанровыми разновидностями.

Тема - компонент актуального членения предложения, содержащий информацию, из сообщения которой говорящий / пишущий исходит, от которой "отталкивается", как от некоей данности, строя свое предложение.

Узус - (от лат.usus - пользование, употребление, обыкновение) - совокупность общеупотребительных единиц и средств языка (узусальный - принятый в узусе, т.е. обычный, стандартный); массовая и регулярная воспроизводимость данной единицы языка, отработанная и закреплённая в общественном употреблении. Лингвистика изучает как отдельное употребление языкового явления в речи, так и весь сложившийся и складывающийся массив языковых употреблений.

Функциональная грамматика - одно из ведущих направлений современного языкознания - разновидность грамматики, объектом изучения которой являются функции грамматических единиц, а также закономерности функционирования грамматических единиц и их функциональный диапазон и функциональный потенциал. Грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединённые на основе общности их семантических функций.

Функциональная лингвистика (функционализм) - совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики и характеризующихся вниманием к функционированию языка как средства общения; специальным предметом изучения в ФЛ стало изучение функций языковых единиц.

Функционально-семантические поля (ФСП) - системы разноуровневых средств данного языка, объединённых на основе семантической общности - универсального для всех естественных языков значения (время, модальность, множественность или единичность и т.д.).

Функциональный диапазон грамматической единицы - совокупности ее отдельных функций.

Функция языковых средств - свойственная им в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем, функция - и результат функционирования, т.е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель

Церковно-религиозный функциональный стиль - функционально-стилевая разновидность современного русского литературного языка как относительно замкнутая система языковых средств, призванная обслуживать сферу церковно-религиозной общественной деятельности, не занятую церковнославянским языком.

Эвристичность - подход, связанный с решением задач в условиях неопределенности. К эвристическим относятся творческие задачи, решение которых предполагает использование нестандартных, эвристических приемов. Особенность решения таких задач заключается в том, что процесс решения происходит в области подсознания. Решения, полученные таким способом, называют интуитивными. В интуитивном мышлении отсутствуют четко определенные этапы. Основная его тенденция - свернутое восприятие всей проблемы сразу. Человек достигает ответа, не осознавая при этом того процесса, посредством которого этот ответ был получен. Более того, даже материал задачи отражается в этом случае неосознанно. Сам процесс мышления осуществляется в виде скачков, быстрых переходов, с пропусками отдельных звеньев.

Эвфемизм (греч. euphemismos "хорошо" + rhemi "говорю"). Слово или выражение, заменяющее другое, которое по каким-либо причинам нежелательно или неудобно употребить в определенной ситуации.

Экзотизмы (от греч. exotikos "чуждый, иноземный, необычный") - слова, с помощью которых дается описание чужих стран, чужой жизни и нравов, своеобразные "локальные приметы". Смысловая и стилистическая функция экзотизмов заключается в том, что они позволяют создать "эффект присутствия", локализовать описание.

Экспрессия - маркированные элементы высказывания, отмеченные авторским отношением к его содержанию.

Экстралингвистический (лат. extra "вне", "сверх" + франц. linguistique "языковой") - внеязыковой, относящийся к реальной действительности, в условиях которой развивается и функционирует язык. К экстралингвистическим условиям развития языка относятся, в первую очередь, общественно-политические факторы.

Эмотикон (англ. emoticon, син. Смайлик, Смайл (англ. smiley) - это идеограмма, изображающая эмоцию. Состоит из различных символов, в том числе и служебных. Распространение смайлик получил в Интернете и SMS, однако в последнее время он используется повсеместно.

Эмфатизм - качество, свойственное современному синтаксису и отраженное в номинативных структурах, обусловлено и стимулировано разговорной речью, хотя внутренние потребности языка в движении к расчлененности вполне очевидны.

Языковая аномалия, языковая аномальность - языковая неправильность, нарушающая какие-либо сформулированные правила; разного рода отклонения от языковых норм и правил как ненамеренного (ошибки разного рода, оговорки, неправильности), так и намеренного характера. Последние не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала. Изучение языковой аномальности занимает важное место в ряду того направления в лингвистике, которое связано с проблематикой "язык как творчество" - с изучением культурной и эстетической значимости языковой игры, языкового эксперимента, поэтики "языковой деформации" как поиска новых средств выразительности для художественного освоения сложного и меняющегося мира в современной культуре.

Языковая вариантность (вариативность) - способность языка передавать одни и те же значения разными формами; с одной стороны, демонстрирует языковую избыточность, с другой - органически присуща языку как системе, так как является фактором его дальнейшего развития - показателем его жизнеспособности и динамичности.

Языковая игра - форма лингвокреативного мышления; связана с креативной речедейательностной активностью языковой личности и проявляется в эксперименте над языковым знаком на основе различных приемов его трансформации и интерпретации. В языковой игре широко используется креативный потенциал языка (метафоризация, языковая рефлексия, инновации разного типа) с целью достижения эффекта "лингвистического остроумия" (умножение средств передачи всего многообразия и богатства выражаемой информации), чаще всего - комического эффекта.

Языковая личность - личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная на базе языковых средств

Языковые антиномии - противоречия, которые свойственны самому языку как феномену и являются внутренними стимулами его развития.

Список обязательной и дополнительной литературы по темам

Тема 1. Понятие коммуникативной деятельности

Обязательная литература

Апресян Ю.Д. "Природные процессы" в сфере человека // Логический анализ языка: Модели действительности: Сб. - М., 1992. - С.17-43.

Головин Б.Н. Основы культуры речи - М., 1988 - С.41-226.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. VI. - М., 1985. - С.217-237.

Т.А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989. - С.272-279.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии тактики русской речи. - М., 2003. - С.13-40.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.: "Гнозис", 2003.

Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. - М., - 1998.

Дополнительная литература

Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. - Томск, 2001

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - Текст - Семиосфера - История. - М., 1996. -464 с.

Одинцов В.В. Стилистика текста. - М., 1988. - С.152-161.

Канчер М.А. О трех аспектах описания языковой личности Культурно-речевая ситуация в современной России. - Екатеринбург, 2000. - С.311-318

Мучник Б.С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. - М., 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знания. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: "Языки славянской культуры", 2001. - С.5-25

Тема 2. Множественность парадигм научного знания в современной филологии

Обязательная литература

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концепция мира на материале научной грамматики. - М., 1997. - 749 с.

Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. - М., 2006.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. - Саратов - 2001.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. - Учебник. - М.: Наука, 2002.

Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. - М., 1996. - С.93-94.

Леонтьев А.А. Психолингвистика. - Л., 1967. Психолингвистика: Сб. / Сост. А.М. Шахнарович. - М., 1984.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. - М., 2002.

Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация. М.: Изд-во РУДН, 1997. - С.104-173.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. - М., 2001.

Дополнительная литература

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - Текст - Семиосфера - История. - М., "Языки русской культуры", 1996. -464 с.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка).- М., 1974.

Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания. М., 2004. - 152 с.

Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации.- М., 1973.

Гильманова А.В. Концепты *правды* и *истины* в языковом сознании Ф.М. Достоевского: автореферат дисс. ... канд. филол. н. - Калининград, 2007 - 24 с.

Ерофеева Тамара И. Концепты *пространство* и *точка зрения* в речевом исполнении политических лидеров // Филологические заметки: Сб. ст. под ред. д.ф.н. М.П. Котуровой и к.ф.н. И.Н. Щукиной. - Пермь. 2002. - С. 71-79

Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия.- Л., 1978.

Леонтьев А.А. Национально-культурная специфика речевого поведения. - Л., 1978

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику.- М., 2004.- 296с.

Михальская А.К. Основы риторики. - М., 1996.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. - М., 1985.

Покровская Е.В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики. Автореферат дисс. доктор фил. н.- М., 2004. - 43 с.

Поль Сопер. Основы искусства речи. - М., 1992.

Тема 3. Понятие языковой личности. Лингводидактическое представление языковой личности.

Обязательная литература.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987. - С. 35-48; 48-68; 211-215; 245-258.

Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. - М.: "Урсс", 2007.

Дополнительная литература

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М., 1969.

Гридина Т.А. Языковая игра // Стереотип и творчество. - Екатеринбург, 1996. - С. 7-13; с. 101-112.

Мордас С.Б. Формирование грамматико-коммуникативной компетенции "вторичной" языковой личности... - Автореферат дисс. ... канд. филол. н. - М., 2004. - 19 с.

Андреева С.М. Формирование коммуникативной культуры "вторичной" языковой личности иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку. - Автореферат дисс. ... кад. филол. н. - М., 2004. - 20 с.

Тема 4. Лингвистика текста

Обязательная литература

Валгина Н.С. Теория текста. - М., 2003. - 279 с.

Лингвистика текста. - М., 1979.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.

Солганик Г.Я Синтаксическая стилистика - М., 1973.

Котюрова М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным): Автореферат дисс. ... канд. филол. н. - Саратов, 1975.

Залевская А.А. Текст и его понимание. - Тверь, 2001.

Дополнительная литература

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. - Свердловск, 1990.

Москальская О.И. Грамматика текста - М., 1981

Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. - Пермь, 1992.

Dressler W.U. Introduction to textlinguistics, L.-N.: Longman, 1981

Тема 5. "Креативная" лингвистика

Обязательная литература

Апресян Ю.Т. Языковые аномалии: типы и функции //Res philologica. Филологические исследования. Памяти Г.В. Степанова / Под редакцией Д.С. Лихачева. - М., 1990. С. 50-71.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. - Екатеринбург. 2002.

Гридина Т.А. Языковая игра // Сб. "Стереотип и творчество". - Екатеринбург. 1996. С. 7-13; С.101-112.

Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. - М., 2005, С. 5-39; 103-123; 130-148; 307-315.

Дополнительная литература

Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ.- Калининград, 1997.

Ионова И.А. Морфология поэтической речи. - Кишинев, 1986.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. - СПб, 1994. С.3-19; 175-205.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. - М., 2006. С.208-252.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М., 2999.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. - СПб, 2002.- С. 171-198.

Тема 6. Функционализм. Функциональная грамматика.

Обязательная литература

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. - СПб, 2001.- С. 5-57.

Функциональная лингвистика. Функциональная грамматика. Функционально-семантическое поле // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.- С. 565-567.

Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М., 2001. С.5-28; С. 34-51; С. 74-87; С. 93-109.

Теория поля в современном языкознании: Сб. науч.тр. - Уфа, 2002.

Дополнительная литература.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978.

Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. - Л., 1971.

Теория функциональной грамматики: Введение, Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. - Л., 1987, С.5-31.

Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания.- 1994, № 2.

Панов М.В. Позиционная морфология. - М., 1999. - 275 с.

Тема 7. Коммуникативный синтаксис

Обязательная литература

Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка - М.: Изд-во РУДН, 1992.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. - М., 1967

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. - М., 1976.

Дополнительная литература.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К. Коммуникативная грамматика русского языка - М., 1995.

Распопов И.П. Актуальное членение предложения. - Уфа. 1961.

Николаева Т.М. Актуальное членение - категория грамматики текста // "Вопросы языкознания", 1972, №2.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. - М., 2000. - С.250-256.

Тема 8. Теория речевых актов

Обязательная литература

Анна Вежбицка. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI - М., 1985 - С. 251-275.

Дж. Л. Остин. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. - М., 1986. - С. 22-130.

Дж. Р. Серль. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVII. - М., 1986. - С. 170-194.

Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. - М., 1985. - С. 349-383.

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. - М., 1985. С. 3-42.

Дополнительная литература.

Красина Е.А. Русские перформативы. - М.: Изд-во. РУДН, 1999. - С. 30-36 и 36-44.

Дубровская Т.В., Кормилицына М.А. Некоторые прагматические характеристики речевых жанров "осуждение" и "обвинение"//Жанры речи.- Вып.3 - Изд-во Гос. учебно-научного центра "Колледж", 2002. - С. 272-281.

Тема 9. Новая стилистическая парадигма в русистике

Обязательная литература

Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн.1 Теория. - М., 2006 - С. 183-192.

Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. докт. филол. н. Н.А. Купина. - Екатеринбург, 2000. - С. 107-118.

Дополнительная литература.

Лихачев Д.С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Журнал "Русское возрождение", 1997, № 69-70. - С. 41-45.

Со Ын Ен. Речевой жанр современного церковно-религиозного послания. - Автореферат дисс. ... канд. филол. н. - М., 2000.

Тема 10. Филология и точные науки, "компьютерная лингвистика".

Обязательная литература

Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц. Сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных Web-страниц. - М.,: Изд-во РУДН, 2003. - С. 40-125.

Т. Слама-Казак. Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение прикладной лингвистики к "лингвистике" // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XII. - М., 1983 - С. 23-34.

Городецкий Б.Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XII. - М., 1983 - С. 5-22.

Intergrum: точные методы и гуманитарные науки / отв. ред.-составитель Галина Некипорец-Такигава. М., 2006. - С. 5-49; 76-84.

Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России.- М.: Изд-во РУДН, 2004.- 380 с.

Русакова Е.Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование. - Автореферат дисс. ... канд филол.н. - Калининград. 2007. - 23 с.

Дополнительная литература

Руденко-Моргун О.И. Принципы моделирования и реализации электронного учебно-методического комплекса по русскому языку на базе гипермедиа. - Автореферат дисс. ... докт. пед. н. - М., 2006. - 44 с.

Тема 11. Теоретические проблемы и нерешенные вопросы современной орфографии и пунктуации

Обязательная литература

Букчина Б.З. О написании сложных прилагательных // Сб.: Словарь и культура прилагательных русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Изд-во "Индрик", 2001. - С.59-73.

Бешенкова Е.В. Роль системы и нормы в правописании не // Сб.: Словарь и культура прилагательных русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Изд-во "Индрик", 2001. - С. 35-44.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII - XX вв.) - М.: Изд-во "Элпис", 2004. - 456 с.

Кузьмина С.М. Умягчение нравов русской орфографии // Жизнь языка: К 80-летию М.В. Панова - М.: Языки славянской культуры. - С. 406-411.

"Русское правописание сегодня". - М.: "Дрофа", 2006. - 254 с.

Чельцова Л.К. О некоторых трудных случаях написания многосоставных названий. - М.: "Дрофа", 2006. - С. 473-347.

Дополнительная литература

Кузьмина С.М. Заколдованное место русской орфографии (о трудностях кодификации слитно-дефисного написания сложных прилагательных) // Отцы и дети Московской лингвистической школы. - М.: ИРЯ РАН, 2004. - С. 250-253.

Тема 12. Активные языковые процессы

Обязательная литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке (учебное пособие).- М.: "Логос". 2001, С. 10-32.

Воронцова В.Л. Ативные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995).- М., 2000. - С. 305-325.

Головинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995).- М., 2000. - С. 237-302.

Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995).- М., 2000. - С. 32-65.

Земская Е.А. Язык как зеркало современности // Филологический сборник к 100-летию ак. В.В. Виноградова. - М., 1995. - С. 154-163.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи.- СПб., 2000.

Ильина Н.Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995).- М., 2000. - С. 326-344.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и в стиле журналистики конца XX века. - СПб., 2002, С. 5-14, 92-141.

Дополнительная литература:

Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. - М., 2005.

Алеференко Н.П. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. - М.: Academia, 2004. - 394 с.

Николина Н.А. Типы межжанрового взаимодействия // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. статей. - М., 2000. С. 540-551.

Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. статей. - М., 2000. С. 240-251.

Иванова Т.Ф., Черкасова Т.А. Русская речь в телеэфире. Комплексный справочник. - М., 2004.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. - М., 1992.

Интернет- ресурсы

[Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке // Сборник примерных программ цикла общетеоретических дисциплин для спец. 021500 - издательское дело и редактирование \(электронная версия\). - Центр дистанционного образования МГУП.](#)

[Серебренников В.А. О лингвокреативном мышлении. Из книги "Роль человеческого фактора в языке".](#)

[Викентьев И.Л. Креатив, креативный. Экспертные системы Триз-шанс.](#)

[Иван Павлович Сусов. История языкознания.](#)

<http://hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/index.html?part-011.htm>

<http://nethistory.ru/biblio?topic=1046983752>

<http://www.textology.ru/public/webtext.html>

[сайт по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям \(к разделу 2. Множественность парадигм научного знания в современной филологии\)](#)

[ссылки на лингвистические сайты](#)

[сайт филологической литературы \(к разделу 4. Лингвистика текста\)](#)

[справочно-информационный портал по русскому языку](#)

[сайт по культуре русской письменной речи \(к разделу 11. Теоретические проблемы и нерешенные вопросы русской орфографии\)](#)

[электронная коллекция "Лингвистическая антропология"](#)

[сайт Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы](#)

[мультязыковой портал](#)

[сайт по теории языка и литературы](#)

[русский филологический портал -\(к разделу 9. Новая стилистическая парадигма в русистике\)](#)

[Всероссийская виртуальная библиотека](#)

[сетевая лингвистическая библиотека СПбГУ](#)

[портал "Русское слово" Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы \(к разделу 3. Понятие языковой личности\)](#)

[сайт Российского университета дружбы народов](#)

[сайт словарей русского языка](#)

[справочная служба русского языка](#)

[сайт по системной лингвистике](#)

Методические указания для преподавателя

УМК состоит из 12 разделов: каждый раздел представляет собой материалы по одной теме; они включают:

1. описание структуры раздела, содержащее перечень основных проблем и вопросов, раскрывающих основное содержание темы;
2. формулировку целей и задач изучения темы; в частности перечень знаний, умений и навыков, которыми должны овладеть студенты при изучении каждой темы;
3. краткое, иногда обзорное раскрытие основных положений каждой темы, в том числе дефиниции основных понятий и терминологию, относящуюся к данной теме; в половине случаев, в соответствии со специализацией авторов УМК (см. обращение), изложение материала базируется на авторских разработках;
4. затем следуют вопросы для проверки усвоения материала, для самоконтроля, словарь, тестовые задания, списки обязательной и дополнительной литературы; дополнительная литература может быть использована при написании курсовых работ, рефератов и эссе;

5. предлагаемые темы курсовых работ составлены таким образом, чтобы студент не только обнаружил знание изложенного материала, но и проявил самостоятельность в решении поставленной проблемы;
6. темы эссе предполагают, как правило, рассмотрение спорных и неоднозначно решаемых в науке проблем, причем каждое эссе затрагивает не круг проблем, а именно одну конкретную проблему, может быть, один частный вопрос;
7. хрестоматийные материалы приводятся в таких случаях, когда соответствующая научная работа является или основополагающей по данной теме, или /и раритетной.

Методические указания для студента

Материалы 12 разделов учебно-методического комплекса дают представление о содержании 12 тем, отражающих наиболее актуальные проблемы современного языкознания.

Их изучение рекомендуется осуществлять в той последовательности, в какой они приводятся в УМК. При этом следует весь материал разделить следующим образом:

1. выделить такие сведения, как основные понятия, их определения и терминологические обозначения: они должны быть не просто поняты, но и *заучены*; все дефиниции рекомендуется выписать из текстов лекций, а потом повторить их, опираясь на словари основных терминов, приводящиеся в каждом разделе;
2. выделить такие сведения, которые требуют осмысления, опоры на основную и дополнительную литературу, сопоставления, аргументации; для успешной работы над такого рода сведениями рекомендуется вслух ответить на вопросы, данные для проверки усвоения материала, а также выполнить тестовые задания по каждой теме. Эти устные ответы-рассказы будут полезны и для усвоения конкретных тем, и для углубления общетеоретических сведений по актуальным проблемам языкознания, и для развития речи (в частности, для овладения научным стилем речи), и для развития логического мышления.

Описание балльно-рейтинговой системы

Условия и критерии выставления оценок

обязательное посещение студентами лекций, семинарских занятий, коллоквиумов и выполнение аттестационных работ.

Учитывается активность работы на семинарских занятиях, качество рефератов, эссе, докладов, качество выполнения контрольных работ, а также уровень речевой культуры.

Активная работа на семинарах предполагает, что студент должен изучить рекомендованную преподавателем литературу, активно участвовать в дискуссии, выступать с докладами, грамотно излагать основные положения прочитанных научных источников, сопоставлять их, обобщать и давать им аргументированную оценку.

Активная работа студентов на семинарах и высокий уровень выполнения контрольных работ являются главными критериями высокой итоговой оценки.

Итоговая оценка определяется суммой баллов, полученных студентами за все виды работы в течение всего периода обучения, предусмотренного учебной программой (т.е. в течение семестра).

Балльная структура оценки:

Посещение лекционных и семинарских занятий - 8 баллов. Активная работа на семинарах - 20 баллов. Работа с первоисточниками (конспектирование, реферирование, устные сообщения по прочитанной литературе) - 16 баллов. Внутрисеместровые контрольные работы - 14 баллов. Итоговая контрольная работа - 18 баллов. Всего - 76 баллов.

Максимальная сумма баллов (S_{max}) определяется по формуле: $S_{max} = 36 \cdot K$, где K - число кредитов, в которые оценивается курс.

Шкала оценок:

		Неуд.		3	4	5		
Кредит	Сумма баллов	F	FX	E	D	C	B	A
		2	2+	3	3+	4	5	5+
2	76	Менее 25	25-36	37-42	43-48	49-60	61-70	70-76

Описание (характеристика) оценок:

A "Отлично"

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы, все предусмотренные программой курса учебные задания выполнены, качество выполнения всех заданий оценено числом баллов, близким к максимальному.

B "Очень хорошо"

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы, все предусмотренные программой курса учебные задания выполнены, качество выполнения большинства из них оценено числом баллов, близким к максимальному.

C "Хорошо"

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, некоторые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы недостаточно, все предусмотренные программой курса учебные задания выполнены, качество выполнения ни одного из них не оценено минимальным числом баллов, некоторые виды заданий выполнены с незначительными ошибками.

D "Удовлетворительно"

Теоретическое содержание курса освоено частично, но пробелы не носят существенного характера, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы, большинство предусмотренных программой курса учебных заданий выполнено, некоторые из выполненных заданий, возможно, содержат ошибки.

E "Посредственно"

Теоретическое содержание курса освоено частично, некоторые практические навыки работы не сформированы, многие предусмотренные программой курса учебные задания не выполнены, либо качество выполнения некоторых из них оценено числом баллов, близким к минимальному.

FX "Условно неудовлетворительно"

Теоретическое содержание курса освоено частично, необходимые практические навыки работы не сформированы, большинство предусмотренных программой курса учебных заданий не выполнено, либо качество их выполнения оценено числом баллов, близким к минимальному; при дополнительной

самостоятельной работе над материалом курса возможно повышение качества выполнения учебных заданий.

F "Безусловно неудовлетворительно"

Теоретическое содержание курса не освоено, необходимые практические навыки работы не сформированы, все выполненные учебные задания содержат грубые ошибки, самостоятельная работа над материалом курса не приведет к какому-либо значимому повышению качества выполнения учебных заданий.

Программа курса УМК

Аннотированное содержание курса

Организационно-методический раздел

Цель курса - дать общее представление о наиболее актуальных направлениях современной филологии; раскрыть сущность проблем, поставленных и решаемых каждым направлением; очертить круг понятий и терминов, которыми оперирует современная филология; показать связь филологической проблематики с изучением культуры и различных аспектов человеческой деятельности, вскрыв таким образом антропоцентризм как доминантную черту современной филологии; познакомить студентов с классическими и наиболее значительными новаторскими научными публикациями по главным проблемам современной русистики, научить оценивать и сопоставлять изученные концепции.

Задачи курса:

-раскрыть понятие коммуникативной деятельности, показать многообразие ее видов и выделить коммуникативную деятельность посредством языка как сущность объекта современной филологии;

-сформировать у студентов понятие языковой личности;

-выработать представление о тексте как инструменте и результате коммуникативной деятельности посредством языка;

-показать множественность парадигм научного знания в современной филологии;

-раскрыть сущность функционального подхода к изучению и описанию языка в сфере грамматики и стилистики;

-охарактеризовать место современной филологии в сфере гуманитарных знаний;

-раскрыть понятие креативного потенциала русского языка;

-описать активные процессы в современном языке;

-показать связь филологии с негуманитарными дисциплинами, в частности с Интернет-технологиями;

-ознакомить студентов с нерешенными теоретическими проблемами русской орфографии и пунктуации;

-подготовить студентов к самостоятельной научно-исследовательской работе в сфере современной филологической проблематики и сформировать навыки применения теоретических знаний в практике работы с языковым материалом и в практике преподавания русского языка.

Методическая новизна курса

Преподавание курса предполагает использование двух основных методов: традиционного объяснительно-дедуктивного и нового, индуктивно-дискуссионного, при котором система теоретических

знаний формируется у студентов в процессе дискуссий и критических обсуждений различных концепций современной филологии.

Новыми формами работы, предусмотренными программой, являются составление комментирующей и интерпретирующей части в конспектах научных трудов, обязательных к изучению, а также участие в дискуссиях и самостоятельные составления студентами словарей терминов, употребляемых в современных филологических работах различных направлений (в прагматике, в лингвистической семантике, когнитивистике и пр.)

Место курса в системе формируемых инновационных квалификаций.

Настоящий курс является основным в магистерской программе "Языки и культуры". Курс опирается на языковедческие дисциплины, изученные в бакалавриате: Введение в языкознание, Современный русский язык (Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис); Стилистика русского языка; Общее языкознание.

Курс является по существу межпредметным, поскольку затрагивает проблемы семиотики, психолингвистики, сопоставительно-типологического языкознания и поэтики.

Данный курс готовит магистров к прохождению научно-исследовательской практики и написанию магистерской диссертации. Теоретическое значение курса состоит в том, что он служит фундаментом для приобретения важнейших навыков и умений в сфере научно-исследовательской работы филологов; прикладное, практическое значение курса заключается в том, что он формирует необходимые умения и навыки в области педагогической деятельности, связанной с преподаванием как русского, так и иностранных языков.

Содержание курса

Новизна курса

Научная новизна курса "Современные проблемы филологии" состоит в том, что его программа строится на базе освещения магистральных путей развития современной филологии, выявления и анализа наиболее актуальных ее проблем, показа путей и методов их решения. В курсе впервые рассматриваются проблемы лингвистической (в частности синтаксической) семантики, функциональной и креативной грамматики, характеризуется современная научная парадигма лингвистических знаний в области стилистики и в области изучения языка в аспекте компьютерных технологий, описываются активные языковые процессы; освещаются нерешенные и спорные теоретические вопросы современной орфографии; выявляются: а) антропоцентризм современной филологии и б) ее теснейшие связи с целым рядом наук (как гуманитарных, так и технических).

Темы лекций и семинарских занятий

Неделя 1.

Лекция.

Понятие коммуникативной деятельности. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения.

Двусторонний характер коммуникативной деятельности. "Цепочка": автор - код - текст - адресат.

Первичная коммуникативная деятельность автора (текстовая деятельность) и вторичная коммуникативная деятельность адресата. Коммуникативная ситуация. Коммуникативные качества речи. Постулаты речевого общения. Их реализация в различных сферах общественной деятельности. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения. Коммуникативный успех и коммуникативный сбой.

Семинар

Анализ коммуникативных качеств речи. Обсуждение постулатов речевого общения Грайса Г.П. Оценка языка современных СМИ с точки зрения соблюдения этих постулатов. Понятия коммуникативной

стратегии и тактики. Примеры различных коммуникативных стратегий и тактик. Условия успешной коммуникации и причины коммуникативного сбоя.

Неделя 2.

Лекция

Множественность парадигм научного знания в современной филологии.

Науки и направления филологии, изучающие коммуникативную деятельность: коммуникативная стилистика; теория речевой деятельности; культура речи; риторика. Их задачи и соотношение.

Психолингвистика, ее предмет, задачи и понятийный аппарат; значение психолингвистических изысканий для речевого воспитания детей, для обучения иностранным языкам, клиники речевых расстройств, для решения проблемы речевого воздействия, в частности в деятельности СМИ и др.

Когнитивизм как направление языкознания, объектом которого является человеческий разум, мышление, познание и восприятие мира в процессе речевой деятельности; понятие концепта как базовое понятие когнитивистики. Когнитивно-прагматический подход к анализу речевой деятельности и текста; понятие оценки как ключевое понятие в этом направлении филологии.

Социолингвистика; ее предмет и задачи. Лингвистическая семантика; ее истоки; принципы изучения семантики языковых единиц. Основные направления синтаксической семантики (семантического синтаксиса).

Семинар

Обзор различных подходов к изучению лексической и грамматической семантики. Обсуждение докладов студентов, посвященных характеристике различных направлений в семантическом синтаксисе ("Порождающая грамматика" Н. Хомского; "глубинных" структур в работах В.Г. Гака; "глагольная ветвь" семантического синтаксиса; комплексный подход Н.Ю. Шведовой; логико-синтаксические типы предложений в работах Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева).

Понятие концепта; примеры и анализ нескольких концептов по выбору студентов.

Неделя 3

Лекция.

Понятие языковой личности; трехуровневая модель ее представления:

- а) вербально-семантический; или структурно-системный уровень;
- б) лингвокогнитивный, или тезаурусный;
- в) мотивационный.

Характер языковой личности в связи с национальной культурой.

Семинар

Анализ понятия языковой личности по работе Ю.Н. Караулова "Русский язык и языковая личность"; значение этого понятия для изучения связи языка и культуры. Доклады студентов и их обсуждение.

Неделя 4.

Лекция

Значение концепции языковой личности для лингводидактики и культурологии. Лингводидактическое представление языковой личности.

Выявление связей между строением языковой личности и уровневыми моделями усвоения языка; требование к характеру умений и навыков в соответствии с каждым уровнем модели усвоения языков.

Семинар

Анализ применения концепции языковой личности в лингводидактике. Подбор конкретных типов языковых и речевых заданий в соответствии с уровнями модели усвоения языка, выделенными на основе модели строения языковой личности.

Неделя 5

Лекция

Лингвистика текста; ее задачи. Понятие текста и различные аспекты изучения и описания текста.

Лингвистика текста как наддисциплинарная наука, имеющая своим объектом текст, а предметом - лингвистическое, стилистическое, семиотическое, культурологическое и литературоведческое изучение текста. Становление теории текста. Две составляющие лингвистики текста: теория текста и прикладные направления.

Текст как структурно-смысловое единство. Детерминированность структуры текста темой и авторской интенцией. Значение и смысл. Текст как законченное информационное целое. Семантические и коммуникативные категории текста. Текст и подтекст. Интертекстуальность ("текст в тексте").

Семинар

Обсуждение проблем, затрагиваемых в лингвистике текста. Раскрытие наддисциплинарного характера лингвистики текста. Анализ понятия "текст" в различных аспектах. Понятие интертекстуальности; функции текстов в тексте. Подтекст в различных жанрах и стилях речи.

Неделя 6.

Лекция

Высказывание как минимальная единица текста. Типология высказываний.

Высказывания информационные и верификативные (интерпретационные: полемические, убеждающие и воздействующие). Характер интерпретационных высказываний в различных жанрах и стилях речи: полемика в сфере политико-идеологической общественной деятельности и в сфере науки; убеждения в текстах СМИ и аргументация в научной сфере; воздействие в текстах СМИ и в текстах церковно-религиозного стиля. Актуальное членение предложений-высказываний.

Семинар

Анализ структуры высказывания: темо-ремное членение. Понятие рематической доминанты текста; описание типов рематических доминант и связь этих типов с жанрами и стилями речи.

Информационные и верификативные высказывания; установление их специфики в различных текстах.

Воздействие и его языковые средства в различных сферах общественной деятельности (в сфере науки, в политико-идеологической сфере и в церковно-религиозной сфере). Обсуждение эссе на эту тему.

Неделя 7.

Лекция

Связность и цельность как конституирующие свойства текста.

Связность (когезия) текста и цельность текста; средства их создания и оформления: определенная последовательность темо-рематических цепочек; повтор (лексический и семантический); реализация определенной авторской интенции; определенный характер рематической доминанты. Нарушение связности текста как речевая ошибка и как стилистический прием.

Семинар

Анализ параллельного, последовательного и смешанного типов развертывания темо-рематических цепочек как средства, обеспечивающего связность текста. Рассмотрение понятия "повторная номинация", выявление ее видов и функции как средства связности текста. Понятие ключевого слова; роль ключевых слов в создании цельности текста.

Анализ текстов различных стилей и жанров с точки зрения связности и цельности; выявление структурно-стилевой организации этих текстов в аспекте реализации авторских интенций.

Неделя 8.

Лекция

Коммуникативно-смысловые типы текстов.

Типы текстов: описание, повествование, рассуждение, инструктирование.

Описание стилистическое и динамическое.

Повествование, его цель, структура и виды.

Рассуждение, его виды: объяснение, доказательство, собственно рассуждение.

Специфика коммуникативно-смыслового типа текста "рассуждение" в научных и художественных произведениях.

Семинар

Анализ текстов коммуникативно-смыслового типа "описание"; выявление коммуникативно-смысловых и языковых особенностей этого типа текста; выделение двух подвидов описания: статического и динамического. "Характеристика" как разновидность описания; составление характеристики как текста делового жанра. Анализ текстов коммуникативно-смыслового типа "повествование"; установление их коммуникативно-смысловой направленности и языковых особенностей. Анализ рассуждения в научных и художественных произведениях, выявление специфики рассуждения в художественном произведении в сравнении с рассуждением в научном тексте.

Неделя 9

Лекция

"Креативная" лингвистика; язык и творчество.

Объект и предмет "креативной" лингвистики. Язык как творчество: лингвокреативное мышление; креативная функция языка; соотношение креативной функции и эстетической функции языка. Окаzionaliальные и потенциальные явления в языке и речи.

Семинар

Понятие "креативный" в различных сферах общественной деятельности; креативное мышление. Раскрытие сущности креативной функции языка и ее сопоставление с поэтической функцией. Рассмотрение сущности окаzionaliальных и потенциальных явлений в языке и речи; разбор примеров.

Неделя 10

Лекция

Морфология в аспекте креативной лингвистики

Морфологические ресурсы русского языка в аспекте грамматики креативного типа.

Семинар

Анализ текстов с точки зрения реализации в них креативного потенциала грамматических категорий: рода имен существительных; числа имен существительных; вида и времени глагола.

Неделя 11

Лекция

Творческие типы речи с позиций креативной лингвистики

Творческие типы речи: поэтическая и разговорная речь как некодифицированные сферы языка; креативный потенциал видо-временных форм глагола в жанре мемуаров; реклама как особый речевой жанр, максимально использующий креативный потенциал языка. Язык СМИ в аспекте креативной грамматики.

Семинар

Обсуждение докладов студентов, посвященных реализации креативного потенциала грамматики в текстах различных стилей и жанров (мемуарная литература, разговорная речь, рекламные тексты, газетные тексты).

Рассмотрение грамматических категорий и форм как объекта языковой рефлексии. Анализ функций грамматических контрастов в различных типах текстов.

Неделя 12

Лекция

Функциональное направление в лингвистике. Функциональная грамматика.

Функционализм в лингвистике, его истоки. Сущность функционального подхода к языку. Функциональная грамматика как направление функциональной лингвистики, имеющее в качестве объекта изучения функции языковых единиц и закономерности их функционирования. Понятие функции. Функциональные единицы языка и их диапазон.

Семинар

Дискуссия на тему "Понятие "функция языка"". Рассмотрение сущности функционального подхода к фактам языка в сфере лексикологии, грамматики и стилистики. Выделение функциональных единиц языка и их диапазона.

Неделя 13

Лекция

Понятие лексико-семантического поля.

Понятие лексико-семантического поля как системы разноуровневых языковых средств, выполняющих одну семантическую функцию. Соотношение формы и функции в аспекте системно-структурного и функционального описания языковых единиц.

Семинар

Рассмотрение вопроса о функциональных единицах морфологии. Анализ функций частей речи, функций лексико-грамматических разрядов имен существительных; функций форм числа и падежных словоформ существительных; видо-временных форм глагола.

Неделя 14

Лекция

Коммуникативный синтаксис.

Синтаксическая система русского языка в коммуникативном аспекте. Соотношение понятий: предложение - высказывание. Категории, отражающие структуру предложения как коммуникативной единицы языка (компоненты актуального членения предложения), и категории уровня речевой организации высказывания (данное / новое; известное / неизвестное). Языковые средства коммуникативного синтаксиса: порядок слов, интонация, частицы. Функции нефиксированного, но несвободного порядка слов в русском языке.

Семинар

Анализ теории Ф. Данеша о трех уровнях анализа предложения и понятие высказывания. Языковая сущность актуального членения предложения: ее связь с категорией предикативности. Выявление соотношения понятий тема - данное - известное; рема - новое - неизвестное. Анализ объективного и инверсивного порядка слов в русском языке; установление стилистической функции инверсии.

Неделя 15.

Лекция

Теория речевых актов.

Прагматический подход к языку; теория речевых актов как реализация этого подхода. Рассмотрение предложения как действия, как речевого акта, направленного на принятие решения

(прескрипцию). Три стороны речевого акта: локутивный акт или локуция; иллокутивный акт, или иллокуция; перлокутивный акт (эффект), или перлокуция. Условия успешности речевого акта: 1) условие входа и выхода; 2) условие пропозиционального содержания; 3) условие мотива.

Различные классификации речевых актов (Остин; Дж.Р. Серль). Роль теории речевых актов в решении конкретных лингвистических проблем.

Семинар

Обсуждение вопроса о сущности теории речевых актов как составляющей прагматики. Три стороны речевого акта. Различные классификации речевых актов.

Соотношение понятий: речевой акт - речевой жанр - речевой стиль. Условия успешности речевого акта. Анализ речевых актов: "Приветствие"; "Прощание"; "Совет", "Возражение", "Согласие" - с точки зрения теории речевых актов и стилистики.

Неделя 16.

Лекция

Новая стилистическая парадигма в русистике.

Функциональная стилистика; характеристика ее современного состояния и представлений о количестве и сущности функциональных стилей. Включение в стилистическую парадигму задач, связанных с изучением церковно-религиозного функционального стиля современного русского литературного языка. Жанр современной православной проповеди и церковного послания.

Семинар

Анализ православной проповеди и церковного послания с точки зрения: а) образа автора; б) характера адресата; в) диктумного (событийного) содержания; г) модальности текста; д) языкового воплощения.

Сравнение газетно-публицистического функционального стиля современного русского языка с церковно-религиозным. Дискуссия на тему: "Является ли церковно-религиозный стиль разновидностью ("подстилем") газетно-публицистического или нет".

Неделя 17.

Лекция

Филология и точные науки; "компьютерная лингвистика".

Филология и статистика; вопрос об интерпретации статистических данных. Формирование и функционирование русского "компьютерного социолекта" как "социального диалекта, носителем которого является группа лиц, имеющих отношение к компьютерным и информационным технологиям" (Русакова Е.Б.). Речевой портрет российского компьютерщика. Языковое оформление англо- и русскоязычных Web-страниц. Integrum.ru - характеристика ресурса.

Семинар

Обсуждение сообщений студентов об особенностях русского языка в компьютере: заимствования, их характер; словотворчество; стилистический аспект. Вопрос о перспективах применения точных (статистических) методов в филологии.

Неделя 18.

Лекция

Теоретические проблемы и нерешенные вопросы современной орфографии и пунктуации.

Вопрос о возможности / невозможности вариативности в сфере орфографических норм.

Проблема отражения в орфографии норм слитного, раздельного и дефисного написания сложных слов и существительных с приложениями. Проблема написания наречий и наречных сочетаний. Новые заимствования в лексике и проблема их орфографического оформления. Некоторые нерешенные

вопросы употребления прописной буквы. Н и НН в прилагательных и причастиях. Новое в современной пунктуации (пунктуационное оформление парцелляции; оформление деловых документов; пунктуация в авторской речи). Вопрос о вытеснении двоеточия в бессоюзных сложных предложениях пунктуационным знаком тире.

Семинар

Обсуждение новой редакции полного академического справочника "Правила русской орфографии и пунктуации" (М., 2006 г.), составленного учеными Института русского языка Академии наук РФ. Доклады студентов на тему о нерешенных и спорных вопросах русской орфографии и пунктуации.

Неделя 19.

Лекция

Актуальные языковые процессы

Особенности функционирования русского языка в современную эпоху: диалогичность, усиление личностного начала в речевой деятельности, стилистический динамизм, "переименование", актуализация стилевых контрастов. Развитие языка в аспекте языковых антиномий: антиномии говорящий / слушающий, система / узус. Норма и ее вариативность. Отражение вариативности нормы в актуальных языковых процессах. Языковая традиция и закон аналогии.

Семинар

Характеристика активных семантических процессов в лексике. Наблюдение над ростом анализма в морфологической системе. Описание активных процессов в области ударения. Рассмотрение вариативности нормы в аспекте культуры речи. Анализ языка современных СМИ с точки зрения проявления в нем активных языковых процессов.

Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

1-я рубежная аттестация

1. Перечислить качества хорошей речи.
2. Раскрыть понятие "правильная" речь.
3. Раскрыть понятие чистоты речи. Привести примеры речи, обладающей этим качеством, и речи, не отвечающей этому требованию.
4. Раскрыть понятие ясности речи. Привести примеры речи, обладающей этим качеством, и речи, не отвечающей этому требованию.
5. Раскрыть понятие логичности речи. Привести примеры речи, обладающей этим качеством, и речи, не отвечающей этому требованию.
6. Раскрыть понятие "краткая" речь. Привести примеры речи, обладающей этим качеством, и речи, не отвечающей этому требованию.
7. Перечислить постулаты речевого общения Грайса П.А. Прокомментировать каждый из них.
8. Определить понятие коммуникативной неудачи (коммуникативного сбоя); указать условия возникновения коммуникативного сбоя.
9. Назвать три уровня языковой личности; раскрыть сущность каждого из уровней.
10. Определить понятие коммуникативной стратегии. Привести 2 примера различных коммуникативных стратегий.

2-ая рубежная аттестация

1. Доказать наличие множества парадигм научного знания в современной филологии.
2. Раскрыть задачи когнитивного подхода к изучению языков.

3. Раскрыть понятие концепта. Привести 4-5 примеров концептов и проанализировать их функционирование.
4. Объяснить, что такое прагматика, каковы ее задачи и понятийно-терминологический аппарат.
5. Рассказать о принципах и методах изучения семантики.
6. Описать различные направления в семантическом синтаксисе.

Примерный перечень вопросов для оценки качества освоения дисциплины

1. Понятие коммуникативной деятельности.
2. Постулаты речевого общения.
3. Множественность парадигм научного знания в современной филологии.
4. Основные проблемы когнитивной лингвистики.
5. Основные проблемы лингвистической прагматики.
6. Понятие языковой личности; трехуровневая модель ее организации.
7. Предмет и задачи психолингвистики.
8. Предмет и задачи когнитивной лингвистики.
9. Предмет и задачи лингвистической прагматики.
10. Характеристика понятия концепт. Примеры концептов.
11. Предмет и задачи лингвистической семантики.
12. Характеристика основных направлений семантического синтаксиса.
13. Понятие текста; аспекты анализа текста.
14. Коммуникативно-смысловые типы текста.
15. Описание как коммуникативно-смысловой тип текста; виды описаний.
16. Повествование как коммуникативно-смысловой тип текста; языковые черты повествования.
17. Рассуждение как коммуникативно-смысловой тип текста. Специфика рассуждения в научной и художественной речи.
18. Понятие коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики. Примеры.
19. Высказывание как минимальная единица текста. Типология высказываний.
20. Понятие рематической доминанты текста. Характер рематических доминант в различных жанрах и стилях речи.
21. Связность и цельность как основные признаки текста. Языковые средства оформления связности и цельности.
22. Функциональные единицы языка и их диапазон.
23. Понятие семантического поля. Примеры.
24. Потенциальное и окказиональное в языке.
25. Креативный потенциал грамматических форм имен существительных.
26. Креативный потенциал видовых форм глагола.
27. Реализация креативного потенциала языка в современных СМИ и в рекламных текстах.
28. Характеристика задач современной функциональной стилистики.
29. Понятие лексико-семантического поля.
30. Понятие речевого акта. Примеры речевых актов. Речевой акт - речевой жанр - речевой стиль.
31. Характеристика активных языковых процессов.
32. Современные языковые антиномии.
33. Русский компьютерный "социолект" и его языковые особенности.
34. Теоретические проблемы и нерешенные вопросы современной русской орфографии и пунктуации.

Учебный тематический план курса

№	Наименование разделов и тем	Всего (часов, зачетных единиц)	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа
			Лекции	Семинары	
1	Коммуникативная деятельность; коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения	8	2	2	4
2	Множественность парадигм научного знания в современной филологии (психолингвистика, когнитивистика, прагматика, социолингвистика; лингвистическая семантика; их проблематика)	8	2	2	4
3	Понятие языковой личности; трехуровневая модель ее представления	8	2	2	4
4	Значение концепции языковой личности для лингводидактики и культурологии	8	2	2	4
5	Лингвистика текста, ее задачи. Понятие текста и различные аспекты изучения и описания текста.	8	2	2	4
6	Высказывание как минимальная единица текста; типология высказываний	8	2	2	4
7	Связность и цельность как конституирующие свойства текста	8	2	2	4
8	Коммуникативно-смысловые типы текстов	8	2	2	4
9	"Креативная" лингвистика; язык и творчество	8	2	2	4
10	Морфология в аспекте "креативной" лингвистики	8	2	2	4
11	Творческие типы речи с позицией	8	2	2	4
12	Функциональное направление в лингвистике. Функциональная грамматика	8	2	2	4
13	Понятие лексико-семантического поля	8	2	2	4
14	Коммуникативный синтаксис	8	2	2	4
15	Теория речевых актов	8	2	2	4
16	Новая стилистическая парадигма в русистике	8	2	2	4
17	Филология и точные науки; "компьютерная лингвистика"	8	2	2	4
18	Теоретические проблемы и нерешенные вопросы современной орфографии и пунктуации	8	2	2	4
19	Актуальные языковые процессы	8	2	2	4
	ИТОГО:	152	38	38	76
		2 зачетных единицы			

Раздел 1. Понятие коммуникативной деятельности

Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти*

ВВЕДЕНИЕ

Практически вне зависимости от того, какие именно проявления человеческой природы интересуют исследователя, рано или поздно он обнаружит, что исследует проблемы, связанные с "языком и коммуникацией". И это ничуть не удивительно, поскольку только через коммуникацию, и в основном языковую коммуникацию, мы можем заявить о себе (Mitteilung) и вступить в контакт с другими человеческими существами². Более того, именно через язык действительность постигается, осознается, а также "наследуется" от поколения к поколению*. В значительной степени мы реально живем и действуем *внутри* "мира языка". Эрнст Кассирер* удачно выразил это, обозначив человека как "знаковое существо".

Осознав это, перестаешь удивляться, что столь много людей занимались исследованием языка и его функционирования. Парадокс скорее в том, что традиционно сравнительно небольшое число академических дисциплин, в основном различные философские в лингвистические направления, почти монополюбно занимались исследованием языка. Однако в последнее время другие науки, такие, как *биология* и *математика*, а особенно *социальные науки* и среди них в первую очередь *психология* включили язык в число полноправных объектов изучения. Эти нововведения находят отражение в таких названиях, как "психолингвистика" и "социолингвистика". Весьма убедительным свидетельством в пользу надежности позиций, уже завоеванных психологией, служит тот факт, что один из ведущих лингвистов нашего времени Н. Хомский считает лингвистику разделом когнитивной психологии*.

Когда исследователь, работающий в области социальных наук, обращается к языку, он, естественно, бывает настроен весьма критически по отношению к различным аспектам основных подходов. В частности, он будет настроен против господствующей стратегии исследования, в соответствии с которой язык изучается (а) в вакууме или вне релевантных контекстов и (б) без принятия явно выраженной коммуникативной направленности*. Более того, исследователь в области социальных наук начинает задавать вопросы, которые до этого полностью игнорировались. В первую очередь этот исследователь пытается изучать язык и функционирование языка *включенными в социальную матрицу или контекст*³. В своей работе, как теоретической, так и практической, Р. Румметвейт и его коллеги пытались создать другое направление, в котором язык и его функционирование изучаются в перспективе коммуникации и как составная часть более обширного социального контекста⁴.

Цель настоящей работы - исследовать язык как составную часть социальной рамки или матрицы. Фактически будет сделана попытка проанализировать язык и функционирование языка в составе социальной и политической деятельности или поведения, структурирующих нашу повседневную жизнь и управляющих ею. Для этого мы продемонстрируем и обсудим результаты ряда теоретико-эмпирических исследований, которые мы выполнили по теме "язык и использование языка как инструменты социальной власти"*.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ И ПОЯСНЕНИЯ ПОНЯТИЯ ВЛАСТИ

Первый пример. Несколько друзей пьют в компании. На столе бутылка. Ровно половина ее содержимого выпита. Практически одновременно Джон и Питер замечают:

Питер. Бутылка наполовину пустая.

Джон. Бутылка наполовину полная. Оба правы, или, выражаясь иначе, логически, если прав один, то должен быть прав и другой. Что касается внешней, экстенциональной референции, то эти выражения синонимичны. Слушающий получит информацию об "одном и том же состоянии" вне зависимости от того, сообщит ли ее Джон или Питер. Однако имеются серьезные основания считать, что эти два выражения могут совершенно по-разному воздействовать на ситуацию. Это становится более очевидным, если их немного распространить: Питер. Бутылка уже наполовину пустая. Джон. Бутылка *все еще* наполовину полная. Питер с его выбором выражений мог бы привести в уныние самую веселую компанию, тогда как выбор слов, произведенный Джоном, мог бы оживить празднество, даже если бы оно близилось к концу.

Второй пример. Два журналиста, *А* и *В*, командированы с целью освещать войну во Вьетнаме. Возьмем следующие отрывки из их репортажей: *А* пишет об "американском участии в делах Вьетнама", а *В* об "американской агрессии во Вьетнаме". Соответственно, *А* пишет "Вьетконг" а *В* - "Народная Освободительная Армия".

Очевидно, что у читателей, т. е. получателей информации в данном коммуникативном акте, сформируется совершенно разное понимание событий во Вьетнаме, в зависимости от того, чей репортаж они прочитают. Выражение "американское участие в делах Вьетнама" создает совсем иное впечатление о США и их деятельности во Вьетнаме, чем выражение "американская агрессия во Вьетнаме". Аналогично конкурирующие наименования "Вьетконг" и "Народная Освободительная Армия" подразумевают совершенно разную характеристику.

Здесь следует добавить, что данная коммуникативная ситуация, очевидно, гораздо сложнее предыдущей. В основном это объясняется тем, что гораздо труднее решить, к чему относятся разные выражения. В примере с количеством содержимого бутылки "увидеть" то, о чем идет речь, было намного проще. Соответственно, рассматривать языковые выражения и судить, к примеру, истинны они или ложны, было намного легче.

На этих примерах из области повседневной коммуникации видно, что выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, воздействует на понимание получателя. Даже если отправитель старается "выражаться объективно", видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом. Эта присущая языку и пользующемуся языком человеку способность к структурированию и воздействию и есть как раз то, что мы имеем в виду, утверждая, что "язык есть инструмент социальной, власти" (social power). Мы намеренно воспользовались понятием *власти*, чтобы подчеркнуть тот аспект коммуникации и использования языка, который часто оставляют без внимания. Среди тех, кто занимается языком (особенно среди филологов), часто можно услышать споры по поводу того, какое выражение самое правильное с чисто лингвистической или стилистической точки зрения, по едва ли можно стать свидетелем дискуссии о том, чьи *интересы* или чья *точка зрения* лежат в основе определенного языкового выражения. Однако социологу и психологу трудно (или во всяком случае должно быть трудно) обходиться без вопросов типа: "Какого рода интересы лежат в основе того или иного способа выражения?", "Какого рода действие, помимо чисто стилистического или лингвистического, оказывает одно выражение в отличие от другого?" и т. п. Тем самым должна быть предпринята попытка исследовать структурирующие и оформляющие функции языка и пользующегося языком, и понятие власти показалось для этого наиболее удачным. Очевидно, что возможность структурировать и обуславливать опыт другого лица вне зависимости от того, осуществляется ли это посредством языка или как-то иначе, есть фактически осуществление (социальной) власти над этими лицами. Понятие власти было выбрано, несмотря на то, что в социальных науках оно используется самыми разнообразными способами как терминологически, так и в обычном смысле. Здесь это понятие используется

в обыденном, достаточно широком значении, подразумеваемом, что каждый, кто оказывается в состоянии воздействия на кого-либо, осуществляет власть. Власть *может* осуществляться и через язык. Существует мнение, что некоторые люди обладают "даром красноречия". Это обычно относится к тем, кто умно и убедительно выступает в споре или дискуссии. Ранее указывалось, как манипулятивные возможности языка эксплуатируются в рекламном деле* и в политической пропаганде (идеологии)*. Поэты и писатели также всегда знали о власти слов, которая лежит в основе их способности воздействия*.

Однако мысль о том, что наше с вами обычное повседневное использование языка, наш нейтральный неформальный разговор предполагает осуществление власти, т. е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком, эта мысль может показаться одновременно удивительной и дерзкой. Одна из причин этого может заключаться в том, что область, доступная для нашего языкового воздействия, довольно ограничена. Другие, пользующиеся языком по радио, на телевидении, в печати, в рекламе и т. п., имеют совершенно иную сферу действия (*позицию власти*), так что результат использования ими языка {*инструмента власти*) гораздо значительнее*. И все-таки, как можно было убедиться на двух предыдущих примерах (и как мы надеемся более детально показать далее), представляется, что всякое использование языка предполагает такой структурирующий и воздействующий эффект. Иными словами, выразиться "нейтрально" оказывается невозможно. Даже кажущиеся синонимичными выражения, такие, как "Она наполовину полная" и "Она наполовину пустая", *могут* воздействовать на получателя совершенно по-разному. Произнеся одно-единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять "позицию" и "осуществлять воздействие". Мы не касаемся здесь вопроса о том, осуществляет ли он при том воздействие преднамеренно, мы лишь продемонстрируем, что происходит именно это. Таким образом, социальное воздействие использующего язык определяется здесь по его результатам или последствиям, совершенно независимо от того, является ли результат преднамеренным или нет*.

I. БАЗИС ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Прежде чем мы начнем более систематически исследовать тот базис, который делает язык и его использование инструментом социальной власти, мы хотим коротко упомянуть различные уровни, на которых язык может реально способствовать осуществлению власти. В наших эмпирико-теоретических исследованиях* было выявлено и изучено 3 отдельных уровня. Во-первых, имеется отдельный акт коммуникации, в котором конкретное использование языка отправителем структурирует и обуславливает восприятие содержания коммуникации получателем 6-7. Во-вторых, через свой способ концептуализации "действительности" система языка представляет определенные точки зрения или интересы, определяя тем самым значительное воздействие этих точек зрения на всякого изучающего и использующего данный язык. То, как сама языковая система представляет определенные точки зрения (не являясь "нейтральной"), ярко проявилось при анализе того, *как* представлены, воспринимаются, сохраняются и передаются в норвежском языке мужские и женские роли⁸. В-третьих, различные языки и диалекты, даже сосуществующие на одной и той же территории, могут иметь разный статус. Зная о тесной связи между языком и личностью, легко представить себе управляющий и подавляющий эффект в случае подчиненного положения языка народа" или диалекта группы⁹. В настоящей работе мы в основном сосредоточим внимание на первом уровне, лишь кратко коснемся второго и полностью проигнорируем третий¹⁰.

Взяв приведенные выше примеры в качестве отправной точки, мы теперь исследуем более систематически тот базис, который делает "язык инструментом социальной власти". В нашем исследовании было обнаружено четыре таких основных фактора, или характеристики языка.

1. ВЫБОР ПРИ КОДИРОВАНИИ И ДЕКОДИРОВАНИИ

Ситуация коммуникации - это такая ситуация, в которой отправитель имеет "нечто" (сообщение), что он хочет (намерение) передать получателю. Такая передача может осуществляться многими разными способами и с помощью многих разных средств*. Однако для людей наиболее обычным средством' является язык. Когда у отправителя имеется мысль или сообщение, которое он хочет передать,

то эта мысль (сообщение) может быть закодирована многими альтернативными, но функционально эквивалентными кодами, т. е. одно и то же значение или сообщение может быть передано с помощью нескольких различных выражений. Содержание "X опоздал" может быть передано и с помощью выражения "X пришел поздно" и с помощью выражения "X не пришел вовремя". Аналогичным образом все три утверждения: "не хватает", "недостаточно" и "слишком мало" способны передавать идею недостатка чего-либо. Именно для этой цели существуют словари синонимов - словари, где можно отыскать *разные* слова и выражения для *одной и той же* мысли или смыслового содержания.

Каждый раз, когда мы хотим "нечто" выразить, мы должны выбрать между несколькими альтернативно возможными способами, которыми это "нечто" может быть выражено. С аналогичной проблемой сталкивается получатель. Он слышит звуки (или читает буквы), которые издает отправитель, он декодирует (извлекает, понимает) содержание или значение, которое было передано. Однако многие (может быть, даже все ?) звучания или письменные последовательности могут передавать несколько различающихся смыслов. Наиболее яркими примерами этого являются омонимия в устной речи и омография в письменной. Слово ball может иметь два совершенно не связанных между собой значения: мяч, по которому можно ударить, и бал, на котором танцуют. А когда мы слышим вне контекста высказывание Peter beat John 'Питер побил Джона', невозможно понять, то ли Питер выиграл забег, в котором они оба участвовали, то ли он ударил Джона палкой.

Когда получатель что-то слышит или читает, он должен в процессе декодирования *выбрать* одно из нескольких возможных значений. В этом ему помогает контекст: сама ситуация, то, что было сказано ранее, а также то, что было сказано после 11. Если считать, что акту коммуникации действительно свойственны эти характеристики, тогда в самом деле можно засомневаться, в состоянии ли вообще получатель "вытянуть" из языкового высказывания именно те мысли и чувства, которые намеревался сообщить отправитель. Как мы видели, коммуникация вполне может оказаться неудачной как в процессе кодирования, если отправитель выбирает языковые выражения, которые неадекватно отражают то, что он хочет передать, так и в том случае, когда получатель декодирует нечто, отличное от того, что имел в виду отправитель.

Однако как раз в *этих выборах*, которые и отправитель и получатель *обязаны* осуществить (и в особенности это касается выбора отправителя), мы видим основание для утверждения, что "использование языка предполагает осуществление власти". (Мы употребляем здесь слова "выбор" и "осуществление выбора", не рассматривая вопрос о том, является ли выбор сознательным и намеренным или нет). Как мы видели в приведенных выше примерах, даже так называемые синонимичные выражения могут вести себя совершенно по-разному: они могут подчеркивать или выделять различные аспекты ситуации, а также передавать или обозначать разные действия или разное отношение к тому, о чем идет речь. Здесь важно помнить, что за некоторый отрезок времени мы можем передать только одно выражение или элемент. Мы не можем передать целую мысль или смысловое содержание *непосредственно* из сознания одного человека в сознание другого, мы обязаны распределить нашу мысль и смысловое содержание во времени в виде звучащей речи*. Точно так же мы не можем употребить одновременно два или более объясняющих друг друга высказывания. Мы обязаны выбирать и "ставить все на одну лошадь".

Мать Дэвида обнаружила, что в банке меньше печенья, чем следовало бы. Подозрение немедленно падает на Дэвида. Свое подозрение она может выразить различными способами, например:

- (1) *Это ты взял печенье, Дэвид?*
- (2) *Это ты стибрил печенье, Дэвид?*
- (3) *Это ты свистнул печенье, Дэвид?*
- (4) *Это ты стянул печенье, Дэвид?*
- (5) *Это ты стащил печенье, Дэвид?*
- (6) *Это ты украл печенье, Дэвид?*

Используя эти шесть разных выражений, мать Дэвида обозначает с их помощью самое разное отношение к Дэvidу и его "криминальному поведению". Возможно, мать Дэвида испытывает целый

комплекс чувств по отношению к Дэвиду и его поведению. Таким образом, несмотря на то что каждое из шести высказываний содержит долю истины, ни одно из них в отдельности не является полностью адекватным для обозначения всего внутреннего состояния матери Дэвида в целом. Чтобы обратиться к "грешнику", она должна выбрать одно выражение из множества возможных. Своим выбором она подчеркивает определенный аспект своего внутреннего состояния и, возможно, делает некоторый намек на то, какое наказание может ожидать Дэвида 12. Аналогично можно ожидать, что эмоциональная реакция слушающих новости будет существенно различаться в зависимости от того, услышат ли они: (1) *Американцы наращивают мощь своих военно-воздушных сил во Вьетнаме*, (2) *Американцы расширяют воздушную войну во Вьетнаме*, (3) *Американцы усиливают бомбардировки Вьетнама*. В то время как пример (1), вероятно, наводит на мысль о сильном противнике, наличие которого делает необходимой такую "интенсификацию", а пример (2) может ассоциироваться с воздушными боями, которые обе стороны ведут с переменным успехом, пример (3) скорее всего вызывает образы бомбардировок мирных деревень и убийства детей и стариков.

Сложность взаимоотношений между языком и действительностью - одна из причин того, что выбор, осуществляемый отправителем в процессе кодирования, играет столь существенную роль в структурировании средствами языка. Взаимоотношения между языком и действительностью всегда интересовали философов, а также поэтов и писателей*. Отношение "язык- действительность" не будет обсуждаться здесь сколько-нибудь детально. Мы лишь покажем, каким образом отчасти именно сложность этого отношения придает выбору отправителя в фазе кодирования такой сильный структурирующий и воздействующий эффект. Для многих языковых утверждений легко ответить на вопросы типа: "Правда ли это?", "Правильно ли это?", "Соответствует ли это действительности?" и т. п. Если вернуться к примеру с бутылкой, то достаточно легко выявить, соответствует ли факту утверждение: "Бутылка наполовину полная (наполовину пустая)". Если ответ утвердительный, то можно быть уверенным, что такие утверждения как "Бутылка пустая" или "Бутылка полная" *не* соответствуют действительности. В случае других утверждений ответить на вопросы такого типа в принципе иногда возможно, хотя практически сделать это нельзя. Возьмем, например, такое утверждение: "В Сахаре 7753538421 песчинка".

Однако для очень многих утверждений, которые окружают нас и создают основу нашего понимания и постижения действительности, невозможно ответить на вопросы так, как это было сделано выше. Например, какое из следующих утверждений соответствует фактам: (1) "Дэвид взял печенье", (2) "Дэвид стибрил печенье", (3) "Дэвид украл печенье"? Эти утверждения могут быть лишь частично верифицированы как истинные или ложные относительно "критерия реальности". Можно проверить, был ли тот, кто "взял/стибрил/украл" печенье, Дэвид, Джон или кто-либо еще, если вообще правда, что какое-то печенье пропало. Но не существует такого критерия, который позволил бы проверить, было ли печенье "взято", "стибрено" или "украдено". Тем не менее для Дэвида и его матери *небезразлично*, какое из этих выражений выбрано. Так же обстоит дело с большей частью утверждений, появляющихся в печати, звучащих по радио и т. п.

2. Сложность отдельной вербальной единицы

Помимо того, что отправитель всегда *должен* выбирать среди множества возможных средств выражения, язык и сам по себе является сложным инструментом, на котором играет тот, кто им пользуется. Поясним это на примере слова. Румметвейт* как в своем теоретическом подходе, так и в практических исследованиях показал, что при обработке слова проявляются по крайней мере три разных процесса, или компонента, внутреннего состояния. Во-первых, один компонент - референциальная функция, во-вторых, выделяется ассоциативный компонент, и в-третьих, каждое слово имеет эмотивный аспект¹³.

Поясним это на примерах. Референциальную функцию легче всего продемонстрировать через омонимию, т. е. языковую форму (последовательность букв или звуков), которая может соответствовать двум совершенно разным значениям. Возьмем слово ball, которое может иметь два абсолютно разных референта: "то, по чему ударяют" и "то, где танцуют".

Ассоциативный компонент хорошо иллюстрируется словами типа cottage 'коттедж'. У многих из нас это слово рождает в воображении картины гор, снега, катания на лыжах, камина и т. п. Все это не имеет никакого отношения к интерпретации слова cottage в узком смысле, но представляет ассоциативную сеть, которая активизируется этим словом.

Мы также знаем, что слово может возбуждать чувства или эмоции. Приведенные выше ассоциации, активизированные словом cottage, носят главным образом положительный характер. Однако эмотивный компонент виден более или менее отчетливо, если взять два или более слов, относящихся к одному и тому же объекту, но активизирующих совершенно разные эмоции. Типичный пример такого рода - использование слов black 'чернокожий', negro 'негр', colored 'цветной' и nigger 'черномазый', которые все означают 'человек с темным цветом кожи', но активизируют совершенно разные чувства и выдают совершенно разное отношение к описываемому лицу (лицам) со стороны говорящего.

Когда мы слышим или понимаем некоторое слово, мы, по-видимому, не осознаем все эти отдельные факторы. В обычных условиях три составляющих процесса имеют место одновременно и оказывают взаимное влияние друг на друга, создавая тем самым единый образ, который возникает у получателя. Но даже если вербальная единица обычно воспринимается как целое, тем не менее важно понимать, что слово - это сложный инструмент, состоящий из отдельных компонентов, потому что пользующийся языком может использовать или выделить разные компоненты по-разному. Для иллюстрации того, как пользующийся языком может более или менее систематически эксплуатировать эти разные компоненты языка, можно взять слово *демократия*. Как и большинство полнозначных слов, слово *демократия* активизирует все три упомянутых выше частных процесса. Однако пользующийся языком может эксплуатировать эти процессы по-разному, как демонстрируют следующие описания (преувеличенные настолько это возможно). Часто бывает трудно определить, что в действительности значит слово *демократия* или к чему оно относится. Однако в обсуждениях ученых-социологов будет выделен референциальный компонент. В такого рода обсуждениях эмотивный и ассоциативный компоненты останутся (или по крайней мере должны оставаться) на заднем плане. Напротив, похоже, что в речи по случаю Дня независимости будет присутствовать почти исключительно эмотивный компонент, в особенности положительные эмоции. Мысль о том, действительно ли *демократия* предполагает среди прочего "справедливое распределение всей собственности", не будет явно звучать в речи по случаю Дня независимости. Точно так же в стихотворении поэт, например, может опираться почти исключительно на ассоциативный компонент (ср. приведенные выше ассоциации для слова cottage).

Здесь следует подчеркнуть, что каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком. Таким образом, восприятие и понимание, рождающиеся у получателя, зависят от того, как пользуется этим тонким инструментом отправитель. В действительности именно эта игра с различными компонентами слова и происходящими с ним процессами всегда эксплуатировалась в риторике, политической демагогии, а также в поэзии. Язык рекламы - это пример того, как референциальный компонент растворяется и уходит на задний план, а эмотивные компоненты, в особенности позитивные эмоции, активно эксплуатируются*. Однако, осознаем мы это или нет, в наших обыденных разговорах мы используем те же самые механизмы.

Если столь многофакторны и сложны слова, то фразы и предложения очевидно еще более сложны и многофакторны. Предложения не разворачиваются как последовательность слов (слово+слово+слово и т. п.). Предложения и фразы в свою очередь являются продуктом тонкого взаимодействия между различными составляющими. Миллер* хорошо выразил это, сказав, что "слова в предложении взаимодействуют между собой". Чтобы продемонстрировать, что значение предложений не может создаваться по модели "слово+слово+слово", можно сравнить пары предложений: Peter beat John at chess 'Питер выиграл у Джона в шахматы' и Peter beat John with a stick 'Питер ударил Джона палкой' и At last, spring came to Paris 'Наконец-то в Париж пришла весна' и At last the spring came from the manufacturer 'Наконец от изготовителя получена рессора'¹⁴.

3. Язык как "открытая" и порождающая система

Третье свойство, лежащее в основе "использования языка, предполагающего осуществление власти", заключается в том, что язык представляет собой "открытую" и порождающую систему. Под этим мы имеем в виду, что, например, с помощью словаря английского языка можно производить бесконечное число предложений и постоянно создавать новые предложения и фразы, которые никогда ранее не использовались (и все-таки оказываются понятными)*. А сами используемые слова частично меняют свое значение и содержание, поскольку употребляются в постоянно меняющихся комбинациях и контекстах. Эти изменения могут происходить во всех трех составных процессах, происходящих со словом, которые исследовались выше.

Однако самое существенное, что следует отметить в этой связи, - это то, что в качестве пользующихся языком мы постоянно создаем новые слова и выражения, и эти новые ярлыки, конечно, не являются нейтральными. Проиллюстрируем это на примере. Вплоть до сегодняшнего дня в наших городах есть те, кого мы называем сборщиками мусора или сборщиками отходов. Такие "мусорщики" уже не ходят со своими собственными тележками, ибо сейчас они работают под эгидой городских властей или санитарной службы, и в некоторых местах их официальное наименование теперь - "санитарный служащий". За такой сменой ярлыков могут стоять экономические и политические факторы, а также соображения престижа. Изменения в номенклатуре, таким образом, могут отражать конфликты интересов и изменения в сферах влияния и престижности¹⁵. Реальные изменения в городской системе уборки мусора и в характере выполняемой человеком работы сами по себе, по-видимому, недостаточны для введения изменений в систему языковых обозначений. В других случаях происходит не присваивание новых языковых ярлыков известным явлениям, а возникают новые явления, требуя при этом наименования. Таким путем появляются выражения типа "региональное развитие". Несмотря ни на что, жителям отдаленных районов Норвегии и Европы в целом ясно, что в данном случае изобретатели этого выражения (т. е. политики) в максимальной степени опирались на эмотивные и ассоциативные свойства слова и в значительно меньшей - на то, соответствует ли данное выражение "политической реальности"; ярлыки типа "региональное уменьшение численности населения" или "региональная заброшенность" были бы гораздо более адекватными для описания реальной политики в современной Европе¹⁶.

4. Собственно система языка как отражение выражения существующих отношений власти

Три основополагающих свойства языка и коммуникации, рассмотренные к настоящему моменту, сходны между собой в том, что вынуждают каждого пользующегося языком осуществлять структурирование, воздействие, принятие точки зрения и т. п. через его собственное использование языка. Четвертое основополагающее свойство, которое мы рассмотрим, отличается от них тем, что оно проявляется через индивидуального пользующегося языком иначе. Сам язык как система представляет собой только один из всех возможных способов концептуализации, только один способ осознания и понимания действительности. Как мы увидим, "собственно язык" более или менее явно отражает структуру социально-политической власти в данном обществе и неизбежно принимает некоторую точку зрения, т. е. принимает чью-либо сторону.

Проиллюстрировать это лучше примерами, чем долгим теоретизированием. В нашем западном обществе большинство людей работают по найму. Но как мы называем тех, на кого они работают? Языковой ярлык может многое сказать о том, как мы воспринимаем и понимаем эту роль, или точнее, какой интерпретации этой роли ждут от нас те, кто обладает властью управлять присвоением наименований (и тем самым нашим пониманием). Работающему по найму противопоставляется *работодатель*, т. е. тот, кто дает людям работу или службу. Данный конкретный термин подчеркивает некоторые аспекты этой роли, в то время как остальные аспекты оставлена заднем плане. *Покупающий труд* или *наниматель* в конце концов были бы столь же адекватными наименованиями¹⁷. Однако эти ярлыки сосредоточивали бы внимание на совершенно других аспектах данной роли. Образ "жестокоего эксплуататора, покупающего труд рабочих по максимально низкой цене" производил бы более сильное впечатление, чем образ "милосердного

предпринимателя, дающего людям средства к существованию". Все дело в том, что, создавая ярлык, наш язык занимает определенную позицию, принимает точку зрения, и избежать этого никак нельзя. Невозможно найти нейтральные выражения, которые полностью охватывают весь наш опыт. Языковой ярлык типа police 'полиция' явно не нейтрален. Появились альтернативные термины, которые это иллюстрируют, например, cops 'фараоны'. Позвольте отметить в этой связи, что словарь синонимов должен (имплицитно или эксплицитно) выбрать некоторую позицию относительно того, какого рода понимание должен представлять наш язык. Словарь стандартного английского языка¹⁸ не включает слово cops в качестве возможного синонима для слова police. С другой стороны, в качестве синонимов даются такие выражения, как civil administration 'гражданская администрация', public order 'блюдители общественного порядка', Civil force responsible for maintaining public order 'гражданские силы, ответственные за поддержание общественного порядка', police officer 'полицейский служащий' и т. п. Словари, как и язык в целом, не избавлены от предубежденности. Они содержат определенную точку зрения и представляют определенное понимание.

Простейший способ получить представление о социальной власти и воздействии, которые осуществляются языковой системой, - это исследовать ту область, где отношение власти представлено в сравнительно явном виде. Пример такого рода - разделение на мужские и женские роли в нашем обществе с характерным для него мужским доминированием. Весьма обстоятельное исследование на материале норвежского языка продемонстрировало, каким образом язык с помощью разных способов (а) передает и (б) сохраняет существующую ролевую модель вплоть до того, что язык, можно сказать, (в) сопротивляется изменениям. Кроме того, было показано, (г) каким образом мальчики и девочки как прямо, так и косвенно усваивают свои традиционные роли в процессе изучения и понимания родного языка*.

Если принять это во внимание, неудивительно, что именно в моменты кризисов и резких перемен мы замечаем, как язык осуществляет свою власть над нами. В работе Энценсбергера "В поисках потерянного языка"* показано, как крушение в 1945 г. германского рейха привело к катастрофе и в языке. А Хинтон замечает: "Каждая революция создает новые слова. Китайская революция создала целый новый словарь*". Два последних примера должны проиллюстрировать тесную взаимосвязь между языком и его использованием, с одной стороны, и социальной властью и ее осуществлением, с другой.

Причина того, что каждый язык действительно обязан выбрать способ обозначения всего на свете, заключается в том, что отношение между языковым обозначением и обозначаемым явлением условно (единично). В солнце нет ничего такого, что само по себе заставляло бы называть его "солнцем". Точно так же, как нет Ничего особенного в луне, что заставляло бы называть ее "луной". Языковые ярлыки, которые были даны небесным телам, - только выражение *социальных конвенций* или *контрактов по использованию языка*. Мы могли бы с тем же успехом назвать луну "солнцем" и наоборот.

Мы увидим последствия этого более отчетливо, рассмотрев некоторые примеры, демонстрирующие, что знаки могут вступать в закономерные отношения с тем, к чему они относятся. Что касается дорожных знаков, то они по аналогии схематически изображают то, ради чего установлены (опасный поворот, неровную дорогу и т. п.). В языке детей овца часто обозначается как бе-е, собака - как гав-гав, кошка - как мяу-мяу и т. п. В этих случаях очевидно, что в самих обозначаемых предметах есть нечто, что определяет данное обозначение, а не какое-либо другое.

В нашем языковом коде мы могли бы с легкостью назвать собаку "кошкой" и наоборот. Однако если мы принимаем такую систему, как описанный выше язык детей, кошку нельзя будет называть гав-гав, а собаку - мяу-мяу.

Тип отношений, существующий в обычном языковом коде между языковыми обозначениями и тем, к чему они относятся, дает нам возможность выбирать, какое обозначение мы свяжем с конкретным явлением, пока действует наше соглашение. Поскольку, как было показано, языковое обозначение может иметь существенное значение для нашего понимания обозначаемого явления, заставить принять свои обозначения - это весьма важный акт социальной власти. Интересно было бы исследовать, действительно ли любой человек и любая общественная группа в условиях демократии в рамках действующего

социального контракта на использование языка имеет равные возможности для принятия своих предложений по языковым обозначениям¹⁹.

Осуществление власти в акте коммуникации.

1. Разновидности инструментов власти, имеющих в распоряжении отправителя

Последующий более детальный анализ и примеры некоторых "инструментов власти", которыми располагает отправитель, должны послужить надежным доказательством важности высказанных выше более общих теоретических положений. Более того, как мы надеемся, последующий более "эмпирический" анализ продемонстрирует необходимость изучения языка в социальном контексте (рамке). Следующий перечень "инструментов власти" не претендует на полноту и должен быть дополнен в ходе дальнейшего как теоретического, так и эмпирического анализа. Будут рассмотрены следующие шесть "инструментов власти", имеющиеся в распоряжении отправителя: (1) выбор слов и выражений; (2) создание (новых) слов и выражений; (3) выбор грамматической формы; (4) выбор последовательности; (5) использование суперсегментных признаков; (6) выбор имплицитных или подразумеваемых предпосылок.

1.1. Выбор слов и выражений. Причина того, что выбор слова или фразы (выражения) представляет средство или инструмент власти, состоит в том, что одно и то же явление может быть выражено несколькими синонимическими способами. Как писал Выготский^{*}: "Может быть так, что имеется одно значение и разные референты или разные значения и один референт". Как известно, найти точные синонимы почти невозможно^{*}, и именно здесь, в подчас очень тонких различиях между так называемыми синонимическими выражениями, заключен один из наиболее важных инструментов отправителя. Как говорит пословица: "У любимого ребенка много имен". Мы увидим, что отправитель передает различное отношение к "любимому ребенку" и подчеркивает его различные аспекты и характеристики в зависимости от того, какое выбрано имя.

Возьмем пример Гуссерля с "равносторонними" и "равноугольными" треугольниками. Треугольник "равносторонний" является также "равноугольным" и наоборот. Тем не менее получатель, по-видимому, прореагирует по-разному, в зависимости от того, что его попросили определить: является ли треугольник "равносторонним" или "равноугольным"^{*}. Согласно Выготскому^{*}, в русском языке имеется два слова для обозначения луны: *луна* (небесное тело) и *месяц* (мера времени). Как мы видим, каждое из этих наименований выделяет совершенно разные характеристики луны. В самом деле за этимологически разными именами стоят, во-видимому, разные мыслительные процессы.

Производя выбор между "синонимическими" выражениями, можно выразить свое отношение к референту (т. е. выдвигаются прагматические аспекты языка^{*}). Когда американец делает выбор между словами *black*, *negro*, *colored* и *nigger*, он одновременно выражает свое отношение. Разное отношение скрывается за выражениями *poor box* 'кружка для милостыни' и *social welfare* 'общественная благотворительность'. Предложения "Бутылка наполовину пустая" и "Бутылка наполовину полная" синонимичны с точки зрения экстенционала. Тем не менее есть основания считать, что они по-разному воздействуют на настроение веселой компании. Возможно, выражение в данном случае говорит кое-что и о самом отправителе; он, таким образом, создает впечатление, которое получают другие. Тот, кто говорит о "полуполной" бутылке, по-видимому, большой оптимист.

Рассмотрим два предложения из современной политической литературы: (1) *The demonstrators were arrested by the police* 'Демонстранты были арестованы полицией' и (2) *The demonstrators were arrested by the cops.* 'Демонстранты были арестованы фараонами'. Слова "полиция" и "фараоны" относятся к одним и тем же людям (во всяком случае, экстенционально, "в физическом смысле"). Тем не менее из-за этих двух слов два выражения будут соотноситься с действительностью и пониматься в рамках *двух принципиально разных идеологических концепций*. Частично это можно объяснить тем, что эти два слова активизируют принципиально разные ассоциативные семантические сети^{*}. В идеологической и политической литературе

выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той "действительности", о которой идет речь 20.

Социологи, например, Обер*^{*}, изучали, каким образом отношения "господства - подчинения" внутри социальной системы позволяют называть одного и того же человека "преступником" или "алкоголиком" либо "заключенным" или "больным" в зависимости от "взглядов или опыта того, кто дает оценку". Ясно, что это ведет к совершенно различным последствиям для человека, о котором идет речь*^{*}.

Здесь, возникает искушение привести норвежскую поговорку: "Имя никому не вредит" ("Хоть горшком назови, только в печку не ставь"). Эта поговорка, как кажется, предполагает "пассивное отношение" между обозначением и людьми или объектами, к которым оно относится. То, что, давая свои обозначения, пользующийся языком воздействуют на создание новых слов. И использование имен, кажется очевидным. Такие имена, как *Ларри-легкая рука* или *Малютка Джон*, дают предварительное представление о носителе имени. Выготский*^{*} указывает, что одного и того же человека можно назвать *победителем при Иене* и *побежденным при Ватерлоо*. Эти два обозначения создают разное представление о военном деятеле. Косвенное различие есть и тогда, когда говорят о "полиции" или "фараонах". Это показывает, как слова или имена воздействуют на то, к чему относится имя. При употреблении слова или понятия, которое обычно используется в связи с человеком, предмет может приобретать статус человека и наоборот (ср. например, использование языка в волшебных сказках). "Луна" перемещается из статуса предмета и приобретает в большей степени статус человека при переходе от (1) к (3): (1) *Луна отражает солнечный свет*; (2) *Ярко светит луна*; (3) *Луна улыбается*. Ряд исследователей*^{*} предполагает, что "отчуждение" среди прочего вызывается еще и тем, что по отношению к людям употребляются слова, которые первоначально употреблялись в связи с предметами. Здесь уместно вспомнить четкое разграничение между *it* и *thou* у Бубера*^{*}.

Развлекательная игра, предложенная Б. Расселом на Би-Би-Си, иллюстрирует некоторые рассмотренные только что аспекты проблемы выбора слов. Кроме того, становится еще понятнее, каким образом на выбор слов и выражений воздействует социальный контекст (то, с кем мы говорим; то, о ком мы говорим и т. п.). Эта развлекательная игра называется "эмоциональная парадигма" в соответствии со следующей моделью: "Я придерживаюсь принципов - Ты настаиваешь - Он упорствует". В данном случае выбор слов отражает "социальную игру", в которой мы все, без сомнения, узнаем самих себя.

Это возвращает нас к индивидуальному акту коммуникации, в котором выбор слов - "удачный или неудачный" - может определять развитие коммуникации. Проиллюстрируем это на следующем примере. Два человека с энтузиазмом обсуждают фотографию и принадлежности для фотодела. В раздражении от того, что некая фирма по соображениям патентной политики не может использовать какое-то специальное техническое приспособление, один из них (фактически мимоходом) замечает, что патентная система служит капиталистам, а не потребителям. Некто, находившийся рядом и не принимавший участия в разговоре, вдруг присоединяется к нему и спрашивает, уж не стал ли тот, кто это сказал, радикалом антикапиталистического толка. Разговор тем самым превращается в политическую дискуссию. Если бы говорящий сказал, что патентная система служит "изобретателям" или, например, "предприятиям", а не употребил слово "капиталист", менее вероятно, чтобы разговор развивался в указанном направлении. В данном случае внутри реального акта коммуникации видно: (1) выбор слов и выражений является продуктом социального контекста; (2) этот выбор в свою очередь обуславливает и структурирует социальный контекст. Трудно найти более явное противопоставление психологической и социальной составляющей в рамках межличностной коммуникации.

1.2. Создание новых слов и выражений. Существует две основные причины "изготовления" новых имен, слов и выражений. Во-первых, неожиданно возникают новые явления, нуждающиеся в именах. То, как принимаются новинки, не в последнюю очередь зависит от успешности процесса "крещения". Во-вторых, могут иметься причины для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имен могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т. п.

Создание слов и выражений, быть может, еще яснее, чем выбор слов, иллюстрирует, как язык вступает на путь структурирования*. Политическое течение в Норвегии и во всей Европе, свидетелями которого мы в настоящее время являемся, с таким же успехом могло быть названо "региональной заброшенностью" или "местным уменьшением численности населения", а не позитивно нагруженным новоиспеченным "региональным развитием".

Тенденция создавать слова с положительной окраской особенно характерна для использования языка в сферах рекламы и идеологии. С помощью положительно нагруженных слов в сочетании с вуалирующими свойствами языка политик может в одной и той же речи выступать за интенсивное развитие энергетики (или, скажем, развитие дорог) и за экологические мероприятия, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому.

То, каким образом принимается явление, может зависеть, как отмечалось выше, от того, каким образом принимается имя. Один из аргументов, выдвигавшихся в Норвегии против экологических мероприятий, состоял в том, что это слишком дорого. Приводились ли бы те же аргументы, если бы то же самое явление сразу получило название *nienneskeven* 'защита людей', а не *naturvern* 'защита природы'? Здесь уместно заменить, что слово *naturvern* 'защита природы' в настоящее время вытесняется. Теперь говорят *miljøvern* 'защита окружающей среды'.

Маркузе утверждает, что те, в чьих руках находится власть в обществе, используют язык для того, чтобы установить и скрыть "реальную ситуацию". Однако он также указывает, каким образом тот, кто хочет представить и лицом виде существующую систему, может использовать язык для "перенаименования" существующих инструментов. Можно, например, назвать президента X и губернатора Y, "поросенок X" и "поросенок Y", а их речи обозначить как "хрю-хрю"*.

Тот, кто желает реформы общества, располагает эффективным средством в виде реформы языка. Однако здесь возникает трудная проблема равновесия. С одной стороны, если принимать существующее использование языка, "попадаешь в ловушку" и получаешь в придачу существующую социальную систему. С другой стороны, создание слишком большого числа новых слов и понятий препятствует коммуникации и затрудняет соблюдение социального контракта. Целый ряд философских, политических, а также религиозных движений в результате эзотерического использования языка превратились в небольшие изолированные секты.

К созданию новых слов примыкает неправильное использование слов и использование "пустых слов". Эти явления также находят наиболее яркое выражение в рекламе и политике: ... *единственное моющее средство с подсинивающим действием!*, ... *единственное мыло, содержащее бактерицидное вещество X!* Маркузе* приводит примеры некоторых новых комбинаций слов, которые, если вдуматься в них более внимательно, кажутся совершенно бессмысленными. Например, имелись рекламы "роскошных бомбоубежищ", т. е. бомбоубежищ с телевизором и коврами на полу. Неологизм "роскошное бомбоубежище" лишает стоящий за словом "бомбоубежище" образ чудовищности и ужаса войны. Другой пример-фраза "безвредные радиоактивные осадки", употребляемая в связи с испытаниями атомных бомб. Это всего лишь крайние примеры сравнительно обычного лингвистического инструмента, а именно, использования языка для достижения эффекта удаленности от пугающих явлений, таких, как "радиоактивные осадки" и "бомбоубежище".

На упаковке одного норвежского моющего средства сказано, что "X уничтожает до 99% всех бактерий". Этот тип рекламного объявления является блестящим примером созидательной способности языка. Во-первых, использование "до" будет иметь очень небольшое значение в сочетании с последующим числом 99% (в отличие от "до 100%"). Было бы интересно посмотреть, сколько испытуемых забудет про "до" в тесте на воспроизведение. Далее, посмотрим, каково истинностное значение данного предложения. Утверждение "истинно", если данное моющее средство уничтожает более 0% (а это делает и обычная вода), но менее 99% всех бактерий. Тем не менее, данное предложение производит впечатление, что X необычайно эффективно²¹.

1.3. Выбор грамматической формы. Вовсе не безразлично, скажет ли спортивный комментатор: (1) Ben Jipcho beat Jim Ruyan 'Вен Джипко победил Джима Райана' или (2) Jim Ruyan was beaten by Ben Jipcho 'Джим Райан был побежден Беном Джипко'. По-видимому, репортер из Кении радостно выберет вариант (1), тогда как американский репортер с унынием проинформирует своих слушателей с помощью варианта (2).

Структурирующий эффект грамматической формы становится еще более явным при сравнении (1) и (2): (1) The police took in the demonstrators 'Полиция захватила демонстрантов' и (2) The demonstrators were taken in by the police 'Демонстранты были захвачены полицией'. Здесь грамматические формы в скрытом виде, но весьма искусно прямо указывают на разные контексты. В примере (1) полиция действует более или менее активно (полиция совершила акцию, полиция вела наступление). В примере (2), напротив, кажется, имеется в виду, что демонстранты вели себя таким образом, что полиция была вынуждена предпринять действия (демонстранты действовали, демонстранты вели себя вызывающе). То, что в отношении причинности высказаны равные точки зрения, становится еще заметнее при противопоставлении (1) и (2): (1) Police took action 'Полиция предприняла действия', (2) The police had to take action 'Полиции пришлось предпринять действия'. Как бы то ни было, в самой обычной ситуации коммуникации говорящий должен быть очень внимателен, чтобы понять, что эти два выражения реально подразумевают совершенно разные причинные отношения.

Выбор активной или пассивной формы не только оказывает неявное воздействие на восприятие причинных отношений получателем. Быть может, еще важнее то, что это изменение на самом деле приводит к переосмыслению ситуации в отношении того, кто является "главным действующим лицом", тем, о ком идет речь. Если взять случай с дракой между Джоном и Джеком, может показаться эквивалентным, будет ли сказано (1) John beat Jack 'Джон побил Джека' или (2) Jack was beaten by John 'Джек был побит Джоном'. Однако тот факт, что в действительности формы этих двух предложений заставляет нас сосредоточить внимание на двух разных людях, становится очевидным, лишь только мы, "произнеся" (1) или (2), скажем: Не... 'Он...'. После предложения (1) слово he отсылает к Джону, и получатель, возможно, ожидает услышать: "Он сильный и здорово дерется" или что-то в этом духе. С другой стороны, после предложения (2) слово he, по-видимому отсылает к Джеку, и получатель ожидает услышать нечто вроде "Он заплакал". Румметвейт* рассматривает, каким образом предложения этого типа ((1) в противоположность (2)) подразумевают, по-видимому, разные контракты относительно того, что должно стать темой последующего разговора. Поскольку изменения в грамматической форме могут фактически определить, "о ком идет речь", и указать причинные отношения, естественно не вызывает удивления и то, что выбор форм может также отражать точку зрения и интересы отправителя. Это становится нагляднее, если мы позволим присутствовать при драке матери Джона или матери Джека. Что скажет мать Джона: (1) или (2), будет прямо зависеть от ее оценки: она может считать, что Джону полезно учиться драться и защищать свои интересы, или быть настроенной против драк.

Мы довольно подробно проанализировали активную и пассивную формы предложения как пример на выбор грамматической формы. Сделано это потому, что, как мы подозреваем, многие воспринимают изменение активной формы на пассивную как "чисто формальное". Использование активной или пассивной формы представляется лишь вопросом формы, стиля, вариативности средств выражения и т. п. Проведенный анализ должен наглядно показать что "смена грамматической формы", например, актива на пассив, может иметь и еще более существенные последствия 22.

1.4. Выбор последовательности. Даже последовательность в остальном равноправных между собой элементов (например, прилагательных), в частности, при перечислении оказывает воздействие на создаваемое впечатление*. Если охарактеризовать политического деятеля с помощью ряда прилагательных, так что при внимательном изучении описание представляется нейтральным, то, изменив порядок следования характеристик, можно изменить производимое впечатление. Еще существеннее, быть может то, что порядок при перечислении влияет на запоминание*. Таким образом, отправитель может фактически успокаивать себя тем, что получателю предоставлена нейтральная характеристика, а тот запоминает разные свойства по-разному.

1.5. Суперсегментные характеристики (эмфаза, тон голоса и т. п.). С помощью эмфазы отправитель указывает помимо прочего, что, по его мнению, является важным. Высказывания (1) *He beat me* 'Он ударил меня', (2) *He beat me* 'Он *ударил* меня' и (3) *He beat me* 'Он ударил *меня*'²³ передают сообщение об одном и том же событии, которые в некотором аспекте существенно отличаются друг от друга. Это станет совершенно очевидным, если представить ситуацию, когда ученик говорит учителю: *He struck me* "Он ударил меня". В случае (1) существенным моментом представляется, что именно он, "этот хулиган", и есть тот, кто нанес удар. В (2) ситуация в целом такая: "Смотрите, сэр, он меня ударил. хотя Вы запретили драться". А в (3) основное - то, что "вред нанесен мне"^{*}.

Эмфаза также указывает и определяет новую информацию. Это явствует из того факта, что фраза "Он меня ударил" в действительности может быть ответом на 3 совершенно разных вопроса, и эмфаза становится в этом случае важным сигналом^{*}. Вот примеры:

- (1) *Who was it that struck you? He struck me* 'Кто же тебя ударил? Он меня ударил';
- (2) *What has he done to you? He struck me* 'Что он тебе сделал? Он меня ударил';
- (3) *Who was it that he struck? He struck me* 'Кого это он ударил? Он ударил меня'.

Тон голоса может определять предназначение предложения: является ли оно вопросом, объяснением, возражением, согласием и т. п. Эмфаза и тон могут оказаться очень важными для структурирования, так как, например, сделать заявление в суде о том, что вы сказали то-то и то-то, можно единственным способом: лишь повторив ваши слова (их содержание). Тон при этом потерян навсегда, но он сделал свое дело. Возьмем, например, впечатление, которое складывается о больном, когда фраза "Опять он заболел" говорится с симпатией или с иронией.

1.6. Выбор скрытых или подразумеваемых предпосылок. До настоящего момента мы сосредоточивали свое внимание на чисто лингвистических инструментах. Но провести разграничение на лингвистическое и нелингвистическое, на то, что сказано, и то, что осталось несказанным в акте коммуникации, исключительно сложно. Часто (или даже всегда?) то, что сказано, может быть понято лишь тогда, когда известны скрытые и подразумеваемые предпосылки²⁴. Это проявляется, когда мы становимся случайными свидетелями разговора в поезде или в автобусе и понимаем каждое отдельное слово, но тем не менее на самом деле совершенно не понимаем содержание разговора.

Мы редко осознаем скрытые предпосылки, так как - обычно их разделяют все, кто принимает участие в коммуникации. Должно произойти нечто необычное - неправильное понимание, встреча с человеком совершенно иных взглядов - чтобы обнаружилось то, что обычно принимается как должное.

В ситуации интервью, например, тот, кто берет интервью, задает исходные предпосылки через свои вопросы и предлагаемые формулировки. Обычно интервьюируемый попадает в ловушку и старается отвечать в соответствии с предпосылками, подразумеваемыми интервьюирующим. Однако изредка мы обнаруживаем, что интервьюируемый вступает в "борьбу по поводу исходных положений". С помощью подразумеваемых предпосылок можно сказать многое, "не говоря этого". В статье о "Скандинавском телевидении"²⁵ говорилось: "В основе этого лежит тот неоспоримый факт, что прогресс требует..." Не говоря этого прямо, автор ухитряется сказать тем из нас, кто, будучи "наивным", мог бы думать по-другому, что нельзя ни остановить прогресс, ни управлять им.

В так называемых "Последних известиях" по радио и телевидению мы сталкиваемся со скрытыми, но активно структурирующими предпосылками при интерпретации, понимании и передаче контекстов. Последнее, но не менее важное: сама языковая система через присущее ей специфическое отражение социальной действительности создает базу для выбора, который может осуществить отдельный человек, пользующийся языком, но в то же время накладывает на этот выбор определенные ограничения.

Если попытаться хотя бы предварительно указать, что есть общего между различными лингвистическими механизмами, которые имеются в распоряжении отправителя для создания или структурирования сообщения, можно сказать, что большинство механизмов эксплуатируют различные контекстные эффекты^{*}. Формулируя это в виде парадокса, можно сказать, что *мы выбираем слова и,*

выражения, которые создают или порождают тот контекст, в котором мы хотели бы видеть свои высказывания.

2. ОТПРАВИТЕЛЬ В РАЗНЫХ ПОЗИЦИЯХ (ВЛАСТИ)

Мы только что рассмотрели разные механизмы (инструменты власти, если угодно), которые имеет в своем распоряжении отправитель. В качестве дополнения полезно посмотреть, как могут использовать эти инструменты разные отправители (в разных позициях власти)²⁶. Мы увидим, что разные инструменты могут использоваться с разной эффективностью, сравнив, с одной стороны, (а) как удастся отправителю в обычном разговоре структурировать универсум для получателя и, с другой стороны, (б) как одно поколение (отправитель) структурирует универсум для последующего поколения (получателя) посредством языка.

Средства массовой коммуникации, пресса, радио, телевидение, реклама и т. п. представляют собой промежуточную ситуацию. Использует ли радио и телевидение слово *police* 'полиция' или *class-fuzz* 'легавые', сообщает ли "об американском участии" или "американской агрессии" во Вьетнаме и т. п., - все это оказывает большое влияние на то, какую картину мира мы создаем. Когда возникают новые явления, большое значение приобретает то, какие ярлыки выбираются средствами массовой коммуникации. Еще важнее те скрытые предпосылки, которые лежат в основе сообщений, создаваемых средствами массовой коммуникации. Все перечисленные механизмы и инструменты власти в высшей степени важны и в ситуации повседневного разговора, но так как отправитель находится на гораздо более низкой ступени власти, их воздействие столь незначительно.

Однако взаимодействие между лингвистическими инструментами власти и позицией власти является более сложным. Возможно, все отправители располагают одинаковыми механизмами власти, но характеризуются неодинаковой позицией власти. (1) Прежде всего люди с разными позициями власти имеют разные возможности по овладению более продвинутыми лингвистическими механизмами. (2) Тот, кто имеет наибольшую власть (положение), может в любой момент решить, какой лингвистический механизм наиболее полезен. Например, это отчетливо видно в различии оценок, даваемых диалектам и языкам национальных меньшинств*. (3) Тот, кто обладает властью (положением), в значительной степени определяет употребление и значение слов и выражений (инструментов власти). В США "негр" - это тот, у кого в жилах есть хотя бы небольшая примесь "негритянской крови". Аналогичное определение для белого выглядело бы так: "Белый - это тот, у кого..."*. Ясно видно, в чьих интересах поддерживать такое определение. (4) И последнее: лингвистический механизм важен в борьбе за положение власти. Это проявляется в самой обычной дискуссии. Но особенно ясно это выступает на передний план в психотерапевтических ситуациях, где лингвистические механизмы используются исключительно в борьбе за власть между врачом и пациентом*.

3. ТАК ЧТО ЖЕ СТРУКТУРИРУЕТСЯ?

Проведенные нами исследования и рассмотренные примеры, конечно, проиллюстрировали, что это такое, когда язык и использование языка осуществляют воздействие и структурирование. Однако, поскольку это было сделано несколько хаотично, ниже мы попытаемся систематизировать сказанное.

Во-первых, то самое "нечто", о котором мы говорим, в значительной степени находится под воздействием нашего использования языка и даже отчасти может создаваться или устанавливаться через паше индивидуальное употребление языка. Как должно быть ясно из приведенных выше примеров, имя или языковое обозначение могут в большей степени определять и обуславливать наше понимание того, что имеется в виду, и наше отношение к нему. Политические деятели и те, кто работают в области рекламы, по-видимому, всегда очень хорошо это знали. Они стремятся перещеголять друг друга, преподнося свои новейшие идеи и товары в оболочке положительных, звучных и, что важнее всего, привлекательных для покупателей языковых ярлыков.

Наша социальная действительность в существенной степени структурируется и определяется языком. Тот факт, что в английском языке отсутствуют многие выражения типа *masculinist* 'маскулинист',

charman 'поденщик', houseman 'домашний хозяин', однако имеются feminist 'феминист (ка)', charwoman 'поденщица', housewoman 'домохозяйка', безусловно, убедительно демонстрирует, какого рода действительность мы можем представлять, понимать и передавать посредством английского языка²⁷. Общее представление об окружающей нас действительности не будет независимо от того, какими выражениями воспользуются радио и телевидение: "Вьетконг" или "Народная Освободительная Армия", "американская агрессия во Вьетнаме" или "американское участие в делах Вьетнама", "полиция" или "фараоны" и т. п.

Кроме того, через наше использование языка мы создаем и демонстрируем свой собственный портрет. Если вернуться к самому -первому примеру, то есть все основания считать что говорящий "Бутылка наполовину пустая" производит впечатление большего пессимиста, чем тот, кто говорит: "Бутылка наполовину полная". Через свое использование языка мы выражаем наше отношение и чувства к тому, о чем мы говорим, а это, в свою очередь, отражаясь, говорит нечто о нас самих. Два корреспондента во Вьетнаме не только структурируют и сообщают свои впечатления из Вьетнама, но выбирая, например, выражения "Вьетконг" или "Народная Освободительная Армия", передают свое личное отношение. Сходным образом наше использование языка обозначает и отражает наше представление о тех, к кому мы обращаемся, и наше отношение к ним.

В-третьих, использование языка может воздействовать или 'влиять' на эмоциональную атмосферу в обществе, которая создается между участниками акта коммуникации, или, быть может, определять отсутствие такой атмосферы. Способность языка уста-навливать социальные связи, так же, как и заложенные в нем возможности возводить преграды между людьми, легко проиллюстрировать на примерах. Представим, например, двух людей, которые говорят друг с другом на диалекте или на некотором техническом или профессиональном жаргоне, который посторонние не понимают и тем самым чувствуют себя отстраненными. Типичный 'пример этого можно найти в среде молодежи, где целые культур-ные общности закрепляются и идентифицируются посредством своего собственного сленга, который таким образом подчеркивает тесное внутреннее единство в группе, исключая в то же время не-членов группы. Через выбор языка и использование разной степени формальности в обращении можно регулировать наши межличностные отношения и нашу принадлежность к группе. В большинстве языков имеются, например, разные формы обращения, которые четко предписывают или предполагают разные реакции, например, местоимения Vous 'вы' и tu 'ты' (ср. проведенное Р. Брауном обстоятельное исследование социальных последствий употребления разных систем обращения:^{*}). Использование ругательств, грубых или вульгарных выражений также является тонким лингвистическим средством для создания близости и контакта в противоположность отчужденности.

4. ОГРАНИЧЕНИЯ ОТПРАВИТЕЛЯ НА "СВОБОДУ СТРУКТУРИРОВАНИЯ"

Настоящий анализ механизмов лингвистической власти отправителя не может завершиться без упоминания фактов, ограничивающих его "власть". Во-первых, это сама действительность, то, о чем идет речь. Отправитель связан тем, что он должен пытаться передать свои впечатления и мысли о действительности (в противном случае его заклеят за отсутствие контакта с действительностью). Однако наше восприятие активно. И наш контакт с "действительностью" большей частью социально опосредован, иными словами, в значительной степени опосредован через язык. Таким образом, эти ограничения, "накладываемые реальностью", трудно очертить. Художники^{*} часто перемещают эти границы, так что не всегда "известно, что есть действительность". Введенное Кожибским^{*} разграничение на "карту" и "территорию" представляет собой попытку решения проблем такого рода.

В дискуссиях о том, что есть "истина", мы сталкиваемся с одной из таких проблем. Легко установить, что утверждение "Осло - столица Англии" - не истинно. Однако гораздо труднее решить "истинно" или "ложно" каждое из следующих утверждений: (1) "Газета X является умеренной", (2) "Газета X является консервативной", (3) "Газета X является реакционной". Взаимоотношения между понятиями "истина-ложь" оказываются сложными еще в одном аспекте^{*}. Высказывания The old man is poor и The man is old and poor либо оба истинны, либо оба ложны. Тем не менее они передают разные утверждения.

Во-вторых, ограничения на отправителя накладывает сам язык, язык как система. При всем желании трудно, используя норвежский язык, сообщить о некоторых понятиях или охарактеризовать общество абсолютно одинаково с точки зрения мужского и женского пола, потому что наряду с прочими факторами, слова для мужчин и женщин имеют столь разный статус. И, как было указано, своим способом концептуализации действительности каждый язык Представляет определенную точку зрения*.

В-третьих, определенные ограничения накладывает отправитель, и в особенности, представление получателя об отправителе и его отношении к отправителю. В частности, важно, насколько получатель доверяет отправителю (доверие). Однако, это в любом случае гораздо более сложная проблема, чем просто вопрос доверия или веры, поскольку, как указывает Аш*, отправитель фактически является "частью сообщения". Тем самым такое высказывание, как "небольшое восстание-вещь полезная", интерпретируется совершенно по-разному в зависимости от того, кому из политических деятелей приписывается его авторство.

В-четвертых, быть может, самое важное ограничение, накладываемое на возможности отправителя структурировать и обуславливать восприятие получателя - это собственная "свобода" получателя интерпретировать то, что он слышит, и занимать по отношению к этому определенную позицию. Когда выше анализировался базис "языка как инструмента социальной власти", специально указывалось на потенциальную свободу выбора, которая проявляется как в фазе кодирования (отправителем), так и в фазе декодирования (получателем). Свобода выбора при декодировании подразумевает, что получатель ни в коей мере не является беспомощным, попавшим в ловушку языковых механизмов власти отправителя, он не обязан также принимать предлагаемое отправителем структурирование. Поэтому давайте возьмем несколько примеров, которые привлекались для иллюстрации различных механизмов, имеющих в распоряжении отправителя, и посмотрим, каким образом получатель может в действительности отвергнуть и явные и скрытые предложения отправителя по структурированию.

Как мы помним, в своей речи при обсуждении налогов, используя язык определенным образом, президент Джонсон имел в виду, что рост налогов должен быть принят как данное, тогда как Конгрессу предлагалось обсуждать причину увеличения налогов*. Джонсон в этом случае воспользовался сравнительно тонким языковым или коммуникативным механизмом, чтобы структурировать обсуждение так, как ему это нужно. Однако, есть все основания полагать, что по крайней мере часть оппонентов из состава слушателей отказались принять его предложения по структурированию. Некоторые из получателей, возможно, не позволят поймать себя в ловушку скрытого структурирования, расставленную Джонсоном, они изменят направление и "вступят в бой по поводу предпосылок". Они, таким образом, попытаются превратить обсуждение в дискуссию за или против увеличения налогов. Тем не менее очевидно, что лингвистическое структурирование этого типа может удасться сравнительно легко, так что получатель "проглотит наживку" и примет скрытое структурирование. Во всяком случае, получатель должен быть постоянно настороже, чтобы не вступить в дискуссию по поводу предпосылок, которые вводит отправитель (ср. все рассмотренные выше лингвистические механизмы, имеющиеся в распоряжении отправителя).

Если рассматривать два репортажа о Вьетнаме, где в одном говорится о (1) "американском участии в делах Вьетнама", а в другом - о (2) "американской агрессии во Вьетнаме", то получатель располагает выбором в отношении интерпретации. Он может отнести* полученное сообщение либо к факту, иными словами, к ситуации во Вьетнаме, либо к человеку, иными словами, к корреспонденту. В первом случае предложение корреспондента по структурированию возможно будет принято и, таким образом, выбор между (1) и (2) сможет структурировать и обусловить понимание получателем происходящего во Вьетнаме. С другой стороны, во втором случае получатель будет придерживаться имеющейся у него интерпретации событий во Вьетнаме, и что бы ни употребил корреспондент: (1) или (2), это определит всего лишь представление получателя о том, каких политических взглядов, по-видимому, придерживается данный корреспондент.

Таким образом, очевидно, что мы сталкиваемся со сложным и запутанным взаимодействием между отправителем и получателем. По поводу этого взаимодействия можно сделать два замечания. Во-первых, в обыденном разговоре отправитель и получатель постоянно меняются ролями. Таким образом, они

поочередно будут иметь в своем распоряжении механизмы и инструменты власти, к которым имеют доступ и отправитель, и получатель 28. Во-вторых, отправитель должен "предвосхитить декодирование получателя"*. То есть при кодировании отправитель должен попытаться предвосхитить и определить, как именно получатель проинтерпретирует и поймет сообщение на основе своих фоновых знаний и его и точки зрения. Таким образом, получатель косвенно влияет на лингвистическое и коммуникативное структурирование отправителя. В этом чередовании или взаимодействии отправителя и получателя отчетливо видно, что существует базис для "борьбы за власть", т. е. борьбы за то, какие (чьи) предпосылки, какая (чья) точка зрения, какое (чьё) использование языка и тем самым какое (чьё) структурирование социальной действительности будут приняты в качестве основополагающих.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая статья не претендует на законченный анализ того, что можно было бы назвать "роль власти в символическом взаимодействии"²⁹. Цель статьи была двоякой: (1) выявить и в той или иной степени исследовать то, что обычно называется "прагматическими аспектами, или функциями, языка", и (2) попытаться более систематически связать эти прагматические аспекты с более общим понятием, а именно, с понятием "социальной власти". Понятие власти выбрано потому, что (а) оно является важным параметром в повседневной жизни, который в то же время (б) почти полностью оставался без внимания при изучении языка и коммуникации. Поскольку исследования по языку и коммуникации в настоящий момент, как кажется, характеризуются (а) огромным количеством подробно описанных фактов и в то же время (б) почти полным отсутствием согласованности по основным теоретическим вопросам, мы чувствуем, что не можем завершить эту статью, не сделав хотя бы краткого комментария относительно возможных последствий проведенного анализа для более общих проблем. Наши исследования по проблеме "язык как инструмент социальной власти"* убедили нас в том, что Румметвейт прав, критикуя основные направления в рамках современной психолингвистики по трем существенным пунктам*. Во-первых, он выступает против положения Хомского* о том, что изучению использования языка должно предшествовать изучение его структуры. Крайне маловероятно, чтобы все эти структурирующие факторы, участвующие в функционировании языка (фактически имеющие отношение к самой сути языка) могли бы когда бы то ни было быть обнаружены без изучения использования языка. Во-вторых, он выступает против широко распространенной точки зрения, излагающейся в явном виде в*, что задачей психологии является установление "процессов, с помощью которых компетенция, описанная лингвистами, усваивается детьми и при соблюдении множества разнообразных условий находит отражение в употреблении". И снова непохоже, чтобы социальным параметром, таким, как "власть", было отведено сколько-нибудь важное место в лингвистическом описании "компетенции". В-третьих, Румметвейт рьяно критиковал основные лингвистические и психолингвистические направления за исследование языка в вакууме, вне релевантного социального контекста. Почти полное игнорирование тех аспектов языка и его использования, которые связаны с понятием власти, оказалось возможным именно из-за пренебрежения воздействием контекста.

Кроме того, все это эмпирико-теоретические исследования "языка как инструмента социальной власти" проводились в "наивной" надежде на то, что они могли бы выполнить освободительную функцию. Например, анализ, подобный тому, который был изложен выше (ч. II), должен насторожить нас против того структурирования и воздействия, осуществляемого языковыми механизмами, которое эксплуатируется в рекламе, в средствах массовой коммуникации, а также в повседневной речи.

В.З. Демьянков. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации)*

1. Языковая интерпретация и знания

Понятие "интерпретация" лежало с самого начала в основе как общелингвистических концепций, так и логических исследований (вспомним классическую работу Аристотеля "Об истолковании"). В последние годы выработался такой взгляд на язык, который можно назвать и н т е р п р е т а ц и о н и з м

о м в широком смысле слова, или интерпретирующим подходом. Он представлен как в чисто лингвистических концепциях (в теориях формальных грамматик, в описании дискурсивной деятельности, в теории речевых актов, в социолингвистике, в историческом исследовании языка), так и в исследованиях по "искусственному интеллекту". Согласно ему, в основе владения языком лежит один и тот же интерпретирующий механизм, обслуживающий различные сферы языковой деятельности, при использовании различных видов знаний. Среди этих сфер - говорение, понимание, комментирование, редактирование, перифразирование, рассуждение, аргументация, перевод, исследование и др. Сама же интерпретация, через которую и определяются указанные сферы, представляет собой получение на основе одного, "исходного" объекта (называемого интерпретируемым) другого, отличного от него объекта, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций и знаний.

В интерпретационизме владение языком и знания рассматриваются как различные понятия: хотя специальные виды знаний (химические, физические, математические и т. п.) вовлечены в понимание речи, они тем не менее не являются объектом лингвистической теории. Так, мы понимаем предложение *Камень просвистел у Петра над головой* в том смысле, что можем дать ему примерно следующую интерпретацию: "Камень пролетел над головой Петра: камень был тяжелым в той степени, при которой предмет "издает звук", пролетая в непосредственной близости от нас, причем этот звук напоминает свист; и Петр услышал этот звук, оценив его как свист". Однако это вовсе не значит, что такое толкование есть словесное выражение семантической структуры предложения; и вовсе не обязательно среди словарных толкований глагола *свистеть* помещать такое: "*свистеть* - о предметах средней тяжести: издавать соответствующий характерный звук при полете". Если остаться в рамках интерпретационизма, то отпадет и необходимость в неограниченно дробных толкованиях языковых единиц, обрекающих составителя словаря на бесконечную работу: ведь с расширением кругозора у добросовестного лексикографа будет постоянно возникать необходимость в ревизии такого словаря, даже если оставить в стороне изменения в составе лексических единиц. Для интерпретациониста такой проблемы нет, хотя и имеется осложнение с другой стороны: строя описание языка, он попутно (но вне рамок своих прямых лингвистических обязанностей) должен составлять компендий "схем знания", совместимых с языковым описанием допускающих моделирование интерпретации высказываний на основе этих схем.

В этом отношении интерпретационизм противопоставлен тому подходу, при котором описание языка включает в себя и описание "обыденного сознания", воплощенного в "наивной картине мира": интерпретационизм сознательно отвергает противопоставление наивной и "ненаивной" (например, научной) картин мира в рамках языка, отнеся это различие к характеристикам единиц информационного запаса (представляемого указанным компендием).

Противоположен интерпретационизм и тем концепциям, в которых предполагается, что говорение и понимание - это соответственно перекодировка значений в поверхностные структуры и обратно. В интерпретирующей концепции построение высказывания представляется как "обогащение" замысла говорящего за счет информационного запаса (постоянно изменяющегося): переход от выражения к тому или иному виду интерпретации также опирается на знания интерпретатора (1). Прочитываемый и попутно интерпретируемый текст сам может поставлять данные для дальнейшего понимания - к таким текстовым приемам относятся дефиниции, выражения типа: *Обозначим А через В, см. выше* и т. п.

В данной статье речь пойдет о том знании свойств общения, владение которым позволяет носителям языка как строить и понимать высказывания, так и общаться. Рассматривая эту проблему, мы будем стремиться к тому, чтобы изложить собственные взгляды, интерпретируя и (по возможности) обобщая существующий богатый концептуальный аппарат, - здесь проявляется та общая тенденция, которая отмечена Ю. С. Степановым: "Методика есть стиль. С этим определением, применительно к научной работе, пожалуй, можно согласиться" (2). В частности, описывая конвенции, правила и стратегии общения, в настоящее время вряд ли целесообразно сводить их к одному из существующих проектов (например, к принципам П. Грайса, см. ниже). Наоборот, целесообразно проинтерпретировать различные проекты в их связи.

2. Структура аргументации

Убеждение и структура аргументации всегда были основным объектом риторики. У Аристотеля (3) различаются "технические" и "нетехнические" способы убеждения; первые - те, которые могут быть созданы говорящим с помощью определенного метода, в меру владения мастерством убеждения, вторые же опираются на использование свойств ситуации общения. В этой концепции различаются три вида способов убеждения: один зависит от характера говорящего, другой - от настроения слушающего, а третий - от свойств речи, т. е. заключен в самом процессе доказывания.

Можно выделить различные "функции", или компоненты аргументации*: а) данные (или факты), б) содержание основного защищаемого утверждения, или "заключение", в) обоснование (гарантия правильности заключения), г) обстоятельства, поддерживающие это обоснование (например, аргументы), д) оценка относительной силы аргументов, е) уступки, позволяющие доказывающему, не отказываясь от своей основной цели, как бы идти навстречу потенциально возражающей аудитории. К "данным" относятся те объекты или факты, относительно которых и делается защищаемое высказывание. Основное высказывание признается истинным, только если относительно него не имеют силы те положения об исключительных случаях, которые содержатся в уступках. Оценки силы аргументов могут подчеркивать или смягчать категоричность заключений (ср. *возможно, вероятно, разумеется, вне всякого сомнения*)

Большинство из указанных элементов интерпретации аргументирующего дискурса могут быть даны не только как высказывания, но и как презумпции (5). Известно, кроме того, что далеко не всегда используются все имеющиеся аргументы. Аргументирующие высказывания могут быть расположены по степени возрастания убедительности на "шкале аргументации" (6); так, по возрастанию аргументирующей силы составные части высказывания *Иван победил Петра на ринге и даже самого чемпиона страны* можно упорядочить следующим образом: *Иван победил Петра; Петр победил чемпиона страны* (и тогда, при некоторой стратегии убеждения, наиболее веский аргумент может быть резервирован в качестве запасного варианта, оглушающего противника). Такая шкала аргументации может рассматриваться как частный случай "прагматической шкалы" (7).

Рассматривая аргументацию как процесс представления доводов, мы сталкиваемся со следующими вопросами. Что делает высказывание уместным доводом? Благодаря чему аргументирующий дискурс интерпретируется как цепь аргументов, при той или иной допустимой степени отклонения от магистральной (объективно регистрируемой собеседниками) линии доказательства? В силу чего смена реплик оценивается как координированное взаимодействие собеседников, направленное на решение обсуждаемой проблемы и в различной степени эффективное при таком столкновении мнений? Разумеется, одни только правила логического вывода не позволяют объяснить названные явления. В связи с этим в некоторых работах* различаются: а) правила вывода, т. е. гипотетические высказывания, гарантирующие переход от данных, бесспорных для собеседников, к общему заключению; б) "поддерживающие констатации" - формулировки логических норм*, указывающие, в какой степени правило вывода в конкретном случае применимо; эти констатации определяют приемлемые сферы фактов, имеющих отношение к обсуждаемой проблеме, с одной стороны, и критерий приемлемости логического перехода - с другой; в) правила принятия решения, устанавливающие, когда от конкретного набора посылок возможен переход к заключению (в логике, например, к таким правилам относится *modus ponens*; здесь же необходимо учитывать то, что некоторые из посылок могут быть и не приняты в качестве бесспорных суждений, а тем не менее решение по ним, приемлемое для спорящих сторон, оказывается допустимым); г) организующие правила, или процедуры аргументации, устанавливающие допустимые способы постановки главного обсуждаемого вопроса (*quaestio*), а также последовательность в предъявлении тезиса, антитезиса, заключения (например, во многих обществах принято уступить место в споре старшим по возрасту).

С динамической точки зрения аргументирование - это сложный вид деятельности, в котором участвует убеждающая и убеждаемая сторона и по ходу которой решается задача развития аргумента*: то, что изначально *было* мнением одной стороны, постепенно (при удавшейся аргументации) становится "коллективным мнением". Тогда логика аргументирования - это принципы построения сети переходов между конкретными высказываниями, а прагматика аргументирования нацелена на исследование того, как

воплощается абстрактный аргументационный каркас в реальных обстоятельствах общения. Такая прагматика отражает следующие моменты: 1) обоснованность и уместность конкретного высказывания в цепи аргументов, 2) уместность самого объекта аргументации в конкретных обстоятельствах общения. Так, высказывания *Все так считают: Наукой доказано; В результате нашего эксперимента* уместны в разной степени, в зависимости от темы обсуждения, уровня квалификации и посвященности в эту область у адресатов убеждения и детальности, вытекающей из предшествующего дискурса. Сама же тема обсуждения входит во второй момент: например, водитель, нарушивший правила движения, не будет доказывать регулировщику существование жизни на Марсе (в качестве объяснения своей рассеянности и как аргумент в пользу своей невиновности).

В принципе любое общение может интерпретироваться как ситуация убеждения. Однако степень правдоподобности такой интерпретации зависит от различных предпосылок: 1) наличие спорного вопроса; 2) возможность разумного обсуждения этого вопроса в конкретных обстоятельствах (наличие убеждения, общих для спорящих сторон и имеющих отношение к предмету обсуждения); 3) возможность прийти к заключению именно в результате обсуждения: так, в споре трудно решить, сколько лексем содержит конкретный словарь, не пересчитав содержащиеся в нем единицы. От этих факторов и от информационной структуры высказывания, а также от направленности интерпретации общения зависит аргументационная значимость конкретного речевого акта, а тем самым и эффективность убеждения*.

Аргументы могут интерпретироваться как в непосредственном контексте, так и изолированно. В последнем случае, "примеряя" аргумент, убеждающая сторона может стремиться к рациональности, сначала попытавшись проверить оправданность его как с логической точки зрения, так и в плане его выигрышности. осознав для себя: 1) содержание (достаточную обоснованность высказывания, его способность противостоять потенциальным возражениям); 2) развитие аргумента (при той стратегии, когда начинают с высказываний, выражающих заведомо разделяемое мнение, а далее продвигаются к намеченному заключению, по возможности не отклоняясь от основной линии); 3) структурированность аргумента (безукоризненность логических переходов между различными частями дискурса); 4) силу аргумента (авторитетность фактического материала); 5) базисность (более страстно защищаются те суждения, на которые опирается дальнейшее развитие аргументов); 6) очевидность (менее очевидные вещи подаются в более детальном освещении, чем остальные); 7) непосредственность (сила аргумента может зависеть от того, насколько прям или опосредован переход от посылок к заключениям); 8) ясность (формулировка высказываний и связи между ними должны быть достаточно легко воспринимаемы, для того чтобы аргумент обладал силой) (12).

Идеализированный кодекс оправ "прав и обязанностей" участников "практического дискурса" (13) может выглядеть так: 1) каждый, кто в состоянии что-либо сказать в данном общении, имеет право на выступление; 2) каждый имеет право поставить под вопрос любое из появляющихся высказываний, а также выразить свои установки, пожелания и нужды; 3) никому в рамках конкретного обсуждения не разрешено ущемлять названные первые два права других (14). Однако существует невысказанный набор "фильтров", который маркирует определенные последовательности высказываний как неуместные. Важную роль при этом играют те ожидания, которые кроются за высказыванием. Так, на вопрос *В этом сезоне Спартак будет чемпионом?* ответить просто *Да* или *Нет*. Было бы неуместно: спрашивающий ожидает, что услышит аргументированное заключение, - этим нормальный вопрос отличается от вопроса оракулу. Поэтому более уместный ответ был бы, скажем: *Думаю, что нет: у них в этом году сменился тренер, получили травму несколько игроков...* Даже более того уместный ответ может состоять из одной только аргументирующей части: *У них в этом году сменился тренер...* - такой способ подачи ответа получил название "двойная энтимема"* и "modus brevis" (16).

К правилам убеждения относятся те, которые в свое время пропагандировал Д. Карнеги*. Среди них выделимы фоновые и стратегические правила. Фоновые правила - следующие: 1) проявляйте уважение к мнениям других, никогда не говорите оппоненту, что он неправ (ср. правила в е ж л и в о с т и в формулировке работы (18); 2) попытайтесь увидеть вещи глазами оппонента; 3) проявляйте симпатию по отношению к его мыслям и интересам; 4) пытайтесь изменить его мнение, старайтесь апеллировать к

благородным мотивам. К стратегическим правилам относятся следующие: 1) если в каком-то эпизоде общения вы почувствовали нелогичность собственного высказывания или его противоречие фактам (не отменяющие основного защищаемого тезиса), признайте это как можно более энергично, пока инициативу не занял оппонент; 2) начинайте спор дружелюбно; 3) избегайте того, чтобы оппонент мог сказать "нет", - стройте цепь аргументации так, чтобы он всегда был вынужден говорить "да"; 4) пусть оппонент говорит основное время (не мешайте ему высказаться - так он скорее обнаружит свое заблуждение); 5) пусть он думает в результате обсуждения, что навязываемая ему идея - его собственная; 6) если вам известен какой-то самый сильный аргумент, с которым оппонент не может не согласиться, то постарайтесь предъявить его как можно позже (или вообще постарайтесь его не называть: лучше, если оппонент сам на него натолкнется); 7) излагайте свои мысли не только наглядным образом, но и так, чтобы соответствовать настроениям собеседника; 8) если вы хотите привлечь на свою сторону человека остроумного, предоставьте ему возможность продемонстрировать свое остроумие.

Рассматривая эти правила, необходимо иметь в виду, что их автор стремился предложить скорее нечто вроде идеального кодекса социального поведения, чем констатировать реально существующие приемы убеждения.

3. Конвенции общения

Не останавливаясь на общем определении понятия "конвенция"^{*}, перечислим предложенные в литературе принципы конвенционального общения.

Принцип выразимости. Все, что может иметься в виду, можно адекватно выразить^{*}.

Принцип ясности. Когда говорящий произносит предложение, истинное только некоторую часть времени, в течение которого произносится (как в случае: *Вон что-то мелькает вдали*), то имеет место презумпция, что адресат будет оценивать истинность высказывания относительно именно соответствующего отрезка времени^{*}.

Принцип правдивости и доверия. Говорящие производят только те речевые акты, которые удовлетворяют условиям уместности (в частности, искренности^{*}) в конкретной ситуации общения; слушающие всегда предполагают такую обязанность говорящих^{*}.

Принцип неточности выражения в контексте. Когда это допускают обстоятельства, употребимы не обязательно самые точные способы выражения^{*}.

Принцип потенциальной выявимости оснований. Высказывание должно давать адресату ту путеводную нить, которая позволяет выявить, какие именно доводы говорящий предполагает в распоряжении адресата думать именно данным образом^{*}.

Принцип оптимальности. Говорящий всегда стремится минимизировать сложность поверхностной структуры своего высказывания и максимизировать тот объем информации, который может быть успешно сообщен адресату^{*}.

Договоренность о новом и старом. "Данное" (в смысле осведомленности) в высказывании должно быть оформлено как тема (в смысле актуального членения), а новое - как рема, при обязательном учете знаний и интересов адресата^{*}.

К конвенциям общения относятся восемь принципов рационального поведения Б. Фрейзера^{*}.

Принцип выполнения взятых обязательств. Если ничто не предполагает противного, следует ожидать выполнения обещаний и обязательств.

Принцип неконкретизированного времени. Время действия или события, описываемого высказыванием, может быть не уточнено: тогда ожидается, что речь идет о ближайшем по возможности (в прошлом, будущем или настоящем).

Принцип эффективности. Обычно избегают делать избыточные высказывания, однако при этом ведут себя так, как если бы сокращений в высказывании не было и ожидают аналогичного от адресата.

Принцип временной ограниченности. Если утверждение о том, что кто-то в состоянии совершить определенное действие, содержит уточнение времени (скажем, обстоятельство времени типа *сегодня, завтра, теперь*), то обычно предполагается, что эта способность не существовала или была ограничена до указываемого момента времени.

Конвенция о выражении способности. Если кто-то говорит о своей способности совершить некоторое конкретное действие, то должно ожидаться выполнение этого действия (например, на фразу *А я ведь могу и обидеться* мы реагируем как на предупреждение, что на нас обидятся, если мы сейчас же не извинимся).

Конвенция о выражении желания. Выражая желание, чтобы нечто произошло, говорящий обычно просит у адресата разрешения на это (например, *Я хотел бы закрыть окно* интерпретируется как *Позвольте закрыть окно*). Однако такая интерпретация осмысленна только в том случае, когда просить разрешения относительно конкретного действия в данном обществе уместно (ср. *Я хотел бы вздохнуть*).

Конвенция разрешения. Когда кто-то просит разрешения на какое-то действие, то следует ожидать, что он это действие совершит, коль скоро разрешение будет дано.

Конвенция о высказывании намерения. Если кто-то говорит о своем намерении сделать нечто, то следует ожидать, что он это, действительно, сделает.

Некоторые из свойств высказываний, объяснимых с помощью приведенных принципов, можно вывести из принципа рационального утверждения. Утверждаемое суждение истинно во многих, но не во всех возможных мирах, индуцируемых конкретным контекстом. Любое утверждение должно выражать суждение относительно каждого возможного мира в конкретном контексте, причем такое суждение должно быть либо истинным, либо ложным в каждом из этих возможных миров. Одно и то же суждение выражается относительно каждого возможного мира в конкретном контексте*

Принцип избыточности действия в общении. Необходимо стремиться к избыточности высказывания; в частности*, говорящего нельзя критиковать за то, в чем он уже покался (отсюда - правило: если хочешь, чтобы тебя не критиковали за какое-либо твое действие, покритикуй себя сам, как можно искреннее и выразительнее).

Принцип идентифицирования. Существует три способа (221, которыми говорящий может гарантировать передачу конкретного факта: а) произносимое выражение содержит предикаты, истинные только для одного объекта; б) высказывание вместе с контекстом дает оstenсивное (указательное) представление одного и только одного объекта; в) высказывание дает сочетание указательных "индикаторов" и описательных словосочетаний, достаточных для идентификации одного только для одного объекта. Если же выражение не отвечает ни одному из этих условий, то акт референции (входящий в состав акта высказывания) может быть эффективным только при том условии, что говорящий способен заменить его, по просьбе аудитории, на другое высказывание, отвечающее одному из названных трех условий.

Принцип буквальности*. Если я говорю буквально, то смысл сказанного мною может ничем не отличаться от (контекстуального) значения моего высказывания (в терминах средневековой логики: в таком случае "сигнификация в замысле" не отличается от "суппозиции", т. е. от контекстного значения высказывания (32).

В проекте П. Грайса*, от нашедшем большой отклик как в лингвистической литературе, так и в работах по философии языка, многие из приведенных выше принципов объяснимы через основное его положение - принцип сотрудничества (cooperative plinciple).

Принцип сотрудничества. Каждый собеседник должен делать в разговор тот вклад (в виде реплик), который требуется на конкретной стадии разговора, при конкретной общей для участников цели и направлении обмена репликами; иначе говоря, собеседники должны учитывать конверсационные нужды друг друга и стремиться к сотрудничеству (о сотрудничестве, или "кооперированности", в рамках теории действия см. статью Л. Апостеля*.

Сформулировав этот принцип, П. Грайс выделяет также и следующие два момента: 1) различаются сказанное (проинтерпретированное в некотором предпочтительном смысле) невыводимое из

сказанного (получаемое по "импликатурам разговора"); 2) различаются "конвенциональная значимость", или значение, высказывания, и то, что в значение не входит, т. с. неконвенционально*. Сам принцип сотрудничества проявляется и как стремление к "кооперативности" со стороны говорящего, и как предположение о таком стремлении говорящего, проявленное в интерпретации, получаемой адресатом. Однако не все виды общения одинаково кооперативны; так, задавая вопросы, не всегда предполагают" полное и бескорыстное стремление партнеров по общению к релевантности высказываний, к ясности, к полноте и т. п. (33): обычно можно говорить о нормативном минимуме в таком стремлении, характеризующем "социально невыделенное" общение. "Отказ от сотрудничества" - это оценка, даваемая либо самим говорящим, либо аудиторией одной из интерпретаций высказывания в тексте и опирающаяся на нарушение синхронности в действиях общающихся сторон; например, прямым поводом для такой оценки является тот случай, когда окончание высказывания не сопровождается обычным типом завершающей интонации*.

4. Правила общения

Правила представляют одностороннее действие со стороны одного из участников общения в то время как конвенции представляют собой фоновые требования к коммуникации.

К правилам ведения разговора (разновидностью которых являются и правила аргументирования) часто относят обычные презумпции общающихся сторон: 1) то, что сообщается, должно быть истинным (ср. принцип правдивости и доверия); 2) все необходимое адресату для понимания должно быть представлено в речи; 3) говорящий предполагает, что адресат поверит ему; 4) вопрос предполагает ожидание ответа; 5) "импозитив" (приказ, просьба и т. п.) предполагает выполнение действия*. В соответствии с "правилом конверсационной логики"* любое предложение должно в результате интерпретации приобретать те "перформативные" свойства (признак вопроса, приказа, просьбы, утверждения и т. п.), которые допустимы в конкретном контексте (и при конкретных ожиданиях - ожиданиях интерпретатора); это положение - антитеза "перформативному анализу", в соответствии с которым [137] любое предложение уже при своем построении содержит в качестве главного предиката перформативный глагол, факультативно удаляемый по ходу трансформационной деривации.

Среди так называемых с о ц и о л и н г в и с т и ч е с к и х различаются: а) правила альтернативы, которые определяют возможные альтернативы высказывания в конкретный момент общения и на конкретном уровне интерпретации, и приписывают каждой из альтернатив ее значимость (например, на лексическом уровне мы можем выбирать между различными формами обращения - *ты, вы, Вы, коллега, господа* и т. п.); б) правила с о п о я в л е н и я, в фокусе зрения которых находится совместная встречаемость в данном контексте различных элементов высказывания (в частности, и уместность сочетания северно-русского произношения с рязанской лексикой), в) правила последовательности, устанавливающие уместность конкретного способа временной упорядоченности единиц дискурса (ср. *Алло, Юра!* и *Юра? Алло!*). К социальным правилам относят также и правила типа: "В конкретной ситуации, обладающей свойствами А. В. С., нельзя говорить на темы, обладающие характеристиками К, М и Т"*.

Различаются правила, не зависящие от конкретной культуры (это общие правила ведения разговора или, точнее, оценки уместности и эффективности высказывания в конкретных условиях интерпретации), и правила, привязанные к условиям конкретной культуры. Например, во многих культурах (но не во всех) считается невежливым требовать чего-либо от того, кто на социальной лестнице нам равен или выше нас (40). Степень владения такими правилами, проявленная в оценке, может ассоциироваться со степенью вовлеченности соответствующих конверсационных знаний или даже со степенью принадлежности к соответствующей культуре.

Сформулированный в предыдущем разделе "принцип сотрудничества" реализуется в виде правил, или м а к с и м, следование которым определяет степень кооперативности дискурса, его нормативности, в конечном итоге. У самого Грайса различаются: 1) максимы разговора (их четыре группы: максимы количества, качества, отношения и образа действия) и 2) "неконверсационные" максимы (типа "Будь вежлив"), представляющие фоновые правила общественно-значимого действия. Максимы количества

следующие: а) делай свой вклад в разговор в той степени информативным, какая необходима для целей данного обмена репликами; б) этот вклад не должен быть более информативным, чем того требуют обстоятельства данного разговора (иначе речь получит дополнительные интерпретации, возможно, нежелательные). Максимумы качества: а) старайся делать только истинные высказывания (главная максима); б) не говори того, что сам считаешь ложью; в) не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований. В частности, максима качества для вопросов может быть переформулирована так: не задавай конкретизирующего вопроса (с вопросительным местоимением), если можно задать простой альтернативный вопрос (т. е. тот, ответ на который - *да* или *нет*) (411. Максимумы отношения: говори по существу (будь релевантен). Максимумы образа, или выполнения действия: а) говори ясно (это главная максима); б) избегай неясности *f* в выражениях; в) избегай неоднозначности; г) избегай ненужной пространности речи: д) излагай все по порядку (подробнее о максимумах см. (42.43).

Дополнительно к этим максимумам в разное время предлагались и следующие: а) прислушивайся к тому, что тебе говорят другие, храни это в своей памяти (441; б) "максимум самозащиты" - "Покритикуй себя сам до того, как тебя покритиковали другие"*; ср. одно из правил Карнеги; в) говори, как принято в данном случае, если нет особых причин для иного способа (т. е. если нет причин выделять свою речь)*. Например, не следует спрашивать без особой причины у жены "Камо грядеши?" вместо обычного "Куда это ты?" По отношению к альтернативным вопросам, а также и к другим видам общения, справедливы и следующие максимумы*: а) экономь усилия своей аудитории и старайся при этом снизить свои "расходы" на общение (это главная максима); б) заполняй бреши в разговоре; в) если ты можешь как-то поддержать говорящего (скажем, поддакнуть, помочь в формулировке вопроса и т. п.), не ленись это сделать.

5. Стратегии общения

Стратегии ведения разговора и построения дискурса позволяют использовать правила ведения разговора в той или иной мере эффективно, оставаясь в рамках принятых в данном социуме конвенций.

Собственно стратегии состоят в применении того или иного правила; "стратегемы", или уловки (46) - в нарушении того или иного правила, что может сочетаться с ненарушением конвенции. Так, нарушив максимум качества, а именно, сознательно солгав, говорящий тем не менее может интерпретировать и собственное высказывание, и реплики собеседника в рамках принципа правдивости и доверия; даже более того, эффективность лжи тем выше, чем менее нарушен принцип доверия.

Можно предложить, следующую общую классификацию стратегий. Различаются стратегии, использующие общие свойства коммуникации - как речевые, так и паралингвистические, - и стратегии чисто вербального общения. Пример первых - стратегии приветствия (47): единицы осознанного набора соответствующих знаний иногда называют "культуремами"*; Й. Бергманн (81). Второй же вид включает в себя стратегии, использующие: а) свойства динамики коммуникации ("организация разговора"), например стратегии занятия инициативы в разговоре, введения в разговор рассказа, поправки и т. д.; б) свойства единиц общения (знания семантического потенциала высказывания. т. е. возможностей употребить предложение в том или ином конкретном речевом акте), в том числе знание системы речевых актов и та или иная степень владения ею как системой альтернатив; в) владение "техникой" проведения конкретных речевых актов (техникой приказания, вопроса, констатации и т. д.). В случае социально-типовых, "учрежденческих" видов общения (когда говорящий выступает в конкретной социальной роли в каком-либо учреждении с закрепленным этикетом, скажем, в роли прокурора на суде, чиновника в канцелярии и т. п.) сюда же включается знание механизма учреждения (опытного чиновника от новичка отличает хорошее знание этого механизма); г) техника "совершения" высказывания. Кроме владения грамматикой, лексикой и другими языковыми средствами, к последнему виду знаний относятся знания о мире вещей, понятий, о внутренней логике процессов, а также набор презумпций и ожиданий, общих для конкретной социальной группы.

Техника совершения и понимания высказывания в свою очередь состоит из следующих элементов: 1) владение навыками говорящего (сюда входят стратегии связной речи, называемые "дискурсными стратегиями"), стратегии выражения установок по отношению к тем или иным

высказываниям, знаниям (техника выражения искренней веры в говоримое, техника выражения "отчужденности", например иронии, или, наоборот, пн-териоризованности произносимого суждения, техника передачи чужой речи, в частности цитирования и т. д.); 2) владение навыками слушающего (умение поддакивать, возражать - вслух по ходу чужой речи или только по окончании ее) и т. д. Имеется и другое "измерение" техники совершения и понимания высказывания*: 1) степень формальности (например, владение правилами вежливости или умение задеть чужое самолюбие); 2) владение тем каналом, по которому происходит общение (владение письмом, мастерство устного выступления, говорения "на людях" и т. и.).

Любое уточнение этой классификации приведет и к пересортировке видов конверсационного знания. Степень систематичности в овладении этим знанием позволяет отличить чуткого и опытного собеседника от неопытного: здесь, как и в других областях, свободное владение коммуникацией может быть приравнено осознанию необходимости в выборе тех, а не иных средств, в частности в выборе стратегий убеждения и ведения разговора вообще.

Итак, стратегии разговора состоят в "лобовом" применении правил и знаний о конвенциях, это средства показать слушающему замысел говорящего. Уловки в разговоре - это те средства, с помощью которых говорящий добивается своей цели, скрыв ее от адресата. Например, когда новая информация подается в качестве широко известного, с целью обмануть*. Другая разновидность уловки - "преднамеренная неоднозначность": с ее помощью можно избежать лжи, при этом не сказав правды. Так, на прямой вопрос о возрасте можно ответить *Мне - шестнадцать лет* (и солгать) - или же прибегнуть к уловке, сказав *На вечерние сеансы в кино меня уже давно пускают*, и отвлечь тем самым нацеленность спрашивающего на неприятный (или невежливый) сюжет*. Преднамеренная неоднозначность имеет место в тех ситуациях, которые можно охарактеризовать как "сказать и ничего не сообщить", когда в речи злоупотребляют такими элементами, как *определенный (объект, круг людей и т. п.), временами, возможно* и т. п. Например: *Определенным людям, возможно, временами новый фильм покажется интересным, но другим он, видимо, чем-то не понравится.*

Заключение

Границы между конвенциями (заключенными в принципах), правилами и стратегиями общения не строги: принцип может быть использован в качестве содержания для правила, а правило может быть воплощено в виде стратегии. Эти понятия (если воспользоваться аппаратом "атомарных предикатов") представимы как содержащие в себе абстрактные предикаты типа *знать, использовать, не знать, игнорировать и интерпретировать* (возможно, и далее разложимые), наряду с другими, более специальными предикатами (типа *обещать, предлагать* и т. п.) в толкованиях тех высказываний на данном языке, которые описывают общение или употребляются в общении.

Не сомневаясь в наглядности такого представления, подчеркнем, что при этом речь идет именно о способе описания знаний, а не о словарной или грамматической дефиниции в описании языка. Глагол *обещать* в лексическом толковании вовсе не обязательно давать как сложную предикатную структуру (возможно, с рекурсивными вложениями атомарных предикатов), для того чтобы чисто процедурным путем получить адекватную интерпретацию предложению с ним. Интерпретирующий подход позволяет, не усложняя языкового описания, привлекать формализованные представления различных видов знаний для различных видов толкования.

Ыйм Х . Я. Прагматика речевого общения*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время прагматика уверенно заняла центральное место в исследованиях по языковому общению к интеллектуальным процессам, лежащим в его основе. Можно сказать, что прагматика как в смысле актуальности, так и в смысле популярности к престижа занимает сейчас в теоретических и

прикладных лингвистических исследованиях те позиции, на которых в семидесятые годы находилась семантика.

Это не простая смена терминов; вместо термина "семантика" в моду вошел термин "прагматика". Произошел коренной сдвиг в исследовании языка, общения и соответствующих видов интеллектуальной деятельности. Область прагматических исследований представляете собой пока весьма пеструю картину переплетающихся концепции, подходов, методов. Однако это во многом внешнее впечатление. Если смотреть на прагматику "изнутри", то можно обнаружить определенные идеи и принципы, вокруг которых вращается этот внешний калейдоскоп. И нельзя не заметить, что общая картина в прагматике заметно стабилизируется. Например, показательно, что появилось несколько монографий, которые претендуют не просто на обзор проблем и подходов, а на некоторую целостную, синтетическую концепцию прагматики.

Попытаемся выделять и проанализировать центральные идеи и категории прагматики, а также обсудить ту роль, которую прагматике следовало бы играть в рамках общей программы моделирования коммуникативной и интеллектуальной деятельности людей. После короткого исторического обзора попытаемся дать анализ теоретических положений, идей и категорий, которыми определяется специфика прагматического подхода, а затем очертить ту систему концептуальных средств, которая необходима прагматике для выполнения своих задач.

Сам термин "прагматика" в современном употреблении, очевидно, исходит из семиотики. В семиотической традиции (Пирс) принято делить область исследования знаковых систем на три подобласти: синтактику, семантику и прагматику. Синтактика изучает отношения между знаками, семантика - между знаками и реальностью, обозначаемой ими, а прагматика - отношения знаков к их пользователям; автора к адресату сообщения, хотя такое истолкование термина "прагматика" в принципе можно считать верным и в настоящее время, было бы неправильным изображать дело так, будто содержание прагматики представляет собой результат логического развития соответствующих идей семиотики. Содержание современной прагматики в первую очередь берет свое начало в исследованиях, более тесно и непосредственно связанных с естественным языком (в философии языка, в логических и психологических исследованиях языка и, наконец, в самой лингвистике).

Корни указанного тройного деления прослеживаются в средневековой тривиум (лат. trivium) - в объединении наук, включающем грамматику, логику и риторику*. Другими словами, тривиум представлял собой своего рода комплексную дисциплину своего времени, целью которой в современных терминах было изучение закономерностей языка, мышления и общения. Хотя первоначальные цели основоположников семиотики действительно охватывали более или менее ту же область исследований, семиотике не удалось реализовать этих первоначальных планов в сколько-нибудь значительной мере. В настоящее время идея о такой комплексной дисциплине снова стала крайне актуальной.

ПРИНЦИПЫ И КАТЕГОРИИ ПРАГМАТИКИ

В процессе созревания представлений о том, что должно входить в эту комплексную область исследования, постепенно вырисовывались и очертания современной прагматики, причем влияние было (и является) взаимным*.

Уместно особо остановиться на той роли, которую играл искусственный интеллект в формировании указанных выше взглядов.

С одной стороны, искусственный интеллект можно считать "крестным отцом" когнитивной науки - науки, которая объединяла бы усилия и результаты целого семейства наук: когнитивной и социальной психологии, социологии общения, лингвистики, информатики*. С другой стороны, внутри самого искусственного интеллекта существует сильная тенденция к развитию некоторой интегральной, но достаточно абстрактной теории знания и интеллекта*.

Под влиянием исследований в области искусственного интеллекта описание процессов образования и интерпретации высказывания в прагматике стали непосредственно связывать с

моделированием таких проявлений человеческого интеллекта, как целеполагание, способность к специфически человеческим способам рассуждения и к планированию осмысления действий на основе этих рассуждений. В свою очередь, прагматика представляет интерес для искусственного интеллекта (а также общей теории интеллекта, насколько такая существует) как область исследования, которая должна обеспечить эти дисциплины данными о закономерностях естественного человеческого общения и рассуждения.

Стало ясно, что без теоретического осмысления правил человеческого общения и рассуждения невозможно серьезное продвижение вперед в области соответствующих технических приложений - в разработке подсистем естественного диалога в рамках систем искусственного интеллекта.

Следует отметить, что взаимодействие специалистов различных областей знания, занимающихся исследованием языка и языкового общения, обусловило существенные перемены в лингвистике. Узко структурный и формально-грамматический подход к языку постепенно заменяется функциональным*. Вместо абстрактной и автономной языковой компетенции (грамматики) основным предметом теоретических исследований становятся закономерности употребления и понимания языка в общении.

Центральные темы прагматики можно сформулировать следующим образом:

1. выявление общих принципов, которым подчиняется коммуникативная деятельность людей (исследование таких принципов, анализ их типов и функций в организации коммуникации широко ведется в прагматической литературе, главным образом на основе так называемых принципов и максим общения*);
2. выявление и определение "единиц общения", т.е. специфически прагматических единиц, из которых строятся высказывания в коммуникации (сущность и типы таких единиц также интенсивно исследуются в прагматике; до последнего времени эти исследования велись в основном в русле теории речевых актов*, однако появились и другие интересные подходы к данной проблеме);
3. выявление и разработка системы прагматических правил и механизмов через которые общие принципы из темы 1) реализуются в конкретных коммуникативных структурах, построенных в соответствии с единицами темы 2) как при решении задачи на конструирование высказываний с определенным коммуникативным намерением, так и при решении проблем интерпретации высказываний партнера, т.е. при выявлении их смысла в конкретной ситуации общения (данная тема систематически пока разработана в наименьшей степени, что вполне естественно); в настоящее время именно в этой области ведутся наиболее интенсивные изыскания, развиваются различные подходы и методы как в теоретическом плане, так и в области прикладных исследований.

Прагматические принципы, максимы, импликатуры. Одна из характерных черт человеческого общения заключается в том, что смысл высказываний, употребленных в естественных ситуациях общения, может не совпадать с их прямым, эксплицитно выраженным значением, с их семантическим содержанием. Автор высказывания может подразумевать определенное модифицированное содержание (будем называть такое содержание подразумеваемым смыслом), при этом предполагая, что и реципиент высказывания распознает это модифицированное содержание, используя свои знания о законах общения, и будет реагировать именно на это, а не на прямое значение высказывания. Приведем для иллюстрации несколько высказываний, прямое значение которых представляет собой вопрос (запрос об информации), а подразумеваемый смысл варьируется от приказа до выражения удивления:

Найдется ли у тебя листок чистой бумаги? (просьба).

Ты будешь мне отвечать или нет? (требование, приказ).

Мы пойдем вечером в театр. Не хочешь пойти с нами? (приглашение, предложение).

Как же так? (выражение удивления, недоразумения).

При всех этих вопросах говорящий явно рассчитывает на нечто большее, чем получение прямого ответа на вопрос. Так, первый вопрос задуман говорящим как просьба дать бумагу, т.е. если у слушающего есть бумага, то говорящий рассчитывает на получение ее, а не просто на ответ "да". Реципиент, получив вопрос такого типа, должен выполнить процедуру рассуждения, чтобы прийти к подразумеваемому смыслу вопроса. Такую процедуру, ведущую от прямого значения некоторого высказывания к его подразумеваемому смыслу, назовем прагматической интерпретацией высказывания.

Необходимость определенных процедур рассуждения при интерпретации воспринимаемых высказываний является универсальной характеристикой естественного общения. Можно сказать, что человеческое общение подчиняется общему принципу "общение через рассуждение".

Какими же общими соображениями, принципами и правилами люди руководствуются, когда они в качестве говорящих планируют свои реплики такими, что их понимание требует от реципиента совершения определенных преобразований, или когда в качестве реципиентов совершают именно те преобразования, которые приводят к распознаванию подразумеваемого смысла говорящего? Это и есть вопрос об общих закономерностях и принципах, которым подчиняется человеческая коммуникативная деятельность.

Рассматриваемый вид регулярностей коммуникативного поведения в прагматике описывается в терминах коммуникативных принципов (принципов общения). В них стараются зафиксировать наиболее общие закономерности, которым подчиняется человеческое общение. С достаточной степенью подробности обсуждался лишь один принцип - принцип кооперативности. Можно добавить принцип учтивости; вежливости, содержание и функции которого, а также отношение к принципу кооперативности весьма подробно проанализированы в монографии [1].

Содержание каждого принципа конкретизируется в ряде более специфических принципов и субпринципов. Вслед за П. Грайсом* принципы более конкретного уровня стали называть максимами ввиду того, что они формулируются в виде общих правил-руководств: в ситуации такой-то веди себя таким-то образом. Например, сфера действия принципа кооперативности описывается четырьмя категориями максим:

максима количества: передавай правильное количество информации, т.е. будь настолько информативным, насколько требуется, не будь более информативным, чем требуется;

максима качества: постарайся дать верную информацию, т.е. не говори ничего такого, что, по твоему предположению, не является истиной, не делай таких утверждений, о верности/истинности которых у тебя нет адекватных свидетельств /доказательств;

максима релевантности: делай свои высказывания только тогда, когда они релевантны по отношению к соответствующей коммуникативной ситуации, т.е. содействуют достижению некоторой активизированной в этой ситуации цели;

максима способа/метода: будь ясным и понятным в своих высказываниях, т.е. избегай расплывчатости в своих выражениях, избегай неоднозначности. Будь краток. Будь деловым.

Приведенные максимы, можно интерпретировать как правила, которые, с одной стороны, в определенных аспектах ограничивают поведение говорящего (что и как он может говорить в некоторой коммуникативной ситуации, если хочет действовать как кооперативный партнер коммуникации), с другой стороны, для слушающего эти максимы являются той базой, на основе которой он может "вычислять" подразумеваемый смысл высказываний партнера при условии, что тот является кооперативным партнером. Разумеется, для того чтобы в конкретных ситуациях общения можно было бы применять приведенные максимы, их необходимо конкретизировать во все более специфических правилах - до уровня тех категорий, которыми люди оперируют в этих ситуациях.

В процессе прагматической интерпретации высказываний основной способ проявления принципов и максим общения заключается в том, что они являются основой специфических прагматических умозаключений - импликатур. Импликатуры - это умозаключения, которые делаются реципиентами в процессе интерпретации высказываний партнера и мотивируются двумя факторами:.

во-первых, высказывание партнера в прямом, непосредственном значении нарушает какой-нибудь принцип (какую-нибудь максиму) общения;

во-вторых, существующая ситуация не дает оснований для предположения, что партнер нарочно не придерживается данного принципа (данной максимы).

В подобной ситуации реципиент начинает строить гипотезы - умозаключения, приводящие его к такой интерпретации, которая удовлетворяет соответствующей максиме. При отсутствии свидетельств о противном реципиент предполагает, что это и является тем смыслом, который подразумевался партнером. Рассмотрим конкретный пример:

А: Где Петр?

Б: Его машину я видел у входа в библиотеку.

В данном диалоге ответ партнера *Б*, взятый в прямом значении, нарушает максимы количества и релевантности: он не дает *А* требуемую информацию, а вместо этого сообщает данные, о которых *А* не спросил. Однако если у *А* нет оснований считать, что *Б* намеренно является некооперативным, то это заставляет его искать какой-нибудь косвенный смысл в реплике *Б*. Это можно передать следующим образом: Я точно не знаю, где Петр. Однако я видел, что его машина стоит у входа в библиотеку, и так как на основе этого факта можно предполагать, что Петр в библиотеке, я предьявляю тебе этот факт как релевантный. То, какие окончательные выводы можно делать из этого факта, я оставляю решить тебе самому.

Общую схему рассуждений реципиента при выводе импликатур можно изобразить состоящей из следующих шагов (*Г* обозначает говорящего, схема представляется с точки зрения реципиента):

- *Г* сказал *Р*:

а) в имеющейся ситуации общения нет оснований предполагать, что *Г* сознательно" нарушает какой-нибудь принцип общения (в частности, принцип кооперативности);

б) для того чтобы наблюдаемое поведение *Г* (высказывание *Р*) Привести в соответствие с пунктом а) нужно сделать вывод, что *Г* думает так же, как *q*:

в) *Г* и сам должен сознавать, что в данной ситуации я, реципиент. буду делать вывод, -что он думает (имеет в виду) то же, что и *q*;

г) *Г* ничего не предпринимал, чтобы воспрепятствовать мне сделать этот вывод;

д) следовательно, я делаю заключение, что говоря *р*, *Г* сознательно имел в виду, чтобы я в качестве импликатуры вывел *q* из *р*.

Таким образом, импликатуры представляют собой умозаключения, которые делаются на основе определенных аспектов ситуации общения (см. шаги а) и б)) и. при отсутствии данных, говорящих против соответствующего умозаключения (см. шаг г)). Этими обстоятельствами определяются и некоторые специфические свойства импликатур как выводов. Наиболее существенным из этих свойств является возможность аннулирования импликатур, например, путем соответствующего эксплицитного указания в тексте. Это свойство делает импликатуры принципиально отличными от дедуктивных выводов.

Например, в нейтральной ситуации общения из (1а) в качестве импликатуры выводится (1б):

(1а) *Некоторые мальчики нашего класса вчера были в кино.* (1б) *Не все мальчики нашего класса вчера были в кино.* Основой импликатуры (1б) является максима количества: если говорящему известно, что свойство *р* верно о всех *А*, то сообщить *р* только о некоторых *А* означало бы дать меньше информации, чем имеется в распоряжении говорящего.

Однако импликатуру (1б) можно отменить. Например, из (1в) уже не выводится (1б):

(1в) *Некоторые, а, может быть, и все мальчики нашего класса вчера были в кино.*

В терминах приведенной схемы можно сказать, что вывод рассматриваемой импликатуры не удастся здесь из-за неприменимости шага *у*).

Единицы общения. Вопрос о единицах, в терминах которых можно описывать языковое общение, является другой наиболее актуальной темой прагматики наряду с исследованием принципов и правил общения. Основные достижения в этой области пока связываются с теорией речевых актов.

В классическом понимании речевые акты - это действия, совершаемые партнерами в процессе речевой коммуникации - описываются в терминах интенций (целей) говорящего и условий успешности их совершения, причем эти последние, в свою очередь, оформляются в терминах так называемых эпистемических состояний (предположений, оценок, знаний) говорящего. Условия успешности обычно делятся на несколько функциональных типов*:

пропозициональное содержание;

предусловия (или подготовительные условия);

условия искренности;

сущностное условие (интенция) некоторого, речевого акта.<...>

Классификация условий может быть иной, но общий принцип остается тем же: выделить условия, которые должны быть выполнены, чтобы совершаемое действие можно было бы называть тем или иным речевым актом. Объектом интенсивных исследований стали перформативные глаголы - слова, произнесение которых сопровождается производством этих актов.

Вовсе не желая преуменьшить значимость результатов, достигнутых в рамках теории речевых актов, следует тем не менее подчеркнуть, что одних исследований этого типа совершенно недостаточно для получения адекватного представления о единицах человеческого общения, их типах и возможных взаимоотношениях в коммуникации. Как отмечается многими критиками теории речевых актов, один из основных недостатков ее заключается в том, что речевые акты исследуются в изоляции от процессов актуального общения, в частности от закономерностей построения диалога*. Диалог не является конструкцией такого же типа, как, например, предложение, а представляет собой результат взаимодействия двух или более индивидов, преследующих свои цели и нередко имеющих противоположные интересы.

Структуры, образуемые взаимосвязанными коммуникативными актами партнеров общения, не представляют собой готовых структур. Они создаются партнерами в ходе диалога как результат их определенных интеллектуальных процессов - рассуждения, целеполагания, принятия решений. Поэтому выявление закономерностей развития диалога неизбежно приводит к необходимости выявления закономерностей, которые лежат в основе перечисленных интеллектуальных процессов.

Итак, основной недостаток всей "классической" теории языкового общения, как она до сих пор развивалась в прагматике, заключается в чрезмерной абстрактности, неспособности учитывать многообразие факторов естественного человеческого общения. Или короче: в "классической" теории отсутствует человек с его специфическими способами рассуждения, оценки ситуации и выработки решений.

Поэтому неудивительно, что если в последние годы наблюдается быстрая конкретизация идей прагматики, то одна из основных линий этого развития происходит в рамках исследований, направленных на моделирование интеллектуальных процессов человека в искусственном интеллекте. Разрабатываются различные модели "естественных" рассуждений, протекающих по законам здравого смысла*. Эти модели служат также основой развития теории прагматических имплицатур*. С другой стороны, понятие речевого акта в ходе построения диалоговых интеллектуальных систем подверглось существенной переработке (20). И наконец, в последнее десятилетие в центре внимания теоретиков тех же систем оказалась именно проблема моделирования человека как пользователя систем*.

Рассмотрим некоторые основные результаты предложенного нами подхода к развитию теории языкового общения на основе синтеза "классической" прагматики и моделирования внутренних интеллектуальных процессов человека*.

ПРАГМАТИКА ОБЩЕНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

Развиваемая в прагматике модель общения больше всего страдает от излишней рациональности, от того, что использование определенных речевых актов в определенных ситуациях общения стараются описать почти исключительно в терминах целей и планов говорящих. Однако процесс образования целей сам требует объяснения, так что ответ на вопрос "как возникают речевые акты?" не может исчерпываться указанием на цели, средством достижения которых эти речевые акты могут служить. Необходимо ответить также на вопрос "как возникают цели в общении?". Например, если Г отказывается совершить некоторое действие *Д*, то коммуникативная цель *Г* заключается в отвержении соответствующего императива (приказа, требования, просьбы) со стороны партнера. Факторы же, порождающие у него такую цель, могут быть разные: предположение, что он сможет сделать *Д*. оценка действия *Д* как невыгодного, страх перед последствиями *Д* и т.д.

Это приводит к весьма запутанной проблематике мотивации. Однако, как представляется, именно через моделирование базисных механизмов этой сферы человеческого интеллекта идет путь к объяснению специфических человеческих форм рассуждения и принятия решений в общении. Иллюстрируем возможность моделирования "механизмов порождения целей" на основе появления интереса и коммуникативной стратегии и некоторых связанных с ними понятий.

Интерес можно рассматривать как одну из базисных движущих сил в функционировании интеллекта, которая в общении заставляет человека анализировать сообщения партнера и направляет его понимание на определенные их аспекты, а с другой стороны, управляет выработкой своих собственных обращений. Для нас интерес является техническим понятием, покрывающим, очевидно, целый круг мотивационных факторов. Не будем глубоко вникать в содержание той категории, отметим только, что понятие интереса следует отличать от понятия цели. Заинтересованность в чем-то может заставлять человека сформулировать определенную цель и преследовать ее, между этими состояниями существует и действует сложный процесс выработки решения, так что далеко не каждый интерес реализуется в соответствующей цели. Интересы возникают у людей в общении либо как реакции на обращения партнера, либо из-за необходимости самому обратиться к партнеру определенным речевым актом.

С каждым речевым актом в модели общения можно связывать некоторые правила (их можно называть правилами интереса), указывающие, на какие аспекты содержания этого акта типично направляется внимание у его агента и на какие - у его реципиента. Формально интересы в данном смысле можно представить в виде вопросов, которые человек задает самому себе.

Интересы как внутренние вопросы заставляют человека искать ответы на них. Найденные ответы могут привести к определенным действиям. Таким образом, с каждым правилом интереса может быть связано одно или несколько правил действия, в которых возможные ответы на вопрос функционируют как условия соответствующих действий, Например, в случае правила б), если *P* знает, что действительно существуют определенные препятствия на пути к реализации предложенного плана, то действия *P* в качестве кооперативного партнера можно описать следующим правилом:

а) *P*. знает, что на пути реализации плана, предложенного *Г*, существуют препятствия *П* ---- а) *P* спрашивает у *Г*, известно ли ему существование препятствий *П*; б) *P* информирует *Г* о препятствиях *П*.

В случае же отрицательного ответа на вопрос в правиле в) возможно такое правило:

б) *Г* известно, что у *P* нет необходимых данных для совершения *Д* --- а) *Г* дополняет свое распоряжение сообщением необходимых данных. б)...

Правила интереса служат средством моделирования селективности движения внимания *Г* и *P* в общении. Правила действия, спаренные с правилами интереса, служат основой для объяснения выбора определенных реакций *P* на реплики *Г* (ср. правило действия а)) или же для объяснения включения в реплику *Г* сразу нескольких речевых актов без соответствующей инициатива со стороны *P* (ср. правило действия б)).

Однако если ограничиться только правилами приведенных типов, то они дадут слишком прямолинейную и механическую картину интеллектуальных процессов, лежащих в основе динамики

человеческого общения. Реальные процессы намного сложнее и многограннее. Поэтому в формальной модели требуются дополнительные средства для представления различных опосредующих механизмов, управляющих выбором конкретных коммуникативных актов в некоторой ситуации общения.

Суть этих механизмов проиллюстрируем с помощью понятия коммуникативной стратегии и связанного с ним понятия психологических параметров рассуждения.

Положение, при котором поставленную цель в общении можно достичь с помощью одного единственного обращения к партнеру, в естественном общении является скорее исключением, чем правилом. Обычно диалог, направленный на решение некоторой коммуникативной задачи, проходит через ряд взаимосвязанных обращений партнеров, образуя целостный сеанс, или цикл диалога. При этом участники диалога, преследующие свои цели в течение всего цикла, как правило, не пользуются какими-нибудь готовыми схемами - последовательностями речевых актов, а конструируют свои обращения по ходу диалога в соответствии с оценкой сложившейся ситуации. Понятие коммуникативной стратегии призвано объяснить эту внутреннюю связность длящихся диалогов.

Общую идею, стоящую за данным понятием, можно охарактеризовать следующим образом.

Открывая определенный цикл в общении, Γ имеет в виду достижение коммуникативной цели C_0 , которая, как правило, представляет собой некоторое действие D партнера P (физическое, умственное, коммуникативное). В течение всего цикла Γ пытается направлять релевантные интеллектуальные и эмоциональные процессы P (его интересы, оценки, рассуждения) таким образом, чтобы те в конечном счете, привели P к нужному решению. Метод, который Γ преследует при "обработке" партнера, мы и называем коммуникативной стратегией. В этом смысле можно говорить, например, о стратегиях уговаривания или угрозы, о стратегиях обсуждения (плана, решения), а также, например, о стратегиях отклонения (например, совета), отказа (от выполнения требования, приказа) и т.п.

Каждая стратегия направлена на определенные аспекты психики партнера, релевантные с точки зрения преследуемой цели: его знания, предположения, оценки, желания. Такие аспекты называются психологическими параметрами P . Его решение совершить действие D предполагает определенную конфигурацию значений его психологических параметров. Суть применения некоторой стратегии со стороны Γ заключается в организации своих коммуникативных обращений так, чтобы результатом было изменение значений релевантных психологических параметров P в нужном направлении: усиление какого-то его желания, увеличение или уменьшение его уверенности в чем-то, изменение его положительных и/или отрицательных оценок чего-то и т.д. По отношению к исходной, или стратегической, цели установление намеченной конфигурации значений психологических параметров выступает как инструментальная, или тактическая, цель.

Во всей совокупности психологических параметров как факторов, которые могут оказывать некоторое влияние на принимаемые решения человека, можно выделить определенные базисные типы, конкретизациями которых являются остальные параметры. К базисным относятся, в частности, следующие психологические параметры: желания, оценки, знания, предположения и т.п.

В перечисленных типах параметров желания выступают как непосредственные стимулы действий (для того чтобы P сделал что-нибудь, необходимо заставить его в достаточной степени желать этого), другие же функционируют как условия - либо для желаний (оценки), либо для самих действий D . Среди оценок различают также оценки эмоционального типа (приятно-неприятно), которые могут не иметь рациональных объяснений, и оценки рационального типа (хорошо-плохо, выгодно-невыгодно и т.п.), которые люди, как правило, могут объяснить и аргументировать.

Для того чтобы в рамках некоторой функционирующей модели связывать между собой коммуникативные стратегии и психологические параметры, следует сформулировать также определенные принципы, отражающие, с одной стороны, закономерности взаимодействия психологических параметров, а с другой - связи между ними и решениями человека. Можно начать, например, со следующих очевидных (но далеко не тривиальных!) параметров:

Принцип 1. Человек желает такие ситуации (включая действия), оценка которых (по сравнению с их отсутствием) по шкале приятности положительная; человек не желает таких ситуаций, оценка которых по шкале приятности отрицательная.

Принцип 2. Если человеку придется выбирать между двумя неприятными ситуациями, то он выбирает менее неприятную.

Первый принцип связывает между собой оценки и желания. С помощью второго можно объяснить, например, механизм действия таких стратегий, как стратегии соблазна и подговаривания, а также таких, как стратегии угрозы и устрашения.

Если теперь вернуться к правилам интереса и правилам действия, описанным выше, то связь между этими правилами и понятием коммуникативной стратегии следующая. Одна из функций правил интереса - это выделение психологических параметров, релевантных для достижения коммуникативной цели на конкретной стадии (цикле) общения. С другой стороны, коммуникативная стратегия, определяя, какие изменения в значениях психологических параметров необходимо совершить, управляет выбором правил действия (более детально понятие коммуникативной стратегии и связанные с ним понятия рассмотрены в публикации*).).

В настоящей статье мы попытались очертить основные идеи прагматики как науки о закономерностях языкового общения. В итоге можно сказать: из первоначальной логико-философской дисциплины прагматика переросла в область исследований, где пытаются соединять данные лингвистики, логики и моделирования интеллекта человека. Занимаясь выявлением закономерностей языкового общения, прагматики приходят к выводу, что для объяснения процессов использования языка в общении необходимо учесть и специфику человеческих рассуждений, которые лежат в основе процесса конструирования и интерпретации высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Leech C.N.* Principles of pragmatics. L.; Longman, 1983. 352 p.
2. *Levinson. S.C.* Pragmatics. Cambridge: Univ. press, 1953. 270 p.
3. *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4. С. 256-258.
4. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. 502 с. (Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 16).
5. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1936. 422 с. (Новое с зарубежной лингвистике; Вып. 17).
6. *Norman D.* Twelve issues in cognitive science // Cognit. Sci. 1980. Vol. 4. N 1. P. 12-15.
7. *Pylyshyn Z.,W.* Computation and cognition: Toward a foundation for cognitive model. Cambridge: MIT press, 1984. 125 p.
8. *Newell A.* The knowledge level // Artif. Intel. 1982. Vol. 18, N 2. P. 183-192.
9. *Winograd T., Flores E.G.* Understanding computers and cognition. Norwood; Anicx. 1986. 253 p.
10. *Звягинцев В.Л.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.; Наука, 1976. 145 с.
11. *Кибрик Ф.Е.* К построению лингвистической модели коммуникативного взаимодействия // Методологические проблемы искусственного интеллекта: Тр. по искусств. интеллекту. N 6. Тарту: Тартус. гос. ун-т. 19К3. С. 153-16В. (Учебн. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 654).
12. The mental representation of grammatical relations/ MIT press. 1982. 285 p. "
13. *Crice H.P.* Logic and conversation / Syntax and semantics. Vol. 3. Speech acts / Ed. P. Cole, J. Morgan. N. Y.: Acad press, 1975. P. 41-58.
14. *Searle J.K.* Speech acts. Cambridge: Univ. press, 1969. P. 253.
15. *Поспелов Д.А.* О "человеческих" рассуждениях в интеллектуальных системах // Логика рассуждений и ее моделирование. М.: Науч. совет по комплекс, продол. "Кибернетика". АН СССР. 1983. С. 5-37. (Вопросы кибернетики).

16. *Сергеев В.М.* Структура диалога и "неклассические логики" // Труды по знаковым системам. N 17. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1984. С. 24-32. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 641)
17. Formal theories of the common-sense world /Ed. J.R. Hobbs. R.C. Moore. Norwood: 1985. 751 p.
18. *Joshi A., Webber B. Weischedel R.* Default reasoning in interaction. MS-C1S-84-58. Phyladelphia: Univ. Comput. and Inform. Sci. Dcp., 1984. 283 p.
19. *Joshi A., Webber B. Weischedel R.* Living up to expectations: computing expert responses // Proc. AAAI-84. Austin (Tex.), 1984. 234 p.
20. *Alien J.F., Pcrrautt C.R.* Analysing intention in utterances // Anif. Intel. 1980. Vol. 15. N 3. P. 71-80.
21. User centered systems design: New perspectives in human-computer interaction / Ed. D.A; Norman, S.W. Draper. Lawrence Erlbaum, 1986. 781 p.
22. *Oim H.* Where do communicative acts come from? // Pragmatics and linguistics. Odense: Univ. press. 1986. P. 8-17.
23. *Койт А., Бйм Х.* Понятие стратегии в модели общения. Методологические проблемы искусственного интеллекта: Тр. по искусств, интеллекту. N 9.. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1987. С. 121-139. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 751).

Раздел 2

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи*

РЕЧЕВАЯ КОМПОЗИЦИЯ. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

§ 1. Так или иначе видоизменяя, трансформируя прямолинейно-логические отношения (от примитивного украшения речи до сложной структурной перестройки, которая нередко бывает замаскирована видимой, внешней простотой), говорящий стремится сделать содержание речи психологически приемлемым для слушателя.

Следовательно, к отношению "текст - действительность" необходимо дополнительно подключить соотношение "текст - адресат речи". Важно отметить взаимосвязь этих сторон. "Заинтересованность" не существует отдельно от "чем", не является по отношению к нему чем-то внешним. Есть нечто, содержание речи, и этим и надо заинтересовать. "Убедить" также не существует самостоятельно, убедить можно чем-то, посредством фактов, цифр, положений, т. е. опять-таки тем же содержанием. Целевая установка заставляет не только отбирать определенные факты, но и давать их в определенном освещении, т. е. заставляет соответственно организовывать речь, обуславливает композицию и характер языковых средств. Так вырисовывается понятие о коммуникативной стратегии речи. Оно определяется соотношением: действительность-текст - адресат.

Коммуникативная стратегия позволяет определить функции использованных автором языковых средств, их роль в структуре текста.

Наглядное представление о коммуникативной стратегии дает прекрасный разбор Ф. М. Достоевским* заключительной речи известного русского юриста В. Д. Спасовича по делу Кронеберга,

обвинявшегося в истязании семилетней дочери (сечение ребенка розгами, шпицрутенами). Достоевский в "Дневнике писателя" за 1876 год шаг за шагом разбирает речь Спасовича и вскрывает "ловкие приемы, использованные защитником":

"Уже с первых слов речи вы чувствуете, что имеете дело с талантом из ряда вон, с силой. Г. Спасович сразу раскрывается весь и сам же первый указывает присяжным слабую сторону предпринятой им защиты, обнаруживает самое слабое место, то, чего он всего больше боится..."*

Действительно, речь начата такими словами:

"Я боюсь, г.г. присяжные заседатели, не определения судебной палаты, не обвинений прокурора Я боюсь отвлеченной идеи, призрака, боюсь, что преступление, как оно озаглавлено, имеет своим предметом слабое, беззащитное существо. Самое слово "истязание ребенка", во-первых, возбуждает чувство большого сострадания к ребенку, а во-вторых, чувство такого же сильного негодования к тому, кто был его мучителем".

Писатель так комментирует начало речи:

Очень ловко - искренность необыкновенная. Нахохлившийся слушатель, заранее приготовившийся выслушать непременно что-нибудь очень хитрое, изворотливое, надувательское и только что сказавший себе: "А ну, брат, посмотрим, как-то ты меня теперь надуешь", - вдруг поражен почти беззащитностью человека. Предполагаемый хитрец сам ищет защиты, да еще у вас же, у тех, которых собрался надувать! Таким приемом г. Спасович сразу разбивает лед недоверчивости и хоть одной капелькой, а уж профильтровывается в ваше сердце.

Далее защитник кратко характеризует особенности дела и определяет в связи с этим свою задачу:

"В нормальном порядке вещей употребляются нормальные меры. В настоящем случае была употреблена мера несомненно ненормальная.¹ Но если вы вникните в обстоятельства, вызвавшие эту меру, если вы примете в соображение натуру дитяти, темперамент отца, те цели, которые им руководили при наказании, то вы многое в этом случае поймете. а раз вы поймете -вы оправдаете, потому что *глубокое* понимание дела непременно ведет к тому, что тогда многое объяснится, покажется естественным, не требующим уголовного противодействия. Такова моя задача: объяснить случай".

Ф. М. Достоевский в связи с этим заметил:

То есть, видите ли: "наказание", а не "истязание", сам говорит, значит, всего только родного отца судят за то, что ребенка побольнее посек. Эк ведь время-то пришло! Но ведь если глубже вникнуть... вот то-то вот и есть, что поглубже не умели вникнуть ни судебная палата, ни прокурор. А раз мы, присяжные заседатели, вникнем, так и оправдаем, потому что "*глубокое* понимание ведет к оправданию", сам говорит, а *глубокое-то* понимание значит только у нас и есть, на нашей скамье... Одним словом: "польсти, польсти!" старый, рутинный прием, а ведь преобладающий."

Писатель точно указывает различные по характеру, но направленные к одной цели логические ходы и стилистические приемы, использованные Спасовичем. И все мотивируется одним - освободиться от субъективных, предвзятых взглядов, задачей "объяснить случай, объективно рассмотреть, исследовать факты". Эта установка, эта позиция выигрышна вдвойне: во-первых, беспристрастному мнению больше доверия; во-вторых, это благовидный предлог для того, чтобы устранить оценочные моменты, все то, что способно вызывать невыгодные, неблагоприятные для защитника эмоции. Отсюда и синонимическая замена *истязание - наказание*, попытка не говорить о шпицрутенах, перевести все рассуждение в абстрактный план и многое другое, на что обращает внимание Достоевский:

Но верх искусства в том, что г. Спасович совершенно конфисковал лета ребенка! Он все толкует нам о какой-то девочке, испорченной и порочной, пойманной неоднократно в краже и с потаенным развратным пороком в душе своей, и совершенно как бы забыл сам (а мы вместе с ним), что дело идет всего только о семилетнем младенце.

И здесь же очень точно вскрыты мотивы такого построения:

...Ему надо истребить к ней всякую вашу симпатию. И хоть у него для этого запасены богатые впереди средства, но все же он боится, что страдания ребенка вызовут в вас, неровен час, человеческие чувства. А человеческие-то чувства ваши ему и опасны...

Если Спасовичу важно нейтрализовать эмоциональную сторону дела, то, Достоевский все время стремится вызвать у читателя сочувствие к девочке, или, как он говорит "к жалкой крошке".

Особенно наглядно выступает это различие стратегических установок адвоката и писателя в следующем сопоставлении. В конце речи В. Спасович спрашивает:

Отец судится; за что же? За злоупотребление властью; спрашивается, где же предел этой власти? Кто определит, сколько может ударов и в каких случаях нанести отец, не повреждая при этом наказания организма дитяти?

Ф. М. Достоевский резко возражал:

То есть не ломающий ему ногу, что ли? А если не ломает ноги, то уже можно все? Seriously вы говорите это, г. Спасович? Seriously вы не знаете, где предел этой власти и сколько может ударов, и в каких случаях нанести отец? Если вы не знаете, то я вам скажу, где этот предел! Предел этой власти в том, что нельзя семилетнюю крошку, безответную вполне, во всех своих "пороках" (которые должны быть исправлены совсем другим способом),- нельзя,, говорю я, это создание, имеющее ангельский лик, несравненно чистейшее и безгрешнейшее, чем мы с вами и чем все, бывшие в зале суда, судившие и осуждавшие эту девочку, - нельзя, говорю я, драть ее девятью рябиновыми "шпицрутенами", и драть четверть часа, не слушая ее криков: "папа! папа!"

Если Спасовичу важно замаскировать образ ребенка и его возраст, то Достоевский говорит о "семилетней крошке", девочке, создании с ангельским ликом, окружает этот образ рядом экспрессивных определений - безответная, чистейшее, безгрешнейшее; абстрактно-юридическим понятиям "злоупотребление властью", "нанесение ударов" и т.п. - противостоят существительные и глаголы с конкретным значением, обозначающим конкретное действие: *ломать ногу, девять рябиновых шпицрутенов, драть* (просторечная экспрессия этого глагола здесь особенно эффектна). Чрезвычайно выразителен синтаксис рассуждений писателя, обильное использование риторических фигур: пронизанные иронией риторические вопросы и восклицания; разного рода отступления, вставки, переходы, инверсия, гипербатон; едва ли весь полный набор фигур повтора: анафора *Seriously вы говорите... Seriously вы не знаете...*, анадиплосис *... я вам скажу, где этот предел! Предел этой власти в том...*, эпанод, антанаклазис, эпаналепсис, градационный повтор, подхват, параномазия (*судившие и осуждавшие*); напряжение, вызываемое разделением, отделением семантически тесно связанных слов *нельзя семилетнюю крошку...- нельзя, говорю я, драть...* и многое другое. Нельзя не отметить также ряд других эффектных риторических фигур, например, прямое обращение к оппоненту, антитезу, градацию, антифразис (*во всех своих "пороках"*), плеоназм и др. Нельзя не заметить и удивительной стройности общей организации отрезка: все фигуры привлечены для того, чтобы создать искусное нарастание внутреннего динамизма (от сомнения к утверждению и обличению, от иронии к пафосу).

Добавим также, что, реализуя избранную стратегию, Спасович использовал и иные тактические ходы; например, разрушению неприятного впечатления от сцены истязания ребенка во многом способствовало углубление в специальные вопросы, увлечение технической стороной, на что также указал Ф. М. Достоевский. Перейдя к "катастрофе 25 июля", он прямо начинает считать рубцы, синяки, всякий шрамик, всякий струпик... Г. Спасовичу уже заметили в печати, что эти счета рубчиков и шрамов не идут к делу и даже смешны, но, по-моему, на публику и присяжных вся эта бухгалтерия должна была непременно подействовать внушительно: "экая, дескать, точность, экая добросовестность!"

Несомненно, это способствовало созданию впечатления беспристрастного, почти научного подхода, чего так добивался Спасович, позволило ему скрыть "лик защитника" под маской "исследователя".

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*

Схема описания речевой тактики

1. Что известно о предстоящем коммуникативном событии?

Предполагается наличие информации трех типов: знание о типе речевых действий (речевых актов), знание когнитивных пресуппозиций (своих и партнера), представление (свои и - гипотетически - партнера) о будущей ситуации общения. Ответы на этот запрос самому себе даются по параметрам: информация достаточная / недостаточная; когнитивные пресуппозиции и представления о ситуации у участников совпадают / не совпадают. В случае отрицательного ответа на эти вопросы предпринимаются дополнительные коммуникативные ходы: прямой или косвенный запрос информации, извинение, уступка, различные способы коррекции модели мира.

2. Каковы позиции в предстоящем диалоге?

Позиция оценивается по критерию "симметричная / несимметричная", в последнем случае требуется дополнительное указание - сильная или слабая, О психологической интерпретации понятий сильной и слабой позиции см.:*. В случае слабой позиции говорящий использует коммуникативные ходы "игры на повышение (себя) / игры на понижение (партнера)", тактические приемы самопрезентации.

Слабая позиция говорящего может выражаться и в способности партнера оказать сопротивление. Если такое сопротивление прогнозируется, то говорящий выбирает тактику "с запасом прочности" - можно назвать это "эффектом превышения коммуникативных усилий". Так, например, было замечено, что при выборе тактики просьбы говорящий рассчитывает на максимальное сопротивление*. Это, в частности, выражается, в предпочтительности косвенных просьб*.

3. Каковы установки говорящего и слушающего на тип общения (кооперативное /конфронтационное)?

Если установки совпадают, не требуется дополнительных коммуникативных ходов. Несовпадение установок приводит к необходимости применения эмоционально настраивающих тактик, приемов самопрезентации.

4. Каковы условия успешности избранной речевой тактики? Этот параметр заимствован из теории речевых актов (с некоторыми оговорками по поводу условия искренности, которое является не всегда релевантным). Согласно теории речевых актов, условия успешности задают те социально и культурно зависимые рамки употребления высказывания, которые обеспечивают его нормальное функционирование и дают возможность говорить о его уместности. При этом категория уместности тактики должна рассматриваться не как факт достижения желаемой цели, а как факт признания слушающим прав говорящего на применение в данной ситуации данного типа речевой тактики.

5. Какие перлокутивные эффекты могут свидетельствовать об успехе либо неудаче речевой тактики?

Предлагаемая модель речевой тактики обладает определенной предсказательной силой, поскольку указывает на возможные контексты коммуникативных неудач. Их типология представлена [в работах](#). Заметим еще раз, что следует отличать коммуникативную неудачу от недостижения цели тактики. В связи с нашими задачами наиболее значимыми являются случаи, когда нарушается одно или несколько условий успешности и - как следствие - не распознается коммуникативное намерение говорящего, либо ставится под сомнение сама претензия, попытка осуществить речевую тактику. Это требует в случае необходимости дополнительных ходов, трактующих намерения говорящего либо исключению, возможно, их неоднозначного понимания.

6. Каковы возможные коммуникативные ходы для реализации моего намерения?

Предполагается, что в сознания говорящего имеется фрейм, включающий некоторое количество вариантов поведения в данной ситуации - своего рода парадигма коммуникативных ходов, репрезентирующих некую речевую тактику.

7. Какие языковые ресурсы следует использовать для реализации моего замысла?

Имеется в виду, что стратегические значения дискурса должны быть сигнализированы - прямо или косвенно поверхностными структурами текста. Последнее: требует выяснения вопрос о языковых показателях (маркерах), по которым мы можем судить о стратегическом замысле и тактических задачах говорящего.

Раздел 4. Лингвистика текста

Валгина Н.С. Теория текста*

Теория текста. Ее предмет и объект

Функциональный аспект в изучении языка, ориентация на коммуникативный процесс неизбежно привели к выявлению коммуникативной единицы высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение. Такой единицей является текст, который мыслится прежде всего как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации следовательно, обладающая экстра- и интралингвистическими параметрами.

Для речевой организации текста определяющими оказываются внешние, коммуникативные факторы. И потому порождение текста, и его функционирование прагматически ориентированы, то есть текст создается при возникновении определенной целеустановки и функционирует в определенных коммуникативных условиях.

Коммуникативные условия, или конкретные речевые ситуации, поддаются типологизации, таким образом, и тексты, ориентированные на определенные коммуникативные условия, также должны обладать типологическими признаками. Установлением этих признаков и занимается, прежде всего, теория текста - научная дисциплина, получившая выход в социолингвистику, психолингвистику, информатику, функциональную стилистику, теорию перевода и другие дисциплины, связанные с изучением речевой деятельности как процесса и речевого произведения как результата этой деятельности.

Среди филологических дисциплин, в частности, редакционно-издательского и журналистского профиля, теория текста занимает одну из главных позиций. Это объясняется тем, что текст как объект исследования предстает здесь как вербальная информативная единица "в действии", т.е. обладающая прагматическими и функциональными качествами.

Теория текста сложилась как научная дисциплина во второй половине XX в. на пересечении ряда наук - информатики, психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики, книговедения, социологии. Несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, в настоящее время теория текста обладает собственным онтологическим статусом. Теория текста охватывает любые знаковые последовательности, однако основным ее объектом является текст вербальный, поэтому при характеристике и описании текста важны данные, накопленные лингвистикой,

Одно то, что теория текста сложилась как дисциплина промежуточного типа, на базе ряда как фундаментальных, так и прикладных наук, говорит о многомерности самого объекта (текста) и многоаспектности его изучения. Предметом данной науки являются признаки и характеристики (как структурные, так и функциональные) текста как коммуникативной единицы высшего уровня, как цельного речевого произведения. Коммуникативность текста понимается как степень его обращенности к читателю. Интерес к тексту как речевому произведению проявился у лингвистов, начиная еще с 20-30-х годов XX в., усилился он в 50-е годы XX в. в связи с обращением к изучению языка в функциональном аспекте, когда язык стал рассматриваться не как статическая система знаков, а как система динамическая. Тогда и появился термин-понятие "речевая деятельность" в практике общения.

В тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие. Так рождается взаимосвязанная триада: а в т о р (производитель текста) - т е к с т (материальное воплощение

речемыслительной деятельности) - ч и т а т е л ь (интерпретатор). Таким образом, текст оказывается одновременно и результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя интерпретатора).

Любой текст рассчитан на чье-либо восприятие: летописец пишет для потомков, специалист-ученый - для коллег, с целью передать свои наблюдения и выводы; даже такой вид текста, как дневник, тоже создается для кого-то - пусть только "для себя". Но "для себя" - тоже определенный адрес. Отсюда и двунаправленность текста: на автора-создателя (может быть, и коллективного) и на воспринимающего читателя. Такая двунаправленность рождает множество проблем при попытке охарактеризовать текст всесторонне

В теории текста еще много дискуссионных вопросов, нерешенных проблем, например вопрос о минимальной протяженности текста (можно ли считать текстом, в частности, одну коммуникативную реплику?). Не установилось и употребление самого термина, названия дисциплины. Изучение текста осуществляется под разными названиями: кроме термина "теория текста", бытуют термины "лингвистика текста", "структура текста", "герменевтика", "грамматика текста", "стилистика текста".

Наличие разных терминов - это не только свидетельство неустоявшейся терминологической практики, но и отражение того, что сам феномен текста предполагает многоаспектность его изучения. "Необходимость комплексного изучения текста не есть методическое требование, оно есть выражение существа самого объекта"* И результаты такого изучения, бесспорно, повысятся, станут более ценными и надежными, если анализ окажется более широким и по количеству привлеченного текстового материала, и по учету сведений из других областей знания, и не только лингвистических, которые лучше всего помогут раскрыть сущность речевой организации текста.

Текст можно рассматривать с точки зрения заключенной в нем информации (текст - это, прежде всего информационное единство); с точки зрения психологии его создания, как творческий акт автора, вызванный определенной целью (текст - это продукт речемыслительной деятельности субъекта); текст можно рассматривать с позиций прагматических (текст - это материал для восприятия, интерпретации); наконец, текст можно характеризовать со стороны его структуры, речевой организации, его стилистики (сейчас появляется все больше работ такого плана, например, стилистика текста, синтаксис текста, грамматика текста, шире - лингвистика текста).

Для издательских работников, в частности редакторов, важен прежде всего в качестве целевого прагматический аспект текста, поэтому при всесторонней характеристике текста особый акцент делается на вопросы о том, как повысить информационную ценность текста, какие приемы для этого можно рекомендовать, как улучшить литературную форму текста

Исследователей текста (например, П. Хартманна, С. Якобсона, Г. Ейгера, В. Звегинцева, М. Гвенцадзе, О. Каменскую и др.) интересует прежде всего типология текстов и потому в качестве первоочередной ставится задача разработки самих принципов классификации текстов*

Проблема выделения текстовых типов оказывается актуальной не только сама по себе, но и потому, что выдвигает тезис о различении языковой и коммуникативной компетенции. Языковая компетенция предполагает способность построения и понимания грамматически правильных предложений. Тогда как компетенция коммуникативная представляет собой способность понимания и правильного построения разных типов текста при учете специфики конкретной речевой ситуации*

Придавая большое значение типологии текста (как теоретическое, так и практическое), ученые признают, что достаточно полная и единая классификация текстов, которая отвечала бы всем требованиям, еще не создана. А раз так, то, видимо, целесообразнее всего начать с уточнения самого понятия "тип текста" и тех критериев, которые должны быть положены в основу типологизации. Интересно отметить, что выделить тип текстов интуитивным путем гораздо легче, чем подвести под их классификацию теоретическую базу. Дело в том, что "образцы текстов" вполне социально осознанны: так, даже читатель-неспециалист различит текст художественный и нехудожественный; текст официального письма и дружеского послания; текст сообщения по радио текст рекламы и т.д.

Усложняется задача разработки типологии текстов и тем, что не существует общепринятой терминологии в теории текста. Без четкой дифференциации используются термины "тип текста", "класс текстов", "вид текста", "тип дискурса", "тип речи", "форма текста" и даже "сорт текста".

Разногласия наблюдаются и в выборе критериев типологизации. Последнее объясняется природой самого текста, его многоаспектностью: один и тот же текст может быть отнесен к разным типологическим группам при учете разных его аспектов, когда в основание классификации кладутся разные признаки, объективно существующие в тексте. Выбор исходной точки отсчета, в данном случае классификационного критерия, может меняться, и потому могут смещаться и группы текстов в разных классификациях. Идеальная типология текстов должна отразить разные аспекты данного объекта - как коммуникативно-функциональный, так и структурно-семиотический.

Для этого скорее всего подойдет смешанный критерий, когда учитывается совокупность экстра- и интратекстуальных дифференциальных признаков. Разные ученые выделяют разное количество таких признаков, и потому классификации получаются более обобщенными или более детализированными. В любом случае важно соблюдение самого избранного принципа, чтобы в одном ряду не оказались понятия родового и видового плана или не обнаружились другие некорректные сочетания.

В настоящее время наиболее последовательной и гибкой представляется система текстов (их типология), основанием которой является теория функциональных стилей при учете коммуникативно-прагматических условий текстообразования.

Важным в данном случае оказывается тот факт, что функциональная стилистика учитывает соотношение экстра- и интралингвистических факторов в различных социо-коммуникативных разновидностях текста.*

Крылова О.А Лингвистическая стилистика*

§ 3.Методика анализа текста в аспекте стилистики речи

Текст представляет собой сложную структуру, в которой составляющие его элементы, отличающиеся по своим качествам, многообразно соотносятся друг с другом. Самыми общими и самыми основными среди этих элементов являются категории содержания и формы. Содержание, в свою очередь, включает тему и собственно содержание; последнее представляет собой данное конкретное решение темы (материал действительности, использованный для раскрытия темы, т. е. те факты, события, которые подверглись обработке в речи), Форма также включает две стороны: композицию и язык. Как первые две категории - тема и содержание, - так и две вторые - композиция и язык - неразрывно связаны друг с другом, тесно взаимодействуют и соотносятся друг с другом. В результате этого взаимодействия и соотношения возникают новые существенные для стилистики текста понятия, но уже на другом уровне: результат соотношения и взаимодействия темы и содержания - идея; результат соотношения и взаимодействия содержания и композиции - сюжет, результат соотношения и взаимодействия композиции и языка - прием. Общий результат соотношения и взаимодействия всех этих понятий дает структуру текста. Стилистический анализ текста направлен на выявление этой структуры, т. е. не на перечисление отдельных компонентов, не только и не столько на определение всех этих составляющих, сколько именно на их соотношенность.

Выделяются три типа составляющих текст элементов: 1) элементы, заданные темой и выражающие основные связи между ними; такими элементами задается логическая основа текста: "Эти элементы текста (основные понятия и их связи) непосредственно соотносят текст с действительностью. Если устранить эти элементы, данного текста не будет."*. Например, если текст посвящен проблемам экологии, то его невозможно представить себе без таких лексических и синтаксических единиц, как экология, экологический, охрана окружающей среды и т. п. 2) Второго типа элементы являются стилеобразующими: это средства речевой выразительности, языковые единицы с той или иной эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой окраской. Их устранение или замена не влияют на

изложение содержания, но изменяют стилистические характеристики текста, т. е. по существу также разрушают данный текст. 3) Наконец, третья группа элементов, существенных для структуры текста, - это конструктивные приемы. Их экспрессивность принципиально отлична от экспрессивности стилеобразующих элементов. Последние обладают стилистической окраской сами по себе (именно они были описаны в стилистике языка). Экспрессивность же конструктивного приема - это экспрессивность данного построения (вспомним развертывание и взаимодействие словесных рядов), возникающая в результате определенной организации, определенного взаимодействия всех единиц текста. При этом конструктивные приемы "служат одновременно и для смыслового, и для экспрессивного выражения"*; примером использования конструктивного приема в художественном тексте может служить антитеза, использованная для хорошо известной сравнительной характеристики Онегина и Ленского: *Они сошлись... Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой.*

Поскольку три типа выделенных элементов (единиц текста) соединены не механически, а неразрывно связаны в тексте, следует говорить об объединении стилеобразующих элементов и конструктивных приемов; это объединение В.В. Одинцов называет эмоционально-риторическими структурами и противопоставляет их рационально-логическим структурам, представляющим собой объединение логических элементов текста со способами их организации. Таким образом, каждый текст конструируется двумя типами структур: рационально-логическими и эмоционально-риторическими; в одних текстах доминируют одни структуры, в других - другие.

Проиллюстрируем сказанное примером из публичного выступления юриста В.И. Жуковского и анализом этого текста в аспекте стилистики речи, проведенным В. В. Одинцовым: *"Подсудимый был полтора года в одиночной камере. Знаете ли вы, г.г. присяжные заседатели, что такое одиночное заключение? Это - три шага в длину, два шага в ширину и... ни клочка неба"*. Теоретик и практик ораторского искусства П.С. Пороховщиков так оценивал это выступление: "Я не знаю стихотворения, которое с такой ясностью передавало бы пытку заточения. Как же достигнут оратором сильный эффект, который отметил П.С. Пороховщиков? Во-первых, заметим, что образных средств здесь нет, если не считать одной метафоры "клочок неба", т. е. почти все языковые средства стилистически нейтральны. Однако эта стилистическая нейтральность языковых единиц преобразуется в структурной организации текста. Основу структурной организации составляет семантико-стилистический сдвиг. Он достигается несколькими способами: во-первых, переходом от повествовательной формы, с которой начинается текст, к вопросно-ответной, диалогической, когда оратор обращается непосредственно к присяжным; во-вторых, тем, что сам вопрос не обусловлен содержанием предыдущего высказывания о том, что подсудимый был полтора года в одиночной камере. "Включение элементов диалога в речь, ориентированную на монолог, особенно монолог не лирического, а сообщающего типа, представляет собой один из приемов эмоционального напряжения. Этот переход поддерживается изменением личных форм: третье лицо глагола заменяется вторым лицом непосредственного обращения, что ведет к субъективизации речи, создает значительный психологический эффект. Но главное - в специфике внутри вопросно-ответного единства. Непосредственные логические связи как бы все время нарушаются, связь устанавливается на ином, глубинном уровне. В самом деле, на вопрос: "...что такое одиночное заключение?" - вместо логически предполагаемого делового, профессионального определения (отражающего сущность понятия "заключение": лишение свободы, нахождение под стражей, изолированно и т. п.) следует: *"Это - три шага в длину..."* Логический разрыв увеличивается позже, в самом ответе, где третье измерение (должно быть: высота) не соотносится с первыми двумя (длина, ширина): *"Это - три шага в длину, два шага в ширину и... ни клочка неба"*. Логико-семантический сдвиг усилен еще и благодаря противоречивому объединению грамматически отличных словосочетаний: двух положительных и одного отрицательного, чрезвычайно экспрессивного. Восстановление нарушенных логико-смысловых отношений на "глубинном уровне" (мотивация) оказывается возможным потому, что так описывается не собственно "одиночное заключение" и даже не одиночная камера, а ощущение, восприятие человека, находящегося в одиночном заключении, причем выделяются детали и по ним восстанавливается общая картина, а через нее - внутреннее состояние человека".

Единицами логического, содержательного характера, соотносящими текст с действительностью, являются здесь лексические средства: *подсудимый, господа присяжные заседатели, одиночное заключение, одиночная камера*. К стилеобразующим можно отнести метафору "клочок неба" и вопросительную конструкцию (вопрос, на который ответ дает сам говорящий), обладающие экспрессивной стилистической окраской. Рационально-логическая структура здесь лишь одна: первое повествовательное предложение. Весь же текст, включая и первое предложение в его соотношении с последующими - это эмоционально-риторическая структура, в основе которой лежит, как было показано, семантико-стилистический сдвиг, приводящий к построению экспрессивного текста, где внешний план: характеристика деталей обстановки - скрывает план внутренний, глубинный: описание состояния человека, его ощущений.

Таким образом, стилистика речи отвечает на вопрос: "Как сделан, как организован текст?"

Раздел 5. Креативная лингвистика, или лингвистика креатива

Е.Н. Ремчукова. Креативный потенциал русской грамматики*

Введение

... Обобщим вышесказанное и перечислим те явления, которые мы относим к **морфологическим ресурсам** языка, обеспечивающим реализацию креативного потенциала грамматики в речи, и описание которых определяет **конкретные задачи** исследования:

- потенциальные грамматические формы в рамках грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов, имеющие внутрисистемный характер и созданные по продуктивным моделям;
- окказионализмы - грамматические формы и лексемы не узувального, индивидуально-авторского характера ("эфемерные инновации"), при создании которых могут быть нарушены законы сочетаемости лексической и грамматической семантики ("дисгармония лексического и грамматического значений");
- морфологические солецизмы - узаконенные традицией (как правило в поэтическом языке), но неверные с точки зрения нормативных предписаний словоформы, которые следует отграничивать от случаев собственно ошибочного формообразования;
- парадигматические лакуны, обусловленные нормативными ограничениями в кодифицированных системах словоизменения;
- речевые имитации грамматических аномалий как средство экспрессии;
- грамматические контрасты - сопоставление в высказывании грамматических единиц, обладающих дифференцирующими свойствами, т. е. противопоставленных по частному грамматическому или лексико-грамматическому значению;
- грамматические ряды - "накапливание" в высказывании однородных (стандартных и нестандартных) грамматических компонентов как средство создания экспрессии и гиперэкспрессии;
- грамматическая вариативность - грамматические формы, допускающие варьирование в аспекте:

а) тенденции к потенциальной семантической и стилистической дифференциации ("манипулирование вариативностью");

б) модернизации языковой архаики - "реставрации" и актуализации в высказывании устаревших вариантов (например, в зоне аспектуальной префиксации);

- лексико-грамматический плюрализм - создание эффекта семантической двусмысленности, намеренно не разрешенной в контексте высказывания, в котором априори задается сложный смысл;

- контекстуально обусловленные семантические сдвиги, являющиеся результатом экспрессивно или прагматически актуализированной словоформы;
- грамматические и лексико-грамматические омонимы, актуализированные в высказывании и являющиеся основой каламбура;
- грамматические рефлексивы - высказывания, в которых говорящий, объясняя свой выбор, интерпретирует, квалифицирует, оценивает грамматические элементы языка - эксплицитная интерпретация грамматической семантики, производимая самим говорящим;
- грамматическая метафора - элементы морфологической системы, нормативные или ненормативные, актуализация которых обуславливает образность всего высказывания;

грамматическая прагматика - актуализация грамматического или лексико-грамматического значения, выражающая позицию говорящего по отношению к действительности, собеседнику или сообщаемому.

1.1.6. Солецизмы за пределами поэтической речи

С точки зрения лингвистического анализа любые отклонения от стандарта в речевом функционировании становятся тем приемом, который, по выражению Н.Д. Арутюновой, позволяет "...вникнуть в природу самого канона". Однако провести границу между потенциальным и окказиональным не всегда легко, хотя установлено, что потенциальные слова характеризуются тем, что они образованы по продуктивным моделям и, с этой точки зрения, занимают промежуточное положение между узальными и окказиональными лексемами. Кроме того, и граница между солецизмом ("разрешенной неправильностью") и не солецизмом ("неразрешенной", потенциальной неправильностью) не всегда является четкой. Иногда встречается стремление "узаконить" странную грамматическую форму, придать ей статус солецизма: подобной "странности" находят оправдание, "списывая" на кого-то более авторитетного, как это делает интеллигентная героиня рассказа Ирины Муравьевой "Дневник Натальи", рассуждая так: *Она любит мужчин, но людей она не любит, она не умеет их "полюблять". Чье это слово? Не помню, кого-то знаменитого. Так вот: "полюблять" моя дочь не умеет.*

У неправильной, но употребительной ("разрешенной") грамматической формы постепенно складывается свой ассоциативный потенциал, свои устойчивые стилистические коннотации - в отдельных случаях они придают ей характер речевой идиомы. Так, например, употребляется в разговорной речи выражение *всего и делов-то*: *Просто познакомится с девушкой, построит ей глазки, поговорит приятные слова и под благовидным предлогом посмотрит колечко. Всего и делов-то* (А. Маринина). Такие потенциальные грамматические формы, активно "задействованные" разговорной речью, превратились в морфологические штампы, получив статус солецизма: *никаких мечт, падежов не знает, всего и делов-то* (*Не надо из всего делать проблему: написал диссертацию - защитился. Как говорят в народе: всего и делов-то*), *мы академиев не кончали*. В роли таких своеобразных клише могут выступать не только "классические" и потому ставшие привычными грамматические ошибки, но и инновации, одобренные "народом": *его поступили в институт, его ушли* (его уволили); *на что это вы намекиваете; что-то там наблюлось; это нам не влияет* (влиять на что); *она его в себя влюбила*.

Обратим внимание на участие в создании этих грамматических клише явления переходности. Непереходные глаголы приобретают статус переходных, перестраивая свои синтаксические связи (*поступить куда?* и *поступить кого?*) или избавляясь от показателя непереходности постфикса *-ся*, например, *печалиться - это меня печалит*: (интервью с режиссером Отаром Иоселиани) *Но, конечно, признательность человека, что бы ты ни делал, она подтверждает, что ты шел правильным путем, а равнодушие печалит*. Устойчивое выражение *"не он ушел, а его ушли"* отмечал еще В.В. Виноградов*.

Некодифицированная форма род. п. мн. ч. существительного *падеж* приобрела поистине концептуальное значение, символизируя полное незнание основ родного языка. Статья в "Независимой газете" (2001, 27 января) называется *"Мы запутались в падежах и оборотах"*. Рассуждая о состоянии русского языка, о сложных проблемах языковой политики, авторы призывают: *"Помните о падежах. Падежи*

- наша головная боль ("**падежов не знаем**")". Используя оксюморон, подобные входящие в состав речевых идиом формы можно назвать "устойчивыми" потенциальными формами.

Статус солецизма приобрела в современной речи и несупплетивная форма мн. ч. существительного *человек* (люди) - *человеки*¹. "Игнорирование" супплетивизма - стремление к унификации форм ед. и мн. ч. (- *Я просто хотела познакомить вас с интересным **человеком**... - Не хочу я никаких **человеков**...*), сопровождается ярко выраженной противоречивой оценочностью, при которой стандартная и нестандартная формы мн. ч. вступают в антонимические отношения, развивают своеобразную оценочную энантиосемию. О хороших людях: **Люди** - это плохо соображающая масса, а избранные - это **человеки**; **Человеков** вокруг мало, в основном просто **люди** (из телепередачи). Ср. также у И. Бродского: ...*сокрыта глубоко в сердцах **человеков***. В то же время форма мн. ч. *человеки* развивает и противоположное, отрицательное значение (плохие люди): *Есть люди, а есть **человеки***.

Для современной речи типично и употребление этой формы в значении "люди, появившиеся искусственным путем в результате биотехнологий, клонирования": *В будущем в космос будут летать не люди, а **человеки*** (см. также выше "*Конвейер человеков*"). Все это свидетельствует и о лексикализации этой формы, и о ее речевой легализации. Таким образом, утверждение, что "именно приращение смысла дает жизнь грамматической форме, не существовавшей в узусе в грамматической парадигме данного слова"^{*}, верно не только по отношению к поэтическому тексту^{*}

1.1.7. Факторы, определяющие креативный потенциал русской грамматики

Выделим те факторы, которые определяют креативный потенциал русской грамматики.

В качестве **первого** фактора следует назвать синкретизм и многообразие грамматических форм, которые позволяют творчески использовать их при любой актуализации грамматического смысла. Развитая парадигматика, с одной стороны, априори предполагает лакуны - отсутствие в узусе каких-либо форм слова или их не востребованность; с другой - при необходимости "разрешает" говорящему легко ликвидировать эти лакуны, "выравнивая" формообразование. Нарушение стандарта в таких случаях представляется закономерным процессом: оно происходит не вопреки, а благодаря системе - как бы с ее "благословения". С одной стороны, дефектность некоторых частных парадигм является постоянным "искушением" для говорящего, так как стремление к заполнению лакун на всех уровнях языка характерно для речевой практики в разных типах дискурса. С другой - "искушением" является и ее избыточность: феномен грамматической вариативности предоставляет возможность выбора, а значит, и творчества.

Парадигматически развитая грамматика русского языка так же активно участвует в языковой игре, как и средства других языковых уровней, а широко распространенное мнение о том, что облигаторность грамматических значений и их структурированность сдерживают ее креативные возможности, является скорее заблуждением. Русская грамматика, обладая, несомненно, богатейшей палитрой создания эффектов разного рода, как бы "подталкивает" говорящего к необходимости использовать ее системный потенциал: "С точки зрения носителей языков с развитой системой грамматических категорий, языки "без грамматики" являются слишком неэксплицитными и приблизительными: *это разреженный горный воздух, которым трудно дышать*"^{*}.

В рамках именной и глагольной парадигм представлены не только "неправильные" вариативные "формы-ошибки", появившиеся в результате грамматической аналогии (*делов, хочем*), сфера реализации которых - языковая игра или стилизация неграмотной речи, но и потенциальные и окказиональные "творческие" формы:

- падежные (*мечт, человеков*);
- числа (высокопродуктивные и многочисленные формы мн. ч. существительных *singularia tantum* (*любви, риски*), а также единичные окказиональные образования ед. ч. у существительных *pluralia tantum* - *брюка, штан*);

- залоговые (*поступлен, благодарен, пробужден, развеселена; угнетаться, взволноваться, вставаться, миноваться*);
- аспектуальные (чаще формы вторичной имперфективации: *разлюбивать, научиваться и научиться, растрогиваться, зацепливаться*);
- формы компаратива (*ангелее, трансвеститее, циркее*) и др.

Второй важный фактор - морфолого-словообразовательный характер основных русских грамматических категорий - рода, залога, вида. Например, в рамках категории рода это порождает продуктивный в языковой игре прием "обратной деривации", в результате которой образуется "псевдокоррелят" мужского рода. Ср. широко известные *тарел, собак, кукуш, русал* и новые, индивидуально-авторские образования *прим, кокет, муз*: *В полном отсутствии выдающихся балерин Нижинский был объявлен Дягилевым **примом**; Явлинский не что иное, как политический **кокет**, и именно поэтому восторги демократов вполне наивны; Художница и ее **муз***. Последний случай представляет собой заголовок статьи-интервью с известной художницей Татьяной Назаренко*. Появление окказиональной формы мужского рода закономерно, так как у слова *муза* соответствующего "партнера" в языке нет. Обыгрывание звукового и структурного сходства со словом *муж* придает трансформации своеобразное языковое изящество.

Третий фактор - лексико-грамматическая природа русских грамматических категорий глагола и имени, определяющая ту нерасторжимую связь лексики и грамматики, которая подчеркивается, декларируется русской лингвистической традицией. Именно "сплетенность" лексического и грамматического значения в слове позволяет говорящему, актуализируя грамматические смыслы, "рассчитывать" на стилистические и семантические эффекты, что подтверждают многие примеры, приведенные выше.

Ассоциативные механизмы, которые лежат в основе представленных типов актуализации, являются результатом в той или иной степени осознанного (в зависимости от типа речи и намерений самого говорящего) творческого процесса. Однако формирование на основе этих механизмов определенных стратегий подчиняется закономерностям развития русской грамматической системы, поэтому некоторые факты креативной грамматики, проникая в узус и повторяясь в нем, свидетельствуют о возможном сближении разных типов речи и разных языковых личностей в грамматическом пространстве языка.

Заключение

Широкоупотребительное в современном русском языке слово *креативный* (от англ. *creative*) нашло свое место в словарях, фиксирующих языковые изменения последнего десятилетия, в которых ему приписывается два значения - *созидательный* и *художественный, творческий* - и именно в аспекте этих значений, взаимообусловленных и взаимосвязанных, необходимо рассматривать потенциал русской грамматики [...]

[...] *Художественный*, эстетический потенциал русской грамматики реализуется в особых функционально-творческих условиях, когда коммуникативная задача, по выражению Ю.М. Лотмана, осложняется творческой. Эти условия могут существовать и за пределами поэтического текста: он воплощается в ярких индивидуально-авторских трансформациях грамматических единиц, в их метафоризации, в грамматической рефлексии, в концептуализации грамматической семантики. Очерченная нами сфера потенциальной, нетривиальной грамматики оказывается шире собственно окказиональности, так как охватывает и другие формы и способы реализации лингвокреативного мышления, присущего творчески "настроенной", или, как принято говорить сегодня, креативно мыслящей личности, лингвистическое изобретательство которой распространяется и на грамматическое "триединство" - форму, значение и функцию грамматического элемента высказывания.

Креативность, направленная только на трансформацию грамматической формы (например, образование в ироническом контексте разговорной речи неузальных парадигматических форм типа *мечт, пылесосу, дерзю* и др.), безусловно, более поверхностна, чем та, которая вторгается во внутреннюю сферу семантики и функций грамматических средств, в которой асимметричный дуализм языкового знака

обуславливает грамматический плюрализм - способность элементов высказывания к неоднозначности, к развитию одновременно нескольких значений, потенциально заложенных в грамматической форме. Именно поэтому в рамках "грамматических контрастов" наряду с типичной смысловой корреляцией часто возникает новая, неожиданная.

В нашем исследовании внимание сосредоточено на морфологических ресурсах грамматики, на тех рельефных зонах концентрации способов и форм креативности (фактах не только ярких, но и достаточно регулярных), к которым относятся такие категории глагола, как вид (аспектуальность) и залог, существительного - род и число, соотношение полных и кратких форм прилагательного и некоторые другие.

Анализ в аспекте креативности категории аспектуальности позволяет говорить о том, что ее экспрессивные и прагматические возможности определяются сложным, пограничным характером вида - его тесной связью со словообразованием, в недрах которого формируется вариативность перфективирующих префиксов. Подобная вариативность обладает особой семантической, функциональной и стилистической нагрузкой: "поворот" в сторону менее привычного, периферийного (архаичного, разговорного, поэтического) средства видообразования способствует уточнению смысла высказывания, усиливает его выразительность, участвует в формировании его прагматики. Вариативность в пределах и вне пределов нормы является важнейшим резервом креативности и для других категорий имени и глагола.

В грамматике невозможен анархизм, ей в большей степени, чем лексике, присущ языковой автоматизм, и полностью сбросить ее "оковы" невозможно. Однако ее устойчивость не препятствует "разумным" трансформациям - в рамках тех реальных возможностей, которые предоставлены ей самой системой языка. В "креативной" грамматике языковое творчество всегда актуализируется на фоне стереотипа. Антропоцентрический подход к грамматике позволяет выявить закономерности сложных и одновременно гармоничных взаимоотношений языка и речи - способность разных типов и жанров свободной, творческой речи в полной мере реализовывать то, что заложено в системе языка [...]

[...] В рамках потенциальных и продуктивных грамматических структур зарождается окказиональность - слово или форма, обладающая более яркой индивидуальностью, преодолевающая сопротивление лексического значения основы, поэтому границы между потенциальным и окказиональным по отношению к грамматическому материалу не всегда представляются четкими. Креативные возможности, скрытые в самой грамматической единице языка, как правило, основаны на нарушении (в большей или меньшей степени) грамматической нормы, что создает эффект формы обновленной, неожиданной. К лингвокультурологическим парадоксам следует отнести тот факт, что в процессе коммуникации само "попрание" нормы может использоваться в качестве символа: так, например, ироническое выражение "*Падежов не знает*" символизирует собой полное незнание основ родного языка.

Но креативность проявляется и в освоении тех языковых моделей, в которых актуализируется нормативный функционально-семантический потенциал грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов: и при грамматическом "комбинировании", и в условиях грамматического контраста грамматические значения, подчеркнутые "**со-противопоставлен-ностью**" (Ю.М. Лотман), становятся существенным смысловым элементом высказывания или его смысловым фоном. Анализ семантики и прагматики грамматических контрастов в высказывании или небольшом по объему тексте позволил наглядно продемонстрировать тонкую дифференциацию частных грамматических значений, обусловленную принципом коррелятивности - ведущим принципом не только грамматики языка, но и грамматики речи.

В качестве языковой приметы последних десятилетий можно назвать усиливающуюся рефлексию в отношении слова (в том числе и грамматическую), обыгрывание не только его звукового состава и структуры, но и внутренней формы, и связей с другими словами - то, что принято называть языковой игрой, или лингвистическим остроловием. Это явление существовало всегда (именно в этом аспекте проанализированы нами письма поэтов Серебряного века), но сегодня оно приобретает многожанровый и углубленный характер, захватывая язык СМИ, активно внедряясь в рекламный дискурс, т. е. в те сферы речевой практики, которые особенно остро нуждаются в деавтоматизации языкового знака.

Имидж издания и успешность рекламного текста сегодня зависят от уровня языковой игры, ее изощренности и изысканности, от того, насколько тесно она связана не с поверхностной, а с содержательной креативностью. Актуализация лексико-грамматических значений особенно эффективна и эффективна в заголовках, слоганах и в коротких рекламных текстах: их автономность, небольшой объем и графическая наглядность создают особые условия для реализации динамической креативности. Проведенный анализ убеждает нас в том, что эти речевые жанры часто вполне успешны в выстраивании креативной стратегии, в основе которой лежит "грамматический сюжет": принцип доступности не исключает насыщения их теми смыслами и коннотациями, правильное "считывание" которых требует от слушающего некоторых лингвистических усилий.

В исследовании предложен и осуществлен новый путь анализа: от факта - к разным жанрам (а не от жанра к грамматическому факту). В этом аспекте приобретает особое значение выявление типологического сходства газетно-публицистического и разговорного дискурса с поэтическим, безусловно, ведущим, так как "вся полнота функционального спектра грамматической формы реализуется лишь в поэтической речи" (И.И. Ковтунова). Несмотря на принципиальное, типологическое различие, они, тем не менее, имеют и общие креативные источники смысловых возможностей и выразительных средств. Таким образом, в диссертации впервые обобщен многожанровый материал: выявленные способы актуализации категориальных грамматических значений в той или иной степени присущи всем типам и жанрам творчески ориентированной речи.

Возрастание личностного начала и диалогичности общения, ослабление прежде жестких рамок публичного общения определяют "языковой вкус эпохи" и отмечаются всеми исследователями современной речи. Следствием этого является свобода речевого поведения, формирование новых средств выразительности и образности в языке СМИ, успешно осваивающем основы поэтики; в жанре интервью с людьми творческих профессий - актеров, режиссеров, писателей, в котором "мячик" языковой игры, брошенный одним из участников диалога, легко подхватывается другим; в жанре воспоминаний известных людей, рассчитанных на определенный круг интеллектуальных читателей. Фактор реального или предполагаемого "собеседника" оказывается важнейшим для проявления языковой компетенции автора - это демонстрируют письма поэтов Серебряного века, обращенные к адресату, который воспринимается как равный, "надобный".

В этих жанрах и типах речи норма предстает как реализованная возможность, в некоторых случаях - индивидуальная: в процессе порождения речи образуется именно необходимая "здесь и сейчас" форма, изменяется ее семантика, привлекаются варианты, расширяется функциональный диапазон. Не только индивидуальность грамматической нормы, но и "привязанность" к определенным морфологическим и словообразовательным моделям, в рамках которых продуцируются окказионализмы, становится яркой чертой языковой личности, одной из составляющих ее лингвокреативного мышления.

Критерием хорошей речи являются не только правильность, но и выразительность, образность, которые часто требуют формы, отсутствующей в словаре (вторичного имперфектива, возвратного глагола, глагола страдательного залога, степени сравнения прилагательного или краткой формы и т. п.). Творческая речь, в которой подобная грамматическая смелость оправдана необходимостью разрушить автоматизм восприятия языкового знака, это не только речь элитарная и среднелитературная, но и литературно-разговорная, иногда - фамиллярно-разговорная (например, диалоги радиоведущих со слушателями), не только письменная, но и устная: креативная грамматика, продуцирующая отклонения осознанные и функционально оправданные, является общей зоной этих разных типов речевой культуры.

К "элитарным" явлениям относятся грамматические рефлексивы: к ним прибегают не только поэты и прозаики, но и журналисты, иногда участники интервью. Возможность ненаучной, но успешной интерпретации грамматических элементов языка самим говорящим демонстрирует филологичность мышления "природного" лингвиста. Для профессионального лингвиста осмысление индивидуально-авторской рефлексии представляет несомненный интерес, так как позволяет еще раз обратить внимание на те фрагменты русской грамматики, которые обладают концептуальной ценностью (категория времени), прагматической ориентированностью (категория лица) или метафорической сущностью (категории рода,

времени). Анализ грамматических рефлексивов показывает, что грамматика играет определенную роль в языковой картине мира "рефлексирующего" русского человека [...]

[...] Представленный в работе "нетривиальный" материал обобщен с точки зрения способов информативной, эстетической и экспрессивной актуализации грамматических элементов высказывания и с точки зрения его прагматической успешности и жанровой специфики. Диагностика креативной грамматикой позволяет увидеть не только оригинальное речевое воплощение языкового канона, но и осуществляющую это воплощение неординарную языковую личность, а также выделить те жанры речи, которые, развиваясь, вполне успешно осваивают новые средства выразительности, в том числе и грамматические.

Культура русской речи. Энциклопедический словарь - справочник*

Языковая игра (ЯИ) или игра с языком, игра слов, языковая эксцентрика, реализация людической функции языка - термин, в который разные авторы вкладывают подчас не вполне одинаковое содержание. Это объясняется, в частности, сложностью самого обозначаемого феномена: "Многоплановость языковой игры делает затруднительным ее непротиворечивое и исчерпывающее определение"*.

Тем не менее существующие точки зрения и дефиниции можно обобщить и некоторым образом сгруппировать.

1. Точка зрения на ЯИ, согласно которой вся человеческая речевая деятельность и даже отчасти деятельность внеречевая, есть совокупность ЯИ. Такова точка зрения Л. Витгенштейна. В. П. Руднев приводит следующее высказывание Л. Витгенштейна из его "Философских исследований": "Термин "языковая игра" призван подчеркнуть, что говорить на языке - компонент деятельности, или форма жизни.

Представь себе все многообразие языковых игр на таких вот и других примерах:

Отдавать приказы или выполнять их -

Описывать внешний вид предмета и его размеры -

Изготавливать предмет по его описанию (чертежу) -

Информировать о событии -

Размышлять о событии -

Выдвигать и проверять гипотезу -

Представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах -

Сочинять рассказ и читать его -

Играть в театре -

Распевать хороводные песни -

Разгадывать загадки -

Остричь; рассказывать забавные истории -

Решать арифметические задачи -

Переводить с одного языка на другой -

Просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить".

Далее В. П. Руднев замечает: "И как сторонники теории речевых актов в конце концов пришли к выводу, что вся речевая деятельность, а не только отдельные ее фрагменты состоит из речевых актов, или действий, так и Витгенштейн считал, что ЯИ - это формы самой жизни, и что не только язык, а сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка (ср.: гипотеза лингвистической относительности), является совокупностью языковых игр"*.

2. Более определенное (хотя тоже достаточно широкое) понимание ЯИ связывает ее с креативной речевой деятельностью активностью языковой личности (носителя языка): "При осознанном нарушении языкового канона мы имеем дело с ЯИ как особой формой лингвокреативной деятельности,

отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей - при понимании *условности* совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на "опознание" реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения. Эти правила "выводимы" только при опоре на языковой стереотип, опрокидывание которого и составляет парадокс восприятия соответствующей тактики (приема, сценария и т.п.) ЯИ. Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, ЯИ всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной "обработкой" того или иного вида языкового знания"*.

Кроме указания на креативную сущность ЯИ и ограничения ее сферой языковых/речевых единиц, особенно существенной представляется мысль о том, что ЯИ "выводимы" только при опоре на языковой стереотип, который преодолевается ("опрокидывается") использованием лингвистических приемов, - поскольку существует мнение, что ЯИ "не всегда состоит в уклонении от нормы, от стереотипа"*.

В доказательство этого соображения приводятся

неубедительные примеры. Так, Н. П. Перфильева полагает, что "нет отклонений от стандартна, от стереотипа <...> в употреблении обращения в характеризующей и оценочной функциях" в сценарии Э. Рязанова и Э. Брагинского "Гараж": *Неподкупная наша! Бескорыстная моя!* - не замечая, что в обращениях реализован типичный Антифразис (см.). Второй (и последний для подтверждения данной мысли) пример, приводимый указанным автором, представляет собой цепочку неполных предложений: *Очнулась. Взглянула. Обомлела - проспала. Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла... ** [...]

[...] Между тем цепочка предложений такого рода являет собой двойное отклонение: от нейтрального варианта ("нейтральной ступени") синтаксической нормы (стилистически значимый эллипсис) и от речевой (текстовой) нормы в узком смысле (обычной, статистически наиболее вероятной структуры текста).

3. Широкое понимание ЯИ может быть связано с ее рассмотрением в пространстве целого текста. Так Э. М. Береговская, сочувственно сославшись на толкование ЯИ Л. Витгенштейном ("целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен") и И. Хейзингой ("Все, что есть поэзия, выражается в игре..."), замечает: "Даже если понимать языковую игру в узколингвистическом смысле - она вездесуща и многолика. И потому она проникает во все сферы человеческой жизни, от бытовой сферы, где она существует в виде ходячей шутки или просто в виде отзвучий, "штучек-дрючек" <...>, до рекламного слогана, газетного фельетона, ораторской речи и поэтического произведения. Языковая игра вездесуща и потому, что освоила все языковые уровни - фоннику, словообразование, лексику, синтаксис"*.

Далее она останавливается "на некоторых наименее известных формах языковой игры, связанных с принципами организации целого текста", среди которых выделяет приемы (она их называет принципами), "построение которых ориентировано на определенную букву/звук, морфему, синтаксическую структуру, функционально-стилистическую принадлежность, сочетаемость, темо-рематический баланс, тематику или прагматику"; и приемы, "для которых главными текстообразующими моментами являются соотношение длины стихотворных строк или направление чтения, перенос логического ударения, отраженный в пунктуации, или взаимозаменяемость отдельных частей..."*.

4. Под ЯИ могут пониматься все явления такого рода, "когда говорящий играет формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое" задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, или белее или менее удачная острота, и каламбуры, и разные виды тропов ..."*.

Авторы точки зрения* полагают, что ЯИ в разговорной речи (Р.Р.) "можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка" чаще всего "в виде установки на комический эффект"*.

Однако комизм хотя и "наиболее частая, но не единственная функция языковой игры в Р.Р. Языковая игра может использоваться и как реализация эмотивной (экспрессивной) функции языка <...>, может выступать как средство "смягчения" речи <...>, может служить для более точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения. И, наконец, языковая игра может иметь изобразительный характер - служить для имитации человека, чьи слова передает говорящий, или для наглядного изображения ситуации

говорения". Соответственно указанные авторы выделяют две разновидности ЯИ: балагурство, не связанное с передачей содержания речи, и остроловие, "когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной, экспрессивной передачей содержания"*.

И балагурство, и остроловие реализуются в большом количестве стилистических приемов. Среди приемов балагурства указываются: прием рифмовки, фонетические деформации слов, "веселая грамматика" (разного рода преобразования морфологической формы слова), прием речевой маски.

Среди приемов остроловия упоминаются прием Стилистического контраста (см.), словообразовательная игра (см. Словообразовательная контаминация), нарушение законов сочетаемости слов, прием иронического возвеличивания или принижения (см. Антифразис, Ирония), перифрастические номинации (см. Перифраза), прием цитации (см. Цитата, Реминисценция), Каламбуры и паронимическая аттракция.

Раздел 6. Функциональное направление в лингвистике. Функциональная грамматика.

М.А. Шелякин. Функциональная грамматика русского языка*

ВВЕДЕНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНУЮ ГРАММАТИКУ

§ 1. Что такое функциональная грамматика?

Традиционно термин "грамматика" как предмет изучения имеет более общий и более узкий объем значения. В более общем значении грамматикой считается структурная организация (строение) всех единиц языка с правилами их сочетания. С этой точки зрения грамматика включает фонетику, словообразование, морфологию (грамматические формы слов), синтаксис и противопоставляется лексике как составу слов, обладающих совокупностью фонетических, лексико-семантических, морфологических и синтаксических свойств и служащих тем самым центральным предметом грамматического изучения. В более узком значении под грамматикой понимается лишь то, что принято называть морфологией и синтаксисом языка. Менее традиционно грамматика определяется как взаимодействие разных уровней языка для выражения определенной информации о внеязыковой действительности в отдельных высказываниях (предложениях). При таком понимании грамматики ее центральной единицей считается предложение, которое и служит предметом грамматического изучения, а сама грамматика называется ономазиологической (греч. \νομα - название), когнитивной (лат. cognitive - знание, понятие о чем-л.), активной, функциональной, интегративной и др. (о чем см. ниже).

В настоящем пособии термин "грамматика" употребляется в узком смысле по отношению к тем обязательно выражаемым в словах и предложениях значениям, под которые подводятся в данном языке те или иные лексические значения и синтаксические структуры при организации сообщений о внеязыковой действительности. К таким значениям относятся морфологические и синтаксические значения словоформ, конструкций, моделей предложения, взаимосвязанные и взаимодействующие с лексическим уровнем языка.

Относительно недавно в языкознании стали употребляться термины "функциональная грамматика", "функциональная лингвистика", отражающие лингвистические направления, которые возникли под влиянием ряда лингвистических концепций 20-го века, но истоки их лежат глубже, поскольку в каждом описании языка и его грамматики всегда присутствовал в той или иной мере функциональный аспект. Так что функциональная грамматика и функциональная лингвистика - это не абсолютно новые направления в языкознании, они опираются на длительную традицию, и вместе с тем функциональная грамматика и функциональная лингвистика - это особые направления в современной науке о языке, специальным предметом изучения которых стали функции и функционирование языковых единиц и языковой системы в речи. Они являются дальнейшим развитием системно-структурного изучения языка, но на принципиально

новой основе: система языка понимается не только как некоторое целое, состоящее из взаимосвязанных элементов, но и как целое, состоящее из элементов, обладающих определенными функциями в речи человека. Функциональному подходу к изучению языка и его элементов способствовали и изменения в общей теории систем и развитии кибернетики, в которых стало обращать внимание на "поведение" (= функции) систем и их элементов в окружающей среде. Таким образом, в функциональной лингвистике меняется точка отсчета в исследовании языка, поскольку его элементы выделяются и описываются прежде всего по их функциональному качеству, что позволяет описать язык и его элементы в единстве их структурно-системного и функционального аспектов, а не "разводить" эти аспекты в разные стороны.

Функциональная грамматика как особая разновидность грамматики находится в стадии развития и поисков в разработке соответствующей теории и научно-понятийного аппарата. Поэтому в современной лингвистике существуют разные определения задач функциональной грамматики, связанные как с неоднозначным истолкованием понятия функции, так и с неоднозначным пониманием общей стратегии функционального изучения грамматики. Тем не менее уже можно говорить о ряде новых акцентов и аспектов в изучении грамматики по сравнению с традиционной (системно-категориальной) грамматикой.

Функциональная грамматика, во-первых, отличается своей ориентацией на общую коммуникативную функцию языка, задавая и отвечая на вопросы "что? зачем? для чего?" в грамматике языка; во-вторых, ставит перед собой задачу определить функциональный диапазон (потенциал) своих единиц, структур, целых классов и др. в системе языка и в речи; в-третьих, уделяет специальное внимание описанию условий (среды) реализации каждой функции; в-четвертых, рассматривает каждую функцию в единстве со спецификой ее знакового носителя; в-пятых, устанавливает связь и взаимодействие разных функций своих единиц в рамках системы и в речи; в-шестых, выявляет взаимосвязь и взаимодействие функций своих единиц с единицами других уровней языка (лексического, фонетического); в-седьмых, выделяет однородные типы функций, в пределах которых фиксируется их дифференциация. Наконец, следует отметить еще одну особенность функциональной грамматики - ее предметом являются не только функции языковых единиц в предложении, но и в рамках целостных текстов.

Нельзя сказать, что традиционная грамматика не занимается указанными проблемами. Однако при отсутствии специального и последовательного подхода к функциональному изучению грамматики вне поля ее зрения остаются многие вопросы этого аспекта грамматики. Приведем примеры, подтверждающие это положение. Так, традиционная грамматика обычно описывает грамматические значения слов, частей речи, но не отвечает на вопрос, какую функцию они выполняют в системе языка и речи, для чего они нужны языку как средству общения. В традиционной грамматике инфинитив определяется как исходная форма глагольной парадигмы, называющая действие без указания на его отнесенность к лицу, времени и наклонению, но такую же характеристику можно дать и именам действия, ср. *читать - чтение*. Традиционная грамматика различает глагольные формы действительного и страдательного залога, но не раскрывает, когда и с какой целью они употребляются в речи, обозначая одну и ту же ситуацию. Подобных примеров можно привести много, поскольку традиционная грамматика не ставит перед собой в явном виде перечисленных выше задач функционального изучения грамматики.

Как уже говорилось выше, в современной функциональной грамматике по-разному определяется стратегия функционального изучения и само понятие функции. В этом отношении обозначались два взаимосвязанных, но все же различных направления. Одно из них, ближе всего стоящее к традиционной грамматике, принято называть семасиологическим (от греч. *σημα* - знак) или формоцентрическим, исходящим из изучения грамматики по принципу "средство выражения (носитель функции) - функция".

Другое направление в функциональной грамматике, часто связываемое с понятием собственно функциональной грамматики и называемое ономазиологическим (идеологическим, идеографическим и др.), исходит из изучения грамматики и языковой системы в целом по преимущественному принципу "содержание (мысль, смысл) - средства выражения". В основе такой грамматики лежит структура речевого акта, активную роль в котором играет говорящий, сообщающий партнеру по коммуникации информацию, состоящую из определенных смыслов. В выражении этих смыслов говорящий использует языковые средства

всех уровней языка в их взаимосвязи и взаимодействии. Чтобы понять информацию говорящего, партнер по коммуникации не только следует принципу "от средств выражения к содержанию", но и должен руководствоваться теми закономерностями отбора и сочетания языковых средств, которые обеспечивают говорящему выражение смыслов информации. Данная стратегия функционального изучения грамматики понимает функцию как результат использования грамматической системы в речи во взаимодействии с другими уровнями языка и носит наиболее "поисковый" и дискуссионный характер.

Основная проблема ономаσιологических грамматик состоит в способах выделения отдельных речевых смыслов, составляющих семантическую структуру сообщаемой информации. В этом отношении существуют разные подходы - от дедуктивного выделения универсальных для всех языков мыслительных категорий (количества, времени, пространства, причины и др.) до индуктивного выделения категорий на основе наблюдений над семантической общностью различных языковых средств (например, категорий побудительности, аспектуальности, персональности, темпоральности и др.). Так, наиболее известной по исходным позициям является теория функциональной грамматики этого типа, принадлежащая А.В. Бондарко. Основная суть его концепции заключается в следующем. На основе синтеза направленности анализа "от средства к функции" и "от функции к средствам" предлагается выделять функционально-семантические поля (ФСП). ФСП - это система разноуровневых средств данного языка, объединенных на основе семантической общности (например, ФСП модальности, залоговости, аспектуальности). ФСП находятся между собой в определенной системе, которая включает следующие группировки взаимосвязанных полей: 1) группировки полей с предикативным ядром (аспектуальности, темпоральности, модальности, залоговости и др.), 2) группировки полей с предметным ядром (субъектности, объектности, одушевленности/неодушевленности, определенности/неопределенности и др.), 3) группировки полей с преимущественно атрибутивным ядром (качественности, компаративности, посессивности и др.) и 4) группировку полей с обстоятельственным ядром (причины, цели, условия, уступки, локативности и др.). Сами ФСП имеют два основных структурных типа: 1) моноцентрические, опирающиеся на грамматическую категорию (например, аспектуальность, темпоральность и др.) и 2) полицентрические, опирающиеся на некоторую совокупность различных средств (например, в русском языке таковы поле определенности/неопределенности, поле состояния и др.). Каждое поле семантически и формально структурировано, т.е. состоит из отдельных взаимосвязанных категорий. Например, ФСП аспектуальности включает семантические категории предельности/непредельности, процессности, целостности и др. Реализацию компонентов поля в высказывании предлагается называть репрезентацией категориальной ситуации. А.В. Бондарко специально оговаривает, что описание ФСП данного языка пока не охватывает субъектно-предикатного содержания предложения.

Не останавливаясь на других подходах к разработке ономаσιологических грамматик, отметим, что в этой области нет единой точки зрения, поскольку за основу берутся различные смыслы сообщаемой информации. Однако представляется несомненным два основополагающих принципа в разработке ономаσιологических грамматик: 1) они должны иметь опору в теории порождения предложений и текстов, при которой содержание информации считается первичным для семантико-синтаксической организации предложения и текстов; 2) ономаσιологическому описанию языковой системы должно предшествовать полное семасиологическое описание этой системы, позволяющее систематизировать однородные выражаемые смыслы, составляющие информацию на данном языке.

Некоторые исследователи связывают указанные два типа функциональных грамматик с понятиями пассивной и активной грамматики, полагая, что семасиологическая грамматика ориентирована на понимание, а ономаσιологическая - на порождение речи. В связи с этим следует заметить, что такое разграничение двух типов грамматик вряд ли оправдано, поскольку, во-первых, адекватное понимание речевых высказываний со всеми их функциональными особенностями возможно лишь на основе усвоения семасиологической грамматики, и, во-вторых, говорящий и понимающий в коммуникативном процессе могут взаимно менять свою роль. Обеспечивает же коммуникативный акт единая для говорящего и слушающего языковая система, состоящая из плана выражения и плана содержания ее единиц. Поэтому

семасиологическая грамматика первична по отношению к ономазиологической грамматике, и они взаимно дополняют друг друга, но не представляют собой разные грамматики.

Функциональная грамматика с ее различными направлениями была подготовлена всем предшествующим развитием науки о языке. В отечественном языкознании функциональный аспект изучения языка в той или иной степени получал отражение в работах Ф. И. Буслаева, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др. Большое внимание уделял функциональному описанию грамматических форм русских слов В. В. Виноградов. В современном русском языкознании специально изучают функциональный аспект системы языка А.В. Бондарко и его ученики, а также Г.А. Золотова, Н.Ю. Шведова, В. Г. Гак и др. Для разработки теоретических основ функциональной грамматики важное значение имели труды Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, С.Д. Канцельсона и др. В зарубежном языкознании особенно большой вклад в становление функциональной грамматики внесли языковеды Пражского лингвистического кружка, французская лингвистическая школа во главе с А. Мартине, существенное значение для теории функциональной грамматики имели также работы французских языковедов Г. Гийома, Ф. Брюно, Ш. Балли, датского языковеда О.Есперсена, немецких исследователей В. Шмидта, В. Бека и др.

§ 2. Понятие функции и значения в функциональной грамматике.

Поскольку функциональная грамматика является особым типом грамматики, тесно связанным с понятием функции, то для уяснения сущности, предмета и задач изучения функциональной грамматики важно раскрыть понятие функции. Термин функция употребляется в разных науках неоднозначно. Например, функция в математике - это зависимая переменная величина, функция в физиологии - это проявление жизнедеятельности органов, тканей, клеток и др., функция в социологии - это деятельность, обязанность (должностного лица, учреждения и др.) Математическое понимание функции следует отличать от понимания предметной функции (в дальнейшем оно и будет иметься в виду). Если обобщить применение термина "функция" в нематематических науках, то можно выделить следующие его понятийные признаки:

1) функция - это особое свойство целостного объекта как системы или ее элемента; понятия системы, системного элемента и функции взаимосвязаны: нет системы или системного элемента без функции, как нет функции без системы или системного элемента (ср. пружину в часовом механизме и пружину, валяющуюся на полу); 2) функция - это производное свойство всей системы или ее элемента в системе; 3) функция всегда обеспечивает нечто нужное, предназначенное, служит для чего-либо, т.е. имеет выход за пределы системы или элемента в системе: ср. функцию самолета - движение в воздухе, функции больших и малых стрелок в часах; 4) функция имеет свою среду реализации и носит приспособительный к среде характер: например, средой для функции самолета является воздух, для часов - течение времени; 5) функция связывает систему или ее элемент со средой и находится во взаимосвязи с последней; 6) функция и ее носитель (система, системный элемент) создаются во взаимодействии со средой; 7) каждая функция находится в системных отношениях с другими функциями, и функциональная система в целом - это система элементов с их функциями, подчиненными функции целой системы.

Системную функцию следует отличать от вторичной функции, допускаемой системной функцией. Например, системной функцией стакана является его использование для питья, чему соответствует его структура, но использование стакана для хранения пойманной бабочки - это употребление его во вторичной функции.

Понятие функции соотносительно с понятием "функционирование" - реализованного проявления функции в среде. По функционированию объекта как непосредственно данному для наблюдения определяется его функция, понимаемая в качестве способности объекта к функционированию. Обычно термин функция употребляется в двух значениях, отражающих два аспекта функции - потенциальный и реализованный.

В науке о языке функция толкуется, как правило, в соответствии с изложенным пониманием, а именно как способность языковых элементов (конструкций, группировок элементов и др.) или языковой системы в целом к выполнению того или иного назначения. Носителями функций считаются языковые

означающие (план выражения, экспоненты), обладающие либо функцией содержания (представления означаемого), либо функцией структурной организации самих знаков. Тем самым знаковые носители функционально подразделяются на а) содержательно значащие (семантические) - лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, интонационные и др. и б) структурные (асемантические) - фонемы, соединительные морфемы и др. При этом те и другие языковые знаки могут быть многофункциональными.

Понимание функции в диаде "языковой знак - функция" не противоречит общему определению функции: 1) языковой знак представляет собой целостную системную единицу языка, производное свойство которой заключается в его соответствующем назначении, выходящем за рамки знака; 2) имеется среда, в которой реализуется функция и во взаимодействии с которой она создается вместе с носителем, - это прежде всего вышестоящий функциональный класс языковых единиц: для фонемы средой является морфема или слово, для морфемы - слово, для слова - предложение, на основании чего выделяются разные функционально однородные (гомогенные) уровни языка, составляющие в целом систему языка. Рассмотрение функции в указанной диаде кладется в основу системно-структурного описания языка, которое отражает конструктивное состояние языковой системы. Этот аспект языка выводится из наблюдений над речевым употреблением языковой системы, поскольку язык как целостный системный объект остается за пределами прямого наблюдения. При системно-структурном описании языка учитывается то постоянное (инвариантное), что свойственно той или иной речевой функции во всех случаях ее реализации, и противопоставление его другому однородному инварианту речевой функции. Тем самым языковая система в целом представляется как организованный инвентарь языковых единиц с их инвариантными функциями. Такой аспект языковой системы принято называть системно-инвариантным, а язык в целом представляется как функционирующая в речи система взаимодействующих единиц языка и их функций для выражения целенаправленной информации о внеязыковой действительности.

Кроме системных языковых функций, выделяются речевые функции языковых единиц, являющиеся частными вариантами системных функций при их употреблении в речи. Системные и речевые функции языковых единиц взаимосвязаны между собой: в речевых функциях проявляются системные функции, в системных функциях представлены речевые функции, обобщенные по инвариантным признакам. Сами же речевые функции - это результат взаимодействия системных функций в речи, в которой они и создаются. Например, речевой функцией является переносное значение языковой единицы, которое создается в условиях определенного контекста. Речевой функцией является коммуникативная функция языка - употребляемая в речи организованная совокупность разноуровневых единиц языка.

Речевые функции имеют и дополнительные к звуковым знакам средства обозначения. Например, таковыми являются речевые функции, носителем которых служит намеренный отбор и особое употребление значащих языковых единиц: ср. эстетическую функцию речи в художественных произведениях, функции различных языковых стилей. Существуют и другие системные и речевые функции языковых средств - номинативная функция слов, функция актуального членения предложения, текстовые функции отдельных языковых единиц и т.д. Таким образом, понятие функции в языке и речи зависит, с одной стороны, от той среды, в которой она проявляется и имеет предназначенный характер, и, с другой стороны, от специфики их носителей. Языковые функции, как и любые другие функции, не существуют вне их знаковых носителей, которые не сводятся только к звуковой форме языковых единиц. Одна из задач функциональной грамматики заключается не только в выделении и определении грамматических функций, но и в выделении и определении их носителей.

Наряду с термином "функция" в функциональной грамматике употребляется термин "значение" (семантика) по отношению к системной и речевой функции языкового знака. В широком смысле слова под значением понимаются информационные корреляты означающих языковых знаков. Эти корреляты отличаются большим многообразием: они содержат сведения не только о реалиях объективной и субъективной действительности, но и о речевых действиях говорящего, информационной организации и коммуникативных установках сообщений и др.: таковы, например, значения логического ударения, разных типов интонации, актуального членения предложения, порядка слов, имеющих коммуникативно-

прагматический характер, отражающий коммуникативные цели соответствующих речевых действий говорящего.

Языковые значения можно подразделить на а) когнитивные, отражающие результаты познания внеязыковой объективной и субъективной действительности в логических формах, б) прагматические, отражающие точку зрения, отношение, коммуникативные интересы, ориентацию в мире говорящего в ситуации общения, т.е. его эгоцентризм, и в) реляционные, отражающие мыслительные операции говорящего по установлению связей и отношений между компонентами сообщаемого (например, таковы значения союзов, отрицательных частиц и др.).

§ 3. Общая функция грамматики в системе языка.

Каждый язык представляет собой функционально обусловленную систему единиц двух планов - выражения и содержания. Соответственно в языке выделяются три подсистемы: фонетическая, лексическая и грамматическая. Содержательные подсистемы обеспечивают передачу целенаправленной информации об отдельных событиях внеязыковой действительности (объективной и субъективной) и их отношениях в форме предложений как основных коммуникативных единиц (о понятии события см. в разделе "Функциональный синтаксис"). Лексическая подсистема обозначает многообразие отдельных классов предметов, признаков и отношений, грамматическая подсистема - наиболее общие и существенные свойства и отношения событий, а также интерпретацию их говорящим, его коммуникативные установки, и тем самым организует из слов сообщения о событиях.

Таким образом, грамматическая подсистема обеспечивает наиболее общий (категориальный) каркас для всех сообщаемых событий, который наполняется соответствующими лексическими единицами. Этот каркас представлен следующими грамматическими значениями: а) значениями самостоятельных частей речи, выражающими основные компоненты событий, т.е. предметы и их процессуальные и непроцессуальные признаки; б) значениями грамматических категорий, выражающими наиболее общие и существенные свойства и отношения самих компонентов событий; в) значениями членов предложений, выражающими структуру событий, состоящую из основных компонентов; г) типовыми значениями базовых моделей предложений, по которым строятся конкретные предложения (простые и сложные); д) значениями, выражающими коммуникативные, прагматические и информативные установки говорящего. Поэтому все грамматические значения можно назвать событийными, в отличие от лексических значений, которые обычно называют понятийными. В этом отношении показательно придуманное Л.В. Щербой предложение, состоящее только из грамматических значений и понимаемое как выражающее сообщение о каком-то событии, но не понятное по своему лексическому составу: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка.*

Грамматическую подсистему принято подразделять на морфологию и синтаксис, но они представляют собой взаимосвязанные уровни единой грамматической системы, взаимосвязанной, в свою очередь, с лексической подсистемой и взаимодействующей с ней при выполнении языком коммуникативной функции. Центральное и ведущее положение в грамматической подсистеме занимает синтаксический уровень, так как он обеспечивает построение речевых сообщений.

§ 4. Понятие функциональной единицы языка и ее функционального диапазона.

Функциональная единица языка - это тот или иной план выражения, неделимый без потери своего функционального качества...

К свойствам функциональных единиц относятся: а) ее определенная предназначенность, б) воспроизводимость в системе языка и речи, в) способность сочетаться с другими функциональными единицами, г) определенное положение в системе функциональных единиц (ее противопоставление другим единицам, иерархичность). С этой точки зрения не вызывает сомнений квалификация фонемы, морфемы, слова, модели синтаксических конструкций как функциональных единиц языка. Однако носителями

функционального качества могут быть и целые классы слов, правила (модели) построения единиц, морфемная структура слова, синтаксическая позиция, порядок следования, интонация, ударение, повторы.

Каждая функциональная единица обладает собственным функциональным диапазоном, который может быть разным по степени и составу. Функциональный диапазон - это свойственная данной единице совокупность отдельных функций, объединенных функциональной доминантой или ее признаками. Функциональный диапазон единицы является результатом ее адаптации к соответствующей среде. Под средой понимается: 1) языковое окружение, которое, в свою очередь, подразделяется на а) постоянно сопряженное, совместное с данной единицей в системе языка (такое окружение называют парадигматическим); б) контекстно-речевое (его называют синтагматическим); 2) коммуникативно-речевая ситуация - условия, цели и задачи коммуникации.

Например, для формы мн.ч. существительных как функциональной единицы парадигматической средой являются лексические особенности слов, в связи с чем она имеет значения однородной парности предметов (*глаза*), парности разных предметов (*супруги*), сложного состава предмета (*шахматы*); синтагматической средой - количественные слова (*много, пять книг*), предложения с особыми видо-временными значениями (*Немцы живут в Европе*). В качестве коммуникативно-речевой ситуации может выступать необходимость придать предложению экспрессивный характер, что определяет переносное употребление формы мн.ч.: *И чему только тебя в университетах учили?* (из устной речи, имеется в виду один университет).

Коммуникативно-речевые ситуации могут определять не только переносное употребление функциональной единицы. Например, при выражении количественной неопределенности предмета говорящий по-русски использует форму мн.ч. существительных с ее периферийным семантическим признаком: в предложении *У вас есть дети?* речь идет не о множестве детей, а о количественной неопределенности детей, что передается использованием периферийного признака "неопределенности" из значения формы мн.ч. - "неопределенной множественности" (ср. *Дети играли на улице*). В этом случае мы имеем дело с нейтрализацией доминантного значения формы мн.ч. Поскольку эта функция не порывает связи со значением мн.ч., она входит в функциональный диапазон данной формы. Подобным же образом не порывает связи с периферийным признаком и форма ед.ч., когда она употребляется в нейтрализованной (генерализующей) функции, которая указывает не на один предмет, а на весь класс предметов: *Книга - источник знаний*. В таких предложениях используется связанный со значением одного предмета признак неделимой отдельности и тем самым обращается внимание на класс предметов как единое целое. Поэтому приведенная нейтрализованная функция формы ед.ч. входит в состав ее функционального диапазона.

Сложнее обстоит дело с отнесением к функциональному диапазону одной и той же единицы таких ее функций, которые с трудом интерпретируются в современном языке с точки зрения опоры на ее семантическую доминанту или периферийные признаки. Таковы, например, квазиимперативные функции формы повелительного наклонения в русском языке, когда она употребляется в условном или уступительном значении: *Приди я сюда пораньше, ничего не случилось бы. Над ним хоть крыша упади, он не побоится*. Таковы же многочисленные разные значения одного и того же падежа, синтаксической конструкции "у + род. п. + предикат + им. п. существительных", которая может иметь притяжательное значение (*У меня есть эта книга*), значение проявления состояния лица (*У меня грипп*), значение места, постоянно связанного с лицом (*У меня сегодня гости*) и др. Как интерпретировать подобные функции? Считать ли их функциями, принадлежащими омонимичным единицам, или функциями, входящими в функциональный диапазон одной и той же единицы? Если подобные функции могут быть объединены их связью с инвариантными функциями, то они не выходят за рамки функционального диапазона одной и той же единицы. То или иное решение этого вопроса осложняется тем, что оно связано с учетом или не учетом исторического развития функциональной единицы. В настоящем пособии при определении функционального диапазона одной и той же языковой единицы учитываются и исторические отношения между отдельными функциями.

Отдельные функции единиц, обусловленные парадигматической или синтагматической средой, называются вариантными (или частными значениями) системно-категориальной единицы. Отдельные

функции, обусловленные особыми коммуникативными целями, можно назвать функциями от употребления единицы. Отдельные же функции единиц, обусловленные историческими связями, можно назвать производно-историческими.

Раздел 7. Коммуникативный синтаксис

Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка*

Смысл актуального членения предложения с точки зрения теории информации.

Подходя к АЧ предложения с точки зрения теории информации, И. Ф. Вардуль (1967) показывает, что каждое сообщение можно рассматривать как результат выбора одного сообщения из множества таких сообщений, которые имеют одну и ту же тему, как это было показано выше. Ср. также:

Огонь//погас.

Огонь//медленно разгорался.

Огонь//осветил всю поляну.

Огонь//привлечет к костру множество насекомых..

Огонь//дает людям тепло и пищу и т. д.

Следовательно, содержание темы можно определить как информацию о том, в чем предметы сообщений, из множества которых выбрано данное сообщение, с о в п а д а ю т; а содержание ремы - как информацию о том, в чем они р а з л и ч а ю т с я. И если при этом опираться на понятие о количестве информации, то можно констатировать, вслед за И.Ф. Вардулем, что сообщение содержит тем большее количество информации, чем мощнее то множество сообщений, которое вероятно в данной ситуации. Например, если ситуация такова, что собеседники знают о своем общем знакомом по имени Иван, что он заболел, в обсуждают только характер заболевания, то равновероятны сообщения с темой *Иван заболел* и ремами типа ангиной/ воспалением легких/ тяжело/ неизвестно чем и т.д.. Но если ситуация такова, что об Иване вообще давно не было известий. то множество возможных сообщений об этом лице окажется больше, чем в первой ситуации, поскольку возможны будут все первые сообщения и еще такие, где ремы будут передавать самые различные действия или состояния Ивана, ср.: Иван //заболел ангиной (воспалением легких, гриппом...); Иван/ /выздоровел; Иван// уехал в Крым; Иван// защитил диссертацию; Иван //удачно выступил в финальном забеге и т. п. Но в это множество уже не войдут высказывания с другими темами - такие, как, например, Леонид // заболел ангиной; Отец // уехал в Крым и т. д. Следовательно, построение высказывания *Иван заболел* / ангиной с темой *Иван заболел* и ремой *ангиной* исключает вхождение в то множество, из которого выбрано данное сообщение, высказываний типа *Леонид (сосед, отец, ребенок и т. д.) заболел ангиной*. Тем самым сокращается мощность этого множества, а следовательно, и количество информации, передаваемой сообщением *Иван заболел// ангиной*. Таким образом, назначение АЧ с точки зрения теории информации - это о г р а н и ч е н и е к о л и ч е с т в а п е р е д а в а е м о й и н ф о р м а ц и и, поскольку АЧ позволяет установить, какие именно сообщения не принадлежат множеству, из которого выбрано данное сообщение*.

Еще один информационно-прагматический аспект лингвистики, с которым связана теория АЧ, - это категория определенности/ неопределенности.

Связь актуального членения с категорией определенности / неопределенности.

Впервые на связь АЧ с категорией определенности / неопределенности в русском языке обратил внимание Н.С. Поспелов, который сделал наблюдение, что определенность значения существительного возникает при отсутствии на этом существительном ударения: *Поезд* пришел.- или при инверсии неударяемого существительного: *Пришёл поезд!* (Имеется в виду "поезд, которого ждали, о

котором говорили, наш поезд" и т.д. *пришёл*.) Из этих примеров следует, что значение определенности приписывается т е м е. Наоборот, "при наличии ударения на существительном (а мы могли бы уточнить: при условии, что данное существительное функционирует в роли ремы или в ставе ремы. - О. К.) возникает неопределенность значения существительного. Пришел поезд - "вообще, какой-то поезд"; т.е. констатируется факт"*.

На то обстоятельство, что во многих семантико-синтаксических типах предложений рема имеет более широкое референциальное значение, чем тема, указывают также исследователи семантического синтаксиса*.

Нередко АЧ или совсем исключается из области грамматики (синтаксиса) и переносится целиком в сферу психологии, или же рассматривается только как средство усиления, логического и стилистического выделения того или иного компонента предложения*. Но если в других языках категория определенности/ неопределенности считается грамматической, поскольку имеет специализированное средство его выражения - артикли, то и связь этого значения с АЧ в русском языке указывает (пусть косвенно) на языковую природу АЧ:

"Общеизвестно, что категория определенности выражается при помощи лексических элементов, и в первую очередь помощи артиклей, а в ряде языков (в том числе и в русском) она имеет под собой солидную пресуппозиционную основу по преимуществу относится к категориям так называемой скрытой грамматики. Совершенно очевидно, что русское предложение *Закройте дверь!* актуализировано "не хуже" болгарского "Затворете вратата!"*.

Мы определили актуальное членение как особое коммуникативно-синтаксическое с т р о е н и е предложения. Это строение обусловлено, как было сказано, коммуникативной целью говорящего, его коммуникативной установкой. Следовательно, главным фактором, определяющим АЧ, является к о м м у н и к а т и в н а я у с т а н о в к а г о в о р я щ е г о. Каким же образом это обстоятельство можно связать с выявленным фактом определенности темы и неопределенности (или меньшей определенности) ремы? Мы видим эту связь в следующем. Поскольку коммуникативная установка говорящего всегда состоит в том, чтобы довести до адресата и сформировать у него новое знание, то говорящий, как правило, исходит в своем высказывании из информации о конкретном предмете (лице, факте, событии), по поводу которого он что-то сообщает. Иными словами, понятие, о котором идет речь, он подводит под другое, более общее, более широкое, а следовательно, менее определенное, чем первое, исходное; например: Солнце (конкретное, известное, единичное и тем самым определенное) // село (сесть может не только солнце). Соединив широкое, неопределенное значение "севшего" с определенным значением "солнца" , говорящий формулирует новую информацию в формирует у адресата новое знание - о наличии "севшего солнца". Таким (образом, если процесс формирования нового знания мы представим себе как подведение более определенного понятия под понятие менее определенное, более широкое, то становится ясным, ч го соединение ремы с темой, дающее нам новое знание, есть не что иное, как АЧ на тему и рему непосредственным образом связанное с выражением определенности / неопределенности..

О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация.*

§ 23. Вопрос о детерминантах. Сравнение предложений типа *В Ленинграде Владимир пробыл недолго* и *В Ленинграде нас повели в новую типографию* обнаруживает различный синтаксический статус предложно-падежной формы "в Ленинграде": в первом случае *имеется внутренняя связь* между семантикой предложно-падежной формы и семантикой глагола "пробыл", благодаря которой уточняется действие со стороны места его протекания ("пробыл в Ленинграде"). Во втором случае предложно-падежная форма выражает такую семантику, которая *не имеет внутренней связи* с семантикой глагола и представляет собой только внешнее добавление к этой семантике: "нас повели в типографию, и это было в Ленинграде". Анализируя такие различия, академик В.В. Виноградов пришел к выводу, что статус отдельных словоформ в предложении неодинаков: одни из них относятся к отдельному слову в составе предложения, другие - *ко всему составу предложения*. Эта точка зрения была развита в работах Е. Куриловича, В.В.

Кротевича, В.П. Малащенко и в особенности детально - Н.Ю. Шведовой. Ей же принадлежит и термин для обозначения таких предложно-падежных и падежных словоформ, которые относятся ко всему составу предложения, - **детерминирующие члены предложения, или детерминанты.**

По форме они сближаются с управляемыми компонентами глагольных словосочетаний с необязательной нерегулярной связью, где всего слабее сцепление имени с глаголом: *болеть неделю, жить в деревне, уехать с зарей, ходить без пальто.* В таких словосочетаниях зависимое имя, как правило, не обозначает объект, на который направлено действие, в них падежная форма ("неделю") или предложно-падежная форма ("с зарею") является не грамматическим, а конкретным падежом, т.е. разнообразно определяющим глагольное действие по месту, времени, цели, причине или способу его совершения. Тем самым они создают "систему наречных значений" (по Е. Куриловичу) и по характеру связи сближаются с примыканием; иногда эту связь квалифицируют как именное примыкание. Именно с такими предложно-падежными и падежными формами, соединенными с глаголом слабой, нерегулярной необязательной связью управления (или, по "Русской грамматике"-80, - именного примыкания) и схожи детерминанты. Но детерминанты отличаются от именных компонентов названных словосочетаний тем, что степень связи детерминантов с глаголом доходит до нуля: они не входят с глаголом в одно словосочетание (как предложно-падежная форма "в Ленинграде" в первом примере), а относятся ко всему предложению. В.П. Малащенко называет связь детерминанта с предложением **связью свободного присоединения.**

Таким образом, детерминантам дается следующее определение: *это падежные формы или предложно-падежные группы, по форме совпадающие с именным компонентом простого двучленного словосочетания, соединенным с глаголом связью нерегулярного (слабого) управления.* Такие распространители по своим формам и функциям объединяются в два класса: детерминирующие объекты и детерминирующие обстоятельства.

Детерминирующий объект обозначает лицо или предмет, связанные с предикативной основой предложения отношением направленности, значением отнесенности (в широком смысле):

Сыну исполнился год, Артисту удалось захватить зрителей своей игрой, Грубиянам не место в футболе, Ей мало собственных забот. Мне больно. Ему теперь все равно, Со мной недавно было странное происшествие, С ней обошлись невежливо, С погодой нам не везет, Для родителей мы всегда дети, У тебя нет никакого выхода, Между друзьями произошла ссора.

Детерминирующее обстоятельство определяет предикативную основу по характеру и условиям проявления предикативного признака: *Со стороны вокзала доносились гудки. При автопрокате создаются общественные советы, За окном стемнело, До войны он был плотником, После техникума ее послали работать на ферму, Много веков человек был привязан к земле, От испуга ребенок не мог говорить, В погоне за цифрой забыли о качестве, Согласно закону все имеют право на жилье, По проекту здесь будет бассейн, В целях экономии изменили технологию, Вследствие аварий механизм поврежден, В создавшихся условиях нам следует подумать о реорганизации, При всей его доброжелательности он не внушает доверия.*

Заметим, что у детерминирующих обстоятельств - "наречная" функция: они обозначают место, время, причину, цель, соответствие чему-либо, следствие и т.д., и поэтому семантическая классификация детерминирующих обстоятельств фактически превращается в семантическую классификацию наречий, что не имеет отношения к синтаксису.

Но особенно важно, что, отмечая это, Н.Ю. Шведова указывает на возможность выражения обстоятельственных детерминантов не только в форме предложно-падежных сочетаний, но и в форме **наречий** (!). Это говорит о том, что, отталкиваясь от сходства детерминантов с именными компонентами словосочетаний, Н.Ю. Шведова затем переносит акцент с формы на функцию, не замечая этого. Функция же, сближающая и предложные, и предложно-падежные, и наречные, и другие формы в роли детерминантов, - это **коммуникативная функция самостоятельного компонента в актуальном членении предложения.** Поиски общих структурных свойств детерминирующих членов предложения, отличающих их от присловных распространителей, привели к тому, что Н.Ю. Шведовой была высказана

мысль о наличии целого *комплекса признаков*, из которых четыре присущи всем детерминантам, а еще четыре являются факультативными.

Четыре обязательных признака:

1. формальная организация средствами словоформы, которая в системе связей слов может вступить в связь слабого управления или именного примыкания;
2. синтаксическая позиция в начале предложения или непосредственно при его главном члене;
3. способность сочетаться более чем с одной структурной схемой (предикативной основой) предложения;
4. регулярная сохраняемость во всей предложенческой парадигме.

Четыре факультативных признака:

1. отсутствие системной смысловой связи с глаголом;
2. вхождение в функционально соотносительный ряд с другими детерминантами того же значения (*С женщиной плохо. - Женщине плохо. Среди друзей - споры. - Между друзьями споры. У тебя все красавицы. - Для тебя все - красавицы.*);
3. Невозможность грамматической "привязки" ни к одному из слов в составе предложения. (*На вокзале шум, толкотня.*);
4. системно существующее смысловое соотношение детерминанта с категорией структурной схемы предложения.

Изложенное понимание детерминантов не является общепризнанным: оспаривается правомерность рассмотрения детерминантов как членов предложения, поскольку само предложение рассматривается как синтаксическая единица сообщения, грамматическим значением которой является предикативность, а грамматической формой - минимальная структурная схема: в состав такого предложения не должны, по-видимому, включаться никакие члены, кроме главных; здесь нет места не только детерминантам, но и любым распространителям, так как все они выступают за пределами структурной схемы (возражение И.П. Распопова).

Вызывает возражение тезис об обычном "нормальном" месте детерминантов в начале предложения или после его главных членов: место любого члена предложения определяется тем коммуникативным заданием, которое предложение выполняет в речи, т.е. его актуальным членением.

Регулярная сохраняемость детерминантов во всей парадигме предложения не может считаться признаком собственно детерминанта, т.к. она характерна для любого члена предложения, независимо от того, входит ли он в состав структурной основы или же входит в предложение через посредство словосочетания: *В городе была тишина - В городе была бы тишина - Будь в городе тишина* и т.д. С другой стороны: *Он читает эту книгу - Он читал бы эту книгу - Если бы он читал эту книгу* и т.д.

При всех возражениях, сейчас большинство исследователей сходятся на мысли о том, что класс детерминантов выделяется в предложении, в отличие класса присловных распространителей. Вопрос только в том, каковы конститутивные признаки детерминантов, отличающие их от не-детерминантов.

Весь набор признаков, перечисленных выше, есть только производное от одного, главного признака, называвшегося нами ранее, а именно - от самостоятельной роли детерминантов в актуальном членении предложения. Рассмотрим два случая.

1. В предложении нет словоформы, в частности глагола, к которому можно было бы "привязать" детерминант. В этом случае о присловной связи не может идти речь: это связь именно предложенческого уровня, т.е. детерминант относится ко всему остальному предложению, построенному по какой-то структурной схеме. При этом могут быть присловные распространители как при самом детерминанте, так и при элементах, входящих в состав предикативной основы. Например: **Обморок.** - односоставная номинативная структурная схема: N1; в наличии только один главный член. Глубокий

обморок от истощения. - та же схема, налицо главный член, выраженный элементом схемы - именительным падежом существительного вместе с его приеловными распространителями, образующими вместе с ним единое словосочетание на основе связи согласования и управления. С точки зрения актуального членения оба предложения полностью рематичны. *С женщиной* - обморок - эта же схема, но появляется детерминант, который не образует с главным членом подчинительного словосочетания; он самостоятельно включается в предложение, соединяясь с остальным составом предложения связью свободного присоединения и с коммуникативной точки зрения составляя тему, исходный пункт этого сообщения. Аналогично: *С этой женщиной* - глубокий обморок от истощения. *С больным* совсем плохо. *Подростку такая работа* явно не под силу.

Хотя в структурную схему эти распространители не входят, их роль в семантике предложения и в его коммуникативной организации очень существенна.

2. В предложении есть глагол, к которому как будто можно "привязать" детерминант и считать его приглагольным, управляемым компонентом словосочетания: *В предбаннике* стоял топчан. *В селе за рекою* потух огонек. *До войны он* учился в техникуме, и т.д. Определяя статус таких предложно-падежных форм, все исследователи шли от словосочетания, отыскивая черты сходства таких форм с управляемым компонентом глагольных словосочетаний и выявляя черты различия между ними. При этом забывалось, что детерминанты - чисто "предложенческая" категория. Отправляясь от этой характеристики детерминантов, мы должны будем оставить в стороне вопрос о соотношении детерминантов со словосочетаниями, а найти такой признак детерминантов, которым не обладают присловные распространители *в составе предложения как коммуникативной единицы*.

Тогда мы увидим, что *одна и та же падежная или предложно-падежная форма* может по-разному включаться в предложение-высказывание: то на правах глагольного распространителя, т.е. присловного распространителя, в составе подчинительного словосочетания (см. ниже пример 1), то на правах детерминанта, распространяющего все остальное предложение (пример 2); ср.:

1. [- *Что слышно о Михаиле Аркадине? Не знаешь, где он сейчас? - Знаю:] Михаил* живет в Петербурге, учится в мореходном училище, очень доволен.
2. *В Петербурге* живет один мой старинный приятель. [*Мы вполне можем остановиться у него на несколько дней*]

Статус предложно-падежной формы "в Петербурге" различен потому, что коммуникативная установка говорящего в обоих случаях совершенно различна.

1. В первом случае эта форма включается в предложение-высказывание вместе с глаголом, словосочетание "живет в Петербурге" выступает обозначением одного из признаков субъекта, наряду с другими его признаками: "учится в училище", "очень доволен". К ним можно было бы добавлять и другие аналогичные: "хорошо выглядит", "счастлив" и т.п. Все это объясняется тем, что предложение построено для того, чтобы обеспечить такое коммуникативное задание: сообщить, что известно о данном лице. Тема: *Михаил*, рема - весь остальной состав предложения. Грамматическое членение совпадает с актуальным, подлежащее - с темой, группа сказуемого - с ремой.
2. Во втором случае речевая ситуация иная: обсуждается вопрос о поездке в Петербург. Словоформа "в Петербурге" служит для говорящего отправной точкой, исходным пунктом его сообщения, она включена в высказывание до глагола и независимо от глагола, самостоятельно, являясь темой высказывания. Остальная часть предложения, т.е. и подлежащее, и сказуемое вместе с их присловными распространителями, составляет рему. Начальная позиция детерминирующего распространителя "в Петербурге" допускает продолжения самого различного рода, т.е. построение остальной части предложения по самым различным структурным схемам, в том числе и безглагольным; ср.:

В Петербурге у меня много друзей. / мы обязательно пойдем в Эрмитаж / бывают наводнения /я вспомнил молодость / сыро и туманно. ...

Детерминант может включаться в предложение-высказывание и как самостоятельная рема, например: *Кенгуру водятся только* в Австралии. Ограничительная частица, стоящая перед детерминантом, показывает, что присловной связи этого распространителя с глаголом здесь нет, так как вхождение частиц в словосочетание исключено. В предложении может быть несколько детерминантов, они не образуют между собой словосочетания, а составляют - каждый - тему (или ремю) или входят в тематический комплекс на правах его самостоятельной части, например: *Вчера* (одна тематическая часть) *в Кремле* (вторая тематическая часть)// **состоялась встреча министров иностранных дел четырех держав** (рема).

Итак, *самостоятельная функция распространителя в актуальном членении предложения-высказывания - вот тот конститутивный признак*, из которого выводятся и все остальные признаки детерминантов, отмечавшиеся ранее: соотносённость с различными структурными схемами, начальное место (детерминант чаще бывает темой, чем ремой), возможность соединения с частицами и т.д. и т.п.

Но из этого вытекают два существенных положения: во-первых, то, что детерминант - это категория именно коммуникативного синтаксиса; следовательно, о распространителях можно говорить лишь на коммуникативно-синтаксическом уровне (теперь мы можем понять, почему была несостоятельной попытка традиционного синтаксиса построить теорию "второстепенных членов предложения": они принципиально различны, - эти "второстепенные члены"). Во-вторых, детерминант не должен быть ограничен в способах своего выражения: это может быть не только падежная или предложно-падежная форма, но и наречие, деепричастие, и вообще любое слово (вместе с его присловными распространителями), которое играет самостоятельную роль в актуальном членении предложения-высказывания, не являясь при этом подлежащим, сказуемым или главным членом, например: **Рудин говорил горячо, умно, дельно. Детей у него было пятеро. Решиться на этот поступок он так и не смог.** (Вспомним, что, дав определение детерминантов только как предложно-падежных и падежных форм имени, Н.Ю. Шведова затем упомянула и наречия).

И.И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*

АКТУАЛИЗАЦИЯ С НАРУШЕНИЕМ ИЕРАРХИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ

§ 57. Актуальное членение сталкивается с иерархически организованной синтаксической структурой предложения, с которой оно может взаимодействовать двояким образом. В одних случаях актуальное членение соответствует синтаксическому членению, не нарушая его иерархии. В других случаях приходит в противоречие с синтаксическим членением, разрушая его иерархию.

Первый случай представлен в синтагматически независимых высказываниях. Поскольку актуальное членение в них не нарушает иерархию синтаксического членения, в актуальном членении участвуют только группы подлежащего, сказуемого и детерминантов. Зависимые компоненты словосочетаний, составляющих эти группы, самостоятельно в актуальном членении высказывания не участвуют. В таких высказываниях элементы данного, будучи зависимыми компонентами словосочетаний, могут входить в состав ремы - группы сказуемого (или предикативного члена): *Эти строфы /переносят нас в лагерь русских войск* (В. Яхонтов); *Сергей / смотрел на Уварова* (Ю. Бондарев); *Я Ипошел поговорить об этом с дядей* (А. Гайдар); *Ему Ине терпелось вытащить меня из избы* (С. Антонов); *Девушка Испуганно косилась на Игоря Тимофеевича* (С. Антонов); *В первых числах октября он /вручил Юрке ружье, пояс-патронташ, тяжело набитый патронами, и плетеную сетку для дичи* (Ю. Нагибин).

В синтагматически зависимых высказываниях актуальное членение разрушает иерархию синтаксического членения. Это может быть выражено в изменении порядка следования синтаксических групп или в нарушении цельности синтаксической группы.

Обычный порядок следования синтаксических групп может быть изменен в связи с актуализацией детерминанта в качестве ремы: *Он с радостью убедился в этом в первую же неделю своего пребывания дома* (И. Бунин); *Это бросается в глаза уже в ранних его произведениях* (М. Алпатов); *Бедствия происходят по разным причинам* (В. Песков); *Я жил в городе уже недели две* (Ю. Казаков).

Разрушение цельности синтаксической группы выражается в том, что зависимые компоненты словосочетаний перестают занимать то место, которое для них предопределено иерархически организованной синтаксической структурой. Они отрываются от слов, к которым непосредственно относятся, и начинают самостоятельно участвовать в актуальном членении предложения. Например, высказывания, в которых зависимая от глагола словоформа относится к расчлененной предикативной группе, являются синтагматически зависимыми. В таких высказываниях начальная позиция зависимой от глагола словоформы вызвана актуализацией этой словоформы, которая становится при этом первой темой. Второй темой, обычно обозначающей данное, является подлежащее: *Мужа своего она, однако же, боялась ...* (И. Тургенев); *Картину же свою из средневековой жизни он продолжал* (Л. Толстой); *Пилецкого он отныне / ненавидел* (Ю. Тынянов); *В обратную сторону ключ не поворачивался* (А. Гайдар); *В школе похвальных грамот братья/ не получали* (В. Песков). Ср. с исходными членами парадигмы: *Она, однако же, боялась своего мужа*; *Он продолжал свою картину из средневековой жизни*; *Отныне он ненавидел Пилецкого*; *Ключ не поворачивался в обратную сторону* и т. д.

При актуализации зависимая словоформа извлекается из словосочетания, выносится в начало предложения в качестве первой темы и выделяется повышением тона.

См. другие примеры: *Я тоже заеден рефлексией и непосредственного нет во мне ничего* (И. Тургенев) (ср.: *Во мне нет ничего непосредственного*); *Природу я любил нежно* (А. Чехов) {ср.: *Я нежно любил природу*}; *В воду он сошел очень осторожно* (А. Куприн) (ср.: *Он очень осторожно сошел в воду*); *Домой идти ему не хотелось* (А. Куприн) (ср.: *Ему не хотелось идти домой*); *Прямого задания я не получал, но отлично его слышал* (В. Яхонтов) (ср.: *Я не получал прямого задания*); *Чувствует она здесь себя превосходно* (Ю. Казаков) (ср.: *Здесь она превосходно себя чувствует*); *Рисовать глаза художник отказался наотрез* (С. Антонов) (ср.: *Художник наотрез отказался рисовать глаза*); *После этого разговора арии из опер Пастухов петь перестал* (С. Антонов) (ср.: *После этого разговора Пастухов перестал петь арии из опер*).

В приведенных примерах (...) в скобках те же высказывания приведены к исходным членам парадигмы: иерархия синтаксического членения в них восстановлена и компоненты словосочетаний заняли место, определенное для них синтаксическим членением предложения.

.....

И.П.Распопов. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Самый факт актуального членения предложения, как кажется, впервые получил освещение в учении о психологическом подлежащем и психологическом сказуемом.

Это учение возникло в связи с критикой логического направления в грамматике и новой трактовкой предложения на психологической основе.

Несоответствие реальной речевой практике логического содержания традиционно-грамматических схем и формул обратило на себя внимание еще в середине прошлого столетия.

Обоснование языковых фактов с позиций формальной логики, характерное для старой грамматики, исходившей, как уже отмечалось, из признания тождества логических и грамматических категорий, было признано несостоятельным.

"Языковые и логические категории,- писал Г. Штейнталь,- являются несовместимыми (disparate) понятиями, которые соотносятся друг с другом как понятия круга и красного"*

Этим заявлением нигилистически отрицалась всякая связь между грамматикой и логикой. Взамен логического объяснения языковых явлений было выдвинуто психологическое их обоснование. В частности, предложение стало рассматриваться как языковое выражение не логического, а психологического суждения, т. е. соединения, двух представлений (или комплексов представлений), связанных в одно целое волевым актом говорящего лица. Одно из этих представлений и было названо психологическим подлежащим, а другое - психологическим сказуемым. Немецкий ученый Г. фон дер Габеленц определил психологическое подлежащее (психологический субъект) как комплекс представлений, появляющийся в сознании говорящего первым, а психологическое сказуемое (психологический предикат), как содержание представления, примыкающего к этому первому представлению: "Психологический субъект >и> то, что возбуждает мою мысль, что я называю и первую Очередь в качестве предмета речи - мысли, психологический предикат то именно, что я об этом думаю"* [сказать, передвигаться в предложении под воздействием тех или иных эмоций, тогда как последние

По мнению Г. Габеленца, выражение Соответствующих представлений в содержании предложения по существу не связано никакими грамматическими формами. Психологическим субъект и психологический предикат часто не совпадают с грамматическим субъектом и грамматическим предикатом. Все дело только в том, что под влиянием настроения, душевного состояния и воли говорящего выдвигается им на первый план в высказывании и что за этим следует.

"Так, например, в высказывании: *Mit Speck fangt man. Mause - На сало ловят мышей*, грамматический субъект *man*. Но это, конечно, совсем не значит, что он является психологическим субъектом, т. е. тем самым, о чем идет речь. В данном случае речь идет о вполне определенном средстве и смысл здесь (иносказательно) таков: *Приманка и лесть есть средство поймать легкомысленного*. Если же это высказывание представить в виде: *Mause fdngt man mit Speck* - речь в нем будет идти уже о легкомысленных людях, о которых сообщается, как их ловят"*.

Во многом сходную трактовку внутренней сущности предложения и значения компонентов психологического суждения, лежащего в его основе, находим в исследованиях Г. Пауля:

"Предложение есть языковое выражение, символ того, что в сознании говорящего осуществилось соединение ряда представлений или групп представлений, и средство, чтобы указанное соединение данных представлений довести до сознания слушающего" Н. Р а u 1, *Deutsche Grammatik, dritter Band, Halle, 1954* стр. 10."Предложение состоит по меньшей мере из двух элементов. Они относятся друг к другу не одинаково. Первым выступает представление или группа представлений, которые с самого начала наличествуют в сознании говорящего, вторым - представление, которое связывается с ним как нечто новое. Первое мы определяем как психологический субъект, второе как психологический предикат" .*

Отмечая, что понятия психологический субъект и психологический предикат не тождественны соответствующим грамматическим понятиям, поскольку первые подвижны, неустойчивы и могут, так сказать, закреплены в определенных структурных формах, Г. Пауль указывает, что между теми и другими существует генетическая связь, которая в процессе исторического развития языка была нарушена:

"Грамматические категории возникают из психологических, но с течением времени они уже не могут употребляться для выражения любого вида отношения, их употребление ограничивается специально выработанными формами" . В этом отношении чрезвычайно показателен известный пример Г. Пауля, приводившийся им в более ранней работе*: *Karl fährt morgen nach Berlin*. - Здесь, по комментариям Г. Пауля, психологическим предикатом может быть любой член предложения (не только грамматическое сказуемое *fährt* с относящимися к нему словами) в зависимости от того, что является новым в сообщении, на какой вопрос это предложение отвечает (соответствующее слово произносится с наибольшим

ударением) - см. русский перевод назв. работы, изд. 1937 г.: Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 339

Такое объяснение является, конечно, мало удовлетворительным. Оно свидетельствует о субъективно-идеалистической сущности философской и лингвистической концепции Г. Пауля, а также об ограниченном понимании им структуры предложения. Взаимоотношение содержания и формы в языке (и в частности, в структуре предложения) остаются при этом не раскрытыми и в сущности для современного состояния языка отрицаются, а психологическое обоснование различного функционирования в речи предложений одного и того же структурного типа оказывается неосновательным и внутренне противоречивым, поскольку, касаясь фактов языка, оно рассматривается одновременно как фактор неязыковой.

Высказанные замечания в равной мере могут быть отнесены и к изложению учения о психологическом подлежащем и психологическом сказуемом акад. Ф. Ф. Фортунатовым.

Определяя психологическое подлежащее и психологическое сказуемое в основном так же, как Г. Габеленц и Г. Пауль, Ф. Ф. Фортунатов ещё более резко, чем его предшественники, разграничивает и противопоставляет процесс образования грамматических предложений и факт их употребления в речи:

"Всякое словосочетание, уже образовавшееся как предложение, впоследствии может воспроизводиться в мышлении в качестве части другого, нового предложения в мысли. Поэтому, когда я слышу в речи другого лица или встречаю в книге какое-либо грамматическое предложение, я, при всей верности делаемого мною грамматического анализа, никак не могу утверждать, однако, что грамматическое подлежащее, грамматическое сказуемое этого предложения выражает именно психологическое подлежащее, психологическое сказуемое в мышлении лица, высказавшего данное предложение...

Например, словосочетание NN приехал из Москвы, рассматриваемое в его образовании, представляет собой грамматическое предложение, в котором слово из Москвы является неглавную частью этого словосочетания, связанною, соединённую с грамматическим сказуемым приехал; но в психологическом суждении, которое выражено было в этом предложении в речи, сказуемым могло быть представление слов из Москвы а представление слов NN приехал могло составлять подлежащее психологического суждения, как скоро самый факт приезда NN откуда-то уже был известен"*.

По мнению Ф. Ф. Фортунатова, употребление предложения в речи не управляется никакими законами, зависит только от намерения говорящего и поэтому представляет собой факт, так сказать, непознаваемый с позиций грамматиста, который должен изучать лишь формы сочетания слов безотносительно к их прихотливому употреблению. Поскольку же формы сочетания слов (в словосочетаниях и предложениях как определённой разновидности словосочетаний) ограничиваются при этом формами словоизменения, ясно, что никакого структурного различия между предложениями, 'выражающими различное смысловое содержание, но имеющими одинаковый характер и тип грамматической связи слов, Ф. Ф. Фортунатов не видит и таковое различие вообще отрицает:

"...Словосочетания *приехал NN, летит птица* могут употребляться в речи и как выражение таких психологических суждений, в которых подлежащими являются представления слов *приехал, летит*; а сказуемыми - представления слов *NN, птица*.....Но в речи словосочетания *приехал NN, летит птица*, как выражения таких психологических суждений ничем не отличаются от словосочетаний *приехал NN, летит птица*, имеющих по грамматической стороне в словах *приехал, летит* выражение психологических сказуемых, а в словах *NN, птица* выражение психологических подлежащих."*

Таким образом, правильно отмечая факт различного смыслового соотношения между компонентами выражаемого в предложении содержания, лингвисты психологического толка отнесли его за пределы грамматического исследования. Само же это исследование осталось по существу в рамках старых традиций и вдобавок приобрело ярко выраженный уклон к формализму.

Выяснить взаимосвязь между формальной и семантико-функциональной сторонами предложения, на что, казалось бы, должны были натолкнуть их наблюдаемые факты, лингвисты на основе психологической трактовки языковых явлений были не в состоянии, а отдельные попытки такого рода

невольно приводили их к оправданию построений традиционной логической грамматики, которые они сами же подвергли критике.

В этом отношении весьма характерны колебания и противоречия в исследованиях проф. А. М. Пешковского.

А. М. Пешковский считал важнейшим показателем того, что в речи получило выражение какое-то психологическое суждение,- наличие особого логического ударения, которое он предложил назвать психологическим ударением:

"...Сколько психологических ударений в речи, столько скрывается за ней психологических суждений."; "Психологическое ударение мы делаем всегда на слове, выражающем второй член суждения, психологическое сказуемое"*.

Поскольку такое ударение подвижно, значение психологического сказуемого может быть сообщено любому слову в предложении, в какой бы грамматической форме оно ни выступало. Означает ли это, что психологическая сторона речи и ее грамматическая организация в предложении безразличны друг к другу? - Отвечая на этот вопрос, А. М. Пешковский приводит следующие результаты наблюдений:

1. "В наиболее объективной сфере языка" (например, в научном языке, лишенном экспрессивной окраски) обычно наблюдается соответствие между психологическими членами суждения и грамматическими членами предложения.
2. Различные члены предложения обладают неодинаковой способностью быть выразителями психологического сказуемого и требуют разной силы ударения для их выделения и подчеркивания. Наиболее приспособленным в этом отношении является как раз грамматическое сказуемое ("сказуемое со всеми зависящими от него членами все-таки чаще всего выражает психологическое сказуемое")*
3. Наиболее частое (и наиболее обычное) употребление сказуемого как выразителя психологического сказуемого обуславливается особым характером грамматического значения сказуемого: "значение сказуемого соответствует самой сущности психологического суждения в его отличии от простой ассоциации представлений, т. е. соответствует внутренней связи, которая устанавливается между ними в суждении. Дело в том, что из всех синтаксических форм только одни формы сказуемого (т. е. синтаксические формы, глагола и в русском языке еще формы краткости в прилагательном) выражают отношение новое для мысли, отношение, .открываемое в самом процессе мысли"*.

Как видим, А.М. Пешковский приходит к тому же, из чего исходила традиционная логическая грамматика.

Далее из своих наблюдений ОН делает общий вывод: "Прямую соответствия между предложением и психологическим суждением и между членами того и другого в языке нет, но в нем замечаются две противоположные тенденции: одна - провести это соответствие, другая - нарушить, запутать, видоизменить его".*.Обосновывая этот вывод, А. М. Пешковский прибегает к обычным для представителей психологического направления догадкам о том, что психологические категории предшествуют грамматическим и являются базой для их формирования (ср.замечания Г. Пауля). По мнению А. М. Пешковского, первая тенденция отражает генезис языковых форм. В т. н. "первичном, периоде языка человеческого" грамматическая форма "всегда выражала соотношение между психологическим сказуемым и психологическим подлежащим, в соответствии и члены предложения всегда соответствовали членам суждения"*.

Идеалистический характер предлагаемого обоснования очевиден. В анализе конкретного языкового материала А.М. Пешковский не выходит за пределы констатации фактов (хотя и верной, подчас очень тонкой).

* * *

Хотя психологическая трактовка интересующего нас явления оказалась неудовлетворительной, тем не менее, как уже отмечалось, самый факт различного смыслового использования предложения в реальной речевой практике в учении о психологическом подлежащем и психологическом сказуемом был подмечен верно.

Фактическая сторона этого учения и легла в основу построения чешского лингвиста проф. В. Матезиуса.

Существенной и неоценимой заслугой проф. В. Матезиуса было то, что он поставил рассматриваемую проблему на лингвистическую почву и пытался обосновать ее решение, исходя из коммуникативной сущности предложения как важнейшей языковой единицы.

Не принимая психологического объяснения семантико-функциональной стороны предложения и соответствующей этому объяснению терминологии, проф. В. Матезиус предложил назвать соотносящиеся друг с другом смысловые элементы предложения исходным пунктом или основой высказывания (*vychodiste vupovedi, zaklad vupovedi.*) и ядром высказывания (*jadro vupovedi*), а выделение этих элементов актуальным; членением предложения.*.

Это не было простой заменой старых терминов (психологического подлежащего и психологического сказуемого). Такой заменой В. Матезиус хотел, во-первых, показать, что актуальное членение касается именно предложения, т. е. представляет собой явление языковое, и, во-вторых, подчеркнуть разграничение (и даже противопоставление) этого членения с членением грамматическим.

Если формально-грамматическое членение, по указанию В. Матезиуса, связано с построением предложения, его структурной организацией, то актуальное членение устанавливается в соответствии с тем, как включается предложение в ту или иную речевую и реальную ситуацию. Исходный пункт (основа) высказывания представляет собой то, что в данной ситуации известно или по крайней мере очевидно и из чего исходит говорящий, а ядро высказывания - то, что говорящий сообщает об исходном пункте или по отношению к нему.

Свое понимание сущности актуального членения в связи с коммуникативным значением предложения в речи В. Матезиус раскрыл на ряде интересных примеров.

Специально были рассмотрены им наиболее характерные варианты актуального членения в зависимости от того, какое место занимает предложение в контексте.

По В. Матезиусу, начальные предложения в связном повествовании чаще всего бывают нерасчлененными (*vupoved neclepenou*) и состоят только из ядра высказывания, поскольку здесь мы еще ничего не можем выдвинуть в качестве исходного-пункта (основы) высказывания. В дальнейшем исходный пункт (основа) высказывания может подсказываться предыдущим изложением. Вот соответствующий пример:

Byl jednou jeden kral a ten mel tri syny. Neistarsiho z nich napadle, z si pujde do sveta hledat nevestu. Жил некогда один король, и было у него три сына. Старшему из них пришло в голову пойти по свету искать себе невесту. Здесь, по комментариям В. Матезиуса, исходный пункт второго предложения подсказывается первым, исходный пункт третьего вторым, а первое предложение является собственно бытийным, констатирующим определенный факт с указанием его времени.

Весьма характерным для начала изложения является также, по наблюдениям В. Матезиуса, указание на обстановку, в которой имеет место или осуществляется какое-то событие (такое указание и является исходным пунктом высказывания):

V jedne zemi panoval kral, ktery byl nesmirne bohaty. В некоей земле царствовал король, который был очень богат.

Среди языковых средств, обеспечивающих оформление актуального членения в структуре предложения (во всех его вариантах), В. Матезиус на первое место, естественно, выдвигает интонацию и порядок слов.

По наблюдениям В. Матезиуса, наиболее обычным (нормальным) порядком слов в предложении является такой, при котором исходный пункт (основа) высказывания занимает первое место в предложении, а ядро высказывания - последнее. Этот порядок слов (поскольку при нем мы имеем логическое развертывание мысли от известного к неизвестному) назван объективным. Однако нередко наблюдается и другой порядок слов, когда исходный пункт и ядро высказывания меняются местами. Такой порядок слов В. Матезиус назвал субъективным (ср. Dala jsem za ni dvacet копип- Dvacet копт jsem /a ni dala). (...)

При этом В. Матезиус постоянно подчеркивает, что возможности использования порядка слов во всех указанных функциях во многом определяются спецификой грамматического строя каждого • конкретного языка, своеобразием тех средств, которыми он располагает для оформления отдельных языковых единиц. В связи с этим он делает ряд замечаний (правда, предварительного характера), касающихся важного вопроса о соотношении актуального членения предложения и его грамматического членения. Например, по поводу строя предложения в английском языке, сравнивая его с чешским, В. Матезиус пишет: "...Английский язык стремится строить предложение так, чтобы в нем грамматическое подлежащее было основой высказывания (исходным пунктом). Этим он достигает того, что расширяет личную конструкцию сказуемого далеко за пределы той области, которая ему была свойственна в английском • языке старшей поры и которая свойственна ему в языках другого строя, например, в чешском... ..Причина этого заключается в несвободном порядке слов в английском языке. Это порядок слов в значительной мере твердо установившийся и по большей части грамматикализованный; почти недопустимо, чтобы взаимопорядок грамматического подлежащего и грамматического сказуемого менялся в английском повествовательном предложении под влиянием речевого контекста или ситуации... Поэтому-то английский язык не может выражать актуального членения предложения с помощью порядка слов и выражает его (в зависимости от цели высказывания) другими средствами"*.

Однако следует сказать, что соотношение актуального и грамматического членений предложения не было выяснено В. Матезиусом до конца, хотя он сам указывал на исключительную важность выяснения этого соотношения для характеристики грамматического строя любого конкретного языка.

Это объясняется, по-видимому, не только тем, что поставленный вопрос требовал особого рассмотрения и специального кропотливого исследования, которого не смог (или не успел) провести сам В. Матезиус, но также в значительной мере тем, что актуальное членение предложения рассматривалось им лишь как смысловой фактор, хотя и имеющий отношение к структуре предложения, но непосредственно не включенный в нее. В понимании структуры предложения, ограничивая ее грамматическим членением, В. Матезиус остался в основном на позициях традиционной грамматики.

В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения*

Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает.

Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения - это исходная точка [или основа] высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания. Актуальное членение предложения - проблема, на которую лингвистика уже давно обратила внимание, но она не изучалась систематически, поскольку не было выяснено отношение актуального членения к формальному членению предложения. Больше всего об актуальном членении предложения писали (хотя и не употребляя этого названия) в третьей четверти XIX в. Уже в 1855 г. французский лингвист Анри Вейль (Henri Weil) обратил внимание на важность актуального членения предложения для решения проблемы порядка слов; над этой темой усердно работали лингвисты, группировавшиеся вокруг журнала "Zeitschrift fur Volkerpsychologie". Важнейшие труды по этому вопросу я

анализировал уже более тридцати лет назад в первой части своей работы "Studie k dejinam anglickeho slovosledu"*. Исходную точку высказывания лингвисты называли тогда психологическим субъектом, а ядро высказывания - психологическим предикатом. Термины эти не были удачными, так как, во-первых, исходная точка высказывания не всегда является его темой, что, казалось бы, должно вытекать из термина "психологический субъект", во-вторых, близость терминов "психологический субъект" и "психологический предикат" никак не способствует четкой дифференциации двух по существу различных явлений. Психологическая окраска обоих терминов привела еще и к тому, что вся эта проблема была вытеснена из поля зрения официальной лингвистики. Есть о чем сожалеть, ибо как раз отношение между актуальным и формальным членением предложения - одно из самых характернейших явлений в каждом языке.

Как уже говорилось, исходная точка высказывания не всегда является темой высказывания в распространенном предложении, хотя нередко та и другая совпадают. Чаще всего это случается в простом связном высказывании, где обычно исходным пунктом является тема, вытекающая из предыдущего предложения. Например: *Byl jednou jeden kral| a ten mel tri syny. Nejstarsiho z nich napadlo, ze si pujde do sveta hledat nevestu.* "Жил-был когда-то один король, и было у него три сына. Старшему из них пришло на ум пойти по свету искать невесту". Как видно, здесь исходным пунктом второго предложения служит тема, представленная в развернутом виде в первом предложении, а исходным пунктом третьего предложения выступает тема, контурно намеченная во втором предложении. В самом начале высказывания, когда еще ничего не известно, стоит бытийное предложение с самым общим указанием времени - *Byl jednou jeden kral* "Жил-был когда-то один король". С точки зрения актуального членения это предложение можно рассматривать как нерасчлененное высказывание, ибо оно содержит собственно ядро высказывания с сопутствующими словами. Неопределенное обстоятельство времени *jednou* "когда-то" целиком оттеснено на задний план, вследствие чего данное предложение по содержанию целиком равнозначно предложениям, не содержащим подобного обстоятельства времени вообще: *Byl jeden kral a byl tak rozumny, ze i vsem zivocichum rozumel, co si povidali.* "Жил-был один король, и был он такой умный, что даже всех зверей понимал, о чем они говорили"; *Byla jedna vdova, ta mela dve dcery, Dorlu a Lenku.* "Жила одна вдова, было у нее две дочери, Дорла и Ленка". Иногда такое вводное бытийное предложение снабжается различными замечаниями, указывающими на разнообразие отношений, выступающих в начале высказывания. В произносимом высказывании вводное бытийное предложение может быть связано с изображаемой ситуацией различными выражениями, общий смысл которых примерно таков: *Chcete na mne pohadku a tady ji tedy mate* "Хотите от меня сказку - и вот вы ее имеете". Эти выражения могут меняться в зависимости от отношения говорящего к цели своего высказывания: *Tak byl jednou jeden kral...* "Итак, жил-был когда-то один король..."; *Tak tedy byl jednou jeden kral* "Так вот, жил-был когда-то один король". Чем пространнее эти вступительные замечания, тем скорее они могут достичь самостоятельности и измениться в предложение с собственной мелодической концовкой. Например: *No tak tedy. Byl jednou jeden kral* "Ну, так вот. Жил-был когда-то один король". Таким предложением с самостоятельной мелодической концовкой выражается иногда отношение говорящего к тому, что он собирается сказать: "Было - не было: жил-был когда-то один король".

Собственно, для нашей темы самыми важными являются случаи, при которых для первого предложения используются предметные ситуации, содержащиеся в самом высказывании. Иногда в предложении, своеобразно предвосхищая еще не раскрытую предметную ситуацию высказывания, отбираются обстоятельства места или времени, которые ставятся в начало бытийного предложения в качестве исходной точки высказывания. Например: *V jedte zemi panoval kral, ktery byl nesmirne bohaty* "В одной стране царствовал король, который был безмерно богат"; *V jednom meste bydlili rodicove a meli tri dcery* "В одном городе жили муж и жена и было у них три дочери"; *Daleko, az tamhle nekde za cervenym morem, byval kdysi jeden mlady pan* "Далеко, где-то там, за красным морем, жил-был один молодой господин". Иной раз говорящий вообще обходится без вводного бытийного предложения и начинает повествование о герое в таком тоне, как будто бы мы с ним уже давно знакомы, и лишь потом вследствие недостаточной определенности мы убеждаемся (иногда вследствие явной неопределенности), что с этим героем встречаемся впервые. Например: *Chuda selka sla do lesa na stlani.* "Бедная крестьянка пошла в лес за

травой для подстилки"; Vavrovi umrela zena "У Вавры умерла жена"; Myslivec sel jednoho dne na lov "Лесник пошел однажды на охоту"; Libor byl jediný syn chude vdovy "Либор был единственным сыном бедной вдовы". Вводные предложения рассказа, в которых на основе ситуации переданы обстоятельства места или времени, можно назвать началом обоснованным, а вводные предложения, в которых говорится о герое, - началом переносным, ибо, например, предложение Myslivec sel jednoho dne na lov "Лесник пошел однажды на охоту" можно было бы передать двумя предложениями: Byl jeden myslivec a ten sel jednoho dne na lov "Жил один лесник, и пошел он однажды на охоту". Простое предложение бытийного типа Byl jednou -jeden kral "Жил-был когда-то один король" можно назвать началом нераспространенным. Типы вводных предложений, которые мы здесь установили на примере чешских сказок, представлены, конечно, и в художественных произведениях - в рассказах и романах.

В отрывистой повседневной речи картина актуального членения предложения гораздо богаче, чем в речи обработанной, особенно в письменной форме языка; богатство такой речи тем более возрастает, чем ближе соприкасаются в повседневной жизни лица, ведущие беседу. Объясняется это тем, что в таком случае чрезвычайно обогащается ситуация, на базе которой можно отбирать темы высказывания или по крайней мере обстоятельства, которые могут стать исходным пунктом высказывания. К ситуации относится, собственно, все, что собеседникам известно и что можно использовать в речи как что-то известное. В случае необходимости актуализация будет подчеркнута внутренним указанием, имеющим, естественно, всегда эмоциональную окраску; по отношению же к присутствующему лицу или предмету может быть использовано внешнее указание. (О внутреннем и внешнем указании см. мою работу "Privlastkove ten, ta, to v hovorove cestine".)

Из подобных отрывков повседневного разговора отмечу, например, следующие предложения: U Jirsu budou mit svatbu "У Йирсов должна быть свадьба"; Zaruba za nami stavi novych pet domku "Заруба за нами строит пять новых домов"; Ten vas vchod so mi pranic flellbi "Этот ваш вход мне совсем не нравится"; Tady ty knihy musi prug "Вот эти книги нужно унести". Во временном отношении всего понятнее настоящее с непосредственным прошедшим и будущим: Dues uz k vam nefijdu "Сегодня я к вам уже не приду"; Voera byla sobota a to so vzdy-sky koupeme "Вчера была суббота, и мы всегда моемся"; Zitra bude hezky "Завтра будет прекрасно". Естественно, что частью данной ситуации всегда является лицо говорящее и лицо, с которым ведется разговор: J a pujdu zitra do mesta a koupim ti to. Ty tedy nechces. "Я пойду завтра в город и куплю тебе это. Ты, значит, не хочешь". За часть данной ситуации принимается также обобщенное подлежащее, ибо, как правило, оно связано с опытом, приобретенным говорящим. Например: Lide si na torn mos pochutnavaji "Люди этим здорово полакомятся"; Nektefi lide jsou takovi, ze nechteji vubec nic inenit "Некоторые люди таковы, что не хотят вообще ничего менять". Само собой разумеется, что и в повседневной речи можно встретиться с началом переносным, как мы назвали его в предыдущем абзаце. В качестве примера приведем следующее предложение: Nejaci (lide) pfijeji ze Strakonice a ficali, ze je lam hotove rozdvizeni "Некоторые (люди) приехали из Страколиц и сказали, что там настоящий переполох". Очень часто исходный пункт высказывания содержит не один, а два, три и более элементов, почерпнутых из ситуации. Однако центральным становится более актуальный из них, а остальные элементы выступают как элементы сопутствующие. Так, в предложении "Пани Мейсверова делает это без закваски, и у нее также это не портится" общая ситуация дана в разговоре о приготовлении малинового сока (на что указывает местоимение это), и на этом фоне в качестве актуального выступает приобретенный пани Мейсверовой опыт, также имеющий отношение к данной ситуации. В предложении "Теперь там эти люди стоят и рассказывают" исходный пункт высказывания содержит три различных элемента данной ситуации, хотя среди них актуальным является только обстоятельство времени. Ядро высказывания также очень часто (возможно, как правило) наряду с собственно центром содержит сопутствующие выражения, которые связаны с этим центром и связывают последний с исходным пунктом высказывания. Так, в предложении "Заруба строит за нами пять новых домов" известная ситуация выражается частью Заруба за нами, тогда как остальная часть предложения "строит пять новых домов" сообщает об этом исходном моменте нечто новое. Собственно, ядро высказывания содержится здесь в словах "пять новых домов", а слово "строит" является сопутствующим выражением, соединяющим исходный пункт высказывания с его ядром. С ними

обоими оно связано как грамматической функцией, так и значением. Говорящий и собеседник знают, что речь идет о застройщике домов, занятие которого не вызывает сомнений. Сопутствующие выражения заслуживают внимания по ряду соображений. В данной связи укажем только на одно из них. Уже приводились предложения, в которых темой высказывания является говорящий или собеседник, которые, естественно, обозначаются в предложении личными глагольными формами, а именно глаголами первого и второго лица. Тема может быть выражена и формой третьего лица, если речь идет о лице или недавно названном и контексте предмете. В языках, где в повествовательном предложении при личной форме глагола всегда ставится самостоятельно выраженное подлежащее, это обычное явление. Иначе обстоит дело в тех языках, где глагол в личной форме в повествовательном предложении требует специально выраженного подлежащего лишь в особых случаях. В подобных языках - чешский язык относится именно к таким языкам (ср. мою работу "Pronominalni podmet v hovorove cestine") - встречаются случаи, когда тема высказывания, которая должна быть передана личной формой глагола, специально не выражена вообще, а отражена лишь в морфологическом аспекте слова, относящемся к ядру высказывания или в качестве его собственного центра, или в виде сопутствующего выражения. Сказку, первые два предложения которой были разобраны в начале второго абзаца, можно продолжить следующим образом: "Простился (он) с отцом и братьями, взял себе на дорогу немного еды и пошел куда глаза глядят". Тут, собственно, все является ядром высказывания, и его тема - старший сын короля, о котором шла речь в предыдущем предложении, выражена формой третьего лица глаголов. Аналогичное явление встречается и в отрывочном повседневном разговоре. Чаще всего личное местоимение отсутствует в исходном пункте высказывания, если оно является: лишь сопутствующим выражением другого, более актуального высказывания, относящегося к данной ситуации. Примером могут служить предложения: "Так я уже дальше не выбирала и пошла домой"; "Завтра об этом даже не вспомните". Но в отрывистой повседневной речи можно зафиксировать немало предложений, которые из-за невыраженного местоименного подлежащего целиком состоят из ядра высказывания. Приведем в качестве примеров следующие предложения: Jdu do mesta a tak jsem so to pfisla zeptat, jestli neco nepotrebujes "(Я) иду в город и вот пришла тебя спросить, не нужно ли тебе чего"; Potfebovala bych, aby to nekdo za me udelal "Мне бы нужно было, чтобы это кто-нибудь за меня сделал"; Nemel ses do niceho michat "Ты не должен был ни во что вмешиваться".

Исходный пункт высказывания и его ядро, если они слагаются из нескольких выражений, сочетаются по-разному в предложениях. И все же, как правило, можно определить, какая часть предложения относится к исходному пункту высказывания и какая - к его ядру. При этом обычным порядком является такой, при котором за исходный пункт принимается начальная часть предложения, а за ядро высказывания - его конец. Эту последовательность можно назвать объективным порядком, ибо в данном случае мы движемся от известного к неизвестному, что облегчает слушателю понимание произносимого. Но существует также обратный порядок: сначала стоит ядро высказывания, а за ним следует исходный пункт. Это порядок субъективный, при нем говорящий не обращает внимания на естественный переход от известного к неизвестному, ибо он так увлечен ядром высказывания, что именно его ставит на первое место. Поэтому такая последовательность придает ядру высказывания особую значимость. Наглядно это можно проиллюстрировать при сравнении двух предложений: Dala jsem za ni dvacet korun "Я отдала за нее 20 крон" (порядок объективный) - Dvacet korun jsem za ni dala "20 крон я за нее дала" (порядок субъективный). Примерами субъективного порядка являются следующие фразы: "Такое темно-красное это было"; "Дважды я там был, и ни разу я никого не застал дома"; "Здорово этим люди полакомятся"; "Сейчас только газеты пришли". При объективном порядке слов эти фразы звучали бы так: "Было это такое темно-красное"; "Я был там дважды, и ни разу я никого не застал дома"; "Люди этим здорово полакомятся"; "Газеты пришли только сейчас". Средства, удовлетворяющие потребностям выражения объективного и субъективного порядков при актуальном членении предложения, почти в каждом языке различны, и изучение их весьма важно. К ним относится не только порядок слов, но, как я показал на английском материале (см. статью "O funkci podmetu"), также и использование пассивной предикации.

Как явствует из приведенных примеров, я ограничился в данной работе лишь разбором самостоятельных повествовательных предложений, и то лишь тех, в которых представлен глагол в личной

форме и которые не могут служить ответом на предыдущий вопрос. Я сделал это главным образом потому, что на примере указанных предложений легче решить рассматриваемые проблемы. Кроме того, эти предложения являются самым распространенным типом фраз в разговорной речи и в несложной прозе. Смею надеяться, что на очень ограниченном материале мне все-таки удалось рассмотреть важнейшие вопросы изучаемой проблемы. Дальнейшая работа еще впереди. Предстоит исследовать не только материал, которого я пока не касался (другие виды самостоятельных повествовательных предложений, вопросительные, повелительные, восклицательные, побудительные и сложные предложения), но также выявить тонкие оттенки структуры предложения, на которых я не останавливался. Дальнейшая задача - показать на конкретном материале соотношение формального и актуального членения предложения, ибо только в таком случае станет ясным, как важно все то, что здесь излагалось.

Тема 8. Теория речевых актов

Г. П. Грайс. Логика и речевое общение*

В философской логике бытует - и, более того, является общим местом - представление о том, что значение по крайней мере некоторых формальных символов отличается (при стандартной двузначной интерпретации) от значения их аналогов в естественном языке, то есть слов и выражений типа not "не", and "и", or "или", if "если", all "все", some или at least one "некоторые" или "по крайней мере один", the (определенный артикль). Были, правда, логики, которые пытались отрицать существование этих различий; но такого рода точки зрения если и высказывались, то слишком поспешно и необдуманно; те же, кто был заподозрен в подобной "ереси", подвергались суровым гонениям.

Исследователей, склонных допускать наличие указанного расхождения, можно, как правило, отнести к одной из двух конкурирующих групп, которые я назову, соответственно, формалистической и неформалистической. Вот набросок достаточно типичной позиции формалиста. Постольку, поскольку логики занимаются построением самых общих схем надежного и эффективного логического вывода, формальная символика обладает реальным преимуществом перед соответствующими выражениями естественного языка. Действительность, пользуясь формальными символами, можно построить систему обобщенных формул, приемлемость которых уже менее очевидна, но может быть точно установлена, исходя из приемлемости исходных формул. Тем самым мы располагаем методом анализа различных способов логического вывода, в том числе таких, приемлемость которых сомнительна; если же оказывается возможным применить разрешающую процедуру, то тем лучше. Исходя из этого, принято считать, что наличие в значении естественноречевых выражений таких элементов, которые не имеют соответствий среди формальных символов, должно, с философской точки зрения, рассматриваться как недостаток естественного языка, а сами эти элементы представляют собой не более чем нежелательные наросты. Ибо из-за такого рода элементов те понятия, в значение которых они входят, не могут быть строго (или ясно) определены, и по крайней мере некоторым из утверждений, использующих эти понятия, нельзя приписать определенного истинностного значения. Неопределенность понятий неприятна и вызывает возражения не только сама по себе, но и в силу того, что она открывает дорогу метафизике - мы не можем быть уверены в том, что эти выражения естественного языка не являются "метафизически нагруженными". Поэтому рассматриваемые выражения в том виде, как они употребляются в естественном языке, нельзя считать полностью приемлемыми, а при ближайшем рассмотрении они могут казаться вообще невразумительными. Правильная стратегия состоит в разработке идеального языка, включающего формальную символику; его предложения должны быть ясными, иметь строго определенное истинностное значение и быть заведомо свободными от всякой метафизики. Тем самым основания науки станут на надежный философский фундамент, ибо утверждения ученого будут выразимы (хотя и необязательно каждый раз в действительности выражены) на таком идеальном языке. (Я не хочу сказать, что все формалисты полностью согласятся с этим изложением, но я думаю, что каждый согласится хотя бы с какой-то его частью).

Неформалистический ответ на это мог бы выглядеть примерно так. Потребность философа в идеальном языке основана на некоторых допущениях, принимать которые не следует. Это допущения о том, что степень адекватности языка должна измеряться его способностью служить нуждам науки; что выражение не может считаться полностью понятным, пока мы не построим экспликацию или анализ его значения; и что такая экспликация или анализ должны иметь вид точной дефиниции, то есть быть выражением (или утверждением) логической эквивалентности. Язык служит не только целям научного исследования, но и многим другим важным целям; мы можем прекрасно знать, что значит некоторое выражение (и тем самым знать *a fortiori*, что оно имеет разумный смысл), и при этом не знать того, как оно анализируется; сам же этот анализ может (и так оно обычно и бывает) состоять в указании - возможно более общем - условий употребления анализируемого выражения. Более того, хотя нет сомнения, что формальные символы поддаются систематическому логическому изучению легче всего, но существует также множество рассуждений и примеров логического вывода, выразимых на естественном языке и не выразимых на языке формальных символов, которые тем не менее могут быть признаны вполне надежными. Тем самым имеет право на существование неупрощенная" и потому более или менее несистематическая, логика естественных языковых аналогов формальных символов; упрощенная формальная логика может подкреплять и направлять эту логику, но ни в коем случае не вытеснять и не подменять ее. На самом деле эти две логики не просто отличаются друг от друга - они могут и противоречить друг другу: правила, верные для формального символа, могут нарушаться для его естественного языкового аналога.

Что касается глобального вопроса о роли философии в реформе естественного языка, то я вообще не буду его затрагивать. Я приму участие в этом споре в той мере, в какой он связан с якобы имеющими место различиями между естественным языком и формальным. Более того, я не собираюсь присоединяться к той или иной из враждующих сторон. Мое утверждение состоит скорее в том, что разделяемая обеими сторонами убежденность в существовании указанных различий есть, вообще говоря, не что иное как их общая ошибка; эта ошибка возникает из-за недостаточного внимания к характеру и силе влияния тех условий и факторов, которые управляют речевым общением. Поэтому я сразу перейду к анализу тех общих условий, которые так или иначе характеризуют речевое общение как таковое, безотносительно к его теме и содержанию.

ИМПЛИКАТУРА

Предположим, А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у В на работе и Б отвечает: "Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму". Тут А вполне может поинтересоваться, что Б имеет в виду, на что он намекает или даже что значат его слова о том, что В еще не попал в тюрьму; в ответ А может услышать, что В не тот человек, который неспособен поддаться искушению своей профессией, или что на самом деле сослуживцы В-люди крайне неприятные и вероломные или что-нибудь еще в том же духе. Конечно, у А может и не возникнуть необходимости обращаться к Б с вопросом - если в данном контексте ответ известен ему заранее. В любом случае не кажется очевидным следующее: то, что (в рассмотренном примере) Б подразумевал, имел в виду, на что он намекал и т. д., отличается от того, что он сказал-сказано было только то, что В еще не попал в тюрьму.

Я хотел бы ввести, в качестве специального термина, глагол имплицировать (*implicate*) и относящиеся к нему существительные импликатура (*implicature*), т. е. имплицирование, импликация (*implying*), и имплицат (*implicatuni*), т. е. то, что имплицуется, имплицуемое (*what is implied*). Смысл этого маневра в том, что он избавляет от необходимости каждый раз выбирать тот или иной конкретный глагол из группы, для которой слово *имплицировать* должно служить родовым понятием. Мне придется, по крайней мере, здесь, исходить из умения распознавать конкретные глаголы как входящие в одну группу с *имплицировать*, а также из интуитивного понимания значения слова *сказать* в определенном контексте употребления. Сделаю несколько замечаний, проясняющих более сомнительное допущение - относительно смысла слова *сказать*.

Я имею в виду такое понимание слова *сказать*, при котором то, что говорится, рассматривается как нечто близкое к конвенциональному смыслу слов (или предложений), которые были произнесены. Так, предположим, что кто-то произносит предложение *He is in the grip of a vice* 'Он зажат в тисках' / 'Он зажат в тисках порока'*. Если мы знаем английский язык, но не знаем ничего относительно ситуации произнесения этого высказывания, мы получим некоторое представление о том, что было сказано говорящим-в предположении, что он говорил на литературном английском языке и употреблял слова в прямом, буквальном смысле; а именно, о некоем *x* - конкретном человеке или животном мужского пола - было сказано, что во время произнесения данного предложения (когда бы это ни было) либо (1) *x* был неспособен избавиться от какой-то дурной черты характера, либо (2) какая-то часть тела *x*-а была зажата в механизме или инструменте определенного типа (толкование, разумеется приблизительное). С другой стороны, для полного понимания того, что было сказано, необходимо:

(а) уметь идентифицировать *x*;

(б) знать время произнесения высказывания;

(в) знать то, в каком именно значении было употреблено выражение *in the grip of a vice* в данном высказывании (что определяет выбор между (1) и (2)).

Краткие указания относительно смысла слова *сказать* оставляют открытым следующий вопрос: одно и то же или нет говорят два человека, если они произносят (в момент написания данной статьи) *Гарольд Вильсон-великий человек* и *Премьер-министр Англии - великий человек*, причем им известно, что употребленные ими сингулярные термы имеют один тот же референт. Каким бы ни был ответ на этот вопрос, излагаемый ниже аппарат способен объяснить любые импликатуры, связанные с выбором того или иного сингулярного термина; эти импликатуры будут просто относиться к разным постулатам.

В некоторых случаях конвенциональное значение слов определяет не только то, что говорится, но и то, что имплицуется. Если я заявляю (спесивым тоном): *Он англичанин, и поэтому он храбр*, - то, тем самым, из значения произнесенных слов вытекает, что я считаю истинным утверждение: его храбрость-следствие того, что он является англичанином. При этом, хотя я сказал, что он англичанин, и сказал, что он храбр, я не сказал (в указанном выше смысле), что его храбрость следует из факта его принадлежности к английской нации - несмотря на то, что я, конечно, указал на это и, следовательно, имплицировал это. Я вовсе не хочу утверждать, что в том случае, если рассматриваемое следствие окажется ложным, мое высказывание также окажется - в строгом смысле слова - ложным. Итак, некоторые импликатуры являются конвенциональными - в отличие от той, с которой я начал анализ понятия импликатуры.

Я хотел бы разобрать один подкласс неконвенциональных импликаций, непосредственно связанных с некоторыми общими характеристиками речевого общения; поэтому я назову их импликациями речевого общения, или коммуникативными импликациями (*conversational implicatures* *). Дальше я попытаюсь описать сами эти общие характеристики.

Все последующее изложение может рассматриваться как первое приближение к формулировке одного общего принципа. В нормальной ситуации человеческий диалог не является последовательностью не связанных друг с другом реплик - в этом случае он не был бы осмысленным. Обычно диалог представляет собой, в той или иной степени, особого рода совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоим цель (цели) или хотя бы "направление" диалога. Такого рода цель или направление могут быть заданы с самого начала (например, когда предмет обсуждения назван эксплицитно) или же выявляются в процессе общения; цель может быть четко определена, но иногда она бывает настолько смутной, что у собеседников остается широкая "свобода слова" (как при случайном разговоре о том о сем). В любом случае, на каждом шагу диалога некоторые реплики исключаются как коммуникативно неуместные. Тем самым можно в общих чертах сформулировать следующий основной принцип, соблюдение которого ожидается (при прочих равных условиях) от участников диалога: "Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога". Это принцип можно назвать Принципом Кооперации.

Допустим, какой-то общий принцип вроде Принципа Кооперации принят; тогда можно выделить и более конкретные постулаты, соблюдение которых в общем и целом соответствует выполнению этого принципа. Эти постулаты можно разделить на четыре категории, которые, вслед за Кантом, я назову категориями Количества, Качества, Отношения и Способа. Категория Количества связана с тем количеством информации, которое требуется передать; к этой категории относятся следующие постулаты:

1. "Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)".
2. "Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется".

Второй постулат вызывает сомнения: можно сказать, что передача лишней информации - это не нарушение Принципа Кооперации, а просто пустая трата времени. На это можно возразить, однако, что такая лишняя информация иногда вводит в заблуждение, вызывая не относящиеся к делу вопросы и соображения; кроме того, может возникнуть косвенный эффект, когда слушающий оказывается сбит с толку из-за того, что он предположил наличие какой-то особой цели, особого смысла в передаче этой лишней информации. Как бы то ни было, существует еще и другой источник сомнений относительно необходимости второго постулата: тот же результат будет достигнут с помощью одного из дальнейших постулатов, связанного с релевантностью.

К категории Качества относится общий постулат "Старайся, чтобы твое высказывание было истинным", а также два более конкретных постулата:

1. "Не говори того, что ты считаешь ложным".
2. "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований".

С категорией Отношения связан один-единственный постулат-это постулат релевантности ("Не отклоняйся от темы"). И хотя он сформулирован очень кратко, с ним связаны некоторые проблемы, вызывающие у меня серьезные затруднения, а именно:

какие бывают различные типы и фокусы релевантности, как они смещаются в процессе речевого общения, как описать законную смену предмета разговора, и т. п. Подобные проблемы представляются мне чрезвычайно трудными, и я надеюсь обратиться к ним в другой работе.

Рассмотрим, наконец, категорию Способа. Я считаю, что она касается не того, что говорится (как остальные категории), а скорее того, как это говорится. К этой категории я отношу один общий постулат- "Выражайся ясно"-и несколько частных постулатов, типа:

1. "Избегай непонятных выражений".
2. "Избегай неоднозначности".
3. "Будь краток (избегай ненужного многословия)".
4. "Будь организован". Возможно, понадобятся и другие постулаты.

Очевидно, что соблюдение одних постулатов более обязательно, чем соблюдение других: обычно чересчур многословный человек подвергается менее строгому осуждению, чем человек, который говорит то, что он считает ложным. И действительно, можно думать, что важность первого постулата Качества так велика, что этот постулат не должен включаться в общую схему: остальные постулаты вступают в силу лишь в предположении, что постулат Качества выполнен. Может быть, так оно и есть на самом деле; но в той мере, в какой речь идет о порождении импликатур, роль этого постулата не отличается существенным образом от роли других постулатов, и по крайней мере здесь мне удобно рассматривать его в одном ряду со всеми остальными.

Конечно, существуют постулаты и иной природы (эстетические, социальные или моральные) - такие, как, например, "Будь вежлив"; эти постулаты также обычно соблюдаются участниками диалога, и они

также могут порождать неконвенциональные имп-ликации. Я думаю, однако, что именно коммуникативные постулаты и относящиеся к ним коммуникативные импликации связаны с теми специфическими целями, для выполнения которых приспособлена и в первую очередь используется речь (и, тем самым, речевое общение). Я сформулировал постулаты таким образом, будто целью речевого общения является максимально эффективная передача информации; естественно, это определение слишком узко, и все построение должно быть обобщено в применении к таким общим целям, как воздействие на других людей, управление их поведением и т. п.

Поскольку я объявил о своем намерении рассматривать говорение в качестве одного из видов целенаправленного - и, более того, рационального - поведения, то стоит отметить, что конкретные ожидания или презумпции, связанные по крайней мере с некоторыми из перечисленных постулатов, находят свои аналоги в сфере взаимодействий, не являющихся речевой коммуникацией.

Я укажу кратко такого рода аналоги для каждой из выделенных коммуникативных категорий.

1. **Количество.** Если вы помогаете мне чинить машину, мне естественно ожидать, что ваш вклад будет не больше и не меньше того, который требуется: например, если в какой-то момент мне понадобится четыре гайки, я рассчитываю получить от вас именно четыре, а не две и не шесть гаек.
2. **Качество.** Мне естественно ожидать, что ваш вклад будет искренним, а не фальшивым. Если вы помогаете мне готовить торт и мне нужен сахар, я не ожидаю, что вы подадите мне соль; если я прошу у вас хлеба, я не ожидаю получить камень.
3. **Отношение.** На каждом шаге совместных действий мне естественно ожидать, что вклад партнера будет уместен по отношению к непосредственным целям данного шага. Когда я замешиваю тесто, я не ожидаю, что вы подадите мне интересную книгу или даже кухонное полотенце (хотя то же самое действие могло бы стать уместным вкладом на одном из более поздних шагов).
4. **Способ.** Мне естественно ожидать, что партнер даст мне понять, в чем состоит его вклад, и что он выполнит свои действия с должной скоростью.

Такого рода аналогии существенны в отношении следующего фундаментального вопроса, касающегося Принципа Кооперации и сопутствующих ему постулатов: на чем основано принятое здесь допущение (которое, как я надеюсь показать, порождает широкий класс импликаций), что говорящие - при прочих равных условиях и при отсутствии указаний на обратное - ведут себя в соответствии с подобными принципами. Неинтересным, но на некотором уровне несомненно адекватным ответом является следующий: эмпирически достоверный факт состоит в том, что люди и а самом деле ведут себя именно таким образом; они учатся этому в детстве и не теряют эту привычку в дальнейшем. И вообще, очевидно, что радикальное изменение этой привычки стоит больших усилий. Так, говорить правду проще, чем придумывать ложь.

Я, однако, в достаточной степени рационалист, чтобы пытаться найти этим фактам обоснование - как бы бесспорны они ни были сами по себе. Мне бы хотелось рассматривать стандартный Канон речевого общения не просто как то, чего все люди (или большинство людей) на самом деле придерживаются. Я бы хотел понять, почему это разумно, почему нам не следует отступать от этого канона. В течение некоторого времени меня привлекала мысль, что соблюдение в речевом общении Принципа Кооперации и постулатов следует рассматривать как своего рода квазидоговор, аналогичный тому, который действует за пределами сферы дискурса, то есть во внеречевом общении. Так, если вы проходите мимо меня в тот момент, когда я пытаюсь починить сломанную машину, то я, безусловно, в какой-то степени ожидаю, что вы предложите мне помощь; если же вы начинаете вместе со мной возиться в капоте, то мои ожидания подтверждаются и приобретают более конкретный характер (при отсутствии указаний на то, что вы просто-напросто некомпетентный бездельник, который всюду сует свой нос). Мне казалось, что речевое общение обладает, хотя и в своеобразной форме, общими свойствами, характеризующими совместную деятельность любого типа, а именно:

1. Участники взаимодействия имеют общую ближайшую цель (например, починка машины).
Разумеется, конечные цели могут быть у каждого свои, и они могут даже противоречить друг другу - каждый участник может хотеть починить машину для того, чтобы потом на ней уехать, оставив другого ни с чем. В формальном диалоге общая цель есть всегда - даже если это цель второго порядка, как в ситуации случайного разговора в очереди, где от каждого участника требуется лишь кратковременное сочувствие сиюминутным коммуникативным интересам собеседника.
2. Вклады участников должны быть согласованны, взаимозависимы.
3. Имеется некоторое соглашение (оно может быть и эксплицитным, однако обычно лишь подразумевается) относительно того, что при прочих равных условиях взаимодействие будет продолжаться в соответствующем жанре до тех пор, пока оба участника не решат его прекратить. Мы не отходим от собеседника, не говоря ни слова, и не начинаем ни с того ни с сего заниматься чем-то другим.

Хотя такого рода квазидоговорное обоснование и позволяет объяснить некоторые случаи, ко многим типам взаимодействия (например, ссора или переписка) оно неприменимо. Как бы то ни было, мне кажется, что человек, слова которого нерелевантны или невразумительны, подводит в первую очередь не собеседника, а себя самого. Поэтому мне хотелось бы найти другое объяснение целесообразности соблюдения Принципа Кооперации и постулатов. Предлагаемое объяснение должно выглядеть так: от всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения/коммуникации (это может быть передача и получение информации, оказание влияния на других и подчинение себя чьему-то влиянию и т. п.), ожидается, что он заинтересован в этом общении; речевое общение, в свою очередь, может быть выгодно и полезно только при условии, что соблюдаются Принцип Кооперации и постулаты. Я не уверен, что это объяснение правильно; в любом случае, я ничего не могу сказать на эту тему, пока не будет достигнута ясность в отношении природы релевантности и тех условий, в которых релевантность необходима.

Настало время показать, как связаны коммуникативные импликатуры с Принципом Кооперации и постулатами.

Участник речевого общения может обойти тот или иной постулат разными способами; среди этих способов назовем следующие:

1. Он может с невозмутимым видом, недемонстративно не соблюсти постулат; при этом он, скорее всего, введет собеседника в заблуждение.
2. Он может уклониться от соблюдения как конкретного постулата, так и вообще Принципа Кооперации: сказать или дать понять, что он не склонен сотрудничать так, как того требует данный постулат. Например, он может сказать: "Больше я ничего не могу сказать; мой рот на замке".
3. Он может попасть в ситуацию конфликта - например, оказаться не в состоянии выполнить первый постулат количества ("Будь достаточно информативен"), не нарушая второго постулата качества ("Твои слова должны иметь достаточное обоснование").
4. Он может нарушить постулат, то есть откровенно отказаться от его соблюдения. Предположив, что говорящий а) способен следовать постулату без нарушения другого постулата (то есть конфликта нет); б) не уклоняется; в) в силу откровенности своих действий не пытается ввести в заблуждение, слушающий сталкивается со следующей проблемой: как можно согласовать слова и действия говорящего с допущением о том, что он соблюдает глобальный Принцип Кооперации? Такая ситуация обычно порождает коммуникативную импликацию; когда коммуникативная импликация порождается таким способом, я буду говорить, что постулат эксплуатируется.

Теперь я могу охарактеризовать понятие коммуникативной импликации. Пусть некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что p , тем самым имплицировал, что q . Мы будем говорить, что он коммуникативно имплицировал, что q , если выполнены следующие условия: (1) предполагается, что он соблюдает коммуникативные постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; (2) предположение о

том, что он знает (или полагает), что q , необходимо для приведения в соответствие с первой презумпцией-о том, что он соблюдает Принцип Кооперации-того факта, что он сказал (или сделал вид, что сказал), что p (или того факта, что он это сказал именно так, а не иначе); (3) говорящий считает (и ожидает, что слушающий считает, что говорящий считает), что слушающий способен вывести или интуитивно почувствовать реальную необходимость предположения (2). Применим это к примеру, с которого я начал, - к замечанию Б о том, что В до сих пор не попал в тюрьму. В соответствующей ситуации А может рассуждать следующим образом:

1. Б очевидным образом нарушил постулат релевантности; тем самым можно считать, что он пренебрег одним из постулатов, касающихся ясности выражения; у меня, однако, нет причин считать, что он уклоняется от соблюдения Принципа Кооперации.
2. При данных обстоятельствах я могу объяснить нерелевантность его высказывания, если и только если я предположу, что он считает В потенциально бесчестным человеком.
3. Б знает, что я способен вывести умозаключение 2).
4. Следовательно, Б имплицитно, что В потенциально бесчестен.

Коммуникативная импликация должна быть выводимой, потому что если наличие импликации постигнется интуитивно, но не может быть логически выведено, то такая импликация (если она вообще есть) будет считаться конвенциональной, а не коммуникативной. При выводе определенной коммуникативной импликации слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания - как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация до-гунна для обоих участников коммуникации, и что они оба знают или предполагают, что это так.

Общая схема вывода коммуникативной импликации выглядит так: Он сказал, что p ; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации⁴ он не мог сказать p , если бы он не считал, что q ; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q ; он хочет, чтобы я думал - или хотя бы готов позволить мне думать - что q : итак, он имплицитно, что q ".

ПРИМЕРЫ

Ниже приводится ряд примеров, которые я разделю на три группы.

Группа А. Примеры, когда все постулаты соблюдаются или хотя бы не очевидно, что какой-либо постулат не соблюдается.

А стоит около машины, явно неспособной передвигаться; к нему приближается БЮ и происходит следующий обмен репликами:

(1) *А. У меня кончился бензин.*

Б. Тут за углом есть гараж.

(Комментарий. Если бы Б не считал или хотя бы не допускал возможности того, что гараж открыт что там можно купить бензин, он бы нарушил постулат релевантности; тем самым Б имплицитно, что гараж открыт или может быть открыт, и т.д.)

В этом примере, в отличие от случая с репликой "Он еще не попал в тюрьму", неэмплицитованная связь между репликами А и Б настолько очевидна, что нет оснований говорить о несоблюдении общего постулата "Выражайся ясно" - даже если считать, что этот постулат касается не только того, что было сказано, но также и связи сказанного с соседними репликами.

Следующий пример в этом отношении менее ясен:

(2) *А. У Смита, кажется, сейчас нет девушки.*

Б. В последнее время он часто ездит в Нью-Йорк.

(Б имплицитно подразумевает, что у Смита в Нью-Йорке есть или может быть девушка. Комментарии здесь излишни, см. предыдущий пример.)

В обоих примерах говорящий имплицитно подразумевает нечто, что следует принять за его мнение, чтобы можно было считать, что он соблюдает постулат Отношения.

Группа Б. Примеры, в которых один из постулатов не соблюдается из-за возникающего конфликта с другим постулатом.

А разрабатывает вместе с Б маршрут предстоящего туристического путешествия по Франции. Оба знают, что А хотелось бы навестить своего друга В, если это не будет слишком большой крюк.

(3) А. Где живет В ?

Б. Где-то на юге Франции.

(Комментарий. Нет оснований считать, что Б уклоняется от ответа; с другой стороны, его ответ, как он хорошо понимает, менее информативен, чем того требуют нужды А. Это несоблюдение первого постулата Количества может быть объяснено лишь тем, что быть более информативным значит для Б нарушить постулат Качества ("Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований", и сам Б это понимает. Тем самым Б имплицитно подразумевает, что он не знает, в каком именно городе живет В.)

Группа В. Примеры эксплуатации постулата, то есть примеры, когда говорящие нарушают постулаты с целью порождения коммуникативной имплицитности; это своего рода фигура речи.

В этих примерах на уровне того, что говорится, один из постулатов не соблюдается; слушающий, однако, имеет презумпцию, что этот постулат, или по крайней мере глобальный Принцип Кооперации, соблюдается на уровне того, что имплицитно подразумевается.

(1а) Нарушение первого постулата Количества.

А пишет рекомендацию одному из своих учеников, претендующему на место на кафедре философии; его письмо выглядит следующим образом: "Милостивый государь, мистер Х превосходно владеет английским языком; он регулярно посещал семинары. Искренне Ваш, и т.д." (Комментарий. А не уклоняется от ответа - если бы он не хотел сотрудничать, тогда зачем вообще писать рекомендательное письмо? Нельзя также предположить, чтобы он не мог сказать больше в силу неосведомленности, поскольку речь идет о его ученике; более того, он знает, что от него требуется более подробная информация. Отсюда следует, что А хочет передать сведения, которые он не желает сообщать прямо. Такое предположение разумно только в том случае, если А думает, что мистер Х ничего не понимает в философии; тем самым он это имплицитно подразумевает.)

Примерами крайней формы нарушения первого постулата Количества служат очевидные тавтологии типа Женщина есть женщина или Война есть война. Моя точка зрения состоит в том, что на уровне того, что говорится (в указанном выше смысле) такие реплики абсолютно неинформативны; тем самым на этом уровне они в любом коммуникативном контексте нарушают первый постулат Количества. Конечно, такие реплики содержат определенную информацию - на уровне того, что имплицитно подразумевается; способность слушающего понять их содержание на этом уровне равносильна его способности объяснить, почему говорящий выбрал именно эту очевидную тавтологию, а не какую-либо другую.

(1б) Нарушение второго постулата Количества "Не сообщай больше информации, чем требуется" - при том условии, что этот постулат вообще включается в список.

А хочет знать, верно ли, что р; Б не только сообщает, что р, но также и то, что относительно истинности р свидетельствует то-то и то-то, а также это, и еще вот это.

Такая говорливость Б может быть непреднамеренной, и если А воспринимает ее как таковую, то он может засомневаться - так ли уж Б уверен в истинности р, как он утверждает. Если же чрезмерная говорливость заранее запланирована, она служит способом сообщить собеседнику в неявной форме, что истинность р до некоторой степени проблематична. Надо сказать, что такая имплицитность может быть объяснена и без привлечения сомнительного постулата Количества, а именно, через обращение к постулату Отношения.

(2a) Примеры, иллюстрирующие нарушение первого постулата Качества.

1. *Ирония*. X, с которым А до сих пор был в близких отношениях. Передал секрет А его конкуренту. Это знают и А, и тот, кто его слушает. А говорит: "X - настоящий друг" (Комментарий. Как для А, так и его слушателя совершенно очевидно, что А сказал - или сделал вид, что сказал - нечто, в ложности чего он уверен; кроме того, слушающий знает, что А знает, что это для него, слушающего, очевидно. Тем самым, чтобы не считать высказывание А совершенно бессмысленным, приходится предположить, что А пытается выразить некоторую пропозицию, отличную от той, которую он, казалось бы, высказывает. Это должна быть пропозиция, самым очевидным образом связанная с данной; пропозиция, наиболее очевидным образом связанная с данной - это ее отрицание. Тем самым А выражает пропозицию, являющуюся отрицанием той, которую он делает вид, что высказывает.)

2. *Метафора*. Примеры типа You are cream in my coffee, букв. "Ты - сливки в моем кофе", характеризуются наличием категориальной ошибки; поэтому отрицание такого высказывания будет, строго говоря, трюизмом; тем самым исключено, чтобы говорящий пытался сообщить это отрицание, как в случае иронии. Наиболее вероятно, что говорящий приписывает объекту некоторый признак, по которому этот объект сближается (более или менее причудливым образом) с указанной субстанцией.

Можно комбинировать иронию и метафору, навязывая слушающему два шага интерпретации. Я говорю: "Ты - свет моих очей", предлагая слушающему расшифровать сначала метафорический смысл "Ты - моя гордость, моя радость", а затем иронический - "Ты - мое проклятье".

3. *Литота* (преуменьшение). Про человека, о котором известно, что он переломал всю мебель в квартире, говорят: "Он был немного возбужден".

4. *Гипербола*. "Все симпатичные девушки любят моряков"

(2б) Примеры, иллюстрирующие нарушение второго постулата Качества "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований", найти непросто; по-видимому, таким примером может служить следующий. Я говорю про жену господина X: "Очень может быть, что в данный момент она ему изменяет". Произнеся эту фразу в подходящем контексте, или в сопровождении соответствующего жеста, или соответствующим тоном, я могу дать понять, что у меня нет достаточных оснований для того, чтобы считать, что это действительно так. Мой партнер, чтобы спасти презумпцию продолжения речевой игры, делает предположение, что я имею в виду некоторую другую пропозицию, связанную с данной, обоснованием истинности которой я уже и в самом деле располагаю. Этой пропозицией может быть то, что госпожа X вообще склонна изменять своему мужу, или что она такой человек, который перед этим не остановится, и т.д.

(3) Примеры, в которых импликатура порождается за счет реального, а не кажущегося нарушения постулата Отношения, довольно редки; хорошим кандидатом представляется мне следующий. На великосветском приеме А заявляет: "Миссис X - старая карга". После мгновенного всеобщего молчаливого замешательства Б говорит: "Не правда ли, погода этим летом была восхитительная?" Б совершенно неприкрыто отказался сделать свое высказывание релевантным по отношению к предыдущей реплике А; тем самым он имплицировал, что слова А не следует обсуждать, или, более конкретно, что А совершил социальную оплошность.

(4) Примеры, иллюстрирующие нарушение различных постулатов, конкретизирующих общий постулат "Выражайся ясно".

1. *Неоднозначность*. Напомним, что нас интересуют только случаи преднамеренной неоднозначности, то есть случаи, когда говорящий ожидает, что неоднозначность его слов будет отмечена слушающим. Тогда перед слушающим встает вопрос: зачем вообще говорящему, при том, что он участвует в игре речевого общения, понадобилось лезть из кожи вон ради производства неоднозначного высказывания? Тут возможны два типа случаев.

(а) Примеры высказываний, имеющих две в равной степени правдоподобные прямые интерпретации, - когда ни одна из интерпретаций не является заметно более сложной, изощренной, менее стандартной, более темной или более натянутой, чем другая. Возьмем, например, строки Блейка: Never seek

to tell thy love? Love that never told can be "Никогда не пытайся высказать своей любви, Любви, которую высказать нельзя" Чтобы не заниматься сложностями, связанными с повелительным наклонением, я буду рассматривать похожее предложение I sought to tell my love, Love that never told can be "Я пытался высказать мою любовь (моей любви), Любовь, которую высказать нельзя". Здесь возникает двойная неоднозначность. Во-первых, выражение my love "моя любовь" может относиться как к эмоциональному состоянию, так и к лицу - объекту этого состояния; во-вторых, выражение Love that never told can be может значить либо "любовь, которую невозможно высказать" либо "любовь, которая, будучи высказанной. Перестанет существовать" Отчасти в силу изысканности самого поэта, а отчасти в силу внутренних свидетельств (неоднозначность не снимается последующим текстом) у нас нет другого выбора, кроме как считать, что неоднозначность интерпретации туту допущена сознательно и сто поэт выражает смыслы, соответствующие всем интерпретациям, хотя, конечно, он и не говорит ничего эксплицитно, а только лишь намекает на это (ср. Since she (nature) pricked thee out their treasure).

(b) Примеры неоднозначных высказываний, для которых одна интерпретация значительно менее естественна, чем другая. Рассмотрим следующий сложный пример. Английский генерал, захвативший город Синд, послал командованию донесение: *Ressavi* (лат. "Я согрешил"). Получающаяся неоднозначность I have Sind / I have sinned (Я взял Синд/ Я согрешил) - фонемная, а не морфемная, а реально употребленное выражение вообще не является неоднозначным. Но поскольку это выражение на иностранном для говорящего и слушающего языке, то его требуется перевести; неоднозначность появляется в стандартном переводе на родной язык коммуникантов, то есть английский.

Вне зависимости от того, выражает автор высказывания естественную, прямую интерпретацию (Я согрешил) или нет, непрямую интерпретацию он заведомо выражает. На то, чтобы использовать некоторое предложение только для выражения его не прямой интерпретации, могут быть причины стилистического характера; но если не прямая интерпретация бесполезна с точки зрения целей коммуникации, то тратить силы на поиск предложения, которое непрямо выражало бы р, заставляя тем самым слушающего искать эту непрямую интерпретацию, бессмысленно - и даже, быть может, стилистически нежелательно. Выражает ли тот, кто произносит подобное предложение, также и его прямую интерпретацию, или нет, зависит от совместимости предположения о том, что прямая интерпретация на самом деле выражается, с другими коммуникативными требованиями - такими, как релевантность этой интерпретации, готовность слушающего принять ее и т.п. В том случае, когда эти требования не выполнены, прямая интерпретация говорящим не выражается, если же требования выполнены, то выражается. Если есть основания предполагать, во-первых, что автор сообщения "*Ressavi*" считал, что захват Синда является поступком - например, нарушением приказа; и, во-вторых, что такой проступок релевантен с точки зрения предположительных интересов его адресата, тогда можно утверждать, что он выразил только непрямую интерпретацию.

2. Неясность. Как в коммуникативных целях можно эксплуатировать сознательное и явное нарушение требования избегать неясности? Очевидно, в силу действия Принципа Кооперации я должен рассчитывать на то, что мой партнер поймет смысл моих слов, несмотря на неясность моего высказывания. Предположим, А и Б беседуют в присутствии третьих лиц - например, ребенка; тогда А, надеясь на то, что Б его поймет, а третьи лица нет, может сознательно выражаться неясно, хотя и не слишком. Более того, разумно предположить следующее: если А ожидает от Б понимания того, что его речь затемняется сознательно, то А тем самым имплицитно, что содержание его слов не предназначено для третьих лиц.

3. Отсутствие должной краткости или сжатости. Сравним следующие реплики:

(a) Мисс Х пела "Home sweet home".

(б) Мисс Х испускала последовательность звуков, соответствующую песенке "Home sweet home".

Предположим, очевидец предпочел описать ситуацию при помощи (б), а не (а). (Комментарий. Почему было выбрано чересчур многословное предложение (б) вместо краткого и почти синонимичного ему (а)? Вероятно, говорящий хотел отметить существенную разницу между поведением мисс Х и тем

поведением, которое обычно обозначается глаголом петь. Первое предположение, которое приходит в голову, что в исполнении мисс Х был какой-то вопиющий дефект. Говорящий знает, что это предположение скорее всего придет в голову слушающему; именно это он и имплицитует.)

До сих пор я рассматривал примеры только таких коммуникативных импликатур, которые можно назвать индивидуализированными. Или конкретными. В этих примерах импликатура порождается при произнесении высказывания р в данном контексте, в силу специфических свойств этого контекста, и нет никаких оснований предполагать, что такая импликатура обычно возникает всякий раз, когда говорится, что р. Существуют, однако, также и случаи обобщенной коммуникативной импликатуры, когда можно утверждать, что употребление в высказывании определенных слов обычно (при отсутствии специальных указаний на обратное) порождает такую-то и такую-то импликатуру или класс импликатур. Бесспорный пример найти нелегко: обобщенную коммуникативную импликатуру легко представить как конвенциональную импликатуру. Однако предлагаемый мною пример, надеюсь, не вызовет возражений.

Человек, который говорит: *X is meeting a woman this evening* - Х сегодня встречается с женщиной, в нормальной ситуации имплицитует, что эта женщина - не жена, не мать, не сестра и даже не близкая, но чисто платоническая приятельница Х-а. так же точно, если я скажу: *X went into a house yesterday and found a tortoise inside the front door* - Вчера Х зашел в (один) дом и обнаружил в парадном черепашку", то в нормальной ситуации слушатель будет крайне удивлен, если впоследствии выяснится, что я имел в виду дом х-а. Я могу сконструировать аналогичные примеры с выражениями *a garden* - "один сад", *a car* - "одна машина", *a college* - "один колледж" и т.д. С другой стороны, иногда указанная импликатура не появляется (*I have been sitting in a car all morning* - Я все утро просидел в машине), а иногда появляется противоположная импликатура (*I broke a finger yesterday* - Я вчера сломал палец) Я не склонен думать, что найдет поддержку предложение выделять три значения у выражения *an X* (один X): первое, при котором эта выражение означает, грубо говоря, "нечто, удовлетворяющее определению слова X; второе - примерно "an X" (в первом понимании), имеющий непосредственное отношение к некоторому определяемому из контекста лицу, и третье - "an X" (в первом понимании), имеющий непосредственное отношение к некоторому определяемому из контекста лицу. Скорее следует отдать предпочтение описанию примерно следующего типа (оно, конечно, может быть, неверным в деталях). Пусть кто-то, употребляя выражение вида *an X*, имплицитует, что X не принадлежит некоторому выделенному лицу (и не находится к этому лицу в отношении близости какого-либо иного рода). В этом случае импликатура возникает из-за того, что говорящий выражается неточно - в том месте, где от него естественно было бы ожидать точности; тем самым естественно предположить, что он просто не может сказать точнее. Это уже знакомая нам ситуация импликатуры, возникающей из-за несоблюдения - в силу тех или иных причин - это почему в определенных ситуациях предполагается, независимо от данного конкретного контекста произнесения высказывания, что характер связи (степень ее близости) между выделенным лицом или объектом и другим лицом, упомянутым в высказывании (или ясным из высказывания), вообще представляет интерес. Ответ должен выглядеть примерно так. По своим последствиям, а также и по сопутствующим обстоятельствам, взаимодействия между некоторым лицом и другими лицами или объектами, непосредственно с ним связанными, обычно отличаются от тех же взаимодействий при отсутствии непосредственной связи; так, сопутствующие обстоятельства и последствия того, что я обнаружил дыру в своей крыше, будут, скорее всего, сильно отличаться от сопутствующих обстоятельств и последствий обнаружения мною дыры в крыше какого-то третьего лица. Передавая информацию (как и деньги), человек зачастую не знает, как именно распорядится с ней получатель. Когда человек, которому говорящий сообщает о некотором событии, подвергает это сообщение дальнейшему анализу, у него могут возникнуть такие вопросы, которых говорящий не в состоянии был предугадать. Однако если возможны такие уточнения, при наличии которых слушатель, скорее всего, сможет сам ответить себе на такого рода вопросы, то имеется презумпция, что говорящему следует включить эти уточнения в свое изложение события.

Покажем, наконец, что постольку, поскольку коммуникативная импликатура является тем, чем она является, она должна обладать определенными свойствами:

1. Из того, что для появления коммуникативной имплицатуры необходима, как минимум, презумпция соблюдения Принципа Кооперации, а от соблюдения этого принципа можно уклониться, следует, что в определенных ситуациях обобщенная коммуникативная имплицатура может подавляться. Она может подавляться эксплицитно - путем включения в высказывание какого-либо выражения, содержащего прямое или косвенное указание на то, что говорящий уклоняется от соблюдения Принципа кооперации; подавление имплицатуры может быть также контекстным - когда высказывание, обычно порождающее имплицатуру, употребляется в таком контексте, из которого явно следует, что говорящий на самом деле уклоняется от соблюдения Принципа Кооперации.
2. Поскольку вывод коммуникативной имплицатуры предполагает, помимо фоновой информации и информации о контексте, только от того, что было сказано (и, быть может, конвенционального приращения), и поскольку способ выражения не влияет на результат этого вывода, может оказаться, что тот или иной смысл нельзя выразить, не породив при этом некоторой имплицатуры. Исключения составляют те случаи, когда для вывода имплицатуры релевантна (в силу одного из постулатов Способа) некоторая специфическая формальная характеристика употребленного выражения. Если назвать это свойство неотделимостью имплицатуры, то можно ожидать, что обобщенная коммуникативная имплицатура, порождаемая стандартным, неспецифическим выражением, будет обладать высокой степенью неотделимости.
3. Поскольку вывод коммуникативной имплицатуры предполагает, что конвенционально содержание выражения, произнесение которого порождает эту имплицатуру, известно заранее, то коммуникативный имплицат должен, вообще говоря, представлять собой условие, не включаемое в исходное определение конвенционального содержания высказывания. Хотя конвенционализация исходно коммуникативной имплицатуры и не невозможна, переход такой имплицатуры в число конвенциональных должен обосновываться отдельно для каждого конкретного случая. Тем самым коммуникативные имплицаты не являются, по крайне мира изначально, частью значения тех выражений, с употреблением которых они связаны.
4. Поскольку истинность коммуникативного имплицата не необходима для истинности того, что говорится (то, что говорится, может быть истинным, в то время как то, что имплицитруется, может быть ложным), имплицатура порождается не тем, что говорится, а самим произнесением, или тем, как именно это говорится.
5. Вычисление коммуникативных имплицатур - это вычисление тех компонентов смысла, существование которых следует предположить, чтобы сохранить презумпцию соблюдения Принципа Кооперации. Конкретных предположений такого рода может быть много, и их список может быть открытым. В этом случае коммуникативный имплицат будет представлять собой дизъюнкцию таких предположений; и если список открыт, то понятие коммуникативного имплицата получает как раз ту степень неопределенности, какой многий реальные имплицаты, по-видимому, обладают на самом деле.

Раздел 10. Функционирование русского языка в Интернете

Г.Н. Трофимова.

Языковой вкус интернет-эпохи в России

***(функционирование русского языка в Интернете:
концептуально-сущностные доминанты)****

Языковая личность в виртуальном пространстве

В русскоязычном Интернете особенно ярко реализуется глубоко национальный характер русской языковой личности. Особенности сетевого мышления, помноженные на специфику русского менталитета, приводят к значительному ускорению в Интернете как смыслового восприятия, так и формирования замысла ответного речевого действия. Так, фазы вербального сличения и установления

смысловых связей между словами сокращаются в Интернете за счет углубления фаз смыслового прогнозирования и смыслоформулирования. Понимание замысла автора становится адекватно пониманию концепции текста, а низший - вербально-семантический - уровень в структуре процесса понимания становится практически мгновенным. Такой эффект достигается в связи с тем, что в виртуальной так называемой "вербальной сети" преобладающими становятся обобщенные концепты, выводящие языковую личность на высший мотивационный уровень. Причина данного явления заключается в особых коммуникативно-деятельностных потребностях виртуальной личности в Интернете как особенной сфере общения и деятельности участника интернет-сообщества, а также функционирования русского языка в сети. Носитель языка в новых условиях сетевой деятельности вынужден приспосабливать присвоенную им языковую систему к своим потребностям и возможностям в Интернете, что проявляется на всех уровнях языка: фонетика, лексика, стилистика и так далее. Известно, что языковая семантика прямо соотносится с объемом знаний о мире. В Интернете этот объем становится безграничным, что не может не отразиться на всех уровнях организации языковой виртуальной личности. Расширяется ассоциативно-семантический уровень, то есть лексикон, углубляется когнитивный уровень, отражающий картину мира в ее тезаурусе, существенно трансформируется мотивационный уровень, воплощающийся в сетевых текстах различных характеристик и задач. Причем "коммуникативная сеть" в Интернете стремится к активизации как вербализованной части, так и невербализованных компонентов, например, в виде системы смайлов. Организация лексикона по принципу ассоциативно-семантической сети явно перекликается с принципами построения сетевого гипертекста. На смену пассивному читателю-реципиенту текста в Интернете приходит "читатель-игрок", активно участвующий в творческом процессе, обладающий "параллельным восприятием" и создающий свои собственные тексты в чатах, форумах, гостевых книгах и т.д.

Формирование сетевой русскоязычной личности сопровождается языковым "обрусением" Рунета. Тексты, создаваемые и функционирующие в Интернете на русском языке, являются русскими по всем архетипичным концептуальным признакам, несмотря на новую структурность. Прецедентность сетевых текстов не вызывает сомнения, еще и потому, что они отвечают всем трем сформулированным Ю.Н.Карауловым признакам: значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, сверхличностный характер и неоднократное обращение к ним в дискурсе данной языковой личности*.

Известно, что одним из актуальных вопросов современного языкознания является исследование стыка между языком и речью, момента, в который зарождается человеческая мысль и формулируется тип ее реализации. Эта проблема пересекается с другой - проблемой так называемой "внутренней речи", которая существует в человеческом сознании в виде сжатых высказываний. Если согласиться с Ю.Н. Карауловым в том, что промежуточный язык есть язык представления знаний в человеческом интеллекте, то становится очевидным, что Интернет является реальной сферой функционирования русского языка именно в качестве данного промежуточного языка. Таким образом, мы получаем возможность исследовать особенности русского языка в Интернете с точки зрения активной деятельности языковой личности, чьи мотивационные характеристики становятся в сети еще более яркими и многогранными. В Интернете реально проявляется не только потребность языковой личности в активной деятельности и в коммуникации, но и по-новому раскрывается влияние данной потребности на творческие возможности и духовное развитие этой личности.

Именно в Интернете оказываются востребованными и взаимодействующими способы репрезентации естественного языка, которые сформулировал Ю.Н.Караулов*. Первым способом является совокупность текстов, как результат речевой деятельности носителя. Сюда относятся все виды текстов от художественного языка литературы до надписей на заборах. И в Интернете все они представлены в полном объеме. Второй способ - "системно-структурное образование, взаимоупорядоченный и взаимосвязанный, но статистический перечень возможностей текстовой его реализации, результат научного его осмысления и обобщения правил его использования в тексте" - существует в Интернете в виде сайтов, посвященных языковой грамотности. А третий способ, при котором язык готов стать результатом", то состояние, которое Гумбольдт назвал "энергейа" (деятельность), действительно проявляется в Интернете с особой силой,

обуславливая специфику сетевой языковой личности, прежде всего, в процессе интерактивной интернет-коммуникации.

Итак, массовое распространение новых компьютерных и информационных технологий выходит за рамки простого технологического прогресса, так как затрагивает существенные стороны человеческой личности, что проявляется и в трансформации ее языкового статуса. Интернет как новая сфера существования российского общества становится и новой сферой функционирования русского языка. Исследование специфики реализации речевых потребностей личности и массовой аудитории в Интернете затрагивает такие области человеческого знания, как философия, социология, психология и собственно языкознание. И именно на стыке этих наук возможно научное осмысление новой ситуации как в развитии языковой личности, так и самого русского языка.

Таким образом, языковая личность в Интернете представляет собой совокупность текстов, созданных как самими личностями, так и о них. Наиболее адекватные личностные характеристики, конечно, содержат тексты, самостоятельно произведенные личностью, особенно при спонтанном, неформализованном общении. Важно также еще и то, что в Интернете существует одновременно и прошлое и настоящее личности, так как тексты сохраняются во Всемирной паутине, и по ним можно проследить всевозможные умственные или эмоциональные трансформации, в совокупности составляющие изменяющуюся и, соответственно, живую, а не статичную личность. Более того, вынужденная позиционировать себя именно вербально (с минимальными невербальными дополнениями), личность проявляется в них наиболее откровенно. Скрываясь под псевдонимом, она не меняет, а, наоборот, более достоверно представляет себя. В отличие от других языков, в частности английского языка, где акцент делается на содержательной стороне, русскоязычная личность больше опирается на манеру высказывания, на те лингвистические средства, которые она выбирает для своей презентации. Данные тексты, или, по-другому, документы, организуются в единую гиперструктуру и могут, в зависимости от формулировки запроса поисковому серверу, перегруппировываться в министруктуры, объединяющие тексты, созданные разными личностями. Выполняемое при этом условие всестороннего толкования ключевого слова создает эффект приближения к истине.

Существующее в науке мнение о том, что по мере углубления в интернет-пространство в отношениях между людьми будет происходить замена личностей их образами, причем "не компьютеризация виртуализирует, а виртуализация компьютеризирует общество"*¹, вряд ли справедливо, так как язык всегда следует за развитием общества, а не наоборот. Интернет-пространство или киберпространство является моделью социума, где присутствие человека определяется лингвистически, и в этом заключается специфика данной реальности.

Не все исследовательские тексты, посвященные Интернету и размещенные в нем, одинаково заслуживают доверия и научного интереса. Однако в некоторых из них содержатся любопытные заявления, отражающие мнение тех, кто составляет в Интернете концептуально-сущностное ядро его "населения". Так, еще одна популярная и уважаемая фигура в Рунете - Вит Ценев (www.psyberia.ru), заявляет: "люди, которые используют сегодня всю мощь и силу Интернета в своей повседневной реальности, - это люди будущего. К этому придет каждый, раньше или позже, но они пришли уже сегодня, здесь и сейчас. Сегодня они живут в новом информационном пространстве, осваивают его, учатся с ним взаимодействовать. Что бы они ни делали в Сети - играли бы в игры, искали бы рефераты и курсовые работы, читали бы новости, болтали по интернет-пейджеру, слушали музыку прямо в Интернете, знакомились, участвовали в дискуссиях и виртуальных форумах - они первопроходцы новой информационной реальности, естествоиспытатели нашего ближайшего будущего, когда вы уже не отличите, где кончается человек и начинается компьютер".

Раздел 12. Актуальные языковые процессы

Законы развития языка

Обслуживая общество в качестве средства общения, язык постоянно претерпевает изменения, все более и более накапливая свои ресурсы для адекватного выражения смысла происходящих в обществе перемен. Для живого языка этот процесс естествен и закономерен. Однако степень интенсивности этого процесса может быть различной. И тому есть объективная причина: само общество - носитель и творец языка - по-разному переживает разные периоды своего существования. В периоды резкой ломки устоявшихся стереотипов усиливаются и процессы языковых преобразований. Так было в начале XX в., когда резко изменилась экономическая, политическая и социальная структура российского общества. Под воздействием этих перемен меняется, правда, более медленно, и психологический тип представителя нового общества, что также приобретает характер объективного фактора, влияющего на процессы в языке.

Современная эпоха актуализировала многие процессы в языке, которые в других условиях могли бы быть менее заметными, более сглаженными. Социальный взрыв не делает революции в языке как таковым, но активно влияет на речевую практику современника, вскрывая языковые возможности, выводя их на поверхность. Под воздействием внешнего социального фактора приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам, в том числе и опять-таки по социально-политическим причинам. Так, например, обнаружилось семантические и семантико-стилистические преобразования во многих лексических пластах русского языка, в грамматических формах и т.п.

В целом языковые изменения осуществляются при взаимодействии причин внешнего и внутреннего порядка. Причем основа для изменений заложена в самом языке, где действуют внутренние закономерности, причина которых, их движущая сила, заключена в системности языка. Но своеобразным стимулятором (или, наоборот, "тушителем") этих изменений является фактор внешнего характера - процессы в жизни общества. Язык и общество, как пользователь языка, неразрывно связаны, но при этом они имеют свои собственные, отдельные законы жизнеобеспечения.

Таким образом, жизнь языка, его история органично связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности. Так в языковом движении сталкиваются процессы саморазвития с процессами, стимулированными извне.

Каковы же внутренние законы развития языка?

Обычно к внутренним законам относят закон *системности* (глобальный закон, являющийся одновременно и свойством, качеством языка); *закон традиции*, обычно сдерживающий инновационные процессы; *закон аналогии* (стимулятор подрыва традиционности); *закон экономии* (или закон "наименьшего усилия"), особенно активно ориентированный на ускорение темпов в жизни общества; *законы противоречий* (антиномии), которые являются по сути "зачинщиками" борьбы противоположностей, заложенных в самой системе языка. Будучи присущими самому объекту (языку), антиномии как бы готовят взрыв изнутри.

К внешним факторам, участвующим в накоплении языком элементов нового качества, могут быть отнесены следующие: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники, международные контакты и т.п. Сюда же включается фактор активного действия средств массовой информации (печать, радио, телевидение), а также фактор социально-психологической перестройки личности в условиях новой государственности и, соответственно, степени адаптации ее к новым условиям.

При рассмотрении процессов саморегуляции в языке, происходящих в результате действия внутренних закономерностей, и учета воздействия на эти процессы внешних факторов необходимо соблюдать определенную меру взаимодействия этих факторов: преувеличение действия и значимости одного (саморазвития) может привести к отрыву языка от породившего его общества; преувеличение же роли социального фактора (иногда и при полном забвении первого) - к вульгарному социологизму.

Ответ на вопрос о том, почему решающим в языковом развитии (решающим, но не единственным) фактором оказывается действие внутренних законов, кроется в том, что язык является системным образованием. Язык - это не просто набор, сумма языковых знаков (морфем, слов, словосочетаний и т.п.), но и отношения между ними, поэтому сбой в одном звене знаков может привести в движение не только рядом стоящие звенья, но и всю цепь в целом (или ее определенную часть).

Закон системности обнаруживается на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом) и проявляется как внутри каждого уровня, так и во взаимодействии их друг с другом. Например, сокращение количества падежей в русском языке (шесть из девяти) привело к росту аналитических черт в синтаксическом строе языка - функция падежной формы стала определяться позицией слова в предложении, соотношением с другими формами. Изменение семантики слова может отразиться на его синтаксических связях и даже на его форме. И, наоборот, новая синтаксическая сочетаемость может привести к изменению значения слова (его расширению или сужению). Часто эти процессы бывают процессами взаимообусловленными. Например, в современном употреблении термин "экология" за счет разросшихся синтаксических связей существенно расширил свою семантику: *экология* (от греч. *oikos* - дом, жилище, местопребывание и ...логия) - наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой*. С середины XX в. в связи с усилившимся воздействием человека на природу экология приобрела значение как научная основа рационального природопользования и охраны живых организмов. В конце XX в. формируется раздел экологии - *экология человека* (социальная экология); соответственно появляются аспекты *экология города*, *экологическая этика* и др. В целом можно уже стало говорить об экологизации современной науки. Экологические проблемы вызвали к жизни общественно-политические движения (например, "Зеленые" и др.). С точки зрения языка, произошло расширение семантического поля, в результате чего появилось другое значение (более абстрактное) - "требующий защиты". Последнее просматривается в новых синтаксических контекстах: *экологическая культура*, *промышленная экология*, *экологизация производства*, *экология жизни*, *слова*, *экология духа*; *экологическая ситуация*, *экологическая катастрофа* и т.п. В последних двух случаях появляется новый оттенок значения - "опасность, неблагополучие". Так, слово со специальным значением становится широко употребительным, в котором путем расширения синтаксической сочетаемости происходят семантические преобразования.

Системные отношения выявляются и в ряде других случаев, в частности, при выборе форм сказуемого при существительных-подлежащих, обозначающих должности, звания, профессии и т.п. Для современного сознания, скажем, сочетание *Врач пришла* звучит вполне нормально, хотя здесь очевидно формально-грамматическое несоответствие. Форма меняется, ориентируясь на конкретное содержание (врач - женщина). Кстати, в данном случае наряду с семантико-синтаксическими преобразованиями можно отметить и влияние социального фактора: профессия врача в современных условиях распространена среди женщин столь же широко, как и среди мужчин, а корреляция *врач-врачиха* осуществляется на ином языковом уровне - стилистическом.

Системность как свойство языка и отдельного знака в нем, открытое Ф. де Соссюром, проявляет и более глубокие соотношения, в частности соотношение знака (означающего) и означаемого, которое оказалось небезразличным.

Закон языковой традиции, с одной стороны, представляется как нечто лежащее на поверхности, вполне понятное и очевидное. С другой стороны, его действие обнаруживает сложное переплетение внешних и внутренних стимулов, задерживающих преобразования в языке. Понятность закона объясняется объективным стремлением языка к стабильности, "охранности" уже достигнутого, приобретенного, но потенции языка столь же объективно действуют в направлении расшатывания этой стабильности, и прорыв в слабом звене системы оказывается вполне естественным. Но тут вступают в действие силы, не имеющие прямого отношения к собственно языку, но могущие наложить своеобразное табу на инновации. Такие запретительные меры исходят от специалистов-лингвистов и специальных учреждений, имеющих соответствующий правовой статус; в словарях, пособиях, справочниках, официальных предписаниях, воспринимаемых как социальное установление, имеются указания на

правомочность или неправомочность употребления тех или иных языковых знаков. Происходит как бы искусственное задерживание очевидного процесса, сохранение традиции вопреки объективному положению вещей [...]

[...] традиция может действовать избирательно и не всегда мотивированно. Еще пример: уже давно не говорят *две пары валенок* {валенок}, *сапогов* (сапог), *ботов* (бот), *чулков* (чулок). Но упорно сохраняется форма *носков* (а форма *носок* по традиции квалифицируется как просторечная). Особенно охраняется традиция правилами написания слов. Ср., например, многочисленные исключения в орфографии наречий, прилагательных и др. Главный критерий здесь - традиция. Почему, например, *с панталыку* пишется раздельно, хотя правило гласит, что наречия, образованные от существительных, исчезнувших из употребления, пишутся с предлогами (приставками) слитно? Ответ маловразумителен - по традиции, но традиция - охранная грамота давно ушедшего. Конечно, глобальное разрушение традиции может серьезно навредить языку, лишить его таких необходимых качеств, как преемственность, устойчивость, основательность в конце концов. Но частичная периодическая корректировка оценок и рекомендаций необходима.

Закон традиции хорош, когда он действует как сдерживающее начало, противодействующее случайному, немотивированному употреблению или, наконец, препятствующее слишком расширенному действию других законов, в частности - закона речевой аналогии (как, например, диалектное *путью* в твор. п. по аналогии с *жизнью*). Среди традиционных написаний есть написания в высшей степени условные (например, окончание прилагательных *-ого* с буквой *г* на месте фонемы <*v*>; написание наречий с *-ь* (*вскачь*, *наотмашь*) и глагольных форм (*пишешь*, *читаешь*). Сюда же можно отнести и традиционные написания существительных женского рода типа *ночь*, *рожь*, *мышь*, хотя в данном случае включается в действие и закон морфологической аналогии, когда *-ь* выступает в качестве графического уравнивателя парадигм склонения существительных, ср.: *ночь* - *ночью*, как *ель* - *елью*, *дверь* - *дверью*.

Закон традиции часто сталкивается с законом аналогии, создавая в некотором смысле конфликтную ситуацию, разрешение которой в частных случаях может оказаться непредсказуемым: либо победит традиция, либо аналогия.

Действие закона языковой аналогии проявляется во внутреннем преодолении языковых аномалий, которое осуществляется в результате уподобления одной формы языкового выражения другой. В общем плане это мощный фактор языковой эволюции, поскольку результатом оказывается некоторая унификация форм, но, с другой стороны, это может лишить язык специфических нюансов семантического и грамматического плана. В таких случаях сдерживающее начало традиции может сыграть положительную роль.

Сущность уподобления форм (аналогия) заключается в выравнивании форм, которое наблюдается в произношении, в акцентном оформлении слов (в ударении), отчасти в грамматике (например, в глагольном управлении). Особенно подвержен действию закона аналогии разговорный язык, тогда как литературный более опирается на традицию, что вполне объяснимо, так как последний более консервативен по своей сути.

На фонетическом уровне закон аналогии проявляется, например, в случае, когда вместо исторически ожидаемого звука в словоформе появляется другой, по аналогии с другими формами. Например, развитие звука *о* после мягкого согласного перед твердым на месте "ять": *звезда* - *звёзды* ... по аналогии с формами *весна* - *вёсны* [...]

[...] Аналогией может быть вызван переход глаголов из одного класса в другой, например, по аналогии с формами глаголов типа *читать* - *читаю*, *бросать* - *бросаю* появились формы *полоскаю* (вместо *полощу*), *махаю* (вместо *машу*), *мяукаю* (вместо *мяучу*) и др. Особенно активна аналогия в ненормированной разговорной и диалектной речи (например, замена чередований: *берегу* - *берегёшь* вместо *бережёшь* по образцу *несу* - *несёшь* и т.п.). Так идет выравнивание форм, подтягивание их к более распространенным образцам [...]

[...] Выравнивание форм под действием закона аналогии можно наблюдать и в грамматике, например в изменении глагольного и именного управления: так, управление глагола *поражаться* дат. п. (чему, вместо чем) возникло по аналогии с другими глаголами (*изумляться* чему, *удивляться* чему). Часто такие изменения оцениваются как ошибочные, недопустимые в литературном языке (например, под влиянием сочетания *вера в победу* возникло ошибочное сочетание *уверенность в победу* вместо *уверенность в победе*).

Особенно активным в современном русском языке оказывается действие **закона речевой экономии** (или экономии речевых усилий). Стремление к экономичности языкового выражения обнаруживается на разных уровнях языковой системы - в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе. Действие этого закона объясняет, например, замену форм следующего типа: *грузин* из *грузинец*, *лезгин* из *лезгинец*, *осетин* из *осетинец* (однако *башкирец* - ?); о том же свидетельствует нулевое окончание в родительном падеже множественного числа у ряда классов слов: *пять грузин* вместо *грузинов*; *сто грамм* вместо *сто граммов*; *полкило апельсин*, *помидор*, *мандарин* вместо *апельсинов*, *помидоров*, *мандаринов* и т.п.

Особенно большой резерв в этом отношении имеет синтаксис: словосочетания могут послужить базой для образования слов, а сложные предложения могут быть свернуты до простых и т.п. Например: *электропоезд* (*электрический поезд*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *гречка* (*гречневая крупа*) и т.п. Ср. также параллельное употребление конструкций типа: *Брат сказал, что придет отец.* - *Брат сказал о приезде отца.* Об экономичности языковых форм свидетельствуют разнообразные аббревиатуры, особенно если аббревиатурные образования приобретают постоянную форму наименований - существительных, способных подчиняться нормам грамматики (*вуз*, *учиться в вузе*).

Развитие языка, как и развитие в любой другой сфере жизни и деятельности, не может не стимулироваться противоречивостью протекающих процессов. **Противоречия** (или **антиномии**) свойственны самому языку как феномену, без них немислимы какие-либо изменения. Именно в борьбе противоположностей проявляется саморазвитие языка.

Обычно выделяют пять-шесть основных антиномий: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языковой системы; антиномия кода и текста; антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; антиномия двух функций языка - информационной и экспрессивной, антиномия двух форм языка - письменной и устной.

Антиномия говорящего и слушающего создается в результате различия в интересах вступающих в контакт собеседников (или читателя и автора): говорящий заинтересован в том, чтобы упростить и сократить высказывание, а слушающий - упростить и облегчить восприятие и понимание высказывания.

Столкновение интересов создает конфликтную ситуацию, которая должна быть снята путем поиска удовлетворяющих обе стороны форм выражения.

В разные эпохи жизни общества этот конфликт разрешается по-разному. Например, в обществе, где ведущую роль играют публичные формы общения (диспуты, митинги, ораторские призывные, убеждающие речи), в большей степени ощутима установка на слушающего. Античные риторика во многом построены с учетом именно этой установки. В них даются четкие правила для построения убеждающей речи. Недаром приемы риторики, организации публичной речи активно насаждаются в современной общественно-политической ситуации России, когда принцип гласности, открытого выражения своего мнения возводится в ведущий критерий деятельности парламентариев, журналистов, корреспондентов и др. В настоящее время появляются пособия и руководства, посвященные проблемам ораторской речи, проблемам ведения диалога, проблемам культуры речи, в понятие которой включается не только такое качество, как литературная грамотность, но и особенно выразительность, убедительность, логичность.

В другие эпохи может ощущаться явное господство письменной речи и ее влияние на процесс общения. Установка на письменный текст (преобладание интересов пишущего, говорящего), текст предписания преобладала в советском обществе, и именно ей была подчинена деятельность средств

массовой информации. Таким образом, несмотря на внутриязыковую сущность данной антиномии, она насквозь пронизана социальным содержанием.

Так конфликт между говорящим и слушающим разрешается то в пользу говорящего, то в пользу слушающего. Это может проявиться не только на уровне общих установок, как было отмечено выше, но и на уровне самих языковых форм - в предпочтении одних и отрицании или ограничении других. Например, в русском языке начала и середины XX в. появилось много аббревиатур (звуковых, буквенных, отчасти слоговых). Это было в высшей степени удобно для того, кто составлял тексты (экономия речевых усилий), однако в настоящее время все больше появляется расчлененных наименований (ср.: *общество защиты животных, управление по борьбе с организованной преступностью, общество художников-станковистов*), которые не отрицают употребление аббревиатур, но, конкурируя с ними, обладают явным преимуществом воздействующей силы, поскольку несут в себе открытое содержание. Очень нагляден в этом отношении следующий пример: в "Литературной газете" от 05.06.1991 г. помещено письмо патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, в котором дано резкое осуждение практики использования аббревиатуры РПЦ (Русская православная церковь) в нашей печати. "Ни дух русского человека, ни правила церковного благочестия не позволяют производить такую подмену", - пишет патриарх. Действительно, такая фамильярность в отношении к Церкви оборачивается серьезной духовной утратой. Наименование РПЦ превращается в пустой значок, не затрагивающий духовных струн человека. Алексий II так заканчивает свои рассуждения: "Надеюсь, что натужные сокращения типа РПЦ или бытовавших некогда "В. Великий" и даже "И. Христос" не будут встречаться в церковной речи".

Антиномия кода и текста - это противоречие между набором языковых единиц (код - сумма фонем, морфем, слов, синтаксических единиц) и их употреблением в связной речи (текст). Здесь существует такая связь: если увеличить код (увеличить количество языковых знаков), то текст, который строится из этих знаков, сократится; и наоборот, если сократить код, то текст непременно увеличится, так как недостающие кодовые знаки придется передавать описательно, пользуясь оставшимися знаками. Хрестоматийным примером такой взаимосвязи служат названия наших родственников. В русском языке для наименования различных родственных отношений в пределах семьи существовали специальные термины родства: *деверь* - брат мужа; *шурин* - брат жены; *золовка* - сестра мужа; *свояченица* - сестра жены, *сноха* - жена сына; *свекор* - отец мужа; *свекровь* - жена свекра, мать мужа; *зять* - муж дочери, сестры, золовки; *тесть* - отец жены; *теща* - мать жены; *племянник* - сын брата, сестры; *племянница* - дочь брата, сестры. Некоторые из этих слов (*шурин, деверь, золовка, сноха, свекор, свекровь*) постепенно были вытеснены из речевого обихода, выпали слова, но понятия-то остались. Следовательно, на их месте все чаще стали употребляться описательные замены (*брат жены, брат мужа, сестра мужа* и т.д.) Количество слов в активном словаре уменьшилось, а текст в результате увеличился. Другим примером соотношений кода и текста может служить соотношение термина и его дефиниции (определения). Определение дает развернутое толкование термина. Следовательно, чем чаще будут в тексте употребляться термины без их описания, тем короче будет текст. Правда, в данном случае сокращение текста при удлинении кода наблюдается при условии, когда не меняется число объектов наименования. Если же новый знак появляется для обозначения нового объекта, то строение текста не меняется. Увеличение кода за счет заимствований происходит в тех случаях, когда иноязычное слово может быть переведено только словосочетанием, например: *круиз* - морское путешествие, *сюрприз* - неожиданный подарок, *брокер (маклер)* - посредник при совершении сделки (обычно при биржевых операциях), *лонжа* - приспособление в цирке, страхующее артистов для исполнения опасных трюков, *кемпинг* - лагерь для автотуристов.

Антиномия узуса и возможностей языка (по-другому - системы и нормы) заключается в том, что возможности языка (системы) значительно шире, чем принятое в литературном языке употребление языковых знаков; традиционная норма действует в сторону ограничения, запрета, тогда как система способна удовлетворить большие запросы общения. Например, норма фиксирует недостаточность некоторых грамматических форм (отсутствие формы 1-го лица единственного числа у глагола *победить*; отсутствие противопоставления по видам у ряда глаголов, которые квалифицируются как двувидовые, и т.д.). Употребление компенсирует такие отсутствия, пользуясь возможностями самого языка, часто

привлекая для этого аналогии. Например, в глаголе *атаковать* словарно, вне контекста не различаются значения совершенного или несовершенного вида, тогда, вопреки норме, создается пара *атаковать - атаковывать* по аналогии с глаголами *организовать - организовывать* (форма *организовывать* уже проникла в литературный язык). По такому же образцу создаются формы *использовывать, мобилизовывать* и др., находящиеся только на стадии просторечия. Так норма сопротивляется возможностям языка. Еще примеры: система дает два типа окончания существительных в именительном падеже множественного числа - *домы/дома, инженеры/инженера, томы/тома, цехи/цеха*. Норма же дифференцирует формы, учитывая стиливые и стилистические критерии: литературно-нейтральное (*профессора, учителя, инженеры, тополя, торты*) и профессиональное (*торта, кожуха, мощности, якоря, редактора, корректора*), просторечное (*площадь, матеря*), книжное (*учители, профессоры*).

Антиномия, вызванная **асимметричностью языкового знака**, проявляется в том, что означаемое и означающее всегда находятся в состоянии конфликта: означаемое (значение) стремится к приобретению новых, более точных средств выражения (новых знаков для обозначения), а означающее (знак) - расширить круг своих значений, приобрести новые значения. Ярким примером асимметричности языкового знака и ее преодоления может служить история слова *чернила* с достаточно прозрачным значением (*чернь, черный - чернила*). Первоначально и конфликта не было - одно означаемое и одно означающее (*чернила - вещество черного цвета*). Однако со временем появляются вещества иного цвета для выполнения той же функции, что и чернила, так возник конфликт: означающее одно (*чернила*), а означаемых несколько - жидкости разного цвета. В результате возникли абсурдные с точки зрения здравого смысла сочетания *красные чернила, синие чернила, зеленые чернила*. Абсурдность снимается следующим шагом в освоении слова *чернила*, появлением словосочетания *черные чернила*; таким образом, слово *чернила* утратило сему *черное* и стало употребляться в значении "жидкость, используемая для письма". Так возникло равновесие - означаемое и означающее "пришли к согласию".

Примерами асимметричности языковых знаков могут служить слова *котенок, щенок, теленок* и др., если они употребляются в значениях "детеныш кошки", "детеныш собаки", "детеныш коровы", в которых нет дифференциации по признаку пола и потому одно означающее относится к двум означаемым. При необходимости же точного указания на пол возникают соответствующие корреляции - *теленки* и *телка, кошка* и *кот* и др. В таком случае, скажем, наименование *теленки* означает только детеныша мужского пола. Еще пример: слово *депутат* означает лицо по должности независимо от пола (один знак - два означаемых). То же и в других случаях, например, когда сталкиваются обозначения лица, существа и предмета: *бройлер* (помещение для цыплят и цыпленок), *классификатор* (прибор и тот, кто классифицирует), *мультипликатор* (устройство и специалист по мультипликации), *кондуктор* (деталь машины и работник транспорта) и т.п. Такое неудобство форм язык стремится преодолеть, в частности, путем вторичной суффиксации: *разрыхлитель* (предмет) - *разрыхлительщик* (лицо), *перфоратор* (предмет) - *перфораторщик* (лицо). Одновременно с такой дифференциацией обозначений (лицо и предмет) происходит и специализация суффиксов: суффикс лица *-тель* (ср.: *учитель*) становится обозначением предмета, а значение лица передается суффиксом *-щик*.

Возможная асимметричность языкового знака в наше время приводит к расширению значений многих слов, их обобщенности; это, например, обозначения различных должностей, званий, профессий, которые одинаково подходят к мужчине и женщине {*адвокат, летчик, врач, профессор, ассистент, директор, лектор* и др.}. Даже если и возможны коррелирующие формы женского рода при подобных словах, то они либо имеют сниженную стилистическую окраску (*лекторша, врачиха, адвокатша*), либо приобретают иное значение {*профессорша - жена профессора*}. Нейтральные коррелирующие пары более редки: *учитель - учительница, председатель - председательница*).

Антиномия двух функций языка сводится к противопоставлению чисто информационной функции и экспрессивной. Обе действуют в разных направлениях: информационная функция приводит к однотипности, стандартности языковых единиц, экспрессивная - поощряет новизну, оригинальность выражения. Речевой стандарт закрепляется в официальных сферах общения - в деловой переписке, юридической литературе, государственных актах. Экспрессия, новизна выражения более свойственна речи

ораторской, публицистической, художественной. Своеобразный компромисс (а чаще именно конфликт) обнаруживается в СМИ, особенно в газете, где экспрессия и стандарт, как считает В.Г. Костомаров, являются конструктивным признаком.

Можно назвать еще одну сферу проявления противоречий - это **антиномия устной и письменной формы языка**. В настоящее время в связи с возрастающей ролью спонтанного общения и ослаблением рамок официального публичного общения (в прошлом - подготовленного в письменной форме), в связи с ослаблением цензуры и самоцензуры изменилось само функционирование русского языка.

В прошлом достаточно обособленные формы реализации языка - устная и письменная - начинают в каких-то случаях сближаться, активизируя свое естественное взаимодействие. Устная речь воспринимает элементы книжности, письменная - широко использует принципы разговорности. Начинает разрушаться само соотношение книжности (основа - письменная речь) и разговорности (основа - устная речь). В звучащей речи появляются не только лексико-грамматические признаки книжной речи, но и чисто письменная символика, например: *человек с большой **буквы**, доброта **в кавычках**, качество со знаком **плюс (минус)*** и др.

Причем из устной речи эти "книжные заимствования" вновь переходят в письменную речь уже в разговорном варианте. Вот некоторые примеры: *Кулуарные договоренности мы оставляем за **скобками** *; Только медицинских работников, обслуживающих 20 клиентов вырезвителя, я насчитал 13 **плюс** психолог, **плюс** четыре консультанта *; Один из побочных эффектов этой так называемой фетальной терапии - общее омоложение организма, изменение в "**минус*** биологического возраста *; Эти очаровательные белокурые девочки в таких же синих, как и его костюм, пиджачках и юбочках, с белоснежными блузочками, в этих прекрасных ярко-оранжевых толсто надутых жилетах **тире** поясах, стали вдруг недоступны ему, как Царство Небесное *.*

Так границы форм речи становятся размытыми, и, как считает В.Г. Костомаров, появляется особый тип речи - книжно-устная речь.

Такая ситуация предопределяет усиление взаимопроникновения книжности и разговорности (устного и письменного), что приводит в движение соприкасаемые плоскости, рождая новое языковое качество на базе новых столкновений и противоречий. "Зависимость функционирования языковых средств от формы речи снижается, но возрастает их привязанность к теме, сфере, ситуации общения" (В.Г. Костомаров).

Все эти антиномии, о которых шла речь, являют собою внутренние стимулы развития языка. Но благодаря воздействию социальных факторов их действие в разные эпохи жизни языка может оказаться более или менее интенсивным и открытым. В современном языке многие из названных антиномий стали особенно активными. В частности, наиболее яркими явлениями, характерными. Для функционирования русского языка нашего времени, М.В. Панов считает усиление личностного начала, стилистический динамизм и стилистическую контрастность, диалогичность общения. Так, социо- и психолингвистические факторы оказывают влияние на особенности языка современной эпохи.

Хрестоматийные материалы

к разделу 1

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моде-лирование социального взаимодействия. М., 1987. С.88-125.
2. Верещагин Е.М., Ратмайр Р. Ройтер Т. Речевые тактики "призыва к откровенности" // Вопр. языкозн., 1992, №6. С. 39-56.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. С.217-237.

4. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.41. 1982. С. 327-337.
5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. - С. 151-169.
6. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 195-222.
7. Ыйм Х.Я. Прагматика речевого общения // Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985. С. 196-207.

К разделу 4

1. Валгина Н.С. Теория текста.- М.: "Логос", 2003: 7-11
2. Теория текста. Ее предмет и объект
3. Крылова О.А Лингвистическая стилистика. В 2 кн -
4. Книга 1. Теория.- М.: "Высшая школа", 2006: 220-223.
5. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.
6. Функциональные типы русской речи.- М.: "Высшая школа", 1982: 160-164.
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.
8. - М.: Изд-во "УРСС", 2003 г.: 128-130.

к разделу 5

1. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. - М.: РУДН 2005.
2. Языковая игра // Культура русской речи: энциклопедический словарь справочник / Под редакцией Л.Ю. Иванова и др. - М.: Флинта, 2003.

к разделу 6

1. Ремчукова Е.Н. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола: Учебное пособие. - М.: Флинта, 2004.
2. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. - М.: Русский язык, 2001.

к разделу 7

1. "Коммуникативный синтаксис"
2. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. -
3. М.: Изд-во РУДН, 1992.(с.10-17)
4. О.А.Крылова, Л.Ю.Максимов, Е.Н.Ширяев Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис.Пунктуация.- М.: Изд-во РУДН, 1997.- С.75-81.
5. И.И.Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения.- М.:Просвещение, 1976.- С.73-76

6. И.П.Распопов.Актуальное членение предложения (На материале простого повествования преимущественно в монологической речи) Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 1961.-С.9- 19.
7. Матезиус. О ТАК НАЗЫВАЕМОМ АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ // В сб.: Пражский лингвистический кружок/ Составление, редакция и предисловие Н.А.Кондрашова.- М.: Изд-во "Прогресс", 1967.- С.239-245.

к разделу 10

1. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. - М., 2004. - 289 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. - М., 2007. - с.278-282.

к разделу 12

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособ. для студентов вузов. - М.: Логос, 2001.
2. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. - М.: РУДН, 2005.